

Российская
академия
наук

Институт
славяно-
ведения

Исследования по славянской диалектологии

8

Восточнославянская
диалектология,
лингвогеография и
славянский контекст

Москва 2002

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
8**

**Восточнославянская диалектология,
лингвогеография и славянский контекст**

Москва 2002

Редколлегия издания «Исследования по славянской диалектологии»:

д.ф.н.Л.Э.Калнынь,
к.ф.н.М.И.Ермакова,
к.ф.н.Г.П.Клепикова

Ответственный редактор 8-го выпуска: д.ф.н.Л.Э.Калнынь

Рецензенты: д.ф.н.Т.С.Коготкова
к.ф.н.М.И.Ермакова

Статьи сборника посвящены характеристике восточнославянского диалектного континуума с точки зрения актуального в нем состава диалектных различий и тому, как это отражается на классификации восточнославянских диалектов. Проблема рассматривается на материале языковых явлений разного уровня. Анализируются также некоторые особенности социально сниженных, но не диалектных, форм языка, а также результаты межязыковой интерференции на диалектном уровне. Материал сборника представляет интерес для широкого круга лингвистов-славистов.

The articles presented in the book are devoted to defining the characteristic features of the Eastern Slavic continuum from the point of view of actual set of dialectological differences. The authors also consider the influence of these features on the classification of Eastern Slavic on linguistic phenomena of different levels. Special attention is paid to certain peculiarities of the socially denigrated, but not dialectic forms of language, as well as to the results of interlinguistic interference on the dialectal level. The essays of this collection may be interesting to the wide circle of specialists on Slavic linguistics.

ISBN 5-7576-0140-X

© Институт Славяноведения РАН, 2002

Содержание

Предисловие.....	5
Preface	8
<i>Калнынь Л.Э.</i> Восточнославянская лингвогеография и ее отношение к славянскому континууму.....	11
<i>Попова Т.В.</i> “Восточнославянские изоглоссы” и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума.....	18
<i>Клепикова Г.П.</i> Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения.....	27
<i>Пшеничнова Н.Н.</i> Дискретность и континуальность русского диалектного пространства	46
<i>Пожарицкая С.К.</i> Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка.....	59
<i>Букринская И.А., Кармакова О.Е.</i> Лингвогеографическое изучение восточнославянской лексики	69
<i>Ананьева Н.Е.</i> Восточнославянские элементы в <i>Атласе польских говоров Литвы, Белоруссии и Украины</i>	76
<i>Останчук О.А.</i> К вопросу о взаимодействии восточнославянских и польского языков (на примере польских говоров Центральной Украины)	88
<i>Мицлос Р.Ф.</i> Использование неточной редупликации в русском языке: этнолекты и разговорная речь	102
<i>Журавлев А.Ф.</i> Лексикографические фантомы. 7.СРНГ, П.	120
<i>Касаткина Р.Ф.</i> Интонационное оформление вопросительных высказываний в одном западно-калужском говоре	132

<i>Николаев С.Л.</i> Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров.....	142
<i>Тер-Аванесова А.В.</i> Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а-склонения в восточнославянских диалектах.....	168
<i>Рыко А.И.</i> Новые данные о семантико-синтаксическом распределении флексий 3 л. презенса в северо-западных русских говорах: полипредикативные структуры.....	210
<i>Толстая М.Н.</i> Опыт составления толкового словаря говора	231
Приложение. Список научных трудов Г.П. Клепиковой.....	245

Предисловие

В данном выпуске ИСД опубликованы материалы проведенного в Институте славяноведения РАН (июнь 2000 г.) круглого стола на тему «Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст».

Актуальность предложенной тематики обусловлена характером современного состояния славянской диалектологии как специального раздела славянского языкознания. Завершена или находится в состоянии близком к завершению работа по составлению диалектных атласов славянских языков, ведется работа над региональными и тематическими атласами.

Атлас показывает/уточняет территориальную прикрепленность компонентов диалектных различий, включенных в вопросник любого атласа. Но сама по себе эта картина не является конечной целью атласа. Ее назначение состоит в том, чтобы стать аргументом в решении лингвистических задач диахронического и синхронного плана.

Следует также иметь в виду, что в течение того времени, когда составляется атлас, изучение/обследование диалектов соответствующего языка продолжается. И нередко обнаруживаются факты, не нашедшие отражение в атласе, поскольку ранее они или не были известны или им не придавалось должного значения. Соотнесение этих фактов с данными атласов может внести коррективы в представление о диалектном членении соответствующего региона и его динамике.

Круг обозначенных вопросов было решено обсудить на материале восточнославянских диалектов. Эти диалекты основательно изучены в лингвогеографическом плане – кроме национальных атласов имеется их обобщение в виде «Восточнославянских изоглосс», существуют многочисленные монографические описания диалектов. Обращение к восточнославянской проблематике соответствует также тому интересу к ней, который в течение многих лет определял исследовательские планы Института славяноведения РАН.

В соответствии со сказанным, предполагалось обсудить те новации, которые обозначились в современной русской и шире – восточнославянской диалектологии за последние годы. Имелись в виду сообщения о ранее неизвестных явлениях в диалектах, интерпретация имеющихся диалектных карт через призму включения их в более широкое диалектное пространство.

Статьи, основанные на прочитанных докладах, составляют данный выпуск ИСД и группируются следующим образом.

Восточнославянские диалекты, как целостный объект исследования, рассматриваются через призму результатов лингвогеографической интерпретации других славянских языков.

Л.Э.Калнынь показывает, что включение восточнославянских диалектов в общеславянский континуум обнаруживает такие диалектные различия, которые дают повод для коррекции представлений о генезисе разных восточнославянских диалектов и их месте в диалектной классификации.

Т.В.Попова, проведя рекартографирование трех национальных атласов на разных языковых уровнях, выявляет ряд восточнославянских ареалов, не совпадающих с границами отдельных языков. Установлены изоглоссы, позволяющие предполагать, что праукраинские диалекты в период так называемого древнерусского единства имели развитие, отличное от других правосточнославянских диалектов.

Г.П.Клетикова, устанавливая специфику особенностей говоров региона Карпат, использует эти данные в качестве аргумента в решении проблемы формирования карпато-балканской языковой общности конвергентного типа.

Н.Н.Пшеничникова, проведя анализа большого количества диалектных систем с применением компьютерных методов, характеризует русский диалектный ландшафт с точки зрения континуальности и дискретности. Мерой континуальности ландшафта является постепенность перехода от одной группы говоров к другой. Отношения дискретности, напротив, выражены резким контрастом между группами говоров. Исследование основано на полном корпусе отраженных в ДАРЯ русских диалектных различий, независимо от частоты их реализации.

Проблему классификации русских говоров обсуждает также *С.К.Пожарицкая*. Поводом для постановки вопроса является отсутствие на картах ДАРЯ сведений о диалектах Архангельской области, расположенных севернее границы русского атласа. Между тем эти говоры, обладая специфическими чертами, нуждаются в характеристике с точки зрения принятой в русской диалектологии классификации. Показаны некоторые возможности составления такого рода характеристик.

Предметом рассмотрения в представленных статьях является диалектная лексика и лексикография.

И.А.Букринская и *О.Е.Кармакова* обращают внимание на то, что специфику русских говоров «центральной диалектной зоны» образует известное лексическое сходство с северо-западными русскими говорами, с одной стороны, и с некоторыми южнославянскими, с другой.

А.Ф.Журавлев в своей статье продолжает критическое рассмотрение материалов «Словаря русских народных говоров (буква П)».

М.Н.Толстая изложила принципы составления толкового словаря одного говора на основе материала, собранного в ходе многолетних

обследований говора с.Сенивир Межгорьевского р-на Закарпатской обл. При определении значения слова максимально используются метаязыковые комментарии самих диалектоносителей.

Значительное внимание уделено грамматическим особенностям русских диалектов. Это важно, так как вопреки кажущейся изученности морфологии диалектов многие вопросы остаются спорными. Важно, что в статьях приводятся новые данные.

А.И.Рыко показывает, что вариативное употребление глагольных флексий *preas 3 sg -m/0* в северо-западных русских говорах непосредственно связано с семантикой всего контекста высказывания. Выделены семантические типы, влияющие на выбор флексии.

В статье *А.В.Тер-Аванесовой* рассматриваются особенности именной *a*-пардигмы в той ее части, которая образована Gen, Dat, Loc. Автор привлекает большой материал восточнославянских диалектов.

Проблемы фонетики также отражены в предлагаемом сборнике.

С.Л.Николаев дает обзор основных направлений его исследований в области инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров.

Р.Ф.Касаткина, проведя инструментальный анализ интонации вопроса в западно-калужском говоре, выявила сходство в этом плане с украинским литературным языком. Это дает повод для предположения о существовании интонационной изоглоссы, объединяющей западную часть южнорусских говоров с более западным регионом Славии.

В сборнике имеются статьи, посвященные контактам польских диалектов с восточнославянскими.

Н.Е.Ананьева сообщив о проекте атласа польских периферийных говоров, показала некоторые результаты восточнославянского влияния, особенно в сфере лексики, на *polszczyznę kresową*.

О.А.Остачук анализирует результаты восточнославянского влияния на польские говоры, расположенные на Украине. Явления интерференции наиболее заметны в сфере фонетики и лексики. В то же время иноязычное влияние способствует усилению некоторых собственных тенденций развития польской диалектной системы.

Статья *Ф.Минлоса* посвящена рассмотрению такого признака сниженных форм русского языка (просторечие, этнолект), как значащая, мотивированная редупликация. В качестве объекта изучения выбраны редупликации, применяемые к существительным и имеющие два компонента – препозициональный и оценочный. Среди использованных материалов привлекаются тексты из Интернета.

Л. Калнынь

Preface

Present issue of the Studies in Slavic Dialectology includes the papers, presented at the round table in the Institute of Slavic Studies "Eastern Slavic Dialectology, Linguistic geography and the Slavic Context" in June 2000.

The importance of the topic under discussion is determined by the current state of Slavic dialectology as a subdivision of Slavic linguistics. The compilation of the Slavic Dialectological atlases is close to completion. Regional and thematical atlases are initiated.

The atlas shows and precisely outlines the territorial attribution of the components of dialectal differences, which have been included into the questionnaire. But to show that picture was not the main goal of the atlas. Its purpose is to become an argument in solving the linguistic problems of diachronic and synchronic essence.

One must keep in mind, that during the compilation of the atlas, the research on different dialects of respective languages was going on. Sometimes the new findings were not reflected in the atlas. The correlation of the new facts and the contents of the atlas may help to correct the idea of a certain region's dialectal division and its dynamics.

The abovementioned problems were discussed in connection to the Eastern Slavic dialects. They have been properly studied from the point of view of linguogeography. But for the national atlases, there exists a general summary – "Eastern Slavic Isoglosses" and many monographic pieces of research. The interest to the Eastern Slavic problems is related to the general academic plans of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

The scholars present at the round table decided to discuss the innovations in the contemporary Russian and Eastern Slavic dialectology which have emerged during the last years. First of all, there were presentations devoted to the new developments in some dialects and to interpretation of the dialectological maps from the point of view of including them into a broader dialectological surroundings.

The articles based on the papers presented are published in the current issue.

L.E.Kalnyn shows, that the inclusion of Eastern Slavic dialects into the general Slavic continuum reveals such dialectal differences, which give grounds to correct present ideas about the genesis of Eastern Slavic dialects and their place in the dialectal classification.

T.V.Popova has conducted remapping of three national atlases on different linguistic levels defines a number of Eastern Slavic areas which do not coincide

with the borders of certain languages. She has defined isoglosses which allow to suppose that parent Ukrainian dialects of the so called ancient Russian unity period developed in a specific way, different from the general parent Eastern Slavic dialectal patterns.

G.P.Klepikova outlines the specific features of the Carpatian dialects. She uses the data of research as an argument in solving the problem of formation of Carpatian-Balkan linguistic unity of convergent type.

N.N.Pshenichnova has analysed a considerable number of dialect systems using the computer technology. She describes the Russian dialectal landscape from the point of view of continuity and discretion. The degree of transition from one dialect to another is considered to be the measure of continuity of landscape. The relations of discretion, on the contrary, are explicated as an abrupt change from one dialect to another.

The problem of classification of Russian dialects is discussed by *S.K.Pozharitskaya*. The absence of data on the dialects of Archangelsk oblast served as an impetus to this research. These dialects need to be classified according to the methods accepted in Russian dialectology. The author shows some features of the dialects which help to conduct such classification.

Some articles analyze the dialectal lexicology.

I.A.Bukrinskaya and *O.E.Karmakova* pay attention to the fact, that the Russian dialects of the "central dialectal zone" constitute certain similarity with the North-Western Russian dialects, on the one hand, and some Southern Slavic dialects, on the other.

A.F.Zhuravlev continues the critical analysis of the "Dictionary of Russian Folk Dialects" (letter "P").

M.N.Tolstaya has revealed the principles of compiling a defining dialect's dictionary, based on the data collected during many years of studies in the village in Zakarpatskaya oblast. Metalinguistic commentaries are widely used to define the utmost correct meaning of the word.

Special attention is paid to the grammatical peculiarities of the Russian dialects. It is important, because the level of dialects' morphological research only seems to be adequate, and many problems remain disputable.

A.I.Ryko shows, that the variant usage of *-i/o* flexion in North-Western Russian dialects is directly linked to the semantic of the general expression context. The authors defines semantic types, which influence the choice of flexion.

In the article of *A.V.Ter-Avanesova* examine the peculiarities of a name *a*-paradigm in its part, formed by Gen, Dat, Loc. Author analyses wide scope of Eastern Slavic dialectal documentation.

The current issue also reflects phonetic problems.

S.L.Nikolaev reviews the main trends of his research in the field of instrumental phonetical studies and prosody of Eastern Slavic dialects.

R.F.Kasatkina has instrumentally studied the interrogative intonation in Western-Kaluga dialect, and has revealed similarity with the Ukrainian literary language. Such a conclusion allows to suppose, that there exists an intonational isoglottic line which unites the Western part of Southern Russian dialects with a far Western part of Slavia.

There are articles devoted to the contacts between Polish and the Eastern Slavic dialects.

N.E.Ananyeva reports about the implementation of an atlas of Polish outlying dialects and has shown the results of Eastern Slavic influence, especially in the lexical sphere.

O.A.Ostapchuk reviews the results of Eastern Slavic influence on Polish dialects in Ukraine. The interference is especially obvious in the fields of phonetics and lexicology. At the same time the influence of foreign language provides the strengthening of a dialectal system's own tendencies of development.

F.Minlos examines such signs of depressed forms of Russian language (vernacular, ethnolect) as a meaningful, motivated duplication. The author has selected prepositional and evaluative reduplications applicable to nouns as an object of research. The data used by the author includes some Internet materials.

L. Kalnyn

Л.Э. Калнынь

Восточнославянская лингвогеография в ее отношении к славянскому континууму

Уровень развития современной восточнославянской лингвогеографии позволяет взглянуть с новых позиций на некоторые традиционно принятые представления о месте восточнославянских языков в славянском сообществе, вообще, и об их взаимном соотношении, в частности. Ситуация определяется следующими обстоятельствами:

1) опубликованы три восточнославянских атласа, [АУМ 1; АУМ 2; АУМ 3; ДАБМ; ДАРЯ] два из которых (русский и белорусский) сделаны на основе одинаковых принципов;

2) данные этих атласов обобщаются в виде серийного издания «Восточнославянские изоглоссы» [ВСИ 1995; 1998; 2002];

3) материалы по диалектам всех трех языков, обследованным по Вопроснику ОЛА [Вопросник 1965], представлены в картотеке ОЛА.

Эти обстоятельства создают предпосылки для того, чтобы рассматривать восточнославянскую территорию как целостный диалектный континуум. Можно отметить, что такой подход к изучению восточнославянских диалектов не является абсолютно новым – «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (Пг. 1915) в качестве единого диалектного пространства объединял русскую, украинскую и белорусскую языковые территории.

Объединение территорий разных языков в качестве объекта лингвогеографической интерпретации не означает простого суммирования диалектных различий, представленных на национальных картах. Принципиально может меняться состав актуальных диалектных различий. Явления, не имеющие дифференцирующего значения в рамках одного языка, при расширении картографируемой территории, становятся компонентом диалектного различия, реализующегося на этой территории. Это обстоятельство может стать поводом для внесения существенных корректив в представление о специфике развития соответствующих диалектов и их месте в диалектной классификации.

В подтверждение этого напомним (поскольку мне уже приходилось об этом писать), что весьма эффективным примером получения новой информации о генезисе восточнославянских диалектов является картографирование на восточнославянской территории рефлексов прасл.

сочетаний *tʎlt, *tʎlt (*долг, челн, толст*). В ОЛА теме этих сочетаний посвящены специальные карты [ОЛА 1994].

Вопрос о рефлексах данных сочетаний во всех трех восточнославянских языках задается только в Вопроснике ОЛА; есть вопрос в программе белорусского атласа; нет – в украинской и русской программах, поскольку здесь с данным явлением не ассоциируются представления о диалектных различиях.

По-иному выглядит картина в общевосточнославянском масштабе. В условиях правила открытого слога в позиции перед слогоразделом интерконсонантные сочетания tʎl, ʎl имели статус слогаобразующего дифтонга. Но при этом праукраинские и прабелорусские говоры отличались тем, что в них правило вокального завершения слога было более настоятельно выражено, чем в прарусских говорах. Происходило повышение вокализованности дифтонга, что достигалось превращением латерального велярного сонанта l в билабиальный спирант ʎ. Получился нисходящий дифтонг tʎ, ʎ (в дальнейшем это дало *тоўстий, жоўтий*).

Доказательством того, что в праукр. и прабелорус. изменение l > ʎ происходило именно на стадии сочетаний *tʎlt, *tʎlt, является то, что во вновь возникших после падения редуцированных сочетаниях латерального сонанта с последующим согласным не происходило изменение l > ʎ (*палка, веселка*). Ограниченность этой фонетической мены праславянскими сочетаниями ведет к тому, что в синхронном плане не обнаруживается связь между ʎ, w и l в морфемах *toʎst, doʎg, žeʎt*. Поэтому в укр. говорах возможно изменение ʎ > v в словах такого типа: *'vovna, 'dovhi, 'čoven, 'žovty*; оглушение ʎ в *stoʎp* – примеры из [ОЛА 1994].

Такое развитие праукраинских и прабелорусских сочетаний *tʎlt, *tʎlt, отражая особое отношение к вокальности слога, отличает эти говоры не только от прарусских диалектов, но и выделяет их вообще в рамках славянского континуума. В других местах Славии нигде нет такого ограничения замены l билабиальным спирантом – это отчетливо показывают соответствующие карты ОЛА [ОЛА 1994].

Специфика украинского и белорусского развития сочетаний *tʎlt, *tʎlt выявляется только при расширении территории картографирования данного явления. Лишь в обобщенном восточнославянском контексте выявляется специфическое устройство слога в праукраинских и прабелорусских говорах. Здесь слог более категорически настаивает на своем вокальном завершении. И это относится к периоду до падения редуцированных, т. е. к состоянию, которое принято определять как древнерусское единство. Приведенные лингвогеографические данные не вполне согласуются с идеей этого единства. Не случайно А.А.Шахматов стремился включить лабиализацию латерального сонанта в *tʎlt, *tʎlt в общий процесс изменения

l перед согласными, т.е. вообще в позицию конца слога. Отсутствие же изменения l > ʎ в новых сочетаниях А.А.Шахматов объяснял разными причинами, среди которых его излюбленный аргумент – аналогия [Шахматов 1915, 308]. И это понятно – особое развитие сочетаний *tʎlt, *tʎlt слишком явно противоречит идее общерусского единства.

Другой пример проявления различий в развитии разных групп восточнославянских диалектов, относящийся к достаточно раннему периоду – это рефлексация праславянских сочетаний типа *tʎt, *tʎt (*кровь, слезы, блохи*) в ее лингвогеографическом отражении.

Согласно принятому мнению, эти сочетания после утраты редуцированных прошли стадию силлабизации сонанта [Шахматов 1915, 333; Иванов 1983, 176]. Дальнейшее развитие в восточнославянских говорах состояло в выделении гласного после сонанта. Под ударением это были гласные o, e (*дрóв, блóх, слéз*), а в безударных слогах образовалось различие – o, e в прарусских диалектах, u, i в праукраинских и прабелорусских. Выделение при сонанте гласных i, u считается наиболее веским аргументом в пользу существования стадии слоговых сонантов, поскольку гласные i, u в этой позиции не могут быть прямо возведены к *ʎ, *ь.

Кроме того, могло быть различным положение гласного относительно сонанта – в русских, белорусских это SonV (*кровоáвый, дры́в*), а в украинских возможна также последовательность VSon (*кирва́вий*).

Картографирование рефлексов названных сочетаний на восточнославянском пространстве в целом делит этот континуум не на два, как предполагалось (т.е. украинский, белорусский, с одной стороны, и русский, с другой), а на три региона.

В русских говорах безысключительно представлены безударные гласные o, e (*кровоáвый, слезá*). В белорусских – с такой же последовательностью выступают ы, i (*кыва́вий, слизá*).

А в украинских диалектах подобного единообразия нет. В целом здесь комбинируется русский и белорусский принципы развития безударных прасл. сочетаний *tʎt, tʎt, т.е. фиксируются как u, i, так и o, e в безударных слогах. Украинская рефлексация этих сочетаний исключительно индивидуализирована по отдельным морфемам – в одном и том же регионе может быть представлено разное развитие одного и того же сочетания в разных морфемах. На картах АУМ это явление обозначено многими пересекающимися изоглоссами [АУМ 1. Карты 84, 150 186; АУМ 2. Карты 66-71; АУМ 3. Ч.4, с.236]. При этом украинские диалекты имеют рефлексы принципиально отличные от русских и белорусских – это последовательности *ир/ыр* (*кирва́вий, дыва́*). Кроме того, в украинских говорах региона Карпат возможны гласные ы, и под ударением (*блѣха, брѣва, обѣрви, дѣрва, сѣлзы*).

В целом проекция рефлексов сочетаний типа *tr̥t̥, *t̥t̥ на восточнославянскую территорию выделяет украинский регион, как имевший тип развития, отличающийся как от русского, так и белорусского. Но в некоторых своих проявлениях эта специфика украинских диалектов обнаруживает сходство с восточнословацкими говорами. Именно там варьируется последовательность SonV~Vson, выступает гласный *i*, *y* под ударением (*blich̥a-bol̥cha*, *slyza-selza*, *kref-kiry*, *krest-kerst* – примеры из [Pauliny 1963, 166]).

Можно привести и другие примеры особого положения украинских диалектов в восточнославянском пространстве и их тяготения к западно- и южнославянской среде.

Так, украинские говоры в своей юго-западной части выделяются высокой частотой протезы перед инициальным гласным *o. Сходство в этом плане обнаруживается с чешскими, серболужицкими и некоторыми словенскими говорами. Все они территориально отдалены от украинских.

При этом украинские и отчасти белорусские говоры отличаются от всех прочих достаточно высокой частотой употребления заднебной/фарингальной протезы перед инициальным *o* (типа *hóstryj*, *hógon'*, *hócet*). За пределами украинских и белорусских говоров аналогичное явление на карте ОЛА отмечено только в одном серболужицком пункте и в одном словенском и только как единичные варианты.

Если считать, что заднебной/фарингальный спирант ассоциируется с придыханием, изначально лежащем в основе протезы перед инициальным гласным, то надо будет признать, что украинские и белорусские говоры репрезентуют по этому признаку наиболее архаический регион Славии.

Сходство с польскими диалектами эксплицируется стабилизацией вокального компонента слова как определенного количества мор. Это достигается путем заменительного удлинения гласных в новых закрытых слогах после падения редуцированных. Качество гласных, развившихся в закрытых слогах, в украинских говорах исключительно многообразно – это разного рода монофтонги и дифтонги. Специфика украинских диалектов состоит и в том, что они обладают системами вокализма не свойственными другим восточнославянским диалектам. Но в то же время сходство обнаруживается с сербскими говорами. Так, гуцульский трехподъемный вокализм с противопоставлением по ряду на всех подъемах (*i - y - e - o - ε - a*) имеет аналогию в сербских говорах и, по определению, данному в [Трубецкой 1960, 123], репрезентует архаический тип вокализма.

Противопоставление по ряду верхних лабиализованных гласных (*c'ýl - суд*) имеет аналогию в болгарских говорах.

Сходство с южнославянским регионом просматривается и в том, что в украинских говорах был иной, чем в других восточнославянских, механизм

воздействия передних гласных на предшествующий согласный. Повышение тона согласного имело место не перед всеми передними гласными (аккомодация согласного гласному), а только перед *ě, *e перед *e в закрытом слоге. Позиция перед гласными *e, *i и перед сильным *ь изначально не вызывала мягкости предшествующих согласных. Это заставляет предполагать, что в основе смягчения согласных лежит уподобление не просто переднему гласному, а такому, который был напряженным. Это относится к артикуляции *ě, *e, а также к *e, ставшему напряженным благодаря компенсационной долготе в закрытом слоге. Напряженность артикуляции, ассоциируясь с повышением подъема гласного, осложняет переключение согласного в гласный. Ситуация разрешается повышением тона согласного.

Мягкость согласного, за которым следовал утраченный (слабый) *ь, имеет другую природу – ожидание уже не произносимого переднего гласного провоцировало повышение тона согласного (конец слова, позиция перед велярными согласными).

Таким образом, современная лингвогеография дает основание полагать, что по ряду фонетических особенностей украинские диалекты тяготеют к западным и южнославянским диалектам и отличаются от других восточнославянских.

Диалектная карта большой территории не только дает основания для новой интерпретации известных языковых явлений. Большое пространство само по себе обнаруживает такие особенности диалектного ландшафта, объяснение которых отнюдь не лежит на поверхности. Это касается прежде всего разного уровня диалектной дифференциации отдельных регионов на карте.

Сосредоточение в регионе многих диалектных различий, состоящих к тому же из большого количества компонентов, создает диалектную дробность и пестроту региона. Эффект дробности тем выше, чем меньше территория, где сосредоточены эти различия. На карте это выражается в том, что почти при каждом пункте стоит разный знак.

Обратная, достаточно монотонная картина создается, когда на большой территории представлен один компонент диалектного различия – на карте это выражается постановкой одного знака на территории, охватывающей иногда сотни пунктов.

Этот контраст по уровню диалектной дробности между разными регионами отчетливо просматривается на фонетических картах [ОЛА 1988, 1990а, 1990б, 1994].

Максимум диалектной пестроты сосредоточен на юго-западе и западе славянской территории. В особенности это касается словенских и серболужицких говоров.

В качестве иллюстрации фонетической дробности словенских диалектов в [Ramovš 1995, 97,99] приводится фонетика континуанта *čelo –

варьируются все сегменты, следующие после начальной аффрикаты, тип ударения, место ударения. Всего приводится 44 варианта этого слова.

В серболужицких говорах на 4 пункта зафиксировано 4 типа рефлексии *e, три типа рефлексии *ě [Michalk, Sperber 1983].

Восточнославянская же часть карт ОЛА в целом показывает достаточно монотонную картину. В русских говорах самым распространенным рефлексом *ě является *e*. Рефлекс «не *e*» расположен на северо-востоке карты и в небольших ареалах, часто варьируясь с *e*. В укр. говорах абсолютно преобладает *i* из *ě. Рефлексом *e на восточнославянской территории, исключая часть юго-западных украинских говоров, является *a*.

Абсолютно однообразно представлен рефлекс *o под ударением в открытом слоге на всей восточнославянской территории. То же можно наблюдать в сербских, македонских и чешских говорах (в данном случае не имеем в виду различие по вокальному количеству). В говорах с подвижным ударением некоторое разнообразие в ландшафт вносит специфика безударного вокализма.

Диалектная дробность в принципе лучше поддается объяснению, чем однообразие больших территорий.

Как кажется, в некоторых случаях диалектная дробность может быть связана с факторами социальными. Конкретно, это может быть давление на диалекты иных языков, с которыми данные диалекты соседствуют. Сопrotивляясь иноязычному влиянию, говоры небольших территорий, иногда отдельных пунктов, как бы консервируют свои особенности (замирают в своем состоянии). Это положение бесспорно приложимо к серболужицким говорам, существующим в течение столетий в условиях давления со стороны немецкого языка.

При объяснении дробности словенских говоров существенное значение придается особенностями горного ландшафта, препятствующего общению и нивелированию диалектов [Sławski 1962, 36]. Но думается, что здесь, как и в равнинной Лужице, известную роль играло соприкосновение с итальянским и немецким языками. Балканский ландшафт вообще горный, но в других языках такой диалектной пестроты нет.

Более сложным является вопрос о причинах однообразного развития диалектов на большой территории. Обращаясь к периоду первоначального изменения *ě, *e в восточнославянских диалектах, трудно предположить, что на территории древней Руси интенсивность общения, побуждающая к унификации фонетического процесса, была выше, чем в других местах Славии. Разобщенность носителей древнерусских диалектов в условиях большой территории, покрытой лесами, и наличия степи должна была быть достаточно велика. Но русские изоглоссы выделяют обычно большие группы диалектов. Поэтому весьма интересно найти структурное объяснение тех

причин, которые обусловили унифицированное развитие фонетики диалектов на большом восточнославянском пространстве.

Литература

- [АУМ] – Атлас української мови. Т.1. Київ, 1984; Т.2. Київ, 1988; Т.3 Київ, 2001.
 [Вопросник 1965] – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
 [ВСИ] – Восточнославянские изоглоссы. М., 1995; М., 1998; М., 2000 (в печ).
 [ДАБМ] – Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Мінск, 1973.
 [ДАРЯ] – Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. В.1. М., 1986.
 [Иванов 1983] – Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
 [ОЛА] – Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Вып.1. Белград, 1988; Вып.2а. М., 1990; Вып.2б. Wrocław, 1999; Вып.3. Warszawa, 1994.
 [Трубецкой 1960] – Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
 [Шахматов 1915] – Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
 [Michalk, Sperber 1983] – Michalk F., Sperber W. Wopisanje fonologiskich systemow nerěčow serbskich informaciskich dypkow w Slowjanskim rěčnym atlasu // Lětopis. Rjad A, č. 30/1. Bautzen, 1983.
 [Pauliny 1963] – Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
 [Ramovš 1995] – Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. Ljubljana, 1995.
 [Sławski 1962] – Sławski F. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962.

Summary

Eastern Slavic Linguistic Geography in Its Relation to the Slavic Continuum

The phenomena, which have no differentiating importance the limits of one language, become the component of dialectical differences, when the borders of the mapped territory broadens to the scope of the whole Slavia. In this way considerable corrections can be introduced into the understanding of the dialects' genesis and their place in the dialectical classification. The problem is illustrated by the analysis of reflexation of certain common Slavic elements.

The author discusses the reasons of different dialectical variation in particular regions of Slavic.

Т.В. Попова

«Восточнославянские изоглоссы» и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума

Коллективный труд “Восточнославянские изоглоссы” (далее ВСИ) является первой работой, посвященной изучению в лингвогеографическом аспекте одной, восточной, группы славянских языков (это русский, украинский и белорусский языки вместе взятые). В настоящем труде исследуются те диалектные явления из области фонетики, морфологии, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики, которые можно считать достаточно представительными и информативными с точки зрения диалектного членения восточнославянской языковой области в прошлом и настоящем. Основным (базовым) материалом для данного лингвогеографического исследования послужили карты трех национальных диалектологических атласов – русского, украинского и белорусского.

О принципиальном преимуществе изучения всех родственных языков одной группы говорил в свое время Р.И. Аванесов, подчеркивая, что “многие проблемы не могут быть разрешены на материале одного языка, в изоляции от данных других близкородственных языков. Понятие отдельных языков (например, русского, украинского и белорусского) относится прежде всего к сфере социально-исторической, культурной, а не структурно-языковой” [Аванесов 1964: 558].

В настоящее время вышло из печати три выпуска ВСИ, которые содержат более 60 карт, показывающие ареалы разноуровневых соотносительных диалектных явлений, как раз и расположенных на всей восточнославянской территории. Результаты проведенной работы убедительно свидетельствуют о том, что именно такой аспект исследования дает возможность по-новому интерпретировать уже известные науке факты, которые ранее были изучены лишь на материале какого-либо одного из восточнославянских языков, в связи с чем целый ряд характеристик этих явлений оказывался вне поля зрения исследователей.

Хорошо известно, что диалектологическая карта, которая является в ВСИ основным объектом изучения, может в ареалогическом плане рассматриваться как отражение исторического пути развития того или иного явления, на становление которого оказывали воздействие многочисленные разнонаправленные в географическом отношении и разновременные

языковые потоки. В результате ареалы картографируемых нами в настоящее время современных явлений в своей совокупности представляют собой, как правило, очень сложную и подчас даже запутанную картину, так как в данном случае в каждом ареале, очерченном пучками изоглосс, сосредоточена реализация разных исторических судеб самых различных явлений. Поэтому мы считаем, что очень важно уделять большое внимание не только интерпретации современного географического (пространственного) расположения ареалов на карте, но и их характеристике как компактных, размытых, кружевных, островных и т.д. На основании тщательного лингвогеографического анализа синхронного диалектного материала и привлечения доступных диахронических данных из памятников письменности в работе делаются некоторые заключения, относящиеся, во-первых, к собственно современному географическому распределению различных соотносительных явлений (диалектных вариантов) в синхронном плане, во-вторых, к истории возникновения современного лингвогеографического ландшафта и, наконец, в-третьих, к определению архаических и инновационных зон в восточнославянском диалектном континууме. Иными словами, материал, содержащийся в трех выпусках ВСИ, дает возможность конструирования не только отдельных изоглосс, но и пучков изоглосс в рамках всего восточнославянского диалектного пространства. Эти изоглоссы, в принципе, можно рассматривать и как реальный инструмент для членения современного восточнославянского диалектного континуума, и как средство, помогающее получить определенную диахроническую информацию.

Отсюда следует, что одной из центральных задач данного труда является поиск новых лингвогеографических (ареалогических) аргументов для решения некоторых фундаментальных и до сих пор остающихся дискуссионными проблем современной славистики. К ним можно отнести, например, такие вопросы, как вопрос о диалектном членении позднеславянского языка; вопрос о генетическом единстве или гетерогенности общевосточнославянского праязыка; вопрос о причинах современной близости русского, украинского и белорусского языков и т.д. В связи с этим становится понятным, что охват как можно большего числа разноплановых явлений, существенных для всего восточнославянского диалектного пространства, и исследование их в лингвогеографическом аспекте (т.е. накопление все новых и новых карт) остается по-прежнему чрезвычайно актуальной задачей.

Необходимо подчеркнуть, что в результате изучения в лингвогеографическом аспекте диалектного материала трех восточнославянских языков и переосмысления известных уже науке по трем национальным атласам фактов авторам ВСИ во многих случаях удалось не

только выделить архаические и инновационные зоны распространения различных диалектных явлений, но и внести определенные коррективы в привычные представления об исследуемых явлениях. Важным итогом работы можно считать тот факт, что лингвогеографическое изучение восточнославянских диалектов дало возможность четко описать современные границы противопоставленных явлений на всей восточнославянской территории, а также определить лингвогеографически значимые феномены из области фонетики, морфонологии, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики.

Карты ВСИ показывают, что целый ряд ареалов, отмеченных на всей восточнославянской территории, очерчен пучками изоглосс *разноуровневых* явлений, и данный факт подтверждает объективный характер выделения каждого из ареалов. При этом специально отметим, что прилагаемая к статье карта ни в коей мере не является научно обоснованным диалектным членением трех современных восточнославянских языков. На ней показаны лишь наиболее часто встречающиеся изоглоссные зоны, выделяющие различные ареалы на юго-западе, юго-востоке, северо-востоке, северо-западе, севере и в центре восточнославянского диалектного пространства. Чаще всего на территории распространения восточнославянских диалектов вычленяются следующие ареалы.

Северо-восточный, в котором мы отмечаем, например, такие черты, как: наличие гласного типа [’e] в позиции перед мягкими согласными и гласного [’a] в позиции перед твердыми согласными на месте *e и *a (*вз’él’u - вз’al, гул’él’u – гул’al*); наличие [ÿ] на месте [л] в позиции перед согласными и на конце слова; формы типа *м[ÿ]*, *м[ÿе]шь*; название *палка* для ‘валька’ и др.;

Юго-западный, где мы находим, например, форму Р.мн. сущ. типа *гóстий, лÿдий*; название для ‘петуха’ – *когут*; наречие *твердо* в значении ‘очень’; синтаксическую конструкцию *мене болить голова* и др.;

Северо-западный ареал, в говорах которого отмечена синтаксическая конструкция *он женивши* и наречие *гораздо* в значении ‘очень’ и др.;

Ареал, образованный *украинскими и юго-западными белорусскими говорами*, который характеризуется множеством разноуровневых явлений, таких, как, например: стяженные формы прилагательных типа *нова, мала*; особая морфонологическая характеристика основы глаголов II спряжения на губной типа *л’убл’ÿ, л’убл’at’, но л’убиш, л’убит’...*; формы инфинитива типа *пéкти, берéти*; Тв.пад. от числительного *два* с флексией /ma/ (*двamá, двомá, двумá*); сохранение падежных форм 3в. пад.; употребление указательного местоимения *той* ‘тот’; наличие синтаксических конструкций типа *пасты коровы/пасты кароÿ (корів)*; распространение различных рефлексов названия *polica ‘часть плуга’; наличие глагола *орать* в значении ‘возделывать землю’ и мн.др.;

Украинский ареал, в котором отмечаются такие явления, как, например: глагольная основа, унифицированная по шипящему варианту в парадигме настоящего времени типа *печú, печóш..., печúт’*; наличие форм прилагательных типа *молодýй, глухýй/глухýй*; основа *дво-* в форме Тв. падежа от числительного *два* и мн.др. В этом случае наши материалы убедительно подтверждают выводы тех славистов прошлого и настоящего, которые склоняются к мысли о том, что *украинский язык* по своему происхождению занимает особое место среди других восточнославянских языков, и данное обстоятельство нарушает в определенной степени представление о едином в древности восточнославянском диалектном континууме.

Обращает на себя внимание *ареал*, идущий *по диагонали* восточнославянского диалектного пространства – с северо-запада на юго-восток; в нем отмечаются, например, такие явления, как: инфинитивные формы типа *печ, берéч, грес’т’, сес’т’*; обобщение глагольной основы настоящего времени по заднеязычному варианту – *пекú, нек’óш..., некúт’* и некоторые иные.

Отмечено также много явлений, которые противопоставляют, с одной стороны, *говоры украинского и белорусского языков*, а, с другой, – *говоры русского языка*. Кстати, эти карты в национальных атласах отсутствуют. В ряде случаев ареал украинских и белорусских говоров расширяется за счет присоединения к ним говоров южнорусского наречия, что дало основание в свое время Н.Н.Дурново сделать следующее заключение: “...Можно подумать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу” [Дурново 1969: 211].

Специальное внимание следует обратить на *северный* (или отдельно – на *северо-восточный* и *северо-западный*) и крайний *юго-западный ареалы*, в которых могут быть отмечены одни и те же диалектные варианты некоторых фонетических, морфологических, синтаксических и лексических явлений (например, признаки повышенной вокальности в звуковых цепях; вокалические инфинитивные суфф. /чи/ и /ти/; различие I и II спряжений по форме 3 л.мн.наст. от глаголов с подвижным и наосновным ударениями; унификация флексии 3в.пад. /o/ и наличие новообразований одного типа (путем удлинения гласного), заменивших этот падеж; употребление стяженных форм прилагательных и числительных, являющихся инновациями, которые возникли, скорее всего, на северо-востоке и на юго-западе независимо друг от друга, и мн.др. Кстати, языковое сходство северо-восточного и юго-западного ареалов, которое образовано как архаическими признаками, так и новообразованиями, может быть свидетельством былой общности славян, населявших Восточную Европу. Наличие общих

архаизмов как будто бы подтверждают данную точку зрения. Сложнее обстоит дело с интерпретацией одинаковых новообразований. Но и в этом случае можно высказать предположение, что появление тождественных инноваций, возникших уже как бы независимо друг от друга, также допустимо считать отголоском прошлой общности, которая проявилась в том, что древняя единая тенденция развития того или иного явления, дремавшая до поры до времени, реально реализовалась только в сравнительно недавнее время, когда данные говоры территориально были уже отдалены друг от друга, но в связи с тем, что они находились на периферии восточнославянского диалектного пространства, эта архаическая тенденция сохранила свою жизнеспособность.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что в ряде случаев наибольшее количество сосуществующих диалектных вариантов отмечается в говорах белорусского языка и в русско-белорусском пограничье. В этом проявляется определенная нестабильность, которая, скорее всего, может свидетельствовать о незавершенности в настоящее время процессов становления того или иного явления в указанном диалектном регионе. Отметим, например, высокую степень вариативности и при образовании форм инфинитива, и в глагольных флексиях 3 л.ед.ч. и мн.ч., и в словообразовательных моделях названия *іетехь, и в названиях 'кукушки', и многое др.). Данная ситуация, возможно, обусловлена в какой-то степени и географическим положением белорусского языка, находящегося на стыке некоторых противопоставленных (север ~ юг) явлений, а также различными процессами экстралингвистического плана, характерными для исторического развития этого региона.

В исторической диалектологии восточнославянских языков неоднократно высказывалось мнение о том, что по данным современного лингвистического ландшафта можно судить о преимущественно архаических и инновационных зонах восточнославянского диалектного пространства. Эти выводы делались, правда, в результате изучения истории и диалектологии лишь отдельных восточнославянских языков и на основании прежде всего фонетических признаков (из последних работ см., например, работы В.Г.Орловой, К.Ф.Захаровой, К.В.Горшковой, С.В.Бромлей и др.). Сопоставление результатов исследований, проведенных авторами монографии ВСИ, подтверждает мнение о том, что говоры, расположенные в центральной части всего восточнославянского диалектного пространства, действительно содержат в большом количестве инновационные черты; говоры же, занимающие периферию данной территории, характеризуются многими архаическими признаками. На указанную закономерность, существующую между "центральными" и "периферийными" говорами, обращал в свое время внимание и

Р.И.Аванесов, который писал: "С исторической точки зрения полярные диалекты представляют более древнее образование сравнительно с центральными говорами" [Аванесов 1965: 30]. Так, например, можно указать на такие противопоставления *архаической периферии* и *инновационного центра*, как наличие архаических образований форм инфинитива с суфф. /ти/ и /чи/ (*писати, пѣчи, пѣчѣи, сѣсти*) в периферийных говорах восточнославянского диалектного пространства и инноваций с суффиксами /т'/ и /ч/ (*писат', пѣч, сѣст'*) в центральных говорах; далее – наличие архаических форм Тв.мн.имен сущ. с флексиями /ама/, /има/ (*плечима, ведрыма, дровама, женама*) в периферийных говорах и более новых (молодых) форм с флексией /ам/ (*женам, домам, рукам*) – в центральных говорах. Можно отметить в ряде периферийных говоров – таких, как северные, северо-восточные, отчасти среднерусские и юго-западные украинские говоры – названия 'озимых всходов зерновых культур' с корнем *зим=* (*бзимь, прозіміна* и др.). На северо-востоке и юго-западе исследуемой территории находим наличие также достаточно старых объектно-целевых конструкций типа *по врача, по овец* и др.

Важно отметить, что *центральные* и *периферийные* говоры могут быть противопоставлены друг другу и по некоторым *структурным* языковым признакам, а именно: нередко в периферийных говорах признак "вокальности" диалектных систем является более ярко выраженным, чем в центральных говорах [Бромлей 1985]. В результате в центральной части всей восточнославянской территории говоры оказываются скорее "консонантными", чем "вокальными", а на периферии – наоборот – скорее "вокальными", чем "консонантными". Доказательством этого может служить исследование звуковых цепей с точки зрения реализации в них признаков "вокальность/консонантность", показавшее, что украинские (особенно северно-украинские волынские) и белорусские говоры характеризуются более высоким уровнем признака "вокальность", чем русские говоры (исключая крайний северо-восток); кстати, самый высокий уровень признака "консонантности" фиксируется в русских говорах, а именно -- на юго-востоке русской территории. О противопоставлении "вокальной" периферии и "консонантного" центра свидетельствуют, в частности, также и следующие конкретные черты: явление назализации сочетаний [дн, бм, бн] (*лάνно, омман, дрімни*) – в периферийных говорах юго-запада, запада, северо-запада, севера и северо-востока; замена веларизованного сонанта билабиальным спирантом (*л → љ*) в позиции перед согласными и на конце слова – говоры крайнего северо-востока, украинские и белорусские говоры, отчасти юго-западные русские говоры; суффиксы инфинитивных форм /ти/ и /чи/ – в периферийных говорах; вокалические флексии в формах Тв.пад. числительного *два* (*двомá, двумá, двумі, двум'á*) –

в северо-восточных, украинских, белорусских и южнорусских говорах и мн.др.

Таким образом, сопоставительный лингвогеографический анализ русских, украинских и белорусских диалектных данных позволяет вносить определенные коррективы и уточнения в существующие гипотезы, связанные с развитием тех или иных диалектных явлений, и, несомненно, что очень важно, дает новые сведения о современной дифференциации восточнославянского диалектного континуума в целом.

Отметим также, что в работе над ВСИ существует немало трудностей. Одной из самых сложных задач, скорее всего, следует считать синхронную и диахроническую интерпретацию современных диалектных данных, т.е. поиск разновременных пластов, разграничение архаизмов и инноваций, поскольку, без сомнения, в каждой ЧДС могут сохраняться и *сосуществовать* разновременные черты – варианты одного и того же явления. Поэтому представляется очень важным следующее высказывание Р.И.Аванесова: "Диалектные различия восточных славян в значительной своей части относятся уже к относительно поздней...эпохе, эпохе феодальной раздробленности и последующему времени...Поздний характер диалектных различий русского языка ни в коей мере не исключает того, что в диалекте могут сохраняться явления, восходящие к глубокой древности" [Аванесов 1955: 64]. Так, например, изучая способы образования глагольной формы 3 л.ед.наст., можно предположить, что все три глагольные флексии этой формы (/т'/, /т/ и /Ø) могли существовать в качестве диалектных вариантов в позднепраславянском. Однако чрезвычайно сложная картина дистрибуции указанных флексий, представленная в современных восточнославянских диалектах, является результатом воздействия на глагольные парадигмы различных факторов (фонетических, морфологических, междиалектных и мн.др.), пережитых отдельными восточнославянскими диалектами в более позднее время и сформировавших уже современные диалектные глагольные системы. В связи с этим подавляющее большинство современных восточнославянских диалектов имеют в своих глагольных системах как архаические черты, так и новообразования. К сожалению, во многих случаях пока не представляется возможным выделить в каждой отдельной ЧДС среди глагольных форм 3 л.ед.наст. архаическое ядро и элементы более позднего развития (а именно: архаические формы с нулевой флексией и новообразования с нулевой флексией, архаические формы с флексией /т'/ и новообразования с флексией /т'/ и т.д.). То же самое можно сказать и о многих других явлениях – фонетических, синтаксических, лексических.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что совокупность сведений, содержащихся в картах и комментариях трех выпусков ВСИ, позволяет все

более уверенно говорить как о правомерности гипотезы, согласно которой корни и истоки многих современных восточнославянских диалектных различий следует искать в глубокой древности – в восточнославянских (племенных) диалектах, так и о признании наличия известной изначальной гетерогенности тех диалектов, на основе которых в дальнейшем сложились три восточнославянских языка - русский, украинский и белорусский.

Литература

- Аванесов 1955: *Аванесов Р.И.* К вопросам образования русского национального языка //ВЯ, 1955, № 2.
 Аванесов 1964: *Аванесов Р.И.* О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // ИАН ОЛЯ. М., 1964, № 6.
 Аванесов 1965: *Аванесов Р.И.* О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965.
 Бромлей 1985: *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров //Диалектография русского языка. М., 1985.
 Дурново 1969: *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

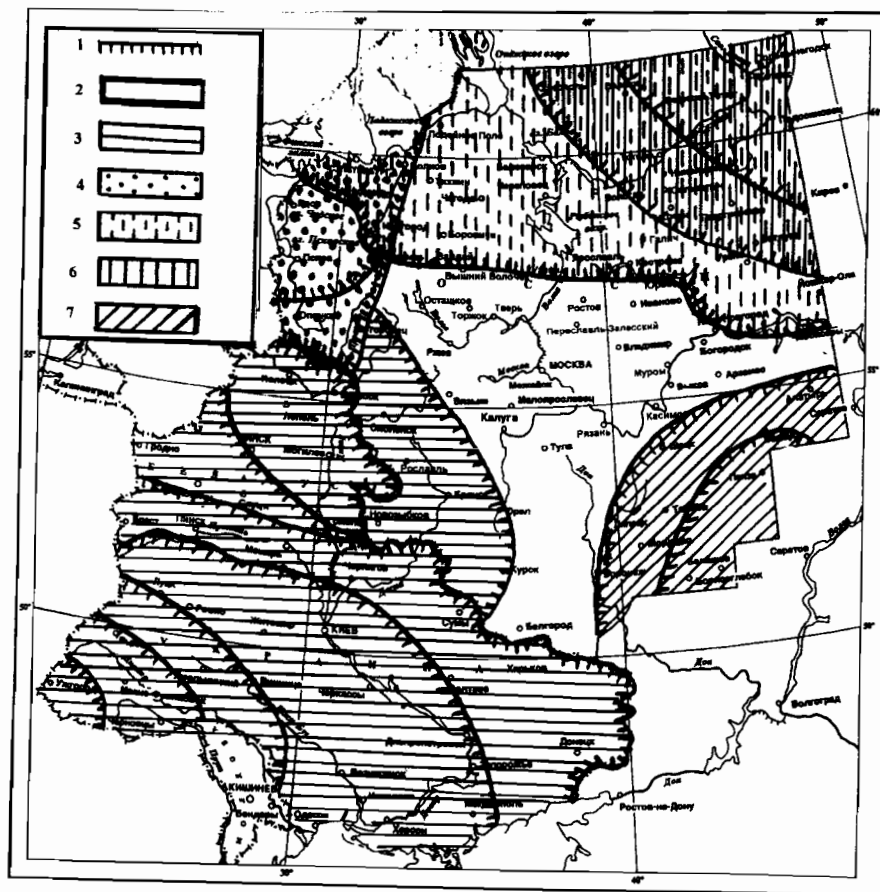
Легенда к карте «Наиболее часто встречающиеся изоглоссы и очерчиваемые ими ареалы по данным ВСИ»

- 1.изоглосса
- 2.центральный ареал
- 3.юго-западные ареалы
- 4.северо-западные ареалы
- 5.северный ареал
- 6.северо-восточные ареалы
- 7.юго-восточные ареалы

Summary

East Slavonic Isoglosses and the Problem of Differentiation of the East Slavonic Dialectal Continuum

This article characterizes the features of the dialectal landscape which has been revealed as a result of the remapping of the material of the Russian, Belorussian and Ukrainian dialectal atlases in the "East Slavonic Isoglosses" (ESI) study. On the maps featured in this study a number of areas are distinguished - North Eastern, North Western, Western, South Western, Ukrainian - Belorussian — and other ESI maps reflect some of the features of the process of historical development of East Slavonic languages (resp.dialects).

Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения

История украинской диалектологии свидетельствует, что первый опыт использования методов лингвогеографии при изучении украинских говоров отмечен еще в конце XIX в. [1]. Ныне украинский язык является одним из наиболее изученных в лингвогеографическом отношении в Восточной Славии: помимо национального атласа (АУМ, 3 тт.) [2] - уже издано большое число диалектных атласов разных типов, исследующих говоры ряда зон Украины и за ее пределами, а также серьезных исследований, выполненных с широким использованием приемов лингвистического картографирования (ср. труды И.Панькевича, И.Ващенко, П.Гриченко, Я.Закревской и др.) [3].

Заслуживает внимания (и объяснения) тот факт, что до настоящего времени наиболее интенсивно подобными методами изучались карпатские (=карпатоукраинские) говоры, т.е. говоры карпатского региона [4]. В результате в настоящее время существуют многочисленные атласы и отдельных микрзон данного ареала (=региональные атласы), соответствующих основным, традиционно выделяемым группам говоров - лемковской, закарпатской, гуцульской, бойковской, (покутско-)буковинской [5] и карпатоукраинской зоны в целом (или основной ее части) [6], ср. также полилингвальный "Общекарпатский диалектологический атлас" (=ОКДА) [7]. Таким образом, число атласов, описывающих карпатоукраинские говоры (=КУ-говоры), значительно превосходит число работ аналогичного характера, исследующих другие диалектные (микро)зоны [8].

Причиной повышенного интереса к лингвогеографическому изучению КУ диалектной зоны может быть "субъективный" фактор - появление в послевоенный период (особенно в 50-е гг.) в Ужгороде, Словакии, Польше и т.д. ряда исследователей, убежденных в перспективности идей и методов лингвистической географии и на практике применявших их при описании данного фрагмента украинского диалектного языка (=УДЯ). Вместе с тем, на наш взгляд, основную причину, подобного интереса следует видеть прежде всего в самом объекте изучения, т.е. в специфике украинских диалектов карпатского ареала. Несомненно, исследователи - вначале, возможно, интуитивно, а затем вполне осознанно - оценивали значение пространственной презентации фактов этих диалектов не только для собственно украинистики, но и для решения некоторых существенных задач славистики вообще.

Действительно, периферийное положение данного региона в Северной Славии, менее затронутого инновационными процессами, способствовало, с одной стороны (в соответствие с “нормами” М.Бартоли), консервации здесь многих реликтовых форм, архаических диалектных черт, а с другой, - длительным и активным контактам и взаимодействиям соседних - славянских и неславянских - языков. Результатом последнего стало, например, проникновение в украинские говоры (но и в говоры иных языков ареала) большого числа иноязычных лексических заимствований. О.Н.Трубачев, характеризуя эту ситуацию, писал: "...диалекты различных языков, расположенных на землях, прилегающих к Карпатам, в результате многократных перекрестных заимствований, выработали целый ряд общих слов и значений, характерных только для этой области" [9].

Следовательно, в силу указанных причин, КУ-говоры были и, по-видимому, еще долго будут предметом активных исследований, и в том числе - лингвогеографических исследований различной направленности.

Это, во-первых, изучение указанных говоров *внутри* украинского диалектного континуума (по специальным программам “региональных” атласов), т.е. как компонента (=единицы) диалектного членения УДЯ, и их отношения к иным диалектным группам (=проблематика *целостности и дискретности* УДЯ). И хотя региональные атласы основных групп данного ареала уже созданы, тем не менее очевидно, что работа в этом направлении будет продолжаться, поскольку имеющиеся атласы разнотипны (ср. чисто лексические Й.Дзензелевского, П.Лизанца, З.Ганудель и преимущественно фонетико-морфологические В.Латты, К.Ф.Германа и т.д.), что затрудняет их последовательное сравнение; кроме того, несомненно, будет продолжаться реализация задачи создания *тематических* атласов (ср. подготовленный к печати атлас скотоводческой лексики И.Пуйо, опыты картографирования и иных ЛСГ [10]; продолжится работа по изучению и уточнению *границ* между отдельными группами ареала и их объединениями (=закарпатско-бойковским, гуцульско-буковинским и т.д.), а также выявлению изоглосс (=изолекс и под.), связывающих КУ-говоры с *иными* диалектными группами западного наречия украинского языка (опыт диалектной дифференциации КУ-зоны в целом находим в сводных картах 2-го т.АУМ, ср. также [11]).

Во-вторых, несомненно важным является и другое направление лингвогеографического изучения КУ-говоров (в том числе - с использованием методов рекартографирования), а именно изучение их в более широком контексте, в аспекте *внешнего* (по отношению к УДЯ) сравнения, - пока оно осуществляется лишь в лексико-семантической сфере. Это прежде всего публикации, базирующиеся на материалах полилингвальных атласов (ОКДА, ОЛА), а также КДА и иных источников. В ходе подобных сопоставительных исследований выявлено значительное

число специфических черт (=признаков), подтверждающих наличие корреспонденций, часто существующих лишь *между* КУ-говорами и говорами (resp. диалектными [микро]зонами) иных славянских языков, т.е. *за пределами* УДЯ. Соответствующие изоглоссы (=ареалы) могут анализироваться в синхронном и диахроническом планах и далее - учитываться при рассмотрении ряда проблем сравнительной грамматики славянских языков, истории отдельных языков и т.д. Имеющиеся в нашем распоряжении лингвогеографические материалы (в данном случае мы ограничиваемся фактами, отраженными в ОЛА и ОКДА), позволяют установить, например, следующие *т и п ы* лексико-семантических (в меньшей степени - словообразовательных и иных) параллелей.

А. параллелизм между КУ-говорами и говорами отдельных (микро)зон как Северной, так и Южной Славии (который рассматривается в рамках проблематики, предполагающей изучение <<единства ~ дифференцированности>> лингвистического ландшафта Северной Славии *в общем* и Восточной Славии, - в частности, отношений между центром и периферией, характера противопоставления Севера и Юга и др.). В качестве примера см. карты №№ 1-4. Так, на карте № 1 (=ОЛА, 1 № 36) показано распространение обозначений ‘дождевого червя’ с корнем *glist-*, и, соответственно, - связи между КУ-говорами и обширными западно- и южнославянскими диалектными зонами (о болгарском см. в: БЕР 1,249), данные формы в остальной части Восточной Славии присутствуют как единичные; карта № 2 (=ОЛА 1, № 13) фиксирует параллелизм в обозначении ‘крысы’ (лексемы с корнем *rac-*) между КУ-говорами (но и отдельными центральноукраинскими), значительной частью белорусских, а также многими говорами сербско-македонской зоны [12]; карта № 3 (=ОЛА 1, № 20) посвящена географии лексемы *žьln-a* (здесь и далее - обобщающая транскрипция ОЛА) и под. ‘дятел’; КУ-говоры обнаруживают параллелизм с иными говорами карпатского ареала, а также с некоторыми южнославянскими микрizonaми; ср. единичную фиксацию названия на Русском Севере [13]; словообразовательная карта № 4 ‘муравьиная куча, муравейник’ (=ОЛА 1, № 42) свидетельствует о том, что дериват *kur-in-a* - карпатоукраинский эксклюзив, однокоренные названия фиксируются редко, в основном - в отдельных говорах Северной Славии.

Б. параллелизм между КУ-говорами и говорами различных (микрoзон) Южной Славии, - изучается в связи с проблематикой древних связей *южной* периферии Северной Славии со славянским Югом и в том числе - последствий “карпатской миграции славян”, чему посвящена тематика многих карт КДА и ОКДА.

В. параллелизм между КУ-говорами, карпатославянскими (и шире - балканославянскими) говорами, *с одной стороны*, и, *с другой*, - говорами неславянских языков карпатской (resp. карпато-балканской) макрoзоны, а

именно - румынскими, венгерскими и т.д., что составляет центральную проблематику *карпатского* языкознания [14] и, в частности, такого его аспекта, как исследование интенсивных языковых и этно-культурных взаимодействий и взаимовлияний, следствием чего стало возникновение карпатских инноваций (представленных прежде всего заимствованиями), а также формирование особой, лексико-семантической по преимуществу, общности конвергентного типа и др.

По-видимому, могут быть названы и иные типы сепаратных схождения, относящихся к различным языковым уровням, членом которых выступают КУ-говоры. Эти типы, по мере обработки и интерпретации новой лингвогеографической информации постепенно выявляются и описываются.

В настоящей работе рассмотрены более детально лишь аспекты Б. и В. (из упомянутых выше трех) сопоставления карпатоукраинских (и часто шире – карпатославянских) диалектов с диалектами других зон Славии.

Карпатоукраинско-южнославянские параллели (Б). Обычно карпатоукраинские (resp. карпатославянские) явления, корреспондирующие с соответствующими явлениями в *центральной* части южнославянской языковой территории, характеризуются как *южные* черты в севернославянской макроне (и, напротив, схождения между севернославянскими говорами и говорами северо-запада Южной Славии рассматриваются как *северные* черты на Юге) [15]. Данные современной славянской диалектологии (и лингвогеографии) подтверждают мысль о том, что, центральный район северной границы южнославянского ареала по многим чертам в наибольшей степени связан с центром южной границы севернославянского ареала [16]. Указанные связи - наследие древней эпохи, когда еще отсутствовал *разрыв* между славянским Севером и Югом и, по-видимому, между ними существовали *переходные* говоры. После разъединения этих частей Славии (вследствие прихода в Паннонию венгров и германских племен, усиления роли романского этнического элемента и под.) соответствующие говоры на Севере и Юге продолжали развиваться в одном направлении, заданном периодом предшествующего единства, и вместе с тем - они постепенно удалялись друг от друга (в результате чего переходные между ними говоры исчезли). Эти вопросы, с учетом лингвогеографического фактора изучались П.Ивичем еще в 50-60 гг. прошлого века [17], который обращал внимание прежде всего на южнославянско-*словацкие* схождения. Между тем, как показывают новые данные (ОКДА, ОЛА) в ряде случаев ареал таких схождения расширяется именно за счет карпатоукраинских (а также и других карпатославянских говоров - польских, моравских).

Некоторые карпатославянско-южнославянские *лексико-семантические* параллели представлены на картах №№ 5-11. Карта № 5 (=ОЛА 1, № 23)

демонстрирует распространение названий 'куропатки', при этом дериваты с корнем ĕrEb= отмечены на Севере именно в словацких говорах и в отдельных КУ-говорах; карта № 6 показывает наличие рефлексов слав. *leviti 'ослабеть и под.', *kvar= 'боль; трудный и под.', *bezočlivъ 'бессовестный и под.' на южной периферии Северной Славии, а также в различных микронемах Юга (подробнее эти параллели описаны в: *Бернштейн С.Б.* Из проблематики..., с.266-268, карты на с.276) (ср. болг. *леве, лев[к]ам, квар* - БЕР 3, 337-339, 2, 307); словообразовательная параллель – фиксация разнокоренных дериватов с суфф. $-ica$ – отражена на карте №7 (=ОЛА 1, № 7), посвященной названиям 'белки': непосредственно корреспондируют Юг Славии (на территории Болгарии - *катерица* и под. - архив ОЛА) и КУ-говоры (при том, что дериваты с суфф. $=ic-ik-a$ отмечаются также в словацких и лужицких говорах); на карте № 8 отмечена общность между КУ-говорами (также - и иные карпатославянские говоры) и Югом фонетического облика рефлексов тър-ѣ-а (по ОЛА; по ОКДА - $^+m[V]r\text{řa}$); при этом здесь не учитываются варианты тър-х-а , тър-с-in-a , которые, впрочем, также образуют *карпатославянско-южнославянскую* параллель иной конфигурации) (ср. болг. *мърша* - БЕР 4, 429 [18]); карта № 9 (=ОЛА 1, № 15) показывает, что КУ-говоры и говоры разных частей Южной Славии объединяет наличие, с одной стороны, наименований 'летучей мыши' с корнем [il-], а, с другой, - композитов с мотивационными признаками <<'слепой' + 'мышь [и др.]>> (болг. *слепопилек, лиляч* - см.: БЕР 3, 402,404); карта № 10 (=ОЛА 1, № 12) указывает на существование сепаратной словообразовательной параллели между КУ-говорами и некоторыми южнославянскими микронемами в названиях 'крота': Křt-in-a .

Соответствующие *семантические* схождения (и вместе с тем следы семантической эволюции) репрезентантов слав. *ръгъ в карпато-балканском ареале отражены на карте № 11. В.М.Иллич-Свитыч, еще 40 лет назад, предлагал в различиях семантики между карпатскими говорами и диалектами южнославянских языков видеть результат изменений (=сдвига), связанных с миграцией части древнего славянского населения (предков нынешних *южных* славян) из области Северных Карпат на Балканский п-в – так называемая "карпатская миграция славян". Он писал в этой связи: "...Если пребывание славян в горных районах Карпат (...не позднее III в. н.э) было сколько-нибудь продолжительным, новая *географическая среда* и новый *языковой субстрат* должны были вызвать значительные сдвиги в лексике. Их [=сдвиги] можно проследить на лексике южнославянских языков, являющихся продолжением диалектов, пересекших Карпаты. С другой стороны, *зачатки* таких сдвигов следует искать у северных (восточных и западных) славян, заселяющих сейчас Карпаты от верховьев Серета до Дуная у Братиславы" ([19]; курсив наш - Г.К.). В частности, он

анализировал противопоставление значений лексики *ръгъ - 'тропа в горах' (Север Славии - словц., морав., польск.) и 'тропа, протоптанная в снегу' (южнославянские диалекты, также румынские - как наследие дакорумынского); фиксация - в КДА и ОКДА - второго значения также и на Севере (словц., укр.-закарп.) может интерпретироваться именно как *начало* семантического сдвига, реализовавшегося *перед* движением славян из зоны Карпат на Юг (возможно, параллельно с этим семантическое развитие шло и в направлении сельскохозяйственного термина - лишь в закарпатских говорах [20]),

Остановимся на другом (=В.) аспекте сопоставительного изучения КУ-говоров, - а именно в рамках генетически гетерогенного диалектного континуума, т.е. в пределах карпатской (=карпато-балканской) макрзоны. Создание ОКДА - атласа, специально ориентированного на исследование взаимодействий и интерференции славянских и неславянских языков в данном ареале, позволяет установить значение *каждого* языка (=его диалектов), участвующего в указанных процессах. В этой связи необходимо отметить чрезвычайно существенную роль именно КУ-говоров в контактах с румынским языком (госп. этносом и культурой), - последние оцениваются исследователями как наиболее длительные и достаточно интенсивные в данной зоне. Известно, что румынское влияние в Северных Карпатах в целом связывается прежде всего с "валашской" (=пастушеской) колонизацией. Ее начало относится к XIII-XIV вв., когда восточнороманское население (=“румыны”), практиковавшее отгонное (горное) пастушество (и, по видимому, номадизм), мигрировало из средних областей Карпат (Трансильвания, Марамуреш) на север, в Лесистые Карпаты и далее - на запад и северо-запад, достигнув в конечном счете (XVI в.) Моравской Валахии. В ходе колонизации имело место взаимодействие местного (=славянского) и пришлого населения, их культур и языков. Постепенно славянское население усваивало многие стороны культуры мигрантов (например, способ скотоводства, соответствующие формы духовной культуры и некоторые элементы языка, прежде всего в сфере лексики), а пришлое - утрачивало свой этнический облик, язык, приобретая этнические и языковые черты того края, который в данный момент становился центром дальнейшей экспансии пастушеского населения, и усваивая особенности местной речи [21].

Так, например, в Закарпатской Украине (особенно в районах, примыкавших к румынской языковой территории), "валашская" колонизация имела ярко выраженный восточнороманский характер; именно здесь осуществлялись (и осуществляются до сих пор) *непосредственные* контакты восточных романцев и славян (также - иных этнических групп). Западнее р.Уг, по мнению историков, можно говорить лишь о *косвенном, опосредованном* румынском влиянии. При продвижении колонизации еще далее на запад мигранты подвергались все

более сильной славизации, как в этническом, так и языковом отношении (разумеется, оказывая одновременно воздействие на коренное население и их локальные говоры ; в лексике - это пласт восточнороманских заимствований в словацких, польских, моравских диалектах[22]).

Таким образом, именно благодаря своему географическому положению и непосредственным (вплоть до настоящего времени - в Буковине, на Гуцульщине) контактам с румынским населением и языком, КУ-говоры содержат, как свидетельствуют карты ОКДА (также - КДА), наибольший, по сравнению с иными карпатославянскими диалектами, корпус заимствований из румынского, и в том числе - так наз. "обратных", т.е. румынизмов [южно]славянского происхождения [23]. Несомненно, КУ-говоры можно рассматривать в качестве *центра* иррадиации многих подобных лексико-семантических единиц в другие, по крайней мере, славянские, диалекты зоны, т.е. тем самым констатировать опосредованное (первоначально - через украинский язык) появление румынизмов в южнопольских, словацких, моравских говорах. Кроме того, карты ОКДА наглядно демонстрируют "волнообразное" распространение заимствований, указывающее, с одной стороны, на начальный пункт, источник их миграции в Северных Карпатах (КУ-говоры), а с другой, - на существование *различных* (=“индивидуальных”) траекторий-изоглосс отдельных заимствованных элементов, - от минимальных, концентрирующихся в КУ-микроне, до максимальных, охватывающих в с ю карпатскую зону, достигающих области затухания колонизации, а иногда, уже по иным источникам, и выходящих за ее пределы [24].

Карты №№ 12-15 *ареалогически* подтверждают положение о том, что КУ-говоры - центр иррадиации румынизмов в карпатославянской зоне и показывают различное распространение в ней этих элементов (разумеется, наличие румынизмов в балканской зоне объясняется иными причинами, которые в данном случае не рассматриваются). Карта № 12 показывает ареалы продолжений исконного румынского элемента: *plai 'орографический термин', *Peptaг 'безрукавка', "обратных" славянских заимствований *romanA 'поминание, милостыня и под.' и * =druga= 'ссушить(нитку)' (см.: ИСД 5, с.239,236,230, 222) (о болг. *киптар*, *помана* см.: БЕР 2, 376, 5, 509), - все они свидетельствуют о преимущественном бытовании этих единиц в КУ-говорах; карта № 13 дает представление о географии исконного румынизма саpăstru (= *КАРАstr[a]) 'узdeckа', грецизма *pizma 'злоба и под.', славизмов (в самом румынском) *pazl 'беречь, смотреть и под.' *žlg 'жолудь', этимологически неясного *Zag 'вид сыворотки и под.' (см.: ИСД 5, с. 219,241,221,237, 224) (ср. и болг. *жир*, *зара*, *капистра*, *пазя*, *пизма* в: БЕР 1, 547, 606, 2, 218, 5, 42, 230); налицо расширенный, за счет балканославянских диалектов, ареал; карта № 14 отражает иной тип изоглосс заимствований из румынского: они охватывают,

помимо КУ-говоров, многие славянские говоры в западной части Карпат и, частично, - ряд балканославянских, таковы изоглоссы румынизмов (как правило, имеющих исконную этимологию): ⁺bešiGa 'нарыв, воспаление и под.', ⁺balega 'навоз', ⁺Zestra 'приданое', ⁺merEнд= 'пережевывать и под.' (см.: ИСД 5, с.216, 214,211, о последнем - *Бернштейн С.Б.* Из проблематики..., С.260) (о болг. *зестра* см.: БЕР 1, 636); на карте № 15 даны ареалы "исконных" румынизмов - ⁺buka(ta) 'кусок', ⁺gEIEta 'сосуд', ⁺AlbiE 'корыто', ⁺fegeg= 'папоротник', включающие, кроме КУ-говоров, и значительную часть словацких, моравских, некоторые южнопольские говоры (см.: ИСД 5, с.217,181,227,235).

Что касается контактов и взаимодействия карпатославянских диалектов и диалектов другого неславянского языка зоны - *венгерского*, то роль КУ-говоров также весома (хотя она менее значительна, чем в случае с румынским). Украино-венгерские языковые контакты для *части* говоров (=Закарпатье) определяются как достаточно длительные и непосредственные, а для некоторых говоров до сих пор характерен и билингвизм. Этим объясняется наличие в КУ-говорах большого числа унгаризмов, при этом, по данным исследователей, среди них велик процент локализмов (они детально изучены П.Лизанцом,- см.сн.5); заимствования, имеющие более широкий ареал, отражены в ОКДА, который показывает их распространение в карпатском ареале *в целом* и в то же время позволяет выяснить значение карпатских говоров *различных* языков в расширении географии подобных лексико-семантических единиц; в результате такого сопоставления устанавливается, в частности, особая роль словацких говоров [25], - именно они, по-видимому, в наибольшей степени содействовали продвижению унгаризмов в польско-моравской зоне (частично, может быть, и в украинской). Присутствие унгаризмов в южнославянских диалектах - следствие прямых и/или опосредованных их контактов с венгерским. На картах №№ 16-18 отражены примеры как локальных унгаризмов в КУ-зоне, так и заимствований, характеризующихся значительным ареалом; среди них есть и исконные лексемы, и лексемы с иной или неясной, этимологией, в том числе - так наз. *Wanderungswörter*. Указанные карты представляют географию унгаризмов исконного происхождения - ⁺Notar 'граница, межа и др.', ⁺Salaš 'жилище и под.', ⁺beteg= 'больной', ⁺vam(a) 'пошлина и под.', ⁺SErsAm 'вид инструментов', ⁺BanOV= 'печалиться и под.', ⁺darab(a) 'кусок, часть и под.', ⁺doHaN 'табак', реже - "обратных" заимствований из славянского, ср. ⁺gazda 'хозяин'; большая часть приведенных унгаризмов имеет широкое распространение в карпатославянских диалектах (в том числе - в КУ-говорах), частично они известны и в Южной Славии (о болг. *вама, газда* - БЕР 1,117, 224) (подробнее об этих заимствованиях см.: *Бернштейн С.Б.* Из проблематики...,С.262-265, карты на с.275-276).

Таким образом, благодаря *заимствованиям* (из неславянских языков в славянские и наоборот), и "посреднической" роли диалектов отдельных языков (в данном случае - КУ-говоров) в карпатской зоне постепенно формируется пласт лексики, который является *общим* как для родственных, так и неродственных диалектов, что может служить критерием, признаком конституирования фрагментов языковой общности конвергентного типа, т.е. общности, подобной языковому союзу, но проявляющейся исключительно на лексико-семантическом (и мотивационном) уровне [26].

***

Итак, лингвогеографическое описание карпатоукраинских говоров, - помимо, разумеется, изучения их места и функционирования в УДЯ, частью которого они являются (несмотря на наличие большого числа вариативных звеньев), - может преследовать цели: (1) установления и инвентаризации максимального числа *сепаратных* параллелей - *специально* между карпатоукраинской зоной и иными зонами Славии (т.е. - обычно при отсутствии подобных схождений в пределах УДЯ), а также (2) выяснения роли КУ-говоров в формировании "общекарпатского" слоя лексико-семантических единиц - при изучении проблемы формирования карпатской (resp.карпато-балканской) языковой общности конвергентного типа.

Примечания

- [1] Речь идет о труде: *Михальчук К.* Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины// Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Мат-лы и иссл.Т.7.СПб., 1872. О роли К.Михальчука в развитии украинской лингвогеографии см.в: *Гриценко П.Ю.* На шляхах пошуків: українська лінгвогеографія від К.Михальчука до сьогодні// Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1984; Українська мова.Енциклопедія.Київ, 2000, С.290-291 (далее - Энцикл.).
- [2] Атлас української мови.Т.1, Київ, 1984; т.2, 1988; т.3, 2001 (далее - АУМ).
- [3] Ср., например: *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Звучня і морфологія. Прага, 1938; *Ващенко В.С.* Полтавські говори.Київ, 1957; *Он же.* Лінгвістична географія Наддніпрянщини.Київ, 1968; *Гриценко П.Ю.* Моделювання системи діалектної лексики. Київ, 1984; *Он же.* Ареальне варіювання лексики.Київ, 1990; *Закревська Я.В.* Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. Київ,1976 и др.
- [4] Например: *западнокарпатские* (лемковские), *среднекарпатские* (=закарпатские), *восточнокарпатские* (=гуцульские), ср. также термин *северноподкарпатские* (=бойковские) говоры (*Жилко Ф.Т.* Нариси з української діалектології. Київ, 1966, С.219, 211,225, 207); впрочем, более обычными в современной *украинистике* все же являются "отэтнонимные" наименования, - ср., например в АУМ, т.1, карта IX; см.и: Энцикл., карта после с.720 и др. Напротив, в карпатолингвистических исследованиях, в том числе в работах, связанных с "Общекарпатским диалектологическим атласом" (см.ниже), принят термин "карпатоукраинские" (говоры, диалекты).
- [5] *Sztieber Z.* Atlas językowy Dawnej Łemkowszczyzny. 1-8. Wrocław-Warszawa etc.1956-1964; *Гандуль З.* Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини.1,2. Bratislava,1980, 1989; *Латта В.* Атлас українських говорів Східної

- Словаччини. Bratislava, 1991; *Дзедзелявський Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської обл. УРСР (України). I-III. Ужгород, 1958, 1960, 1993; *Lizanes P.* Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. Uzshorod, 1970; *Он же.* Атлас лексичних мад'яризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпаття. Ужгород, 1976; *Он же.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпаття. Budapest, 1976; Atlas gwar bojkowskich. 1-7. Warszawa etc., 1980-1991; A Lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language. Warszawa, 1996.
- [6] Карпатский диалектологический атлас. [I, II]. М., 1967 (далее - КДА).
- [7] Общекарпатский диалектологический атлас. 1-5. Кишинэу; М.; Warszawa; Львів; Bratislava. 1989, 1994, 1992, 1993, 1997; в печати находятся 6-й (Венгрия) и 7-й (Югославия) выпуски (далее - ОКДА).
- [8] Среди последних упомянем атласы: *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985; *Никончук М.В.* Лексичний атлас Правобережного Полісся. Київ, 1994 (ср. также текстовые материалы Атласа – подробнее: *Толстая С.М.* Лексика Полесья в картографическом представлении // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1999); Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. 1, 2. Warszawa etc. 1980, 1989; *Czyżewski F.* Atlas gwar polskich i ukraińskich okolic Włodawy. Lublin, 1986 (об этих атласах см. в обзоре: *Толстая С.М.* Диалекты польско-восточнославянского пограничья: новые подходы и результаты // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1993) и др.
- [9] *Трубачев О.Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ, № 1, 1959, С. 19. Ср. также: *Бернштейн С.Б.* Карпатский диалектологический атлас // КДА [I], С. 6, 15; повторено в: *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000., С. 133, 141 и сл.
- [10] Ср., например: Из спостережень над народною медичною термінологією // Гуцульщина. Лінгвістичні етюди. Київ, 1991, с. 61-71 (в том числе 5 карт); *Бігусяк М.* Из спостережень над весільною лексикою гуцульського говору // Гуцульські говірки. Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження. Львів, 2000, с. 125-148 (в том числе 7 карт) и под.
- [11] *Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В.* Группировка юго-западных украинских говоров (по материалам КДА) // Мат-лы и иссл. по ОЛА. М., 1968; Ср. и данные о членении украинских говоров Северной Буковины, представленные в сводных картах двух выпусков Атласа К.Ф.Германа.
- [12] По данным М.Младенова, в болгарских говорах отмечено лишь название *паткан* (северо-восток) (*Младенов М.* Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах // СБЯ. М., 1975, С. 232 и карта № 5); то же см. в: БЕР 5, .95 (ср. и: *пацко, паце* 'обращение к мальчику' - там же, с. 109); о географии родственных болг. *паткан* названиях см. и: ОКДА, вып. 5, к. № 65.
- [13] Впрочем, по данным специальной орнитологической литературы (которая различает различные виды дятла - (*Picus, Picus martius, Picus viridis*) подобное название оказывается представленным на значительно большей территории (подробнее: *Клепикова Г.П.* Значения славянских орнитологических названий, восходящих к *žьlna // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, С. 106-107 и сл. О географии болг. *желна* и под. см.: *Младенов М.* Указ. соч., С. 228, карта № 3; ср. также: БЕР 1, 603.
- [14] Карпатское языкознание (КЯ) понимается как новая дисциплина историко-лингвистического и ареалогического характера (сходное с балканским языкознанием), формирование которой относится к началу с 70-х гг. XX в. (подробнее о нем: *Бернштейн С.Б.* Из проблематики..., С. 229, 255 и др.).
- [15] *Ивић П.* Изабрани огледи. I. Ниш, 1991, С. 98, 194-195 и сл.
- [16] *Бернштейн С.Б.* Из проблематики..., С. 127.
- [17] *Ивић П.* Указ. соч., С. 193-196 и сл.

- [18] Подробно соответствующий материал ОЛА, ОКДА и др. рассмотрен в: *Клепикова Г.П.* Многоязыковые атласы как источник изучения сепаратных межславянских лексико-семантических параллелей // Аванесовский сборник. М. (в печати).
- [19] *Иллич-Свитыч В.М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Изв. АН СССР. Серия ОЛЯ, 1960, № 3, с. 222-223.
- [20] Подробнее: *Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П.* О некоторых итогах работы над ОКДА (1973-1993) // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1996, с. 86-87; ср. и: *Клепикова Г.П.* Южнославянский компонент в ОКДА // Studia slavica. К 80-летию С.Б. Бернштейна. М., 1991.
- [21] См.: *Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974; *Она же.* Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала - типологический аспект // Исследования по славянской диалектологии, 1998, С. 170-171.
- [22] Ср., например, публикации: *Vrabie E.* Influența limbii române asupra limbii ucrainene // Romanoslavica. XIV. București, 1967; *Nița-Armaș S.* et al. L'influence roumaine sur les langues slaves // Romanoslavica. XVI. București, 1968, и др.; упомянем и первый критический обзор румынских заимствований в языках карпатской зоны Д.Крындала: *Crânjală D.* Rumunské vlivy v Karpatách ze zvláštním zřetelom k Moravskému Valašsku. Praha, 1938; см. также: *Idem.* Valaši na Moravě. Materiály, problémy, metody. Praha, 1963.
- [23] См., например: *Клепикова Г.П.* Румынизмы славянского происхождения в карпатославянских диалектах // ИСД 4. М., 1995.
- [24] Ср., по ОЛА, географию продолжений рум. [ar, [a] gurega в Украине (ОЛА. Лексико-словообразовательная серия. Вып. 2, Warszawa, 2000, карты №№ 4, 55) и др.; о распространении некоторых румынизмов (*baca, kierdel, koliba, watra* и др.) в Польше (в том числе и в литературном языке) см., например: *Заремба А.* Из проблематики карпатской лексики и семантики на польско-словацкой языковой границе // СБЯ. М., 1975, С. 212-213.
- [25] Заимствования из венгерского хорошо отражены и в: Atlas slovenského jazyka. IV. Bratislava, 1984.
- [26] О форме реализации языкового союза, например, БЯС (или типологически близкой общности конвергентного типа), в сфере лексики см.: *Цивьян Т.В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979, С. 262-263.

Сокращения

ИСД — Исследования по славянской диалектологии. М.

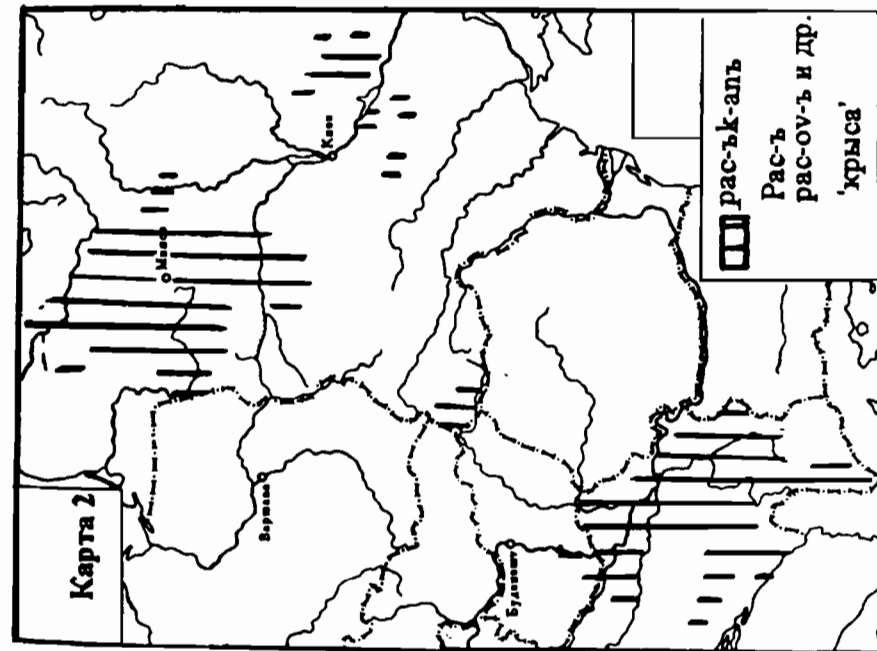
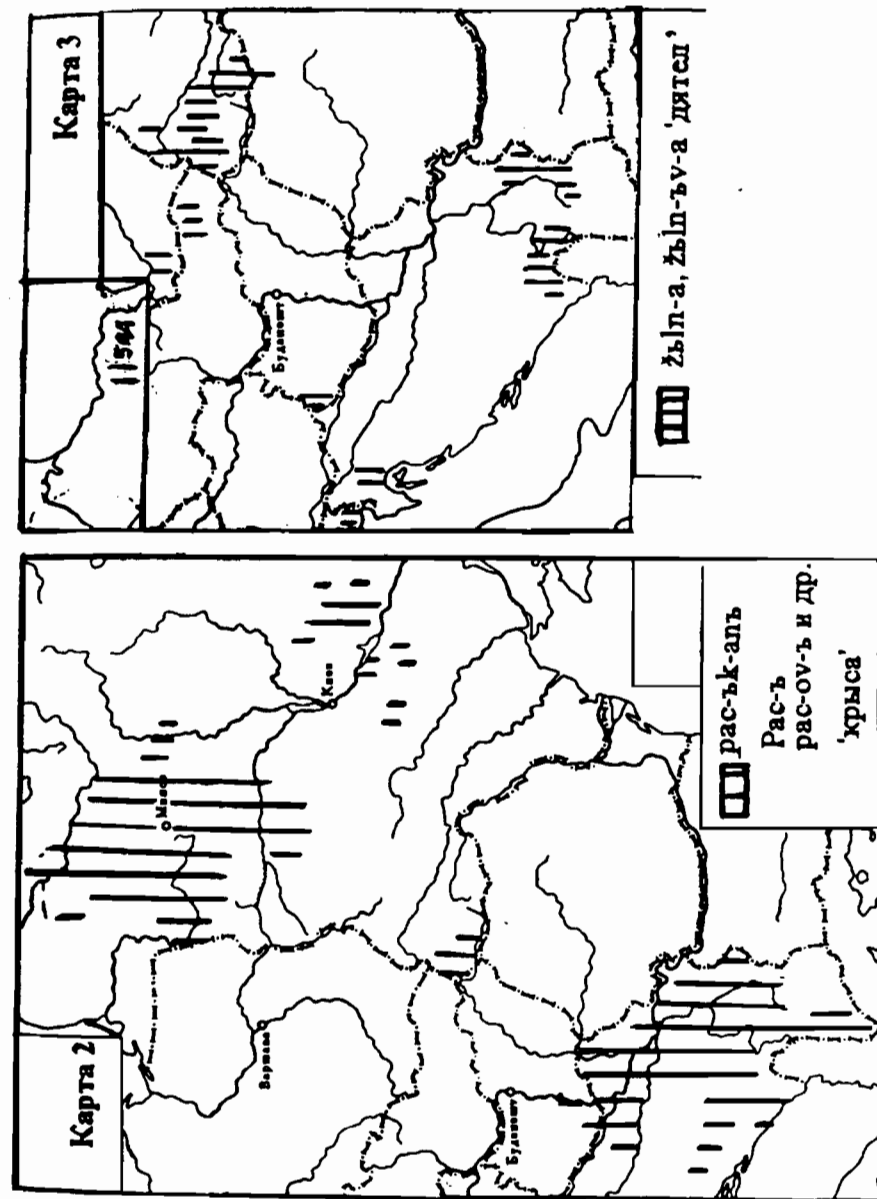
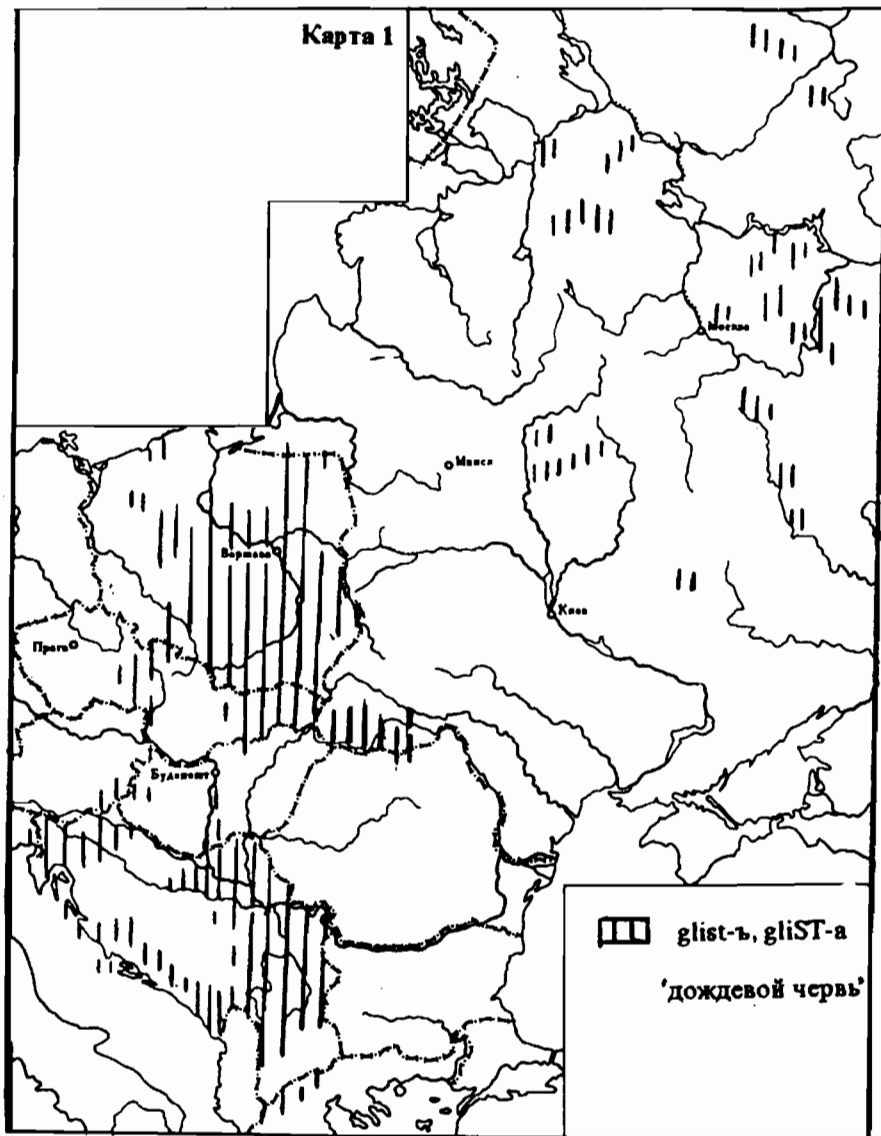
СБЯ — Славянское и балканское языкознание. М.

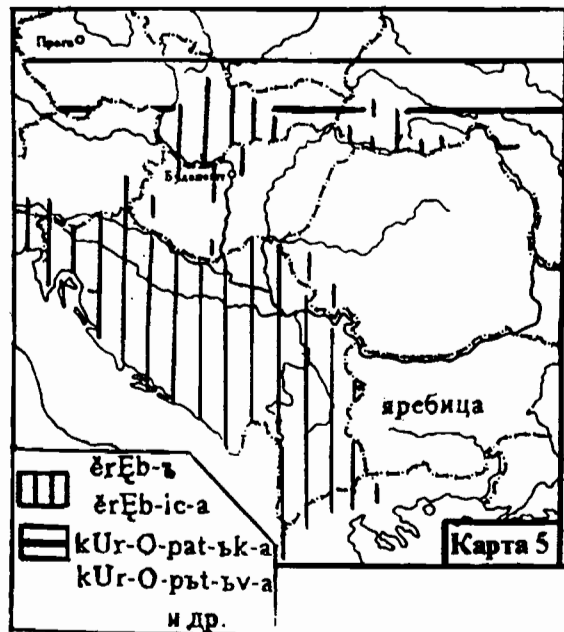
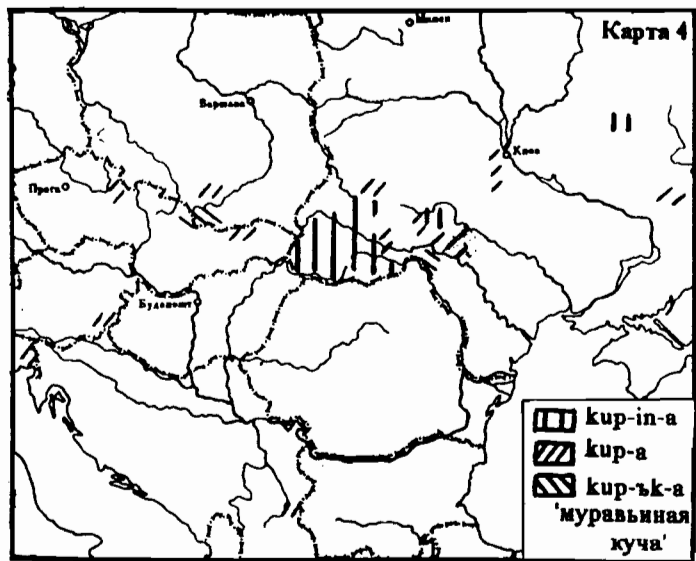
Остальные сокращения см. в издании ИРЯ РАН "Этимология".

Summary

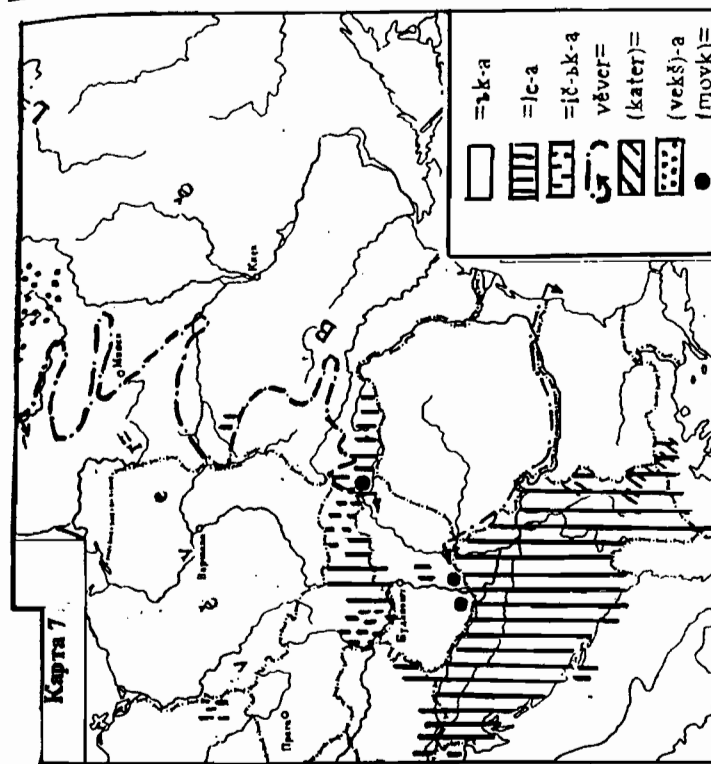
Carpathian Ukrainian Dialects as an object of linguistic geographical Studies

The author point out that the peripheral Status of the Dialects in North Slavia has, on the one hand, led to the conservation of archaic Characteristics and, on the other, to long and close Contact with the Dialects of neighbouring Languages (Slavonic and non-Slavonic), and first of all on a lexical and semantic Levels. Linguistic geographical Studies of Carpathian Ukrainian Dialects (=CUD) in terms of the "external" (in relation to the Ukrainian Dialectal Language) comparison aims at: 1) revealing separate Parallels between CUD and other slavonic Zones, and 2) revealing the role of CUD in the formation of a common carpathian Inventory of lexical and semantic Units.

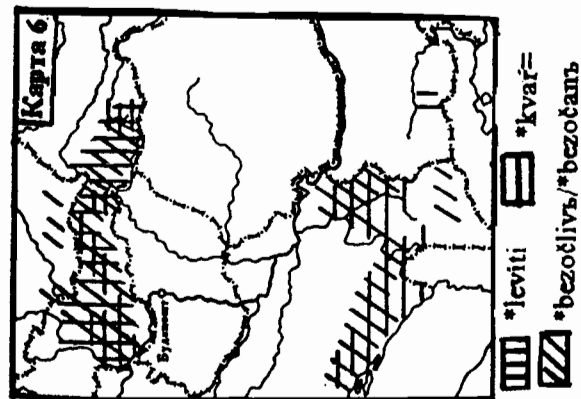

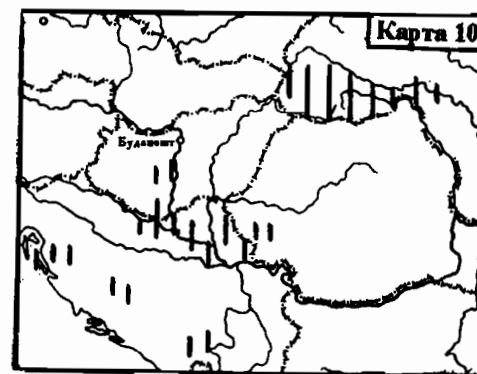
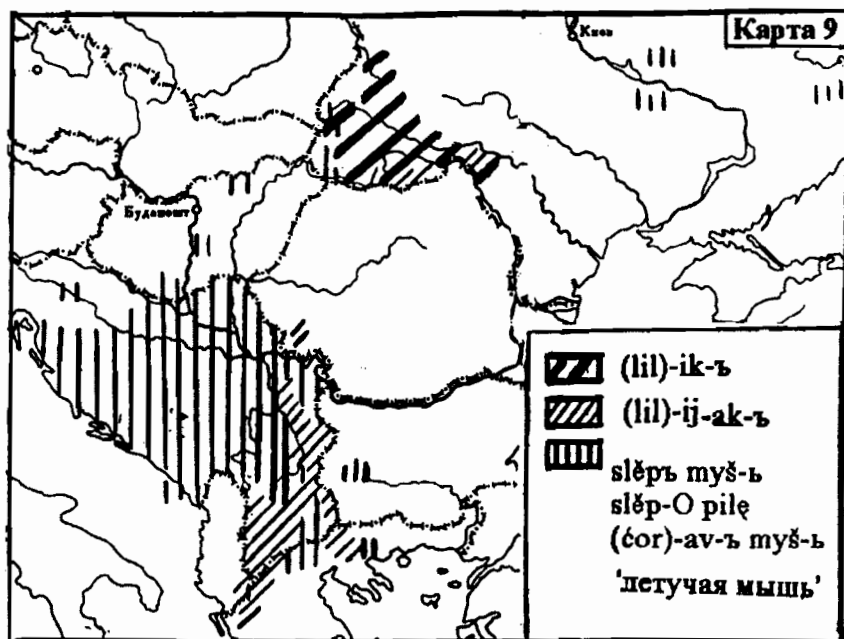
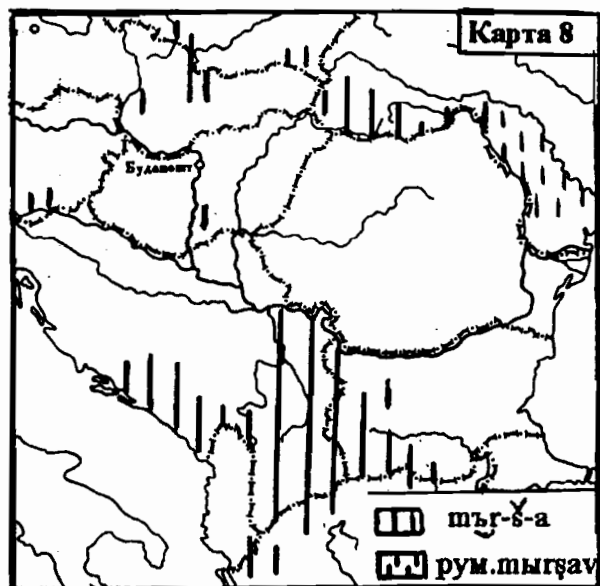

названия 'куропатки'

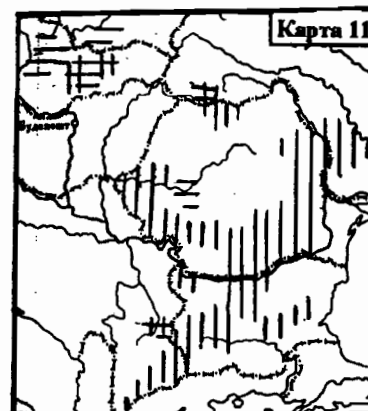

суффиксы в названиях 'белки'

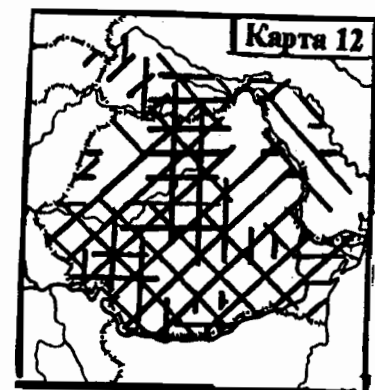

Кгъ-in-a 'хрот'

тропа (в горах)

тропинка, протоптанная в снегу)

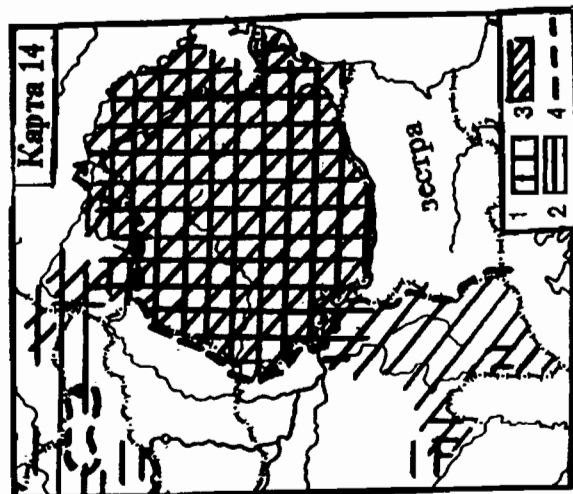

*plai

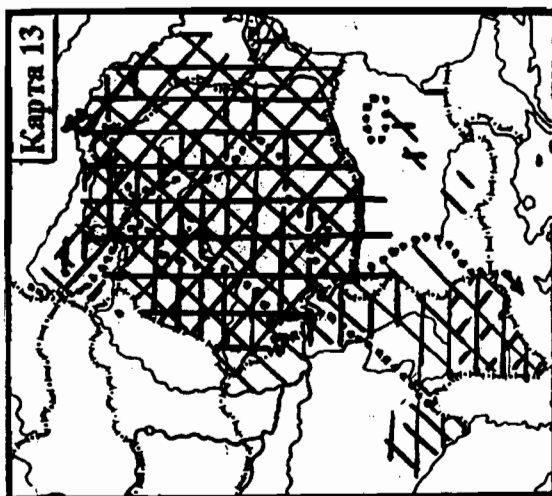
*romanA

*pEptar

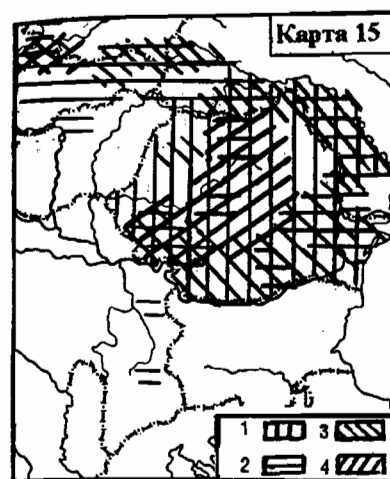
*=druga=

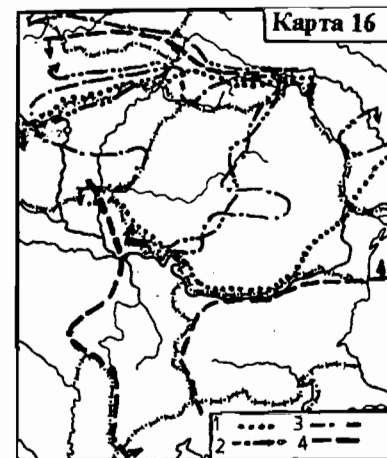
1 - *besiGa, 2 - *merEnd=,
3 - *balega, 4 - *Zestra

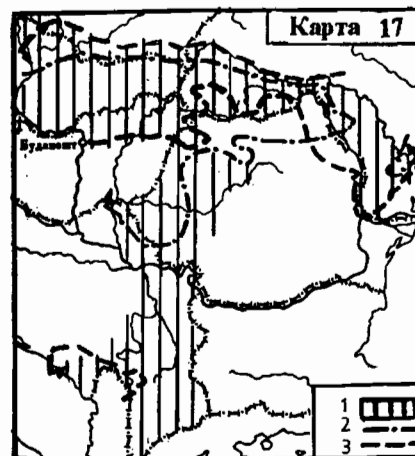
+KApAstr(a)
+pizmÁ
+pazl=
+Zar макzirá
+žir,

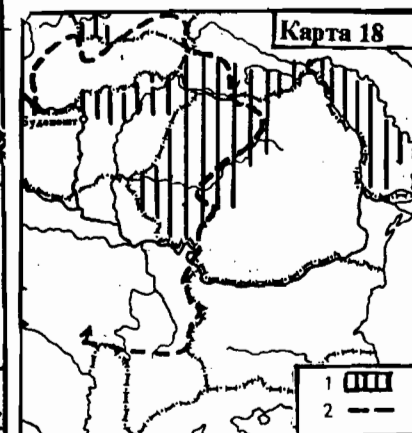
1 - *buka(ta), 2 - *gElEta,
3 - *AlbiE, 4 - *fereG=

1 - *Hotar, 2 - *SalaŠ, 3 - *beteG=,
4 - *vam(a)

1 - *gazda, 2 - *SErsAm, 3 - *BanOV=

1 - *darab(a), 2 - *doHaN

Н.Н. Пшеничнова

Дискретность и континуальность русского диалектного пространства

Проблема характеристики диалектного пространства с точки зрения его дискретности или континуальности может рассматриваться в разных планах, но в любом случае речь идет о наличии или отсутствии в рассматриваемом множестве говоров четко выделяющихся однородных групп. Будем считать условно, что *совокупность говоров дискретна*, если она делится на группы таким образом, что внутри одной группы говоры различаются незначительно (каждая из выделившихся групп однородна), а между группами - различия существенны; *совокупность говоров континуальна*, если все говоры рассматриваемой совокупности можно выстроить в такой ряд, в котором различия между каждыми двумя говорами, соседними в этом ряду, незначительны, т.е. различия нарастают монотонно; *совокупность говоров дискретно-континуальна*, если она представляет собой комбинацию двух первых.

В лингвогеографии дискретность или континуальность диалектного пространства выявляется с помощью лингвогеографической карты и зависит от того, на основании каких признаков проведено деление говоров. Так, анализ диалектного пространства по фонологическим признакам приводит к более четкому делению говоров на группы, то есть ярко обнаруживает черты дискретности, в то время как деление, например, только по лексико-семантическим признакам показывает большую разнородность рассматриваемых говоров. Если отразить на лингвогеографической карте все основные языковые показатели, то такая карта покажет сплошную пестроту диалектного пространства, оценить которое в плане его дискретности или континуальности в и з у а л ь н о невозможно.

Между тем диалектологов давно интересовал вопрос, можно ли выделить в говорах одного языка д и а л е к т ы как лингвогеографические единицы, объединяющие говоры как целостные языковые системы (частные диалектные системы), близкие друг другу по всем языковым показателям, или таких единиц выделить нельзя, так как все диалектное пространство представляет собой беспорядочное пересечение разнонаправленных изоглосс. Спор между сторонниками выделения диалектов и приверженцами так называемой теории волн по сути сводится к дискуссии о дискретности или континуальности диалектного пространства.

Принято считать, что русские говоры, как и говоры многих других языков, представляют собой континуум, в котором различия между говорами нарастают плавно. Но в 1901 г. ученики Ф.Ф.Фортунатова — Д.Н.Ушаков, Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов и др. - впервые в русской диалектологии поставили задачу составить диалектологическую карту русского языка по одним только лингвистическим характеристикам говоров и в 1914 г. опубликовали такую карту под названием "Опыт диалектологической карты русского языка в Европе" (далее [Опыт]). [Опыт] появился как ответ сторонникам теории волн, отрицавшим наличие диалектов как относительно устойчивых территориальных разновидностей языка. Задачей [Опыта] было показать на карте диалектное членение русского языка с учетом иерархических отношений между отдельными единицами в пределах этого членения (срв. [Опыт 1914, IV]).

Разработку принципов и методов ареального диалектного членения продолжили представители Московской школы лингвогеографии, которую возглавлял Р.И.Аванесов. В 1964 г. впервые была опубликована карта диалектного членения (далее ДЧ) К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой [Русская диалектология 1964]. В своем более позднем труде, в котором ДЧ представлено наиболее детально, авторы ДЧ справедливо отмечают, что все последующее за изданием карты [Опыта] "изучение русских говоров подтверждало наличие в пределах русского языка достаточно определенных по своему характеру его территориальных разновидностей" [Захарова, Орлова 1970: 8]. Принципиальным отличием карты ДЧ от карты [Опыта] является тот факт, что она построена на новых обширных материалах, отражающих говоры Центра Европейской части России середины XX в., а также то обстоятельство, что выводы относительно ДЧ русского языка сделаны в результате детального анализа "закономерностей территориального распространения диалектных различий русского языка", или иначе "лингвистического ландшафта русского языка и присущих ему закономерностей" [там же: 10]. Таким образом, цель [Опыта] и ДЧ состояла в том, чтобы *выявить диалектные границы*, или иначе: показать, что, несмотря на все различия между русскими говорами, в них достаточно *определенно выделяются диалекты* как относительно устойчивые территориальные разновидности языка. Эта задача успешно решена - в [Опыте] обобщенно, а в ДЧ К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой - существенно более детально. Таким образом, в [Опыте] и ДЧ, при всей пестроте сложного лингвогеографического ландшафта, акцент сделан на диалектных границах, или иными словами - на дискретности русского диалектного пространства.

В 1996 г. были опубликованы результаты структурно-типологической классификации (далее СТК) русских говоров [Пшеничнова 1996]. Классификация проведена мной для тех же говоров, и в ней участвуют те же

признаки, что и в ДЧ. Различие между ДЧ и СТК состоит, в частности, в том, что ДЧ проводилось, в соответствии с его основной задачей, по пучкам изоглосс не всех признаков, а лишь тех, которые наиболее четко делят территорию (назовем их главными изоглоссами). Все другие признаки в делении не участвуют, но в характеристику выделившихся единиц они также входят. В отличие от этого, СТК проводилась по всем признакам, представленным в ДАРЯ.

Задача СТК состояла в сравнении всех говоров как отдельных частных диалектных систем по сходствам и различиям между ними вне территории, вне диахронической или какой-либо иной оценки фактов с той целью, чтобы проанализировать русское диалектное пространство с точки зрения его дискретности и континуальности. Эта задача решена в СТК на материале ДАРЯ, специфика которого состоит в том, что в нем отражены основные звенья языковой системы каждого из говоров, входящих в атлас, в их материальном воплощении и структурных отношениях. Это обусловлено программой, по которой собирался материал для атласа: программа составлена таким образом, что ответы на все ее вопросы представляют "по существу описание говора в его важнейших чертах" [Аванесов 1949: 317]. Таким образом, в ДАРЯ даны описания 4195 частных диалектных систем в их главных языковых чертах (учтено 4416 признаков), какие отмечены в середине XX в. в русских говорах Центра Европейской части России. Эти данные и послужили основанием классификации. СТК проведена с помощью компьютера методом, в котором использованы элементы теории вероятностей, при этом в ней автоматически учитывалась классификационная значимость каждого из признаков основания [Пшеничникова 1996: 10 - 12, 16 - 20].

В СТК говоры классифицируются вне территории, и в этой классификации, в отличие от ДЧ, каждая частная диалектная система (говор) получает свою классификационную характеристику. Поскольку говоры - это территориальные варианты языка, результаты классификации отражены на карте (в [Пшеничникова 1996] карта разделена на семь отдельных частей; в [Пшеничникова 1997, цветная вклейка] карта дана в несколько обобщенном виде; карта, отражающая СТК русских говоров полностью, представлена к печати, копия карты хранится в отделе диалектологии и лингвогеографии ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН).

СТК позволила определить характер рассматриваемого множества русских говоров с точки зрения соотношения в нем дискретного и континуального. Главная цель классификации, в отличие от [Опыта] и ДЧ, состояла в том, чтобы выявить это соотношение и показать структуру русского диалектного пространства, которое условно можно назвать дискретно-континуальным [Пшеничникова 1996: 4, 27 - 29]. Иными словами,

на карте СТК, в отличие от ДЧ, акцент сделан на том, что в русских говорах при наличии в них однородных групп говоров разных диалектных типов границы между этими группами на всех классификационных уровнях неопределенны, как бы размыты.

Все три карты - [Опыт], ДЧ и СТК - имеют много общего, но при их сравнении следует иметь в виду, что единицы деления на них различны по своей сущности: [Опыт] и ДЧ - это схемы диалектного членения с четкими, но в разной степени условными границами между *лингвотерриториальными* единицами (наречия, группы говоров и межзональные, или переходные говоры, и их подразделения); в СТК выделились не лингвотерриториальные единицы, а сложившиеся на той же территории к середине XX в. *однородные группы говоров разных диалектных типов, переходные совокупности* говоров и *смешанные совокупности разнородных* говоров разных классификационных уровней (рангов), выделившиеся в результате сравнения говоров вне территории. Распространение говоров, относящихся к этим единицам (разных уровней деления) и отражены на лингвогеографической карте СТК.

Общее сходство карт является их и взаимопроверкой, и взаимодополнением. Так, в частности, это сходство (наряду с другими фактами) свидетельствует о достоверности результатов СТК. В то же время результаты СТК подтверждают правильность критерия при отборе пучков изоглосс для ДЧ, и обоснованность того, что основным считается представленное на карте ДЧ, а не зоны и их подразделения, которые авторы выделяют дополнительно и на других основаниях. Показательно, что признаки, входящие в пучки изоглосс, которые выделяют единицы ДЧ, и в СТК также относятся к Главным. Например, для первого классификационного уровня это оканье-аканье, [г]-[γ], [г]-[г'] окончания 3 л. глаголов и др. Это естественно, так как критерий важности признака для деления в ДЧ и СТК один и тот же - вклад признака в деление: в ДЧ самыми важными являются признаки, которые наиболее четко делят территорию, в СТК - это признаки, которые более всего различаются распределением их по выделившимся классификационным единицам одного разбиения (разбиение - это разделение единицы более высокого ранга на составляющие ее единицы следующего, более низкого ранга).

При всем стремлении дать четкие границы ДЧ его авторы не могут полностью отрешиться от того, что в действительности между русскими диалектными объединениями нет четкой границы. Так, авторы различают, с одной стороны, группы (и подгруппы) говоров, а с другой, межзональные говоры (в том числе среднерусские), которые единой группы не образуют. Об отсутствии четких границ между единицами ДЧ свидетельствуют и некоторые из тех характеристик, которые авторы ДЧ дают выделенным ими

единицам (например, о признаках, которые не участвуют в делении, но характеризуют единицу ДЧ дополнительно, во многих случаях сказано, что такой признак распространен непоследовательно или что признак отмечен и в других говорах). Условность диалектных границ в определенной степени все-таки отражена и на карте ДЧ (см., например, [ДАРЯ 1986, карта № IV]): цвета на карте подобраны таким образом, что они позволяют при наличии четких границ между единицами ДЧ в ряде случаев видеть определенную связь между говорами разных единиц, и это следует расценить как отражение до некоторой степени переходного характера таких единиц. Так, например, восточные среднерусские окающие говоры показаны полосами желтыми и сиреневыми, что отражает их близость к севернорусским говорам (в СТК их значительная часть относится к говорам Севернорусского диалектного типа). Новгородские говоры показаны полосами зеленого цвета, который указывает на их близость к говорам Ладого-Тихвинской группы северного наречия (в СТК они также относятся к Севернорусскому диалектному типу). Розовые полосы Псковской группы отражают близость говоров этой группы среднерусских к западной группе южного наречия (в СТК они выделяются как одна из групп Западнорусского диалектного типа). Обозначение Гдовской группы (зеленые и розовые полосы) указывает на связь этих говоров с Ладого-Тихвинской группой северного наречия и западной группой южного наречия (естественно, что в СТК эти говоры не образуют однородной группы) и т.д.

Можно рассмотреть с этой точки зрения и другие единицы ДЧ. Таким образом, в ДЧ при всей четкости границ присутствует идея континуальности русских говоров, но акцент сделан на выделении границ наречий и их подразделений. Это соответствует поставленной задаче, а именно: выявить тот факт, что при всей сложности русского диалектного пространства в нем достаточно определенно выделяются диалекты как территориальные объединения близких между собой говоров, то есть выявляется дискретно-континуальный характер русского диалектного пространства, но акцент при этом делается на диалектных границах, то есть на его дискретности.

В СТК ставится задача выявить характер континуальности русских говоров в разных ее проявлениях. Эта классификация, в той постановке, как это сделано в данном случае, представляет собой решение на материале русских говоров такой важной проблемы лингвогеографии, как соотношение дискретного и континуального, или прерывного и непрерывного в диалектном пространстве.

СТК показала, что пространство русских говоров, которое принято считать континуумом, в действительности можно условно назвать дискретно-континуальным (см. определение в начале статьи). Этот характер

континуальности русских говоров отражает и представляющая результаты классификации карта.

Показатели дискретности или континуальности русских говоров можно рассмотреть в двух планах: структурно-типологическом и лингвотерриториальном. В *структурно типологическом* плане, то есть с точки зрения сходств и различий между говорами, к результатам классификации, наиболее важным для характеристики русских говоров в плане их дискретности или континуальности, относятся: 1) распределение говоров по выделенным классификационным единицам, а именно: на каждом уровне классификации, с одной стороны, выделяются группы однородных говоров - показатель дискретности, а с другой, - такие совокупности, которые являются переходными между однородными группами или состоят из разнородных говоров, которые не входят ни в однородные группы, ни в переходные совокупности - это показатель континуальности;

2) распределение всех признаков, послуживших основанием классификации, по их значимости для деления, т.е. по их "различающей силе": признаки по их значимости для классификации выстраиваются в такой ряд, в котором провести границу между самыми важными, менее важными и т.д. во многих случаях можно только условно - это показатель континуальности;

3) характеристики диалектных типов: выделение диалектных типов - признак дискретности диалектного пространства, а тот факт, что типы диалектов не являются чистыми (их характеристики частично пересекаются сопутствующими признаками) - показатель континуальности;

4) некоторые количественные характеристики классификационных единиц: мера компактности однородных групп разных уровней деления, четырехуровневость классификации и особенности структуры каждого уровня деления и некоторые другие - также являются показателями континуальности русского диалектного пространства.

Карта СТК раскрывает характер континуальности русских говоров и в *территориальном аспекте*. Карта выявляет четкую тенденцию в территориальном распространении говоров, относящихся к однородным группам, к переходным совокупностям говоров или к смешанным совокупностям разнородных говоров (см., например, карту в [Пшеничнова 1996], где она представлена в семи частях - карты № 1-7): на всех классификационных уровнях говоры однородной группы почти все объединяются и территориально; говоры переходных совокупностей в подавляющем большинстве распространены между территориями, занятыми группами, с которыми они связаны; разнородные говоры смешанных совокупностей распространены, как правило, по периферии групп или

отдельными разрозненными вкраплениями. Выявленная тенденция важна и для синхронной характеристики русских говоров, и для изучения их в диахроническом плане, и между прочим она может служить объективным свидетельством эффективности метода, которым была проведена классификация.

Обе карты взаимно дополняют друг друга. Особенно продуктивным представляется использование рассмотренных карт в комплексе. В частности, очень важно сопоставление лингвотерриториальных единиц ДЧ, полученных по пучкам "Главных" изоглосс, с единицами СТК (которая детализирует ДЧ во многих аспектах) и с классификационной характеристикой в СТК каждого отдельного говора. Это важно в самых разных исследованиях, как в плане синхронии, так и диахронии.

Метод, которым проведена классификация русских говоров, может иметь широкую область применения. Так, в частности, известно, что между языками белорусским и русским, между белорусским и украинским на диалектном уровне нет языковой границы. С помощью предложенного метода можно оценить восточнославянское диалектное пространство по признакам его дискретности и континуальности. То же можно сказать и о таких переходных зонах, как говоры между болгарским и сербскохорватским основными массивами, между словенским и сербскохорватским языками, между чешскими и словацкими диалектными группами и т.д. Одним словом, можно сказать, что проблема характеристики диалектного пространства в плане его дискретности или континуальности актуальна не только для русской диалектологии.

* * *

Замечания к проведенной мной структурно-типологической классификации русских говоров высказал Л.Л.Касаткин [Касаткин 2002]. Ответы на эти замечания можно найти в [Пшеничнова 1998; 2000; 2002] и в [Пшеничнова - в печати 1; в печати 2], а также в рецензиях на мою книгу "Типология русских говоров" [Попова 1998; Калнынь 2000]. Вместе с тем на некоторых вопросах ввиду сложности предмета, очевидно, следует остановиться еще раз.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что практически все замечания Л.Л.Касаткина, высказанные им при обсуждении данного доклада, определяются следующими исходными позициями, которые, по моему мнению, являются ошибочными.

Во-первых, Л.Л.Касаткин оценивает СТК в плане соответствия ее закономерностям ареального диалектного членения, что принципиально неверно: классификация в полном смысле этого слова - это классификация, которая сама по себе не имеет никакого отношения ни к территории, ни к диахроническому аспекту, ни к каким-либо экстралингвистическим

показателям, и именно такой является проведенная мной СТК русских говоров. СТК заканчивается до того, как ее результаты могут быть отражены на лингвогеографической карте. В отличие от этого, для ДЧ первостепенное значение имеет территория, а также в определенной степени - и диахроническая оценка фактов. Результаты СТК принципиально отличаются от результатов ДЧ своей сущностью, а именно, в ДЧ выделяются *лингвотерриториальные* единицы (наречия, межзональные, в том числе среднерусские, говоры, группы и подгруппы говоров, а также зоны), единицами четырехуровневой СТК являются *совокупности говоров*, одни из которых представляют собой однородные группы, другие - переходные совокупности, третьи нельзя отнести ни к какой-либо однородной группе, ни к переходным совокупностям - это разнородные говоры, которые на данном классификационном уровне составляют как бы "остаток", который можно назвать смешанной совокупностью разнородных говоров [Пшеничнова 1996, 19, 26 - 29]. Этими результатами классификация завершается. Критерии для оценки полученных результатов следует искать прежде всего в теории классификации. В этом плане, в частности, важно отметить, что результаты СТК не меняются в зависимости от того, какой говор принят в качестве точки отсчета, а это свидетельствует об адекватности полученных результатов анализируемому материалу.

Во-вторых, Л.Л.Касаткин отождествляет языковую значимость признака и его классификационную значимость, что также является ошибочным.

Утверждение Л.Л.Касаткина о том, что исследователь, а не компьютер должен решать, что важнее в системе говоров, справедливо, но это положение не имеет непосредственного отношения к процедуре деления. По мнению Л.Л.Касаткина, в самой классификации должна учитываться системная значимость признаков, в связи с чем для классификации русских говоров самым важным признаком должен быть тип предупредительного вокализма как самая главная для русских говоров языковая черта. Такая точка зрения вызывает возражение.

Дело в том, что позиция, на которой стоит Л.Л.Касаткин, неизбежно ведет к бесконечным и малопродуктивным спорам о том, какой критерий принять для определения наиболее важных признаков - структурный, генетический, статистический или еще какой-либо. Как и многие исследователи, я придерживаюсь той точки зрения, что признаки, принимаемые в качестве основания классификации, во-первых, определяются задачей, которую призвана решать классификация, и, во-вторых, отбор признаков, наиболее важных для решения поставленной задачи, должен проводиться до процедуры деления, в самой же классификации все признаки должны участвовать, с точки зрения их языковой значимости, как равноправные. Только при этом условии может

быть исключено влияние на результаты классификации каких-либо субъективных факторов.

Задача СТК - провести классификацию русских говоров как отдельных ЧДС по всем основным языковым показателям и сравнить ее результаты с ареальным ДЧ русского языка - определила выбор в качестве основания тех признаков, которые отражены в ДАРЯ: ДАРЯ наиболее полно отражает русские говоры Центра Европейской части России с середины XX в. и позволяет провести классификацию тех же говоров и по тем же признакам, что и ДЧ К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой. Следовательно, никакие другие признаки (например, ритмическая структура слова или др.), в незнании которых меня упрекает Л.Л.Касаткин, не могут быть учтены в данной СТК. Итак, отбор признаков в качестве основания СТК произведен до процедуры деления, в процессе работы над ДАРЯ, в котором каждый признак, независимо от того, является ли он языковой закономерностью, представленной неограниченным числом примеров, или языковой чертой, представленной единичным примером, - каждый признак рассматривается как элемент языковой системы в его материальном воплощении и структурных отношениях. Значение каждого из признаков раскрыто в условных обозначениях к картам ДАРЯ, на этих же условных обозначениях как на признаках построено и ДЧ (неясно, почему отрицательное отношение Л.Л.Касаткина к такому использованию содержания условных обозначений относится только к СТК).

Значимость признака в языковой системе в процедуре классификации не учитывается. С другой стороны, в самой процедуре классификации *все признаки участвуют с учетом их разной роли в классификации*, или иначе разного вклада в деление, разного классификационного веса.

Известно, что разные языковые особенности по говорам распространены неодинаково. Возникает естественное представление о том, что именно от распределения по говорам зависит роль признака в делении (его классификационный вес), аналогично тому, как значимость признака в ДЧ зависит от большей или меньшей четкости ареала распространения данной языковой черты. Эта *классификационная значимость признаков* входит в показатель (меру) близости между каждыми двумя говорами по каждому из признаков основания и учитывается в СТК автоматически (подробнее в [Пшеничнова 1996, 10 - 13]).

Содержательно зависимость меры близости между двумя говорами от классификационной значимости признака, по которому говоры сравниваются, можно пояснить следующим образом. Большая или меньшая близость между двумя говорами зависит от того, насколько широко распространен признак, по которому эти два говора сравниваются. Так, если в двух сравниваемых говорах присутствует признак широко

распространенный, или отсутствует признак, который вообще в классифицируемых говорах является очень редким, то на основании таких признаков трудно судить о степени близости между сравниваемыми говорами. Напротив, если два говора совпадают по признаку редкому или если в обоих сравниваемых говорах отсутствует признак широко распространенный, то это с большой долей вероятности свидетельствует о близости данных двух говоров. С учетом сказанного и определяется мера близости между каждыми двумя говорами по всем признакам, входящим в основание классификации. По вычисленным мерам близости определяется величина, которая показывает, могут данные два говора входить в одну однородную группу или не могут, и это на протяжении всей процедуры классификации определенным образом уточняется [Пшеничнова 1996, 16-20]. В результате получается наиболее вероятная классификация рассматриваемых говоров по данному основанию.

Признаки основания СТК строго разграничены по их способности выделять совокупности говоров. При этом, в отличие от ДЧ, в котором различаются признаки, выделяющие четкие ареалы и не занимающие компактной территории, после завершения СТК для того, чтобы получить лингвистическую характеристику выделившихся классификационных единиц, вычисляется классификационный вес всех признаков, участвовавших в делении (отдельно для каждого разбиения), и все признаки по их способности различать классификационные единицы одного уровня деления выстраиваются в ранжированный ряд, в котором значения их классификационных весов для русских говоров меняются монотонно. Ранжированный ряд весов условно делится на две части (по определенному правилу - [Пшеничнова 1996: 20-22]): 1) Главные для данного разбиения и 2) все остальные.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что значимость признаков в языковой системе, с одной стороны, и значение (роль, вклад, вес) признака в классификации - не одно и то же и что роль признака в делении зависит только от распределения данного признака по классифицируемым говорам. Например, такие важные для языковой системы признаки, как "Различение /o/ - /a/ в 1-ом предударном слоге после твердых согласных в гласных [o] - [a]" (именно в [o] - [a], а не в других гласных!) в Севернорусском диалектном типе и "Совпадение /o/ и /a/ в той же позиции в гласном [a] независимо от качества ударного гласного" в Южнорусском диалектном типе, являясь Главными для деления на первом классификационном уровне, относятся не к Типоопределяющим, а к Сопутствующим-Главным, так как их классификационный вес, хотя и является высоким, все-таки ниже, чем вес ряда других. Это соответствует тому, как распределены названные признаки по единицам классификации первого уровня. Относительная частота первого

признака в говорах Севернорусского диалектного типа - 0,637; Южнорусского диалектного типа - 0,011; Западнорусского диалектного типа - 0,043; в Среднерусских говорах - 0,421. Относительная частота второго признака соответственно равна: 0,03; 0,863; 0,505; 0,444 [Пшеничнова 1996: 61, признак 1; 96, признак 1].

Классификация одних и тех же объектов по одним и тем же признакам, но разными методами - в данном случае лингвогеографическим и статистическим - может привести к важным и интересным выводам. Естественно, что результаты СТК отражены на лингвогеографической карте, так как говоры - территориальные разновидности языка и, следовательно, потребность показать, как распространены говоры полученных классификационных единиц, вполне закономерна. При этом карта, отражающая СТК, неизбежно будет отличаться от карты ДЧ, но эти различия должны иметь разумное объяснение. Так, на карте СТК отражена классификационная принадлежность каждого отдельного говора с учетом всех основных языковых показателей, в то время как ДЧ, хотя и является результатом анализа лингвогеографического ландшафта русских говоров, образованного всеми признаками, представленными в ДАРЯ, однако построено все-таки на основании не всех признаков, а лишь отобранных в результате такого анализа по определенному правилу. Вопрос о принадлежности каждого отдельного говора к той или иной единице деления в ДЧ не ставится. В результате на карте СТК отражено отсутствие жестких границ между территориями распространения говоров, относящихся к разным классификационным единицам (и, как сказано выше, классификационные единицы имеют принципиально иной характер), в то время как на карте ДЧ проведены четкие, но в определенной степени, условные границы деления. Вместе с тем карта, отражающая СТК, оказалась во многом сходной с картами [Опыта] и ДЧ.

Утверждая, что в СТК говоры с полным и неполным оканьем неправомерно объединены "в один Севернорусский диалектный тип", Л.Л.Касаткин допускает существенную неточность. Среднерусские говоры, выделившиеся в СТК как говоры, для которых характерно сочетание севернорусских и южнорусских черт, по таким важным для языковой системы признакам, как безударный вокализм, в большинстве случаев характеризуются сочетанием особенностей, наиболее ярко свидетельствующих о переходном характере данных говоров (это можно считать еще одним свидетельством в пользу результатов СТК). К Среднерусским говорам в СТК относится подавляющее большинство говоров, в которых отмечено неполное оканье и частичное различие гласных неверхнего подъема после мягких, а в значительной части говоров с аканьем, также отнесенных в СТК к Среднерусским, отмечено еканье или

умеренное яканье, которое, как известно, ближе всего к предупредному вокализму после мягких севернорусских говоров [Пшеничнова 1996, карта № 6] и [ДАРЯ 1986, карты №№ 1, 3, 9)]. Лишь часть говоров с неполным оканьем и частичным различием гласных неверхнего подъема после мягких в результате сравнения по всем основным языковым показателям действительно вошла в группу говоров Севернорусского диалектного типа, но в пределах этой группы вместе с частью говоров, относящихся по ДЧ к Костромской группе (второй уровень), на втором уровне СТК выделилась как отдельная группа (Владимирско-Поволжского диалектного типа) (подробнее об этом: [Пшеничнова - в печати]).

Л.Л.Касаткин, возражая против того, в каком объеме выделались в СТК Среднерусские говоры, ссылается на мнение Р.О.Якобсона, но при этом далеко не полностью раскрывает точку зрения Р.О.Якобсона на данный вопрос. Свое возражение против границы между ср.-в.-р. говорами и с.-в.-р. с намечающейся переходностью Р.О.Якобсон обосновывает недостаточным числом признаков, определивших эту границу: "Нам представляется излишне категоричной и северная граница средневеликорусских говоров, отмежевывающая их от т.н. говоров с намечающейся переходностью. Признак, положенный в основу этого разграничения, именно наличие или отсутствие *o* в предупредном слоге - также не является существенным" [Якобсон 1916, 103]. (Речь идет о признаке, который, по мнению Л.Л.Касаткина, как раз и является наиболее существенным.). В другой своей статье, впервые опубликованной также в 1916 г., Р.О.Якобсон рассматривает "и различные типы т.н. говоров с намечающейся переходностью, и различные типы говоров переходных лишь как отдельные полосы обширной зоны средне-великорусских говоров" и несколько подробнее обосновывает свою точку зрения [Якобсон 1971: 574]. Очень важно, что Р.О.Якобсон обращает специальное внимание на неоднородность говоров, которые он предлагает выделять как переходные, или среднерусские, и на постепенность перехода между северновеликорусскими и южновеликорусскими: "Не целесообразней ли считать средневеликорусскими все те говоры, которые совмещают фонетические черты ю.-в.р. (или б.-р.) с неюжными чертами. В зависимости от количественного соотношения тех и других черт можно было бы установить ряд полос средневеликорусских диалектов" [Якобсон 1916, 106]. Именно такой анализ материала, но материала значительно большего объема, и осуществлен в СТК, которая, в частности, уточнила представление о неоднородности среднерусских говоров и постепенности перехода между говорами Севернорусского и Южнорусского диалектного типа, о чем говорили и авторы [Опыта], и Р.О.Якобсон, и авторы ДЧ.

Литература

- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Под ред. Р.И.Аванесова, С.В.Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Касаткина Л.Л. Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // *Материалы исследования по русской диалектологии 1* (7). Москва, 2002.
- Калынь Л.Э. [Рец.] И.Н.Пшеничнова. Типология русских говоров. М., 1996, 208 с. + 7 карт // ОЛА. Мат-лы и иссл. 1994-1996. М., 2000.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. Составили Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов и Д.Н.Ушаков. М., 1915.
- Попова Т.В. [Рец.] Пшеничнова И.Н. Типология русских говоров. М., 1996, 208 с., 7 карт // *Russian Linguistics* 23, 1999.
- Программа собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М. - Л., 1947.
- Пшеничнова И.Н. О типологии русских диалектов как сложных систем с постоянными и вариативными звеньями // *Языковая картина мира. Лингвистический и культурологический аспект*. Бийск. 1998.
- Пшеничнова И.Н. Среднерусские говоры в структурно-типологической классификации русских говоров // ОЛА. Мат-лы и иссл. 1994-1996. М., 2000.
- Пшеничнова И.Н. Владимирско-Поволжские говоры в структурно-типологической классификации русских говоров // *Сборник, посвященный В.Н.Сидорову* (в печати 1).
- Пшеничнова И.Н. Типология русских говоров. М., 1996.
- Пшеничнова И.Н. Русские диалекты (структурно-типологическая классификация) // *Русский язык. Энциклопедия* (цветная вклейка). М., 1997.
- Пшеничнова И.Н. О некоторых трудных вопросах структурно-типологической русских говоров // *Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Р.И. Аванесова. Русская диалектология*. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.
- Якобсон Р. [Рец.] Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов, Д.Н.Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением Очерка русской диалектологии. ("Труды Моск Диал. Комиссии", вып. V). М., 1915 // *Этнографическое обозрение*. Год 28-й. Кн. С IX - СХ 1916, № 1 - 2. М., 1916.
- Якобсон Р. Фонетика одного северно-великорусского говора с намечающейся преходностью // *Roman Jakobson. Selected Writings*. 1971. Mouton, the Hague - Paris.

Summary

Discontinuity and Continuity of Russian Dialectal Space

In this article definitions of the concepts of "discontinuity" and "continuity" are given. Discontinuity and continuity of Russian dialectal space are considered in terms of two aspects territorial aspect - in terms of linguistic geographical maps of the Dialectal Differentiation of the Russian language by K.Zakharova and V.Orlova and in terms of the structural typological classification of Russian subdialects by N.Pshenichnova; structural typological aspect - in terms of results from the structural typological classification of Russian subdialects.

Северные говоры за чертой ДАРЯ.

К вопросу о диалектном членении русского языка

Территория Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), как известно, была ограничена с севера 62-й параллелью; тем самым, в нее вошли только самые южные районы Архангельской области: Каргопольский, Коношский, Вельский, Устьянский, Красноборский, Котласский, Вилегодский, частично Няндомский. За пределами обследованной по программе атласа и картографированной территории остались районы Верхнетоемский, Виноградовский, Ленский, Лешуконский, Мезенский, Онежский, Пинежский, Плесецкий, Приморский, Холмогорский, Шенкурский и частично Няндомский. По характеру размещения населения эти территории "не вписывались" в лингвогеографическую концепцию Р.И.Аванесова, согласно которой картографируемые пункты должны составлять равномерную сетку. Такой сетки на севере быть не могло, поскольку эти территории заселены только по течению рек, расстояние между которыми исчисляется иногда сотнями километров. Очевидно, эти говоры должны были быть представлены как-то иначе, но одновременно с материалами ДАРЯ; ведь синхронная сопоставимость диалектных данных — это тоже один из важнейших пунктов лингвогеографической концепции Р.И.Аванесова. Однако работа над атласом потребовала концентрации усилий всех диалектологов, и в течение десятилетий говорями северной части Архангельской области занимались диалектологи, преследовавшие частные научные цели — некоторые проблемы фонетики (работы Л.Л.Касаткина и Р.Ф. Касаткиной), морфологии (работы Г.Я.Симиной о говорах по течению р.Пинеги), синтаксиса (работы В.И.Трубинского), лексики (Лексический атлас Архангельской области Л.П.Комягиной и работа над Архангельским областным словарем под руководством О.Г.Гецовой).

В результате в настоящее время у нас нет отчетливого представления о лингво-географических характеристиках той территории, которая лежит за пределами ДАРЯ и в частности, о том, подтверждается ли существование там особой единицы диалектного членения русской территории — Поморской группы говоров, которая обозначена на карте Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколова и Д.Н.Ушакова (условно называемой картой МДК — далее мы используем это название) и охарактеризована ими в приложении к «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе» [Дурново и др. 1915].

Нам неизвестна и северная граница Вологодской группы говоров, важнейшие изоглоссы которой не замыкаются на картах ДАРЯ, а уходят куда-то на север. Как далеко уходят они на север? Идут ли они до самого Белого моря или замыкаются южнее, оставляя место для еще одной группы севернорусского наречия?

Это нельзя не считать белым пятном в лингвистической географии русского языка, поскольку север Архангельской области, как и некоторые районы Карелии, представляет собой территорию древнейшей русской колонизации.

В последние десятилетия стало принято называть "архангельскими" говоры всей Архангельской области, что с лингвистической точки зрения неправомерно: как показывают карты ДАРЯ, южные районы области относятся к Вологодской группе говоров, и весь вопрос в том, однотипны ли говоры всей Архангельской области говорам Вологодской группы в целом, или все же есть такие, которые следует обозначить иначе — как Поморские или Архангельские?

Некоторые сведения лингвогеографического характера (т.е. полученные в виде ответов на вопросы определенной программы) могут быть почерпнуты из материалов, собранных для Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), хотя сетка ОЛА содержит всего 27 пунктов к северу от 62-й параллели, а этого явно недостаточно для восстановления лингвогеографической картины столь обширной территории. Существенную роль могло бы сыграть изучение фонограмм тех говоров, которые исследовались в связи с работой над Архангельским областным словарем — но это требует очень больших усилий, сопоставимых со специальной экспедиционной работой. Поэтому в основу предлагаемых здесь соображений относительно лингвогеографических характеристик территории "за чертой ДАРЯ" легли наши собственные наблюдения над говорами разных районов Архангельской области.

На карте МДК южная граница Поморской группы говоров проходит немного севернее границы ДАРЯ, но проведена она прямой линией, что свидетельствует о недостаточно ясном и документированном представлении авторов карты о границе между Восточной (Вологодско-Вятской) и Поморской группами говоров.

Авторы фундаментального труда о диалектном членении русского языка, основанного на материалах ДАРЯ, высказывают предположение об отсутствии специфических особенностей у говоров, отнесенных авторами МДК к Поморской группе: "Мы не встретим таких сочетаний ареалов собственно местных явлений, которые дали бы основание для выделения самостоятельной группы северного наречия, а лишь повторение в новом размещении черт расположенных к югу от Поморской группы

межзональных говоров северного наречия, что отмечали и авторы "Опыта...", указывавшие на преобладание в этой группе черт, известных и за ее пределами". [Захарова, Орлова 1970, С.121-122].

Следует вспомнить, однако, что и никакая другая группа русских говоров не обладает ни одним уникальным признаком, который был бы дифференциальным для данной группы, а выделение единиц диалектного членения авторами ДАРЯ осуществлялось на основании некоторых пучков изоглоссы; при этом каждая единица членения совмещает в себе признаки соседних единиц — в этом состоит специфика диалектного ландшафта русского языка. Поэтому такой аргумент для отрицания самостоятельности Поморской группы говоров не может быть принят. К тому же, эти говоры должны все-таки как-то "вписаться" в лингвистическую карту русского языка! Если они не Поморские, то — какие?

Соседями гипотетических Поморских говоров с юга являются говоры Онежской и Лачской групп Межзональных говоров (Олонецкие говоры по терминологии "Опыта") и Вологодской группы говоров севернорусского наречия; можно ли отнести говоры северной части Архангельской области к какой-либо из этих групп или поделить их территорию на продолжение соседних с ними групп? В этом случае границы уже известных групп сместились бы далеко на север, и вологодскими пришлось бы называть, скажем, говоры Мезенского и Лешуконского районов, а Онежскими или Лачскими — говоры Плесецкого и Онежского районов Архангельской области.

Или совмещение особенностей межзональных и вологодских говоров все-таки дает такой комплекс признаков, который не позволяет назвать их ни вологодскими, ни онежскими, ни лачскими, а требует какого-то иного обозначения? Может быть, существенное пополнение сведений о говорах Севера позволяет выявить и еще какие-то их специфические признаки, которые могут помочь в определении их лингвогеографического статуса? Впрочем, относительно выявления специфических «поморских» признаков, трудность состоит в том, что это могут быть признаки, не предусмотренные Программой ДАРЯ [Программа 1947] и не зафиксированные на соседних территориях материалами, собранными по этой программе, а потому и не сопоставимые с изоглоссами и ареалами атласа. В этом случае о специфичности того или иного признака для говоров предполагаемой Поморской группы пришлось бы судить уже не по материалам ДАРЯ, а по монографическим описаниям говоров соседних территориальных групп.

Очевидно, что характерные черты Поморских говоров следует искать в первую очередь в тех районах Архангельской области, которые максимально удалены от говоров вологодского типа — Онежском, Приморском, Мезенском и Лешуконском.

Если окажется, что характерные особенности говоров крайнего севера Архангельской области не совпадают с комплексом признаков какой-либо из соседних групп и дают основание видеть там особую единицу диалектного членения (Поморскую группу), то следующей задачей должно быть определение границы между этой (Поморской) и соседними с ней группами говоров.

На карте МДК эта граница проходит по территории Архангельской области, однако имеется ряд весьма важных изоглосс, которые делят территорию Вологодской группы говоров на северную и южную части. Естественно предположить, что признаки северной ее части распространяются на архангельскую территорию; в таком случае северная граница Вологодской группы говоров могла бы пройти южнее, а вопрос о лингвогеографическом статусе говоров «за чертой ДАРЯ» должен был бы касаться также и говоров северной части Вологодской группы.

И наконец, предстоит выяснить, насколько существенно сходство говоров, находящихся бассейнах главных северных рек - Онеги, Северной Двины с Пинегой и Мезени с Вашкой. Совершенно очевидно, что полного единообразия там нет; но насколько существенны различия между ними? Составляют ли эти говоры одну группу, в составе которой выделяются некоторые ареалы, или это несколько разных групп? Насколько социальная обособленность жителей этих регионов сказалась на их речи?

На эти вопросы предстоит ответить для того, чтобы ликвидировать это «белое пятно» на лингвогеографической карте русского языка.

Но прежде рассмотрим те признаки, на основании которых авторы карты МДК обозначили существование Поморской группы говоров.

1. Важнейшим основанием для членения говоров севернорусского наречия авторам "Опыта" представлялись рефлексы старого *ѣ. Поморским говорам приписывалось произношение узкого [ê] во всех позициях в отличие от Олонецких и Вологодских, которые авторы карты МДК считали сходными, но различающимися предударным рефлексом *ѣ: в обеих группах *под ударением* перед твердым констатировался закрытый или дифтонгический звук типа [ê]. перед мягким - [и]; *в предударном слоге* в Олонецких говорах перед твердым - только [е], в Вологодских - [о] и [е]; перед мягким в обеих группах [и].

2. Поморским говорам, как и Вологодско-Вятским, приписывалось *под ударением* чередование [а] перед твердым/[е] перед мягким согласным ([шл'áпá]/[ф шл'éп'и]), *в 1-м предударном слоге* - только [е] ([т'ен'у] - [т'ен'и]). В Олонецких говорах [а] преимущественно сохраняется во всех позициях.

3. Варьирование [е]/[о] на месте *е, *ь с преобладанием [е] в предударном слоге приписывалось Поморским говорам, более регулярное ёканье - Вологодско-Вятским.

Среди признаков консонантизма авторы указывают только два таких, которые, по их мнению, не повторяются ни в Олонецких, ни в Вологодско-Вятских говорах:

1. в Поморских говорах губно-зубное [в] чередуется с [ф]; в Олонецких и Вологодско-Вятских - с [ў];

2. веляризованное качество твердой фонемы <л> в Поморских говорах сохраняется во всех позициях; в Олонецких и Вологодско-Вятских говорах — <л> преимущественно реализуется неvelopризованным [l] и представлена как [ў] на конце слова и перед согласным.

Относительно морфологии сведения чрезвычайно скудны: имеется только указание на то, что в тв. падеже мн. числа существительные в Поморской группе имеют окончание [-мы], прилагательные - [-ма], а в Вологодско-Вятской - единое окончание [-м] (сведения об Олонецкой группе не приводятся).

Обратимся к материалу современных говоров изученных нами северных районов Архангельской области (Онежского, Мезенского и Лешуконского), которые мы будем условно называть «Поморскими»; насколько подтверждаются особенности, приписанные Поморским говорам авторами карты МДК?

Полностью подтверждаются характеристики вокализма, которые для авторов «Опыта» имели решающее значение:

1. характер рефлексов *ѣ как под ударением, так и в безударном слоге ([е] во всех позициях);

2. чередование гласных в ударном слоге после мягких согласных: [а] перед твердыми/[е] перед мягкими; в предударном слоге только [е];

3. нерегулярное ёканье в соответствии с *е, *ь перед твердыми согласными;

Подтверждаются также и такие особенности консонантизма, как:

1. чередование [в]/[ф];

2. [л] во всех позициях.

Сведения об окончании формы тв. падежа мн. числа имен существительных современными говорами не подтверждаются: регулярной флексией для них является <-ам'и>; тогда как для прилагательных, — действительно, <-има>.

Таким образом, по тому признаку, который авторами карты МДК был принят за основу выделения групп северного наречия (рефлексы *ѣ), основания для выделения Поморской группы действительно были и остаются.

Список, представленный в «Опыте», на основании наших материалов может быть дополнен еще целым рядом признаков. Рассмотрим их в сопоставлении с теми признаками Онежских, Лачских и Вологодских

говоров, которые показаны на картах ДАРЯ, учитывая только те из них, по которым изученные нами говоры отличаются хотя бы от одной из соседних территориальных групп атласа: это позволит определить степень близости «Поморских» говоров к тем группам, которые показаны на карте ДАРЯ.

Особенности консонантизма едва ли могут быть использованы в качестве опорных признаков для различения отдельных групп внутри северо-восточной диалектной территории, включая Межзональные говоры. Всем им свойственно мягкое цоканье; долгие мягкие шипящие характеризуются многообразием твердых реализаций как с затворным элементом, так и без него; чередование [в] / [ў] на конце слова и перед согласным, относительно регулярное только в части Вологодских и Онежских говоров, в целом не свойственно говорам Лачским и «Поморским», однако встречается и там в виде нерегулярных речевых реализаций. Фонема <л>, показанная на Вологодской территории достаточно регулярным чередованием [л] / [ў], в «Поморских» говорах обычно реализуется веляризованным [л] во всех позициях, но встречается и невеляризованный [л], а также [ў] на конце слова и перед согласным. Губные согласные на конце слова только тверды; конечные сочетания [ст], [с'т'] теряют смычный элемент; ассимиляция по назальности происходит только в группе губных ([бм] > [мм]). Сама же Вологодская группа по некоторым особенностям консонантизма делится на северную и южную части, и характерные особенности северной ее части (такие, как отсутствие ассимилятивного прогрессивного смягчения заднеязычных согласных, отсутствие чередования [в] / [ў]), распространяются дальше на север.

В морфологии картина представляется значительно более «содержательной»: склонение существительных и местоимений в «Поморских» говорах обнаруживает существенное сходство с западными Межзональными говорами, а также и с говорами Ладого-Тихвинской группы и Западной зоны вообще:

1. в 1-м склонении единая флексия форм род., дат. и предл. падежей <-и> (без *жены*, *к жены*, *о жены*); в Вологодской - <-и> в род. падеже, <-е> в дат. и предл.;

2. во 2-м склонении в предл. падеже — регулярная флексия <-и> (в Вологодской группе - <-е>);

3. 3-е склонение не обнаруживает признаков влияния 1-го: в дат. и предл. падежах флексия <-и>, в тв. <-ju>; в Вологодской и восточной части Лачской группы — флексии 1-го склонения <-е>, <-oj>;

4. в тв. падеже мн. числа существительных регулярна флексия <-ам'и> (*доми*, *коровами*), распространенная также и в северных районах Вологодской обл., в отличие от односложной флексии <-ам>, характерной для основной территории Вологодской группы говоров. Онежские говоры характеризуются двухсложной флексией с твердой согласной <-ами> ([амы]).

5. в тв. падеже мн. числа прилагательных, местоимений и числительных — флексии <-има>, <-ма>, не координированные с флексией существительного (*сухи́ма дровáми*, *с двумá мужикáми*, *с имá*).

Следует заметить, что флексии тв. падежа мн. числа - <-ами> в субстантивном склонении и <-има> в адъективном — составляют яркую характерную особенность говоров почти всей территории к северу от границы ДАРЯ (впрочем, начало этих ареалов обозначено уже на карте ДАРЯ, в Вельском, Котласском и Вилегодском районах Архангельской обл.); притом, особенность несомненно очень существенную, поскольку флексия <-има> адъективного склонения восходит непосредственно к формам двойственного числа.

6. флексия род. падежа ед. числа муж. рода прилагательных и местоимений <-ого>, как в Онежской и западной части Лачской группы, в отличие от <-ово> в Вологодской и восточной части Лачской группы;

7. суффикс сравнительной степени <-é> (*скорé*), характерный для говоров Западной зоны, в том числе, среднерусских Псковских и южнорусских Смоленских;

8. местоимение 3 лица жен. рода имеет единую форму всех косвенных падежей - <je> (<н'еj>), как в Межзональной и в северной части Ладого-Тихвинской группы говоров;

9. форма мн. числа местоимения 3 лица и местоимения-прилагательного *один* в говорах по течению Онеги сохраняет твердый согласный основы при флексии <-и> ([оны], [одны]), характерный для говоров Западной зоны; дальше на восток они сосуществуют со смягчающей флексией <-е> ([одн'é]), свойственной говорам Вологодской группы.

Как видим, в области именного словоизменения говоры, условно названные нами «Поморскими», близки своим соседям с запада и не разделяют характерных признаков Вологодской группы говоров. Уникальной их особенностью можно считать флексии тв. падежа мн. числа адъективного склонения или некоординированное сочетание субстантивных и адъективных флексий тв. падежа мн. числа. Глагольное словоизменение в основных своих чертах представляет весьма единообразную картину для всех рассматриваемых нами говоров; но по тем признакам, которыми различаются межзональные и вологодские говоры, «Поморские» сближаются с вологодскими:

10. флексия 2-го лица мн. числа глаголов с стабильным флексивным ударением <-ит'é> объединяет «Поморские» говоры с северо-вологодскими (южно-вологодским свойственно <-ит'ó>, тогда как в межзональных не отмечено ударение на конечном гласном флексии);

11. возвратный постфикс после согласных <-с'е>, как в говорах Вологодской группы;

12. [e] в флексии 3 лица ед. числа перед возвратным постфиксом (чередование[о]/[e]: ве[д'от] - ве[д'ец'ц'е]);

13. отсутствие «деепричастных» форм на *-вши, -миш, -ши*, характерных для говоров северо-запада.

Можно назвать еще целый ряд черт, несомненно характерных для «Поморских» говоров, которые мы не имеем оснований считать дифференцирующими, поскольку не можем соотнести их с признаками соседних групп, так как эти признаки не были рассмотрены Программой ДАРЯ и поэтому не отражены на картах. Это:

1. фонетические признаки противоположенности согласных по напряженности-ненапряженности, [Касаткин, Касаткина 1992];

2. конечный гласный [о] в формах им. и вин. падежей существительных мужского рода [Касаткин 1996];

3. глагольные формы с вторичной имперфективацией (т.н. «многократные») типа *бэгивал, бирáл* [Пожарицкая 1991];

4. глагольное сказуемое, включающее форму прошедшего времени глагола *быть*, согласованную либо не согласованную с формой прошедшего времени основного глагола, которое может быть охарактеризовано как реликт древнерусского плюсквамперфекта, типа *вся деревня была сгорела; пиво было вари́вали* [Пожарицкая 1996]. Эти формы были предусмотрены Программой ДАРЯ в разделе «Синтаксис» (вопрос № 127), однако полученные ответы не дали материала для составления карты – не есть ли это признак того, что широко распространенная и «живая» для «Поморских» говоров конструкция не является таковой для других групп севернорусского наречия?

5. существенную (а может быть, и решающую) роль в определении лингвогеографического статуса «Поморских» говоров могли бы сыграть лексические изоглоссы; однако имеющийся атлас Архангельской области [Комягина 1995] имеет частный характер, а работа над лексическим атласом русского языка находится еще в стадии собирания материала.

Однако и сейчас уже есть данные, свидетельствующие о своеобразии лексического состава говоров этой территории, например:

– указательное местоимение *тоттам* с внутренней флексией (*тотам, татам, тойтам, тутам, тетам*), существующее практически во всех говорах Архангельской области, по-видимому, составляет их отличительную особенность;

– есть основания предполагать, что в состав различительных явлений могут войти служебные и модальные слова и частицы; в частности – исторически производные от глаголов *быть, бывать*: *бы, буде, бывает* ([бывáт], [бат], [ба], [бывáй], [бай], семантика и функции которых не совпадают с тем, что известно о них в других диалектных системах.

Итак, сопоставление имеющихся в настоящее время сведений об особенностях говоров из числа тех, которые авторы карты МДК в 1915 году назвали Поморскими, с одной стороны, с признаками Вологодской, Онежской и Лачской групп говоров, охарактеризованных авторами ДАРЯ, с другой, показывает следующее.

Рассматриваемые говоры действительно совмещают в себе многие существенные признаки соседних диалектных групп, однако именно это совмещение делает невозможным их включение в какую-либо из определенных в ДАРЯ групп (Вологодскую либо Межзональную).

Наряду с этим они обладают некоторыми особенностями, которые могли бы считаться различительными признаками именно для этих говоров. Например:

– специфика рефлексов *ѣ, послужившая авторам карты МДК основанием для отделения этих говоров от соседних Вологодско-Вятских и Олонецких, актуальна и для современных говоров этой территории;

– флексия тв. падежа мн. числа адъективного склонения <-има>, восходящая к формам двойственного числа и не координированная с одноименной флексией субстантивного склонения <-ам'и>, может считаться едва ли не уникальным различительным признаком группы говоров, которую можно было бы назвать Поморской, или Поморско-Архангельской, или просто Архангельской.

Нет сомнений в том, что этот список может быть продолжен, и в первую очередь, путем привлечения данных лексических изоглосс. Мы же ограничились минимальным количеством достаточно достоверных из ныне известных признаков.

Это свидетельствует о том, что за пределами ДАРЯ все-таки имеется еще одна группа говоров севернорусского наречия, южную границу которой (границу с Вологодской группой) предстоит определить для того, чтобы картина диалектного членения русского языка обрела цельность и законченность.

Литература

- [Дурново и др. 1915] – Дурново Н.Н., Ушаков Д.Н., Соколов Н.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.
- [Захарова, Орлова 1970] – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- [Касаткин 1966] – Касаткин Л.Л. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка// Русистика. Славистика. Индоевропеистика: к 60-летию А.А.Зализняка. М., 1996.
- [Касаткин, Касаткина 1992] – Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Противопоставление согласных по напряженности-ненапряженности в севернорусских говорах//Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- [Комягина 1994] – Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

- [Пожарицкая 1991] – Пожарицкая С.К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.
- [Пожарицкая 1996] – Пожарицкая С.К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991-1993. М., 1996.
- [Программа 1947] – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.-Л. 1947.
- [Сими́на Г. Я.] - Пинежский говор. Материалы по русской диалектологии. Калининград 1976.
- [Трубинский В.И] – Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

И.А. Букринская,
О.Е. Кармакова

Лингвогеографическое изучение восточнославянской лексики

Summary

Dialects outside the DARL.

A contribution to the classification of Russian dialects

The paper treats linguistic geographic status of the part of the varieties of the North Russian dialect which in 1915 were defined as "Pomorje" group and which were afterwards left outside the scope of the Dialectological Atlas of the Russian Language. An analysis of the linguistic features of these varieties allow to conclude that they can not be placed into any of the groups postulated by the map of the Atlas, including Interzonal and Vologda groups. Thus, they form a separate group within the North Russian dialect whose limits are yet to be defined.

В связи с публикацией восточнославянских национальных атласов, особенно лексического выпуска «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), становится актуальной интерпретация их материалов в различных направлениях: историческом, ареальном, когнитивном. Проводимые лингвогеографические исследования предоставляют богатые возможности для сравнительно-исторического изучения многих языковых явлений, в том числе лексических. Лексика диалектов, как правило, использовалась при разработке диалектного членения в меньшей степени в отличие от явлений фонетического и грамматического уровней.

Подобное недоверие к лексическим феноменам объясняется скорее всего тем, что достаточно часто лексические и семантические ареалы отличаются дробностью, необычной конфигурацией, которая не совпадает с границами других языковых явлений. В связи с чем многие лингвисты склонны расценивать лексические различия как образования нового времени. Однако, на наш взгляд, именно в этой нетривиальности, особенности кроются еще не раскрытые возможности использования архаической лексики при восстановлении наиболее древних диалектных различий.

Интересную в лингвогеографическом отношении зону представляют говоры Волго-Клязьминского междуречья. Именно говоры данного региона легли в основу ростово-суздальского диалекта, а позже, как полагают многие исследователи, и в основу русского литературного языка. Однако вопрос о генезисе говоров «литературного типа» остается открытым и по сей день.

Сложность трактовки языковых явлений, характерных для этой территории, связана с тем, что эта область была населена разными племенами. Так, Р.И.Аванесов в своей программной работе «Вопросы образования русского языка в его говорах» писал: «Примером образования диалекта области на почве старых племенных диалектов может служить Ростово-Суздальская Русь: население этой земли составляли главным образом потомки кривичей, а также словен, частично вятичей» [Аванесов 1947: 128]. Аванесов считал, что на рассматриваемой территории жили «восточные кривичи», которые были противопоставлены по ряду языковых черт «западным кривичам»: отсутствие цоканья, губно-зубной характер в

[там же, 129], кроме того, имели г-взрывной. Однако принадлежность этих черт именно кривичам, строго говоря, не очевидна.

Ещё раньше, в конце тридцатых годов XX в., академик Б.М.Ляпунов выдвинул гипотезу о том, что древняя Ростово-Суздальская область была занята особым древнерусским племенем, это предположение разделял и [Филин 1972: 60]: «Особо выделяются владими́ро-суздальские говоры: отсутствие в их значительной части цоканья, особая судьба *ѣ* (ять), иной тип оканья и некоторые другие черты натолкнули автора на мысль, что эти говоры являются потомками диалекта особого восточнославянского племени, название которого до нас не дошло». Исследования последнего времени во многом подтверждают эту гипотезу. Говоры описанной территории явились предметом рассмотрения С.Л. Николаева, который назвал их восточными говорами «литературного типа»: «Эти говоры не могут быть поставлены в генетическую связь ни с одним из реконструируемых восточнославянских племенных языков. Отдельные явления на указанной территории, имеющие кривичский, вятичский или ильменско-словенский характер, легко объясняются влиянием на говоры «литературного типа» переселенцев и соседей.

Великорусские говоры «литературного типа» имеют акцентологические особенности, резко отличающие их от прочих славянских языков... Для них характерна уникальная рефлексация ударения *о*- и *и*-основ муж. рода а.п. - d..., что касается системы «сдвига ударения», то говоры «литературного типа» имеют редчайший тип *ложит*, *мутит*, засвидетельствованный только в штокавском диалекте бассейна Южной Моравы, возможно, действительно связанном древним родством с великорусскими говорами «литературного типа» [Николаев 1994: 43].

Археологическая характеристика этого племени дана В.В.Седовым, описавшим пути его дальнейшего расселения: «...отдельные группы славянских переселенцев направляются в регионы расселения поволжско-финских племен. Славяне появляются в земле муромы, на востоке достигают р. Унжи и окраин ареала мари (марийцев), на севере расселяются среди веси вплоть до Белоозера» [Седов 1994: 11]. Позднее переселенцы из этого региона устремляются на обширные территории нового заселения: по среднему течению р. Волги, по среднему и нижнему течению р. Суры - современная территория запада Ульяновской и Пензенской областей, что связано с московской колонизацией. Особенности расселения сказались и на языковом уровне: одни лексические изоглоссы имеют ареалы лишь в междуречье Волги и Клязьмы, другие же изоглоссы распространены существенно шире, охватывая территории на севере и на юго-востоке.

В отечественной лингвогеографической традиции говоры названного региона принято называть центральными. Впервые противопоставление

центральных и периферийных говоров было выдвинуто авторами диалектного членения русского языка К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой в книге [Русская диалектология 1964: 229]. На особую важность этого противопоставления для русской диалектологии указала [Бромлей 1985], которая выделила по пучкам изоглоссы максимальный и минимальный варианты центральной зоны. Черты говоров центральной зоны - подчеркнем, что лишь фонетические и морфологические при отсутствии лексических - приведены у Захаровой и Орловой [Русская диалектология 1964: 230-231], они совпадают с чертами литературного языка. Противопоставленность говоров центральной зоны всем остальным свидетельствует об особом их характере. И это тоже, как нам кажется, подтверждает гипотезу Ляпунова о наличии восточного славянского племени, не сохранившего своего названия, язык которого и лег в основу говоров центральной диалектной зоны.

Итак, как уже говорилось, территория Волго-Клязьминского междуречья не является этнически однородной: ее населяло в УШ-IX вв. упомянутое восточное славянское племя, на юге соседствующее с вятичами, а позже здесь появляются ильменские словене и кривичи [Седов 1994:12]. Этническая неоднородность обозначенной территории не могла не отразиться и на языковом уровне. В связи с этим говоры данного региона представляют собой достаточно пеструю картину, особенно в лексическом отношении. Поэтому, изучая любой лингвистический феномен рассматриваемой зоны, следует всякий раз тщательно анализировать ареал его распространения, сопоставляя с данными других говоров и других славянских языков, чтобы установить, с каким племенным языком он вероятнее всего соотносится.

Восточные говоры «литературного типа» характеризуются многими архаическими чертами в области лексики. Ниже будут представлены некоторые из них. В названных говорах распространены сложные наименования радуги: *радуга-дуга*, *дуга-радуга*, *дуга-рада*, *рада-дуга*, *ладуга-дуга* [Букринская, Кармакова 1995]. В других славянских языках композиты представлены только в северо-восточных болгарских говорах. По мнению Н.И.Толстого, они восходят к сочетаниям типа *дуга, *рада дуга*, *радова дуга*, «которые в скороговорке или в результате гаплоггии дали *дуга-радуга* и позже просто *радуга*...» [Толстой 1976, 52], т.е. композиты являются более древними наименованиями, чем название *радуга*, свойственное литературному языку и многим говорам. Композиты *радуга-дуга* и *дуга-радуга* образуют многочисленные кружевные, переплетающиеся ареалы на обширной территории русского северо-востока [Букринская, Кармакова 1995: 34].

Другая древняя черта описываемых говоров - это сохранение исходного праславянского значения у лексики *жито* «общее родовое название зерновых культур». В таком же значении оно вошло и в русский литературный язык. По данным Общеславянского лингвистического атласа,

žito как общеродовое название зафиксировано в некоторых говорах сербохорватского и македонского языков. В большинстве русских говоров и во многих славянских языках *жито* стало обозначать конкретную зерновую культуру, преобладающую в определенной местности. Так, в северо-западных областях России *житом* называют ячмень - злак, способный переносить очень суровый климат: его сеют на севере Архангельской области, включая побережье Белого моря. В говорах юга и юго-запада Центральной части России, на Украине, в Белоруссии, а также в большей части славянских языков и диалектов *жито* - наименование ржи. *Жито* в значении 'пшеница' известно лишь небольшому числу русских диалектов. Чаще так называют пшеницу в южных регионах, где ее больше сеют: на севере Сербии, юге Македонии, в Болгарии и западе Словакии.

Еще одной важной чертой восточных говоров «литературного типа» является распространение слова *елѡха* в значении 'ольха'. В [Опыт 1852: 64] паходим *ѣлѡха* 'ольха' костр., Даль дает это слово с пометой *ниж.* (нижегородское), а форме *ѣлха* - *влд.* (владимирское), *вят.* (вятское). По материалам Диалектологического атласа русского языка, непоследовательно фиксирующим это слово, так как специального вопроса не было предусмотрено Программой, была составлена рабочая карта (автор С.Л.Николаев). Судя по ней, названия *елѡха/ѣлха* зафиксированы в нижегородских, владимирских, костромских говорах, а также говорах более позднего заселения - по течению р. Суры. В литературном языке остались лишь следы этого наименования - Елоховская улица (в Москве). Фасмер отмечает формы *jelxa* в сербском и болгарском языках, в сербохорватском - *joha* из *jeoha. В [ЭССЯ 6] **el'xa*: в болг., сербохорват., макед., словац. В [ОЛА 2000:37] зафиксированы формы *joha* и *el'xa* в сербохорватском языке, причем чаще в южных говорах, на границе с Македонией и Болгарией.

В северо-восточных русских говорах распространен глагол *теребѣть* 'убирать лен с поля', который в том же значении употребляется и в литературном языке. Общеславянским для анализируемого глагола является значение 'очищать, чистить', откуда — 'корчевать', послужившее, видимо, основой для восточнорусского 'убирать лен, коноплю', т.е. выдергивать их с корнем. В других восточнославянских языках глагол *теребѣть* в подобном терминологическом значении не отмечен.

Все перечисленные лексемы охватывают максимальную территорию центральной зоны (см. карту). Более узкий ареал занимает слово *молотѣло/молотѣлка* «бьющая часть цепа». Само орудие в этих говорах называется *цеп*, а его вторая деревянная составляющая — рукоять - носит наименование *кадка*. Но гораздо шире лексема *молотѣло* распространена в качестве названия всего орудия, занимая северо-восточную диалектную зону, а также часть тверских и селигеро-торжковских говоров. Здесь же встречается и лексема *цеп*, как автономно, так и при сосуществовании с

молотѣлом. Мы полагаем, что первоначальным названием орудия для ручной молотыбы было *цеп*, но произошел перенос по функции (синекдоха): наименование с составляющей части (*молотѣло*) перешло на все орудие в целом, а в качестве названия бьющей части в упомянутых говорах стали использовать лексемы *палка* и *батѡг*. За пределами русских говоров названия от глагола *moltiti «бить, колотить» зафиксировано у южных славян: сербохорват. *млатѣло*, болг. *млатѣло*, *млатѣлка*.

Как видно из примеров, многие рассмотренные изоглоссы находят соответствия в южнославянских языках, что может свидетельствовать об их общем происхождении, общих лингвистических переживаниях. Следует отметить, что восточные русские говоры, с одной стороны, и сербохорватские и болгарские, с другой — являются периферией, маргинальной зоной относительно всей Славии. Таким образом, восточные русские говоры литературного типа, относящиеся к центральной диалектной зоне по диалектному членению русского языка, в масштабах всей Славии можно рассматривать как периферийные.

Однако территория Волго-Клязьминского междуречья характеризуется изоглоссами и иного происхождения. Рассмотрим, к примеру, распространение лексемы *одѣнье* 'большая укладка снопов'. Данное слово отмечено по течению р. Клязьмы, т.е., казалось бы, на описываемой территории, хотя при этом границы его фиксации несколько не доходят до р. Волги. Но оно не распространяется ни на север, в костромские говоры, ни на юго-восток, в пензенские говоры, подобно ареалам *радуги-дуги*. Кроме указанного ареала, название *одѣнье/одѣнье* употребляется на северо-западе, в южных псковских говорах, в верхнем и среднем течении р. Ловати, отражая судьбу напряженного редуцированного в псковских говорах [Николаев 1988:118]. Таким образом, лингвогеографический анализ лексемы *одѣнье* позволяет связать её не с «восточным диалектом», а с племенным языком псковских кривичей. Наличие этого слова в бассейне р. Клязьмы отражает передвижение кривичей на восток, так называемый «кривичский пояс». Вышеизложенное относится также к названиям бьющей части цепа — *цепѣц*, *цепѣцѣк*, которые известны и в псковских говорах, и в Волго-Клязьминском междуречье, и на территории всего «кривичского пояса».

Итак, как видно из приведенных фактов, данные лексики и их лингвогеографический анализ в ряде случаев могут служить диагностическим признаком для определения генезиса русских говоров.

Литература

- Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ, 1947, №9.
Бромлей С.В. Различия в степени вокализированности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Интерпретация лексических изоглоссов в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков // Славянское языкознание XI Межд. съезд славистов. М., 1998.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Названия радуги // Восточнославянские изоглоссы. 1995, М., 1995

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Лексика. Карты. М., 1997.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектно членение русского языка. М., 1970.

Клепикова Г.П., Усачева В.В. Лингвогеографические аспекты семантики слова *zito* в славянских языках // ОЛА, М., 1965.

Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

Николаев С.Л. Раннее диалектно членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994 № 3.

Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 3. Серия лексико-словообразовательная. Растительный мир. Минск, 2000, карта 37.

Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Русская диалектология / Под ред. Р.И.Аванесова, В.Г.Орловой. М., 1964.

Седов В.В. Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ, 1994, № 4.

Толстой Н.И. Из географии славянских слов: 8. 'радуга' // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1976; то же: Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.

Трубачев О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ № 5, 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4, М., 1960 – 1964.

Филли Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. Т.6. М., 1979.

Легенда

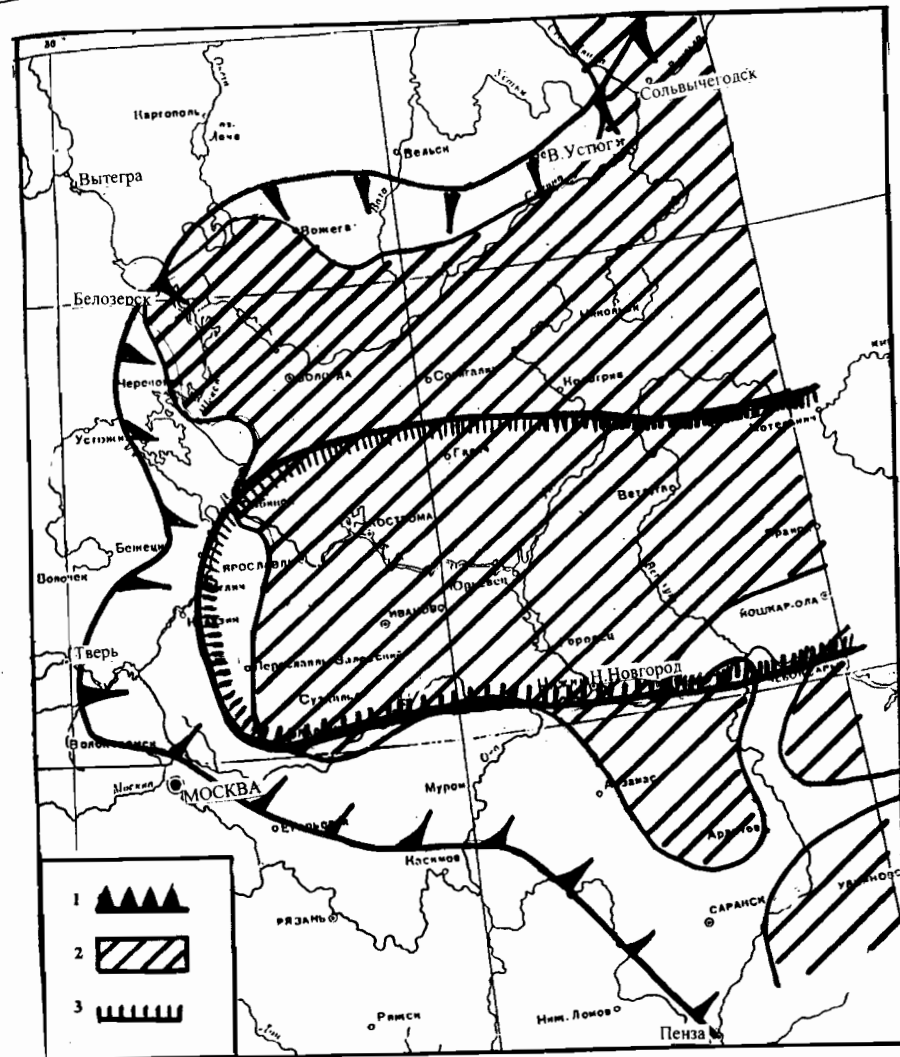
1. Обобщенный ареал употребления композитов *ráduga-duga*, *duga-ráduga* и др.
2. *жѣто* 'зерновые культуры'
3. *молотило* и др. названия от корня *молот* = 'бьющая часть цепа'

Summary

Linguogeographical approach to the East Slavonic Lexics

This work is based on the materials of Dialectological atlas of Russian language. The archaic lexical phenomena in the Russian dialects of the central zone are studied. These dialects are important because they form the basis of Russian literary language (Standard Russian).

The dialects in question being in the center of the territory of Russian language, are marginal from the point of view of the whole Slavia. There are certain lexical parallels between them and the South Slavonic marginal dialects.

Н.Е. Ананьева

Востоочнославянские элементы

в Атласе польских говоров Литвы, Белоруссии и Украины

Мы уже неоднократно отмечали, что изучение периферийных польских говоров наряду с продолжением сбора материала и монографическими описаниями, посвященными говору отдельного населенного пункта (или нескольких соседних), должно перейти на качественно новый, более обобщающий этап исследования, и среди возможных направлений этого исследования выделяли три: создание конфонативной грамматики двух основных ареалов «польщизны кресовой» (юго-восточной [далее — ю.-в.], возникшей при участии и воздействии украинского языкового элемента, и северо-восточной [далее — с.-в.], сформировавшейся на белорусско-литовском субстрате), создание полного словаря периферийных польских говоров и подготовка карт к будущему Атласу польских говоров Литвы, Белоруссии и Украины. Из последних работ на эту тему см. [Ананьева 1998]. Предложение картографической репрезентации материала периферийных польских говоров принимается не всеми польскими диалектологами. В частности, Я. Ригер считает нецелесообразным применение лингвогеографического метода к данному материалу в силу изобилия вариантов в польских «кресовых» говорах [Rieger 1997]. Нам представляется, однако, что собранный диалектный материал по двум разновидностям периферийного польского диалекта позволяет картографировать те соответственные явления, которые дифференцируются в данных двух ареальных подтипах.

Различия в территориальных вариантах, образующих в пределах всего диалектного континуума «кресовых» говоров соответственное явление, обуславливают следующие факторы.

Влияние, субстратное или адстратное воздействие на два основных территориальных массива периферийных польских говоров разных восточнославянских идиомов (ср. с.-в. *l'euśin, l'euśa'k* 'литер. *pankut* 'левша', имеющие белорусский источник¹, и ю.-в. *majkutn'ik, majkutny*, соотносящиеся с украинскими диалектными лексемами).

Наличие балтийского (главным образом литовского) субстрата для части территории с.-в. ареала (ср. *kupra* "горб", *žyv'ola* "скот" или отсутствие категории среднего рода, соотносящиеся с соответствующими фактами литовского языка).

Большая степень близости к литературному польскому языку (далее — ЛПЯ) «виленской» разновидности «польщизны кресовой» по сравнению с ю.-в. территориальным подтипом (ср.: с.-в. *b'el'izna* 'литер. *bielizna* 'белье' ~ ю.-в. *zusty*; с.-в. *vlosy* 'литер. *wlosy* 'волосы' ~ ю.-в. *vlus'a, vlus'i, kosy*; с.-в. *chwasty* 'литер. *chwasty* "сорняки" ~ ю.-в. *chopta, chepta*; с.-в. *sufit* 'литер. *sufit* "потолок" ~ ю.-в. *st'il'ina* и мн.др.).

Генетическая связь с различными диалектными зонами этнической Польши: с.-в. ареала с северо-мазовецкими говорами, а ю.-в. — с малопольскими (ср.: наличие в некоторых говорах ю.-в. разновидности следов *á>o* перед *m* в спряжении типа *tom, toma, dom, doma* и местоименных формах *vom, nom* при с.-в. *nam, mam'i, dam, dam'i, vam, nam*; ю.-в. *bżęza, senż'il'ina, pśes'c'eradlo* при малопольских аналогах или близких им по форме *bżęza* 'литер. *brzoza* "береза", *(o)sedz'elizna, sedz'elina*² 'литер. *szron* "иней", *przezrądko* 'литер. *lustro* "зеркало"; с.-в. флексия *-mi* в 1 л. мн.ч. наст.вр. аналогов III спряжения ЛПЯ — *gadam'i, mam'i* — и их соответствия в мазовецких говорах).

Возражая Я. Ригеру, мы считаем, что в большинстве случаев вариантность образуют собственно диалектные формы и аналоги ЛПЯ. Картографирование этих вариантов (естественно, методом нанесения на карту отдельных условных знаков, а не штриховкой компактных зон) позволяет не только выявить различие между двумя ареальными подтипами (как уже отмечалось выше, большая степень близости к ЛПЯ характерна для всех уровней системы с.-в. поддиалекта), но и установить дифференциацию в степени воздействия на эти два территориальных подтипа и их поддиалекты ЛПЯ как «иносистемы», что связано с экстралингвистическими факторами³. Здесь необходимы также соответствующий подбор информантов (в первую очередь ориентация на тех, кто говорит на типичном местном говоре), отличие узуального явления от окказионального. Последние варианты (так же, как индивидуальные заимствования из контактирующих с польским говором языков и ЛПЯ) не картографируются. Системные же заимствования из белорусского, литовского, украинского и русского языков подлежат картографированию. Заметим, однако, что данные лексической картотеки польских говоров на территории бывшего СССР, хранящиеся в Институте языкознания им. Я. Коласа в Минске, которой мы пользовались наряду с собственными материалами, не всегда позволяют отличить узуальную форму от окказиональной (см. ниже комментарий к таким номинациям летучей мыши, как *škyrap'ern'ik* и *gacec v'el'kouχ*).

Таким образом, нам представляется, что ситуация на бывших «Кресах», где мы имеем дело с сохранившимися сравнительно давними, хотя и сформировавшимися в разное время, диалектными образованиями (даже если речь идет о переселении носителей этих говоров в удаленные от исторической

«прародины» места, например, как в случае носителей ю.-в. поддиалекта в Казахстане), отнюдь не идентична ситуации на присоединенных к Польше после II мировой войны западных и северных землях (т. наз. *Ziemię Odzyskane*), которые заселялись носителями разных польских диалектов, в том числе и «кресовцами». К этим смешанным диалектным образованиям, подвергающимся процессам взаимной языковой интерференции и интеграции, невозможно применить лингвогеографические методы исследования [Rejchan 1992: 202].

Набор подлежащих картографированию разноуровневых признаков, образующих соответственное явление в пределах диалектного континуума периферийных польских говоров, приводился нами ранее в [Ananiewa 1996; Ананьева 1998₁]. В качестве примеров картографируемых лексических явлений перечислим здесь лишь некоторые из субстантивных компонентов тематических групп «Названия представителей фауны» (I), «Названия родственников и родственных объединений» (II), «Соматическая лексика» (III), а также глагольные лексические карты (IV).

Примеры лексических карт I группы:

- ‘рогатый скот, скотина’: с.-в. *bydło/ żyv’ola* ~ ю.-в. *худоба*;
 ‘божья коровка’: с.-в. *boża krowka/ p’etrunel’a/ p’atru’k/ p’atru’cek* ~ ю.-в. *boża krowka/ zezul’ka*;
 ‘таракан (черный)’: с.-в. *karal’uχ* ~ ю.-в. *targan*;
 ‘летучая мышь’: с.-в. *n’etopeż/ kożan/ skurlat* ~ ю.-в. *gac/ gacek*;
 ‘хомяк’: с.-в. *χomik* ~ ю.-в. *χoma*;
 ‘ёж, ёжик’: с.-в. *jeż* ~ ю.-в. *iżak*;
 ‘стадо’: с.-в. *stado/ stada* ~ ю.-в. *cereda*;

Примеры карт II тематической группы:

- ‘дочь’: с.-в. *curka* ~ ю.-в. *docka*;
 ‘муж’: с.-в. *monż/ menż* ~ ю.-в. *monż/ clek*;
 ‘семья’: с.-в. *rodz’ina* ~ ю.-в. *cel’ad’/ s’em’ja*;

Примеры карт III тематической группы:

- ‘волосы’: с.-в. *vlosy* ~ ю.-в. *vlus’a/ vlus’i/ kosy*;
 ‘зрачок’: с.-в. *z’reń’ica* ~ ю.-в. *z’reń’ica/ clecek/ clov’ecek*;
 ‘ресницы’: с.-в. *żensy* ~ ю.-в. *kl’ipy/ v’ije*;
 ‘слеза’: с.-в. *lza* ~ ю.-в. *s’l’oza/ śl’oza*;
 ‘щека’: с.-в. *pol’icek/ pol’icka* ~ ю.-в. *ścoka*;
 ‘горб’: с.-в. *kupra* ~ ю.-в. *garb*;
 ‘мизинец’: с.-в. *maly pal’ec* ~ ю.-в. *m’izel’ny/ n’izel’ny pal’ec/ m’iz’in’ec*;
 ‘почка’: с.-в. *nerka* ~ ю.-в. *nyrka*;

IV. Глагольные лексемы:

- ‘ложиться’: с.-в. *klas’c’ s’e/ lożyc’ s’e* ~ ю.-в. *l’igac’*;
 ‘обедать’: с.-в. *jes’c’ ob’ad* ~ ю.-в. *poludnac’*;

- ‘говорить’: с.-в. *muv’ic’* ~ ю.-в. *kazac’*;
 ‘встретиться’: с.-в. *spotkac’ s’e* ~ ю.-в. *zdybac’ s’e*.

Используя материал лексической картотеки БАН (63 пункта) и собственный материал, собранный в 1969–1992 гг., мы составили 2 пробные лексические карты для номинаций летучей мыши и божьей коровки. Наш материал собран в следующих пунктах смолвенского и виленского ареала с.-в. «кресовых» польских говоров: окрестности местечек Майшягала (Мейшагола) Виленского района (Литва), Постава (Поставский район Витебской области, Белоруссия), Видзы (Браславский район Витебской области, Белоруссия), деревень Рудники (Шальчининкайский район, Литва), Гайде (Гайды) (Игналинский район, Литва), Смолвы (Зарасайский район, Литва). В качестве «врезки» приведены данные, зафиксированные для ю.-в. поддиалекта, представленного говором дд. Матьковцы и Шаровечка (Хмельницкий район Хмельницкой области, Украина) и дд. Озерное и Степное (Келлеровский район Кокчетавской области, Казахстан). В данной статье мы приведем карту для номинаций летучей мыши ‘Chiroptera’ и комментариев к ней⁴. Материал «кресовых» польских говоров сопоставляется с названиями ‘летучей мыши’, закартографированными для «материковой» Польши в работах К. Нича [Nitsch 1918] и Ю. Смыля [Smyl 1958].

Среди названий ‘летучей мыши’, представленных на прилагаемой к тексту карте, на исследуемой территории Белоруссии и Литвы преобладает в разнообразных фонетических и лексико-фонетических вариантах совпадающая с номинацией ЛПЯ лексема *nietoperz*: отмечена в 41 пункте картотеки БАН. Данная лексема широко распространена и в говорах этнической Польши. На ее экспансивный характер указывал еще К. Нич, а Ю. Смыль, который исследовал географию этой формы и других диалектных номинаций ‘летучей мыши’ через 40 лет после появления работы К. Нича, указывал на то, что форма *nietoperz* «решительным образом вытесняет все известные диалектные названия» (польск. «wypiera w sposób gwałtowny wszystkie parotkane nazwy gwarowe») [Smyl 1958: 180]. Зафиксированные лексико-фонетические варианты, представленные на карте: *n’etop’eś, n’edopeś, n’etopyś, n’edopyr, n’etopoś*. На карте не указаны фонетические варианты, обусловленные вариантностью в произношении безударных гласных *o* и *e* (*n’etopoś // n’etopuś, netopeś // n’etopaś* и т. п.).

В периферийных говорах с.-в. разновидности отсутствуют характерные для этнических польских говоров преобразования первой части генетического биннома: *nietoperz*⁵: *metoperz/ mandoperz / mentopir; latoperz, szetopez, krzetopierz* и т. п. Единственный вариант первой части генетического композита *nietoperz* представлен в виде звонкости *d* (ср. *n’edopeś* — Веселово, Лепельский р-н, Витебская обл., Белоруссия; *nedopyr*

— Кукавка, Эйшишский р-н, Литва). На карте К. Нича форма с *d* зафиксирована в восточной зоне польского диалектного континуума. Ю. Смыль отмечает, что этот вариант в 50-ые гг. XX в. уступал аналогу ЛПЯ с *l* [Smyl 1958: 180]. Вариант с *d* возник, по всей видимости, вследствие ассоциаций с префиксом *niedo-*.

Значительно чаще на картографируемой территории представлено варьирование второй части исторического композита: вариант с *p* мягким, возникший, по мнению Ф. Славского и К. Нича, под влиянием слова *pierze* [Smyl 1958: 175]⁶; вариант с *pyr*, который соотносится, по всей видимости, с восточнославянскими формами (ср. вышеприведенный вариант *n'edopyr*, зафиксированный в д. Кукавка Эйшишского района Литвы). Многообразие фонетических вариантов с *a*, *e*, *o*, *u* (*-piuś*, *-poś*, *-peś*, *-paś*) обусловлено, как уже отмечалось, фонетическими особенностями с.-в. периферийного поддиалекта.

На территории этнических польских говоров распространена отсутствующая в «кресовых» говорах номинация *wieczorek*, *wieczornica*, в которой, как и в первой части исторического биннома *nietoperz*, содержится указание на время суток, в которое обычно появляются летучие мыши. Ю. Смыль указывает на экспансивный характер данной лексемы [Smyl 1958: 180]. Ср. также аналогичное по мотивации наименование *noscka* [Pelcowa 2001: 77]. В картотеке БАН отсутствуют указанные номинации, но для двух пунктов приводится словосочетание, адъективный член которого также обозначает время появления летучих мышей: *nosna muś* — Рудники, Шальчининкайский р-н, Литва (к сожалению, нам не удалось расшифровать второй пункт, в котором записана эта форма).

Признак «летания» лежит в основе адъективного компонента двучленной номинации типа *l'atonca muś // ścura*, для которой представлена большая вариативность: *l'atonca*, *l'atajonca*, *l'etuca // l'atuca*, *l'atuśca*, *l'econca*, *l'atucaja // l'etucaja*, *l'etajenca*, *l'otna*. Из перечисленных вариантов в говорах на территории Польши Ю. Смыль отметил только вариант *letuszczca mysz*, указав на его «непольский характер» («niepolskosc») [Smyl 1958: 176]. Еще «менее польский» облик имеет номинация *letuszczaja mysz*, приводимая в качестве восточнопольской формы Г. Пельц [Pelcowa 2001: 53]. Ср. русск. *летучая мышь*, белор. диалект. *ляту́ча*, *ляту́чая мыш* (например: *Ляту́ча мыш* лятая калі цёмна. Дакудава Лід. *Ляту́чая мыш* малая. Рыбчына Віл. *Летучая мыш* мыш паскудная — голая, некрасівая, как лягушка. Чарняўскія Лудз. [СБГ 2: 724].

Двучлен *l'atuca* (*l'atonca* и т.д.) *muś* довольно распространен на картографируемой территории (зафиксирован в 27 пунктах картотеки БАН).

Варьирование наблюдается не только в адъективном члене словосочетания, но и в субстантивном компоненте номинации: ж.р. *muś*, ж.р. *ścura*, реже — м.р. *muś* и м.р. *ścur* (ср. *l'otny ścur* — Орняны, Молетский р-н, Литва), дериват *muśka*

(ср.: *l'atuca muśka* — Чепуканы, Игналинский р-н, Литва). В двух пунктах на территории Белоруссии (Ляховичский р-н, Брестская обл.) зафиксированы формы ж.р. *muśa* (*l'atucaja muśa* — Дарево, Своятичи).

Обычно определяющий член стоит на первом месте, что соответствует восточнославянскому (в первую очередь, русскому) образцу. Тем не менее встречаются и отдельные примеры с постсубстантивной позицией адъективного компонента: *muś l'atuca* — Клецк, Минская обл., Белоруссия; *muśka l'etajonca* — деревни в окрестностях Видз (Браславский р-н, Витебская обл., Белоруссия). На общую с птицами способность летать (т.е. передвигаться по воздуху с помощью крыльев) указывает также двучленная номинация *muś skšydlam* 'mysz ze skrzydlem' «мышь с крылом», отмеченная в д. Комаи (Поставский р-н, Витебская обл., Белоруссия). Тем не менее, несмотря на эту общую с птицами особенность, в языковой картине мира отражено ощущение отличия летучей мыши от птицы, ее «инаковости». Ср. пословицу, приведенную В. Далем: Ракъ не рыба, *кожанъ не птица*, баба не человек [Даль II: 130].

Характерными для картографируемой территории являются также номинации, мотивированные понятием 'кожа' и представленные двумя основными корнями: соотносящимся с восточнославянскими формами *kož-* (*kaž-*) и *skur-*. К первому типу относятся лексико-фонетические варианты *kaža'n*, *kažan*, *karža'n*. Формы *кажа'n*, *каржа'n* известны северо-западным белорусским говорам. Ср. *Кажан* крэпка дзярэцца, як у рукі возьмеш. Ёдлавічы Брасл. *Кажан* лятае вечарам, як прыцямяня. Кіралі Шчуч. *Каржаны* лётаюць вечарам. Рудня Астравітая Чэрв [СБГ 2: 358].

В некоторых пунктах известны вторичные, возникшие на основе метафорического употребления, значения слова *kažan* 'злой невысокого роста человек'. Ср. ругательство: *kažan bl'acki* — Гайде, Игналинский р-н, Литва. Это значение известно также белорусским говорам: I на людей *кажуць*: *кажан* — на *малых*, *злых*: ну и *кажан*; дзярэцца як *кажан*. Ёдлавічы Брасл. [СБГ 2: 358]. Ср. также русск. диал. (арх., зап., южн.) *кожан* [Даль II: 130], белор. литер. *кажан*, укр. *кажан* (наряду с *нетопир*).

На картографируемой территории отмечены следующие дериваты с корнем *skur-*: *skurlat*, *skurlata*, *skurat*, *skurancyk*, *skužan'ik*. Лексема ж.р. *skurlata* (наряду с *l'atonca muś*) зафиксирована в д. Жирмуны (Вороновский р-н, Гродненская обл., Белоруссия).

Формы *скура't*, *скура'нік*, *скура'ч*, *скура'нка*, *скурла't* представлены в северо-западных белорусских говорах: *Скуранік* лятае, як мыш. Грыкелі Вільн.; *Скуранкі* лятаюць — лятучыя мышы. Старыя Трокі Трак.; *Скурат* лятая вечарам. Старыя Смільгіні Воран.; *Скурач* днём спіць, а ночы лётая. Навасёлкі Свісл.; *Скурлаты* лятаюць, у іх як гумавыя, скрыдла. Кудзяляныцы Шальч. [СБГ 4: 472-473].

На территории этнической Польши названия с корнем *skór-* зафиксированы, в частности, в говоре курпей (относится к мазовецкой группе говоров): *skórzan*, *skórzak*, *skórnik*. Кроме 13-ти пунктов, относящихся к указанному говору, в которых представлены слова с корнем *skór-*, обозначающие летучую мышь, Ю.Смыль в перечне названий летучей мыши, содержащем 43 номинации, под номером 32 помещает лексему *skórlat*. Однако информация о ее территориальном распространении отсутствует. На основе данных К. Нича и Ю. Смыля делаем вывод об отсутствии форм с корнем *koz-* (*kaz-*) на территории этнической Польши и исключительной представленности их в периферийных польских говорах. Материал картотеки БАН демонстрирует некоторое преобладание форм с корнем *koż-* (*kaz-*) над формами с корнем *skór-* на территории Белоруссии и Литвы.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. При возможной и широко отмечаемой представленности в одном и том же населенном пункте наряду с одним из двух вариантов номинации, в основе которых лежит понятие 'кожи', аналога литер. *nietoperz* (в его разнообразных лексико-фонетических и фонетических вариантах) и (или) двучлена типа *l'atonca* // *l'atuca myś* // *ścura*, не зафиксированы примеры одновременного наличия в одной и той же местности вариантов с корями *koz-* (*kaz-*) и *skór-*. По крайней мере такой вывод следует из анализа картотеки БАН.

Примеры лексических вариантов, зафиксированных в одном и том же пункте Атласа:

- Крупово (Лидский р-н, Гродненская обл., Белоруссия): *n'etopeš* // *skurat*;
 Адамчуки (Виленский р-н, Литва): *n'etopeš* // *kažān*;
 Друя (Браславский р-н, Витебская обл., Белоруссия): *n'etopeš* // *l'etuca myś*;
 Ярево (Поставский р-н, Витебская обл., Белоруссия): *n'etopeš* // *l'atuca myś*;
 Семашки (Мостовский р-н, Гродненская обл., Белоруссия), Сейловичи (Несвижский р-н, Минская обл., Белоруссия): *n'etopeš* // *l'atucąja myś*;
 Полонечка (Барановичский р-н, Гродненская обл., Белоруссия): *n'etop'eš* // *l'etucąja myś*;
 Клещ (Минская обл., Белоруссия): *n'etopeš* // *myś l'atuca*;
 Дерево и Святыхи (Ляховичский р-н, Брестская обл., Белоруссия): *n'etopeš*, *n'etopyš* // *l'atucąja myśa*;
 Чепуканы (Игналинский р-н, Литва): *n'etopeš* // *l'atuca myška*;
 Комаи (Поставский р-н, Витебская обл., Белоруссия): *n'etopeš* // *myś skšydlam* 'mysz ze skrzydlem';
 Дайлиды (Эйшишский р-н, Литва): *n'etopeš* // *skurlat*;
 Полукне (Виленский р-н, Литва): *l'atajonca myś* // *skurlat*;
 Кустовница (отсутствие более подробных данных): *l'etucąja myś* // *kažan*;
 Жирмуны (Вороновский р-н, Гродненская обл., Белоруссия): *l'atonca myś* // *skurlata* и др.

В Поречье (Гродненская обл., Белоруссия) отмечена лексема, в которой объединены признаки 'летания' и 'кожи': *škyrap'ern'ik* (возможно, соотносится с литов. *šikšnosparnis* «кожекрылый»).

Для ю.-в. разновидности периферийного польского диалекта характерны лексемы с корнем *gac-/gac-*: *gacek*, *gacek*. Форму *gacek* К. Нич приводит в качестве характерной для южной части польского диалектного континуума, территории южной Малой Польши. Ср. также малопольские *gaca*, *gacek*, рассматриваемые Г. Пельц наряду с другими номинациями летучей мыши, отмечаемыми на территории Люблинщины [Pelcowa 2001: 53, 68, 77, 88]. Эта лексема в виде *gacek* представлена, например, в дд. Шаровечка и Матьковцы (Хмельницкий р-н, Хмельницкая обл., Украина), что (наряду с наличием других признаков) свидетельствует о связи между некоторыми говорами ю.-в. разновидности периферийного польского диалекта с малопольской диалектной зоной.

Форму *gacek* этимологи соотносят с *gatji, др.-пол. *gace* (соврем. *gacie*). Ср. также др.-пол. *gacnik* (<*gatjnik) — название пояса, тесьмы, стягивающей «*gacie*» [ЭССЯ 6: 108], одно из значений русск. *гачи* 'мохнатая одежда на ляжках ловчих и вообще хищных и др. птиц', также *гачникъ*, *гашиникъ*, *гасникъ*, *гачень*, *гачь* 'ремень, веревочка, снурок, тесма, для вздержки и завязки шароварь' [Даль I: 346]. Ср. в связи со значением 'ремень' представленную в польских говорах этнической Польши лексему *rzemianik* как одну из номинаций летучей мыши.

На картографируемой белорусско-литовской территории определенное исключение являет собой двучлен *gacek v'el'kouč*, записанный наряду с лексемой *skurancyk* в Пренах (Швенчёнский р-н, Литва); фиксация почти научной номинации (ср. название вида летучих мышей *gacek wielkouch* 'Plecotus auritus') у носителя диалекта вызывает недоумение. К сожалению, на основе картотеки БАН нам не удалось установить информанта, у которого было отмечено это название. Мы приводим эту форму для полноты картины, но она вызывает определенные сомнения, поскольку это единственный случай наличия примера с корнем *gac-* (*gac-*) на картографируемой белорусско-литовской территории.

Таким образом, анализ номинаций, используемых для обозначения летучей мыши в польских говорах Белоруссии и Литвы, их лингвогеографическая презентация показали, что для данной территории характерны отсутствующие в этнических польских говорах или представленные только в восточных районах этого диалектного континуума образования с корнем *koz-* (*kaz-*) и словосочетания с адъективным компонентом *l'atuca* // *l'atajonca* // *l'atucsa* и т.д., имеющие восточнославянское происхождение. Обычная предсубстантивная позиция адъектива в двучленной номинации является дополнительным указанием на «непольский» генезис подобных форм.

На исследованной территории отсутствуют известные польским говорам «материковой» Польши, хотя и утрачиваемые в последнее время под влиянием ЛПЯ, разнообразные преобразования в первой части генетического композита *nietoperz* (*meto-*, *szeto-*, *lato-*, *gaco-*, *kaco-* и др.). Общим для этнически польских говоров и с.-в. «кресового» поддиалекта являются экспансивный характер номинации, совпадающей с аналогом ЛПЯ (*nietoperz*) и наличие образований с корнем *skór-*, хотя последняя лексема, как следует из сопоставления нашего материала с данными Ю. Смеля, оказывается менее репрезентативной в говорах этнической Польши по сравнению с с.-в. ареалом польских периферийных говоров, о чем свидетельствует также широкая представленность формаций с корнем *скур-* в северо-западных белорусских говорах. Особенностью с.-в. периферийного поддиалекта является также многообразие варьирования второй части исторического композита *nietoperz*.

Перечень пунктов на карте

1. Эглайне, 2. Табора, 3. Пески, 4. Салиена, 5. Друя, 6. Смалвос, 7. Гайде, 8. Дрисвяты, 9. Видзы, 10. Ярево, 11. Орняны (Ариёнис), 12. Павояре, 13. Комаи, 14. Лыгтупы, 15. Лепель, 16. Клачуны (Клочунай), 17. Прены (Пренай), 18. Кемелишки, 19. Мейшагола (Майшягала), 20. Магуны (Магунай), 21. Быстрица, 22. Яшуны (Яшунай), 23. Сморгонь, 24. Рудники (Руднинкай), 25. Эйшишкес, 26. Колесникай, 27. Дайлиды (Дайлидес), 28. Жирмуны, 29. Крупово, 30. Поречье, 31. Мосты, 32. Полонечка, 33. Осиповичи, 34. Слоним, 35. Ляховичи, 36. Несвиж, 37. Клецк, 38. Шаровечка, 39. Озерно.

Примечания

- См., например, *ляўша*¹, *ляўша*^к, *леўша*^к, *ляўшун*, *ляўшин*^к, *ляўшэнь*, *ляўша*^{ты}, *ляўшня*¹, отмеченные в белорусских северо-западных говорах [СБГ 2: 724].
- Ср.: MAGP, t. I, cz. I, 1957, № 45 "Synonimy szronu", а также [Pelcowa 2001: 55]. Ср. также *szul*¹ 'szron', отмеченный Я. Мазуром в билгорайских говорах на Люблинщине [Mazur 1978, II].
- О перспективах функционирования польского языка (в том числе и крестьянских говоров) на территории Литвы, Белоруссии и Украины см., например, [Rieger 2001].
- Описание этой пробной лексической карты было сделано нами также на польском языке в [Ananiewa 2000].
- Традиционная этимология польск. *nietoperz*, русск. *непотырь* возводит эти образования к двум корням: *покъ "ночь" и *рег "летать" [Фасмер, III: 68-69; ЭССЯ 25: 177].
- Отсюда могла возникнуть этимология лексемы *nietoperz* как '*niedopierzony*' "недооперенный", "не птица" ср. [Brückner 1957: 361]

Литература

[Ананьева 1998₁] — Н.Е. Ананьева. О проекте Атласа польских говоров Белоруссии, Литвы и Украины // Исследования по славянской диалектологии 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 314-319.

[Ананьева 1998₂] — Н.Е. Ананьева. Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 3. К XII Международному съезду славистов в Кракове 27 августа — 3 сентября 1998 года. М., 1998. С. 3-22.

[Даль] — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1978-1980. СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1-5. Мінск, 1979-1986.

[Фасмер] — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1986-1987. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 6 (*e — *golva). М., 1979; Выпуск 25 (*neroditi — *novotъль(ъ)). М., 1999.

[Ananiewa 1996] — N. Ananiewa. O niektórych typach polskich gwar na Ukrainie i metodach ich badan oraz o przyszłym Atlasie polskich gwar kresowych // Język polski dawnych Kresów Wschodnich. T. I. Warszawa, 1996. S. 17-74.

[Ananiewa 2000] — N. Ananiewa. Jeszcze raz w sprawie «Atlasu kresowych gwar polskich» (mapa 'nietoperza') // Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim. Warszawa, 2000. S. 11-21.

[Brückner 1957] — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

MAGP — Maly atlas gwar polskich. T. I-XIII. Kraków, 1957-1970.

[Mazur 1978 II] — J. Mazur. Gwary okolic Biłgoraja. Cz. II. Wrocław, 1978.

[Nitsch 1918] — K. Nitsch. Z geografii wyrazów. Rocznik Sławistyczny. T. VIII. Kraków, 1918. Ср. то же в: K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych. T. II. Wrocław-Kraków, 1955.

[Rejchan 1992] — J. Rejchan. W sprawie nowego syntetycznego ujęcia dialektów polskich // Z polskich studiów sławistycznych. Seria VIII. Warszawa, 1992. S. 201-207.

[Rieger 1997] — J. Rieger. O słownictwie dziesiętnych gwar kresowych // Leksyka słowianska na warsztacie językoznawcy. Warszawa, 1997. S. 209-222.

[Rieger 2001] — J. Rieger. Język polski poza wschodnimi granicami kraju w XX wieku — rewolucja, ewolucja, perspektywy // Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju. Warszawa, 2001. S. 211-219.

[Pelcowa 2001] — H. Pelcowa. Interferencje leksykalne w gwarach Lubelszczyzny. Lublin, 2001.

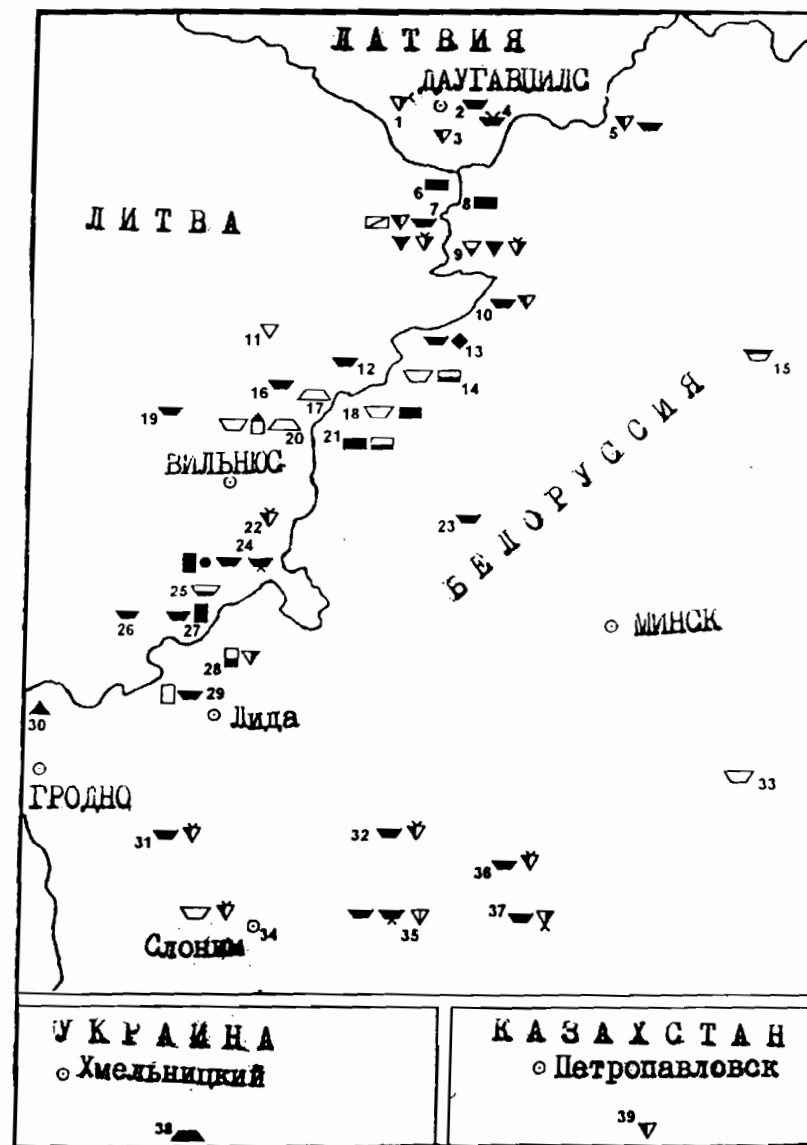
[Smyl 1958] — J. Smyl. Nazwy nietoperza w gwarach polskich // Poradnik Językowy 1958, № 4 (159). S. 175-182.

Summary

The East Slavic Features in the Atlas of the Polish Dialects in Lithuania, Byelorussia and Ukraine

In this article the terms for Bat 'Chiroptera' which is used in the Polish Dialects in North-West Byelorussia and Lithuania are considered. The author analyzes the map which presents these appellatives and specifically those which are borrowed from East Slavic Languages, for example the terms with the root *kož*=.

▼ ňetopeš (ňetopaš...)	▼ myška ľetajonca
▼ ňetopeš (ňetopuš...)	▼ ľatajonca (ľetajonca...) myš//myška
▼ ňetopyš	▼ ľetajenca myš
▼ ňetopeš	▼ ľetučaja (ľatučaja...) myšá
▼ ňedop'yr	▼ ľetučy myš
▼ ňedopeš	■ skurl'at
▲ gaček	■ skurlata
△ gaček veľkoux (?)	□ skurat
▲ škyrapeňik	□ skurančyk
◆ myš skšydľam	□ skužaňik
'ze skrzydľem'	■ kaž'an
● nocna myš	▢ kaž'an 'niewysoki
	zły człowiek'
▼ ľatonca ščura	□ karž'an (karž'an)
▼ ľatušča ščura	▢ k'ažan
▼ ľotny ščur	
▼ ľetuča (ľatuča...) myš//myška	
▼ ľetučaja (ľatučaja...) myš	
▼ myš ľatuča	
▼ ľatonca myš	

О.А. Остапчук

К вопросу о взаимодействии восточнославянских и польского языков (на примере польских периферийных говоров Центральной Украины)

В течение ряда лет в тесном сотрудничестве с коллективом Отдела польских периферийных говоров ПАН (*Pracownia polszczyzny kresowej*), возглавляемого проф. Я. Ригером, нами ведутся исследования польских говоров, сохранившихся в реликтовом виде на территории Центральной Украины. Следует отметить, что изучение польских периферийных говоров на Украине в настоящий момент развивается довольно активно: под руководством проф. Я. Ригера защищены две кандидатские диссертации¹, данная проблематика неизменно присутствует на диалектологических конференциях, ежегодно публикуется несколько десятков статей и монографий². Однако до сих пор ощущается недостаток необходимого фактического материала и недостаточное его теоретическое осмысление, что создает определенные трудности при обращении к проблематике польских периферийных говоров на Украине.

Материалом для нашей статьи послужили магнитофонные записи бесед с носителями польского языка (диалекта) из нескольких населенных пунктов в южной части Подолья (Винницкая область). Опрос информантов производился в самой Виннице, районных центрах Бар и Гнивань, а также в двух «польских» деревнях: Мурафе и Витаве (последняя в настоящий момент является частью местечка Гнивань). Источником ценного языкового материала для нас стали также исторические документы, датированные началом XIX в., в частности, связанные с деятельностью польской гимназии в г. Виннице³.

Довольно длительное существование польских говоров Центральной Украины в украиноязычном окружении, а также постоянные контакты их носителей с русским языком через средства массовой информации, сферу образования, обслуживания и т.д. обусловили наличие осязаемого восточнославянского влияния в речи поляков, которое может проявляться с разной степенью интенсивности в зависимости от уровня языковой компетенции и ряда других экстралингвистических и внутриязыковых факторов. В настоящей работе мы исследовали наиболее выразительные черты польских периферийных говоров, сформировавшиеся под влиянием украинского и/или русского языков. В данном случае не возникает сомнений в том, что восточнославянское влияние носит адстратный характер, а его

постепенное усиление связано с общей динамикой развития социолингвистической ситуации в регионе (миграционные процессы, изолированное положение польских говоров в украиноязычном массиве, роль русского языка на протяжении советского периода в истории Украины, изменения в ролевых отношениях языков после обретения Украиной независимости).

Для характеристики современного состояния польских говоров на территории Центральной Украины существенное значение имеет учет исторических условий их развития. Польская колонизация в этом районе, по мнению историков, относится к XVII-XVIII вв. Ее специфический характер обусловил тот факт, что здесь фактически не существовало компактных территорий, заселенных поляками. В данном случае мы имеем дело главным образом с островными говорами в украиноязычном массиве. В то же время польский литературный язык и польская культура играли весьма важную роль в данном регионе в течение всего XIX в. и вплоть до середины XX в., несмотря на то, что Винница, как и все Барское староство, еще по II разделу Польши (1793 г.) отошла к России. Так, в начале XIX в. в самой Виннице и в Немирове (усадьба Потоцких) действовали польские гимназии и ряд других образовательных центров, на начало XX в. известно о существовании польских начальных школ для крестьян и мещан⁴. В 1914 г. в Виннице была организована средняя школа с польским языком обучения, в 20-е гг. таких школ существовало около 20⁵, было создано 12 польских сельсоветов⁶. Польские, или, как их здесь повсеместно называют, мазурские деревни существовали на Подолье вплоть до 30-х гг. XX в., при этом довольно строго соблюдалась чистота браков, детей, как правило, обучали польскому языку, весьма ревностно сохранялись традиции и обрядность, связанные с католическим вероисповеданием. Лишь репрессии 30-х гг. и вызванные ими массовые миграции польского населения кардинальным образом изменили этнодемографический и — как следствие — социолингвистический облик региона.

На сегодняшний день, согласно статистическим данным, в Винницкой области проживает около 80 тыс. поляков. В крупнейших центрах области в школах открыты классы с углубленным изучением польского языка, действуют языковые курсы при костелах, функционирует несколько объединений поляков, занимающихся культурно-просветительской деятельностью. Как и прежде, центром интеграции поляков на Центральной Украине является костел, хотя сегодня политика католической церкви на Украине направлена на создание нового ее образа, на привлечение к католицизму все большего числа прихожан и отход от представления о костеле как церкви польской и для поляков. Здесь следует отметить, что переход в богослужении на украинский и русский языки встречается с противодействием прихожан-поляков, особенно старшего и среднего поколения.

В настоящий момент социолингвистическая ситуация в регионе характеризуется отсутствием полноценной польской языковой среды. Польский язык, даже в самых «благополучных» польских деревнях (например, в Мурафе), выполняет лишь сакральные функции, во всех прочих сферах общения он конкурирует с украинским и/или русским языками, явно уступая им по целому ряду параметров. Таким образом, сегодня можно вести речь даже не об островных говорах, а о сумме весьма разнородных идиолектов, демонстрирующих постепенное разрушение диалектной системы⁷.

В то же время собранный нами материал пусть в ослабленном, реликтовом виде — демонстрирует сохранение следов дифференциации польского языка на Украине. С одной стороны, мы имеем дело с говорами в их обычном понимании: носителями данного страта являются в подавляющем большинстве сельские жители или выходцы из польских (мазурских) деревень, с довольно низким уровнем образования, чаще всего старшего или среднего возраста, вынесшие из дома знание польского языка с отчетливыми региональными чертами и сохраняющие их в своей речи. Старательные прихожане костела, они, как правило, не имеют контактов с польским литературным языком вне стен костела, работают в украиноязычном или русскоязычном окружении, в семье и на работе не используют польский язык (хотя нередко супруг/супруга также являются по происхождению поляками) — это, в свою очередь, обуславливает довольно низкую способность их к поддержанию беседы на родном языке, в то же время рассказ о годах детства и юности они ведут по-польски. Гораздо лучше сохранился польский язык в той его разновидности, которую можно обозначить термином «региональный вариант литературного языка». Надо сказать, что носители этого страта демонстрируют довольно неплохой уровень владения языком, отдавая себе отчет в том, что их речь не всегда соответствует нормам литературного польского языка. Как правило, они происходят из шляхетских или интеллигентских семей, обладают высоким или по крайней мере средним уровнем образования, бережно хранят память о своих польских корнях, поддерживают контакты со своими польскими родственниками, а вынесенный из дому язык пытаются совершенствовать, читают и пишут по-польски, стараясь употреблять родной язык не только в религиозной сфере. Впрочем, данная функциональная разновидность польского языка используется здесь по преимуществу в устной форме в условиях отсутствия местных польских средств массовой информации и ограниченности употребления польского языка в сфере образования.

Самой яркой характеристикой как собственно говоров, так и региональной разновидности литературного языка является восточнославянское влияние, которое проявляется на всех уровнях языковой

системы и в случае с говорами приводит в отдельных идиолектах к полному разрушению исходной языковой системы. Это восточнославянское влияние имеет по преимуществу украинские корни, хотя в ряде случаев определить, какой же именно язык стал базой для заимствования (в широком смысле этого слова) — русский или украинский — довольно сложно. Интенсивность восточнославянского влияния и его характер может быть использована в качестве дополнительного, но чрезвычайно важного критерия для разграничения двух форм функционирования польского языка на Подолье (говоры/ региональная разновидность литературного языка).

Последовательно рассмотрим следы восточнославянского влияния на польский язык Подолья на уровне фонетики, морфологии и лексики. Заметим, что влияние это может носить как прямой, так и косвенный характер. Оно может принимать форму прямого заимствования, что приводит либо к появлению разнообразных дублетных формаций, либо к полному вытеснению исконных форм их украинскими/ русскими аналогами. С другой стороны, восточнославянское влияние в данном случае может проявляться в виде фактора, способствующего сохранению исконных архаизмов или провоцирующего создание инноваций на собственной почве.

Особо следует отметить необходимость разграничения системного и идиолектального уровней при анализе восточнославянского влияния на польские периферийные говоры, что в нашем случае в условиях постепенного разрушения диалектной системы приобретает особую важность. Если системные инновации достаточно регулярно проявляются в говорах, а в ряде случаев фиксируются также в региональном варианте литературного языка, и при этом подтверждаются фактами XIX в., то на идиолектальном уровне степень насыщенности речи восточнославянскими вкраплениями и их характер связаны с целым рядом дополнительных социолингвистических факторов (возраст, место проживания, образование, сфера профессиональной деятельности, уровень национального самосознания, наличие или отсутствие контактов с польским литературным языком и характер контакта с украинским и русским языками). В своей работе мы будем учитывать в первую очередь системные инновации, возникшие в польских периферийных говорах Подолья под влиянием восточнославянских языков.

Фонетика

В условиях полилингвизма фонетика оказывается одним из тех уровней языковой системы, который в наибольшей степени испытывает на себе результаты процесса интерференции. Региональные фонетические черты в польских говорах, оформившиеся в большинстве своем под украинским влиянием, придают характерную окраску даже речи тех информантов, которые демонстрируют довольно неплохой уровень владения польским

языком. Следует при этом отметить, что в региональном варианте польского литературного языка, в речи интеллигенции типичные диалектные черты на уровне фонетики выступают в несколько смягченном виде, что можно объяснить старательностью произношения и стремлением к соблюдению орфоэпических норм литературного польского языка.

Из наиболее ярких фонетических особенностей следует отметить:

в области вокализма:

- сближение артикуляции *e* и *i(y)* в безударном слоге. В речи носителей говора – это одна из наиболее показательных черт, причем звук средней артикуляции *y^e* / *e^y* выступает как на месте *y(i)*: *na jedny^em, wuży^ec^y, p^yę^eor, l'ep^yę, (pani) myśl^e,* так и на месте *e* (реже): *pote^ym*, довольно часто это происходит в приставках *przy/prze*: *p^yę^ejela, p^yę^ełożony* ср. *p^{se}l'udn'ony, p^{se}p'eńkny*. Нейтрализация *e/i* в абсолютном конце слова наблюдается также в случае с носовым *ę*: *modl'it'i s''eⁱ, χoink'eⁱ* (*stav'al'i, trox'e^e // troχ'i*). Заметим, что в языке интеллигенции это явление встречается гораздо реже. С особенностями произношения *e* и *i(y)* в периферийных польских говорах на Украине связаны, очевидно, также ошибки в написании *e* и *i(y)* в безударном слоге в текстах начала XIX в.: *przyczytany, girlandami* (obok *gerlanda*), (*na*) *przyszkodzie, wynisc*;
- сужение артикуляции *o* в направлении *u*. Характерный звук *o^u* фиксируется в речи информантов, представляющих оба функциональных варианта польского языка (*ro^udz'ina, Boze naro^udzen'e, (wojsko) pošlo^u*), при этом в говорах отмечается полный переход *o* в *u* – так называемое «уканье» (*rudz'ina, dum*), встречаются также отдельные примеры гиперкорректных форм (*bez škol, kłocić*). Однако следует отметить, что данное явление, традиционно причисляемое к наиболее характерным чертам юго-восточной разновидности периферийных польских говоров, в современных диалектах на Подолье относится к числу нерегулярных, что может быть одним из свидетельств сближения диалектов с литературным языком и постепенного разрушения диалектной системы как таковой. Нейтрализация противопоставления *o/u* в безударной позиции является, по всей вероятности, также причиной ошибок, встречающихся в исторических текстах и носящих нередко гиперкорректный характер: *dóm, dyrektóra, połodnie*, при этом формы с *o* чистым на месте *ó* (*u* фонетически) отмечаются независимо от места ударения (*mowcy, głow, owdzie, podniosł, mowili, wybor*);
- нейтрализация оппозиции *i/y*, являющаяся причиной спорадического появления звука средней артикуляции *yⁱ/i^y*; особенно часто это происходит в позиции после заднеязычных: *χ^yba, po groχyⁱ, renkamiⁱ, Wysok'ińskⁱ*. Это явление, как и два предыдущих («уканье» и «иканье»),

безусловно, имеет украинские «корни» и напрямую связано с влиянием характерных фонетических особенностей украинского языка;

- в сфере произношения носовых гласных наблюдаются тенденции, частично совпадающие с аналогичными общепольскими явлениями (деназализация в абсолютном конце слова, расподобление носовых в срединных слогах, носящее ассимилятивный характер), но в данном случае они могут быть поддержаны также влиянием фонетических систем украинского/русского языка, в которых отсутствуют соответствующие звуки. Деназализация в абсолютном конце слова отмечается как в случае с *e*, так и *a* и в равной степени характерна для носителей говоров и для носителей регионального варианта литературного польского языка. При этом на месте носовых могут произноситься как чистые *e, o* (*muv'il'i tako gvaro podol'sko, na prace samodz'el'no, s tako lasko*), регулярно – в *się* (*zostałam s'e, ućyc' s'e*); так и разнообразные двуфонемные образования, причем и в срединных слогах (*jenzyk, vyjenta, v'encej, dz'ev'onty, ks'onški, začenia s'e*), и в конечных — это касается прежде всего *ą* (*svojou drogon, stala s'eroton, idon, jednym zlon cęxon, nas vuv'ozou, muv'ou, ma pol'skou*), хотя встретились и случаи произнесения *znam kapl'ičken, v nogen, zas p'ivajen, dz'eńkujen, pogodz'ila s'em, benden*. Данное явление относится к числу довольно старых черт периферийных польских говоров, о чем свидетельствуют примеры с чистыми *e, o* на месте носовых, довольно широко представленные в тексте «Дневника подольской гимназии»: *miejmy nadzieje, waziuchno ulico* ср. гиперкорректные формы *po drodze, doznala kleski*, в том числе из современного диалектного материала: *jakens'' (zalozen'e), (dz'ecko) poznalon;*

в области консонантизма:

- фактическое отсутствие в диалектной системе мягких среднеязычных *ś, ź, ć, dź*, которые последовательно заменяются свистящими *s', z', c', dz'*, имеющими аналог в украинском (русском) языках: *gens'i, mus'imy, z'em'a, dz'en', ocyvis'c'e, dz'ec'i, s'edz'iby, vupen'dz'ic''*. Однако если у носителей говоров эта фонетическая черта выступает довольно регулярно, то в языке интеллигенции, находящемся под сильным влиянием польского литературного языка, эта черта выражена в смягченной форме, здесь можно говорить о разной степени приближенности свистящих звуков к их среднеязычным соответствиям: *jak śledźe, od kościoła, pradżadek, nigdźe*, отмечается, в частности, промежуточная дорсально-палатальная артикуляция: *s'', z'', c''*: *vz''el'i do pracy, c''enško žyc'', dv'e s''ostrы, dz''is'', cytac'', pisac'', gdz''es', s''n'adan'e', tatus'', mamus''a*. Следует отметить также отдельные

случаи промежуточной артикуляции на месте мягких шипящих (напр., *š'idetk'em, Žeč'ipospolitej*) и появление гиперкорректных форм с мягким шипящим на месте свистящего (*v'enč'*), в том числе в позиции перед *j*: *vakac'ji, sytuac'ji, telewiz'ji*. Непоследовательность в употреблении *s, c, z* и *ś, ź, ć* в группах согласных является также одной из характерных черт языка автора «Дневника» начала XIX в., что может служить свидетельством отсутствия среднеязычных звуков в речи: *doswiadczenia, swiatlych swiatlém obmysla, dzis, najasniezemu oswieconym, msciwy, cwiczenia* ср. примеры из записей современных говоров: *s'vini, fčes'n'e, dosv'atčen'e, posv'enč'ila, sm'ešne*;

- параллельное функционирование переднеязычного зубного *l* и губно-губного *w* (*u* неслоговое) — характерная черта всех говоров на польско-восточнославянском пограничье, которая может рассматриваться либо как инновация, возникшая под влиянием артикуляционной базы украинского языка, либо как архаизм, поддерживаемый фонетикой украинского языка. Учитывая наличие позиционных чередований: *było // byu, mus'alam/ mus'au* более правдоподобным кажется первое объяснение. В то же время довольно многочисленны примеры как с зубным *l*: *ulany, ładne, zaczęło s'e, było, wyjechała, zrob'ity, czytał, chc'at, płacón, jodła, mlode*, так и с неслоговым *u*: *spodobało s'e, B'auorus'i, škučka, interesowaу, pšcuу, puutora, voу, skońcuу*. При этом первый из них преобладает в речи носителей говоров, а второй — в региональном варианте польского литературного языка, особенно если этому способствует фонетическая позиция (соседство *u, y* или *o*), хотя и в речи одного информанта вполне возможно параллельное функционирование обоих звуков, совершенно немотивированное с точки зрения фонетического окружения (*zostaу // oddał, słyśała // usłyśaуa*). Логическим продолжением параллельного употребления зубного *l* и губно-губного *w* (*u*) в аналогичных фонетических позициях является полное снятие оппозиции *l / u* в речи поляков Подолья, о чем свидетельствуют, в частности, встретившиеся нам примеры с губно-зубным *v* вместо зубного *l* (*zupevn'e*) с одной стороны, неслогового *u* вместо *v* губно-зубного (*Krašeusk'i, blenduу, s'il'n'ikuу*), *l* вместо *v* (*Ela*) — с другой;

- изменение фонетического качества альвеолярного *l* в позиции не перед *i* и превращение его в мягкий зубной: *dl'atego, al'e, skl'ep, jag'el'onka, v'el'k'i* или — что гораздо реже — в твердый зубной: *Florjan* (ср. обратный переход *Val'ensa*). Данное явление может иметь двойное толкование: как инновация или как архаизм, однако в любом случае налицо следы влияния фонетики украинского языка:

- асинхронная мягкость губных согласных, хотя и не является исключительным признаком периферийных польских говоров, в данном случае также может быть поддержана украинской фонетикой. В нашем материале консонантный призвук после губного принимает чаще всего форму *j* (*po'vedzo, vare, v'edz'eč, prave, beda*), впрочем, возможны и другие его реализации (*m'alam, m'asto*). Следует отметить, что количество таких примеров довольно невелико, особенно же их немного в региональной разновидности литературного языка, очевидно в силу однозначной оценки их как не соответствующих нормам литературного языка, однако и здесь есть случаи типа: *mn'ala, mn'eli*. По понятным причинам не обнаружено следов данного явления в «Дневнике», косвенным свидетельством украинского влияния на произношение губных могут служить немногочисленные примеры типа: *perwszy*;
- тенденция к мягкости заднеязычных в позиции перед *y(i)*: *χ'iba, troχ'i* (ср. пункт о явлении «иканья») и *ę*: *c'otk'e, pol'ityk'e*. Это явление отмечается во всех периферийных польских говорах юго-восточной разновидности, однако в данном случае сложно говорить о влиянии украинской фонетики, где существует тенденция к диспалатализации. В то же время аналогичные орфоэпические ошибки отмечены нами в речи русских студентов, изучающих польский язык. Таким образом, можно расценивать это явление как результат широко понимаемой восточно-западнославянской интерференции;
- предположительно украинским влиянием объясняется отход в системе говоров от польской литературной нормы в сфере ассимиляции по глухости/звонкости. Отсутствие прогрессивной ассимиляции по линии звонкий/глухой демонстрируют следующие примеры: *kv'atam'i, s'v'ento, svojou, tvardy, s'v'etna, trvalo*, регрессивной — *staruvka, varšavsk'ego, Bratkovsk'i, Rozumovsk'i*, которые, впрочем, конкурируют с примерами типа *Tustanofsk'i, Ostofsk'i, fčes'n'e, fstšons*. Особо следует отметить, что это происходит на фоне сохранения в подавляющем большинстве случаев глухого сандхи (*pošet f tšydz'estym roku, juš vjedz'elis'my*);

в области акцентуации:

- в речи носителей периферийных польских говоров Центральной Украины ударение, как правило, сохраняется на предпоследнем слоге, за исключением цитат (*St'al'ina, festyv al, k'on sulom*), тем не менее в системе диалекта под влиянием восточнославянской фонетики происходят определенные акцентные сдвиги в сочетаниях поднозначных слов с проклитиками (*n'e m'a, n'e b'lylo, n'e x'em, o l'um, n'e j'est*). Одновременно отмечается тенденция к передвижке ударения на последний слог в многосложных словах (*natom'ast,*

Barbak¹an), особенно если у лексемы имеется украинское (русское) соответствие: (*rodz¹i'n*).

Из факультативных проявлений восточно-западнорусской интерференции, фиксируемых спорадически в отдельных идиолектах, хотелось бы отметить редукцию *o* в безударной позиции (*pad pan'stvami*) — заметна в речи информантов, имеющих постоянный контакт с русским языком, а также появление фарингального звука *y* в лексемах, имеющих украинские соответствия и вероятнее всего заимствованных из этого языка (*yehtaruf*).

Морфология

Традиционно морфология считается одним из наиболее устойчивых к интерференции уровней языковой системы в условиях языковых контактов. Проникновение восточнославянских форм в морфологическую систему польских периферийных говоров может свидетельствовать о постепенном разрушении диалектной системы. Факты функционирования «заимствованных» морфологических форм отмечены нами в речи носителей, представляющих оба функциональных варианта польского языка на территории Центральной Украины.

Среди характерных морфологических особенностей польских говоров, возникших под влиянием восточнославянских языков, следует назвать:

- непосредственное проникновение украинских (русских) окончаний в систему именного и глагольного словоизменения в польских говорах Подолья, что приводит к столкновению вариантов флексий, различных по своему происхождению: исконных, (польских) и заимствованных, украинских (русских): *z bżuxem, punktem // s prosom, punktom, pom'idorom; kulture staropolskon, dalem zgode // v ne'dz'el'u, tu cebul'u, v z'imovu poru, pracu os'v'atovu i vyhovavcu; benden, (ja) mys'l'e' // pracuju*, причем в ряде случаев вариативность форм отмечается в рамках одной лексемы: напр., *Braclav'a // Braclava*. Однако не все отмеченные в речи информантов флексии, которые формально совпадают с украинскими (русскими) формами, могут быть охарактеризованы исключительно как непосредственные заимствования. Так, если восточнославянский источник нестыженных форм глаголов и прилагательных (*uvażaje, maje; každyj, kturyj*) очевиден, то в случае с флексией *-i* в форме мн.ч. прилагательных и существительных (*s'v'in'i, ks'onšk'i, stroje pol'sk'i, na dva kraji*), кроме наличия восточнославянского влияния следует учитывать также процесс внутренней аналогии и фонетические особенности говоров (см., например, пункт об явлении «иканья»). Двойное толкование могут иметь также формы Dat.pl. существительных типа *ornatam, dz'ec'am* — как проникновение украинской (русской) флексии или как результат

развития внутренних тенденций к унификации в рамках именного склонения, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные примеры употребления аналогичных форм с континуантом долгого *a* в текстах XIX в. Аналогично и формы типа *relig'iji, histor'iji* могут быть рассмотрены либо как результат восточно-западнорусской интерференции либо как архаизм;

- функциональные сбои в употреблении специфических польских лично-мужских форм, что в данном случае в значительной мере объясняется отсутствием соответствующей категории в украинском (русском) языках. Это явление отмечается как в формах глаголов: (*byl'i zabudovy, kob'ety pros'il'i, dz'ec'i um'eral'i, komary zagryz'l'i, zmarty dz'adek i babc'a*), так и существительных и прилагательных: *katol'ik'i, m'ejscove x'irung'i, ladne ulamy, tacy patr'ioty, te l'udz'i*. С разрушением категории мужского лица в системе говоров связано появление в речи информантов параллельных форм типа: *same Pol'aky // sam'i Pol'acy*;
- изменение родовой принадлежности отдельных лексем, совпадающих по форме с украинскими (русскими) лексическими единицами, и — что за этим следует — переход их в иной тип склонения: *ten šans, z medal'o, drug'i kl'as, cel' ktura, v Katyn'i*. Это касается, в частности, слов на *-um*, в польском языке относящихся к среднему роду, но в речи информантов обретающих признаки того рода, к которому принадлежат соответствующие украинские (русские) лексемы, в связи с этим фиксируются варианты форм типа: *stud'iji // stud'iu, arx'ivy // arx'iva, v g'imnazji*, но *v l'iceum*, ср. гиперкорректное: *v tyx arx'ivum*;
- параллельное функционирование разных личных форм прошедшего времени, синтетических (польских): *pšeżyłem, byłem, zajmował'is'my s'e, podkres'l'alam, zrob'il'is'my, m'el'is'my, posukalam*, и аналитических (в сочетании с личными местоимениями), возникших без восточнославянского влияния: *my pšyjechal'i, ja zobačyla, zbl'adla, my n'e pragnel'i*. Особо следует выделить встретившиеся в нашем материале примеры с местоименением в постпозиции — своеобразные переходные формы: *ogl'ondal'i my, zaçovuyval'i my*. При этом отмечается значительная вариативность форм, даже в речи одного информанта, независимо от того, какую функциональную разновидность языка он представляет: *ja skończyła / bylam, ja został urodzony / vykladalem*. Широко распространены региональные формы типа: *my pojedz'em, n'e ben'dz'em*, а также разнообразные ошибки в употреблении личных окончаний: *zostalam* (мужчина о себе), *zrob'ilem* (женщина от первого лица), *my m'el'is''c'e, byl'is''c'e*, являющиеся свидетельством разрушения диалектной системы в условиях взаимодействия говоров с восточнославянскими языками, которым неизвестны подобные формы

прошедшего времени. К числу форм, возникших под непосредственным украинским влиянием, следует отнести примеры плюсквамперфекта типа: *pov'edz'al byl*.

Лексика

Одним из ярких свидетельств активного восточно-западнорусского взаимодействия может служить лексическая система польских говоров Центральной Украины. Характерной чертой речи поляков в данном регионе является обилие лексических дублетов. Конкуренция исконно польских лексем с их украинскими/ русскими соответствиями охватывает существительные (*zabor // brama; xl'iv'a // stodoły, specjal'ność // faх, počatok // počontek*), глаголы (*pryjechal // pšyjechal'i, n'e,m'uv'il, n'e,g'adal tak'ego // a tu skaz'aju*), прилагательные (*slotka // solotk'e, c'ekavy // interesny*), числительные (*tšoje // troje // try*). Особенно часто это явление отмечается среди наречий (*troхе // troхu // trošky // trošku, tendy // tuda i tuda*), местоимений (*moj // muj, do,mn'e // mene, ona // вона, fs'o // fšystko*) и служебных слов (*še // šo, da // tak*). Чаще всего такое дублирование лексем, являющееся прямым следствием билингвизма, в речи носителей польского языка происходит неосознанно, отсюда — характерные исправления типа: *čuma...džuma, bojalas'... balas', stojala ... stala*. Следует отметить, что украинские/ русские заимствования активно проникают в самые разные сферы жизни, и лексические дублеты отмечены нами, в частности, в столь важных с точки зрения социолингвистики и этнопсихологии подсистемах лексика, как термины родства (*ojc'ec // bat'ko, maty // mama // matka, dočka // curka, rodyna // rodz'ina*), лексика, связанная с духовной жизнью и религиозными обрядами (*m'odl'us'a // mol'ylas', f kos't'ol'i // f,kos'c'el'i, pereхrest'ylas'a // pšez'egnalas'a*).

Не менее яркая особенность лексики польских говоров Подолья — специфические регионализмы, нередко имеющие источник в украинских говорах, как, например, *zdybala*⁸ или известное всем периферийным польским говорам юго-восточной разновидности *хата, xl'iv* (функционирует наряду с лексемами *stodoła, klun'a*). Что же касается заимствований как таковых, то они являются не только и не столько средством обогащения словарного состава и восполнения лексических лакун, а скорее свидетельством активных языковых контактов. Лишь незначительная часть «экспортируемых» из украинского и русского языков слов привлекается носителями говоров для обозначения новых для них реалий (*baхča, rabfak, obšuk, golodomor, kol'eki'iv'izac'ija, kut'a*). Довольно существенная часть украинизмов/русизмов вводится в польскую речь сначала в качестве синонима, а затем вытесняет из нее исконные слова, что является наиболее ярким свидетельством постепенного разрушения диалектной системы: *l'ist (= kartka papieru — лист бумаги), armija*

(= *wojsko — армия*). Среди специфических проявлений интерференции особо следует выделить случаи семантических сдвигов в значении польских лексем, спровоцированных воздействием украинского/русского аналога: *vojennu (= wojskowy — ср. рус. военный), drug'i (= inny — другой под влиянием рус. другої), rob'ic (= pracować — работать, под влиянием укр. просторечного робути), dužo (= bardzo — очень под влиянием укр. дуже), jak'i (= który — какой, который под влиянием укр. який)*.

Весьма продуктивным способом заимствования оказывается калькирование соответствующих украинских/ русских лексем и конструкций: *do żečy (кстати по образцу украинского do речи), kol'ej žel'azna* (вместо *kol'ej* по образцу рус. железная дорога). Появление в речи поляков Подолья нетипичных для польского языка конструкций, калькированных с украинского (русского) языков, является одним из ярких результатов интерференции на лексико-синтаксическом уровне: *było jemu na im'e* (ср. укр. йому було на ім'я), *mn'e juš bylo ... l'at* (рус. мне было ... лет аналогично в украинском). Особенно много подобных лексико-синтаксических калек в сфере предположно-падежных конструкций: *każdą noc* (рус. каждую ночь), *v ten čas* (в то время — по образцу укр. в той час), *cały čas (= przez cały czas, укр. весь час)*, в частности, предложных конструкций: *učył s'e v un'iversytec'e* (вм. *na uniwersytecie*, ср. украинское и русское соответствия), *raz v tydz'eń* (вм. *na tydzień*, ср. рус. в неделю), *on jest młodšy za mn'e* (вм. *ode mnie* ср. укр. молодший за мене).

При этом следует отметить, что однозначное определение языка-источника (русский или украинский) для заимствования или кальки в нашем случае далеко не всегда оказывается возможным. Помимо собственно языковой формы слова, в ходе решения этой задачи приходится учитывать также ряд факторов социолингвистического характера (преобладание контактов с тем или иным языком, место проживания, образование, сферу профессиональной деятельности, национальность супруга)⁹. Определенное значение имеет также тема высказывания. Так, количество русизмов будет возрастать при упоминании о государственных институтах, особенно советских: *na,zavod'i, na pos'olok, apendyc'it, v bol'n'ic'i, t'emp'eratura, vrač, brušnyj t'if*, а при рассказе о быте, деревенской жизни увеличивается число украинизмов: *svyn'i, varen'uku*. В то же время в речи носителей польских говоров нами были выявлены многочисленные лексические дублеты — параллельные заимствования из русского и украинского языков: *d'et'i // d'ity, tud'ly // tuda, gdeto // zd'es', p'eła // sp'ivaty, kołhoz // kołyosp, tojda // tod'i*.

В целом произведенный нами анализ характерных особенностей польских говоров Центральной Украины, существующих в условиях полилингвизма, продемонстрировал наличие очевидных следов восточно-

западнорусской интерференции на всех уровнях языковой системы. Можно констатировать, что и собственно говоры, и региональная разновидность польского литературного языка находятся под сильным влиянием восточнославянских языков, причем наиболее заметным оно оказывается в сфере фонетики и лексики. Одновременно фонетика является тем уровнем языковой системы, где весьма отчетливо прослеживаются различия между функциональными разновидностями польского языка на Украине. Что же касается морфологии и лексики, то здесь можно вести речь об аналогичных явлениях, которые проявляются в большей или меньшей степени, неся при этом разную нагрузку и характеризуясь различной частотностью. Динамика развития, в частности, лексической системы диалекта очевидным образом свидетельствует об усилении восточнославянского влияния на польский язык Подолья, что нашло свое выражение в существенном увеличении числа лексических и семантических заимствований, а также калькированных форм и конструкций по сравнению с началом XIX в. Непосредственные контакты носителей польского языка с украинским/ русским языками привели к формированию ряда специфических черт говоров под непосредственным воздействием восточнославянских языков (напр., отсутствие ряда среднеязычных мягких шипящих, восточнославянские флексии в системе польского словоизменения, регионализмы, лексические заимствования), а также косвенно способствовали усилению собственных тенденций в развитии языковой системы (см. напр., судьба носовых и лично-мужских форм). В большинстве случаев активным агентом в контактах с польскими говорами выступает украинский язык, что особенно отчетливо проявляется на уровне фонетики (см. такие характерные черты польских говоров, как «иканье», «уканье», артикуляционное сближение *i/u*, асинхронная мягкость губных). Трудности при определении восточнославянского языка-источника заимствования (в широком значении термина) возникают, если в русском и украинском языках существуют аналогичные морфологические формы или лексемы, в этом случае необходимым оказывается дополнительный социолингвистический анализ. Впрочем, и в этом случае преимущество отдается, как правило, украинскому языку как языку, доминирующему в том секторе коммуникативного пространства, в котором функционируют польские говоры. В целом интенсивность и характер восточно-западнорусской интерференции, отмеченной нами в речи поляков — носителей периферийных говоров на территории Центральной Украины, позволяет говорить о постепенном разрушении данной диалектной системы под воздействием украинского/ русского языков, что особенно заметно при

анализе отдельных идиолектов, но весьма отчетливо ощущается и на системном уровне.

Примечания

- ¹ См.; *Dziegiel E.* Polska gwara wsi Zielona na Podolu na tle innych gwar południowokresowych. Fleksja imienna i werbalna. Warszawa, 2001; *Cechosz I.* Polska gwara Oleszkowice na Podolu. Fleksja imienna i werbalna. Kraków, 2001.
- ² См., в частности: *Rudnicki S.* Gwara polska wsi Korczunek koło Żytomierza. Fonetyka, fleksja. Warszawa, 2000; о состоянии исследований польских периферийных говоров на Украине в целом см., в частности, *Rieger J.* Język polski poza wschodnimi granicami kraju w XX wieku — rewolucja, ewolucja, perspektywy // *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju.* Warszawa, 2001. S. 211—219. *Rieger J., Cechosz I., Dziegiel E.* Badania gwar kresowych dziś // *Gwary dziś.* Т. 1. Metodologia badań. Poznań, 2001. S. 95—110.
- ³ Подробнее об этом см.: *Ostapczuk O.* Należałości regionalne w *Dzienniku wydarzeń w Gimnazjum podolskim z XIX w.* // *Studia nad polszczyzną kresową.* Том X. Warszawa, 2001. S. 277-284.
- ⁴ *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 r.) // *Historia i współczesność języka polskiego na kresach wschodnich.* S. 235.
- ⁵ Винницький державний обласний архів (далее ВДОА), ф. 254, оп. 1, № 764, л. 21-22.
- ⁶ ВДОА, ф. 2700, оп. 9, № 458.
- ⁷ Здесь дается общая характеристика социолингвистической ситуации в регионе, подробнее см.: *Ostapczuk O.* О języku polskim w obwodzie Winnickim na Podolu // *Język polski dawnych kresów wschodnich.* Т. II. *Studia i materiały.* Warszawa, 1999. S. 139—165.
- ⁸ Данную лексику фиксирует, в частности: *Kurzowa Z.* *Polszczyzna I.wowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 r.* Warszawa-Kraków, 1983. S. 263.
- ⁹ О русизмах в польском языке Львова и критериях их выделения см.: *Masalska I.* Kilka uwag o ukraiinizmach i rusycyzmach słownikowych w języku powojennej inteligencji polskiej Lwowa // *Studia nad polszczyzną kresową.* Т. IX. S. 223-229.

Summary

About contacts of eastern and western slavonic languages (on the material of polish dialects in Central Ukrainian region)

The paper deals with the problem of foreign (in our case — eastern slavonic) influence on polish dialects, which are maintained up to resent time in the isolation outside Poland in Podolia (Ukraine). The article presents observations under the resent polish dialects in Podolia and the language of historical documents from this area (journal of polish gimnasium in Vinnitsa, XIX-th century — *Dziennik wydarzeń w Gimnazjum Podolskim*). Eastern slavonic influence here has ukrainian nature because of dialects' localization, only in the case of lexical adoption both Ukrainian and Russian languages should be considered as a source. Manifestations of contacts with eastern slavonic languages are observed at all levels of dialectal system (phonetic, morfological, lexical), although with different regularity. Eastern slavonic influence can, on the one hand, initiate change in language (causative influence) or, on the other hand, support a prolonged presence or development of a dialectal feature (supportive influence). Results of both types of influence are shown in the paper, exemplified by concrete phonetic, morfological and lexical characteristic features of polish dialects in Podolia. In the analysis special attention has paid to the differentiation of polish language in Central Ukraine. Different regularity of some phenomena on the every level of dialectal system shows that in fact we deal with two idioms: polish dialects as such and regional variant of literary Polish.

Ф. Минлос

Использование неточной редупликации в русском языке: этнолекты и разговорный язык

Данная работа посвящена неточной редупликации, которая используется прежде всего на периферии восточнославянских языков - в некоторых этнолектах и в определенном сниженном регистре разговорного языка.

На данный момент не вполне устоялась терминология для обозначения разных видов редупликации, что создает трудности для авторов конкретных описаний. Мы используем терминологическую систему, предложенную в "Курсе общей морфологии" И.А. Мельчука, [Мельчук III: 48-61]. Редупликации подвергается знак или группа знаков - это *область применения редупликации*. В ней можно выделить условный элемент (совпадающий с областью применения или меньший), *редупликанд*. Редупликанд повторяется, иногда с заменой некоторых фонем - его отображение называется *образом* или *копией* (мы будем использовать слово *копия*). Для нашего материала важны следующие характеристики редупликации: левая/правая (по расположению копии относительно редупликанда), точная/ неточная (точная - копия совпадает с редупликандом), полная/ неполная (полная - редупликанд совпадает с областью применения редупликации). Правую неточную редупликацию можно проиллюстрировать примерами из русского разговорного языка: полная *танцы-шманцы* и неполная *бумажки-шмажки*. Правая точная неполная редупликация часто встречается в песнях, ср. *Вологда-года*. Левая редупликация представлена в считалках: полная неточная *ишшел-вышел*, неполная точная - *зенцы мезенцы*, неполная неточная - *цынцы мизинцы*. Направление полной точной редупликации можно установить только из системных соображений, причем в русском эта разновидность редупликации обычно бывает синтаксическим повтором, например *Ваня, Ваня*. Ниже неточная редупликация, при которой в копию подставляется *x*, иногда будет называться *x*-редупликацией. При этом мы отвлекаемся от моделей, относящихся к синтаксису или пограничным с синтаксисом областям, таким как *смотрел-смотрел, год за годом, белым-бело* и т.п.

В языках нередко встречаются образования, в которых оба элемента существуют только в связанном виде и бессмысленны по отдельности, но при этом формально устроены как повторы, ср. рус. *тыры-пыры* или *тиф-*

паф. Будем называть это **немотивированной редупликацией** (соответственно, в отличие от **мотивированной**) - см. [Рожанский 2000: 345-346]. Интересный пример: русское слово *фокус-покус* (старое *гокус-покус* из нем. *hocus rocus*) было немотивированной редупликацией, пока из его состава не выделилось слово *фокус*; теперь соотношение *фокус ~ фокус-покус* можно расценивать как соотношение простой и редуплицированной форм (эта трактовка поддерживается наличием таких мотивированных редупликаций, как *мультик-нультик, супер-пупер*).

С одной стороны, редупликация - это формальная операция, с другой стороны - знак, означающим которого является эта формальная операция. В "Курсе общей морфологии" И.А. Мельчука формальную операцию предложено называть **редупликацией1**, а соответствующий знак - **редупликацией2**. Редупликация1 может быть **значащей** (т.е. являться означающим редупликации2) и **незначащей**, или **пустой** [Мельчук II: 60].

И.А. Мельчук рассматривает в своих работах основное, обыденное использование языка; немотивированную редупликацию он вообще не рассматривает, а говоря о незначащей редупликации, он, естественно, имеет в виду морфонологический механизм, подобный позиционному чередованию. Однако если в данном языке удастся выделить ряд слов, построенных немотивированной редупликацией, с нетривиальной общей семантической частью, можно говорить о **значащей немотивированной редупликации**. Существует также редупликация, которая используется как поэтический прием в текстах (прежде всего, в фольклорных). Семантику такой редупликации выделить часто затруднительно - по крайней мере, это не совсем обычная семантика; можно назвать данный класс случаев **поэтической (/фольклорной) редупликацией**. В отличие от значащей мотивированной неточной редупликации, которая в русском языке может строиться только по трем формальным моделям (*танцы-шманцы, шашлык-машлык* и *автобус-хуёбус*), фольклорная мотивированная редупликация значительно более разнообразна (например, *зелень-белень, соломина-яломина, шерба верба* в русских считалках); при этом показательно, что модель *танцы-шманцы* в традиционных фольклорных текстах начисто отсутствует.

Фольклорная и экспрессивная редупликация в русском языке ни в коей мере не является семантической редукцией значащей редупликации. Судя по всему, в русском фольклоре редупликация (одно из первых описаний - [Дурново 1902]) существует довольно давно и ниоткуда не заимствована. Основные модели значащей редупликации распространились в русском языке не больше сотни лет назад, см. об этом ниже.

Ниже мы рассмотрим только значащую мотивированную редупликацию в русском языке. Таким образом, мы оставляем в стороне и незначащую, и

немотивированную редупликацию (про *хухры-мухры* см. [Николаев 1985]), а также увлекательные проблемы соотношения редупликации с сочетаниями полнозначных и не совсем полнозначных основ (см. об этом [Янко-Триницкая 1968], [Журавлев 1982], [Эйсман 1995]), проблему стоящих за всеми этими образованиями более общих фонетических и просодических закономерностей (см. о фонетических закономерностях в работах [Якобсон 1979], [Jakobson, Waugh 1979]), в более широком историческом контексте в ряде статей Вяч. Вс. Иванова – [Иванов 1988], [Иванов 1996], [Иванов 2000а], [Иванов 2000б]. Некоторые наблюдения над редупликацией и схожими образованиями в фольклорных текстах есть в статьях Г.С. Виноградова [Виноградов 1999] и В.Э. Орла [Орел 1977].

Как отмечено выше, в русском языке существует три модели мотивированной неточной редупликации – *шашильк-машильк*, *танцы-иманцы* и *автобус-хуёбус*. Всё это правая редупликация, чаще всего полная. Больше всего литературы посвящено первой модели, иногда упоминается вторая, третья модель описана только в работе [Беликов 1990]. Ниже мы будем специально рассматривать только первые две. Что известно об этих редупликациях? Во-первых, они распространены прежде всего в определенных этнолектах русского языка, также употребляются в несколько сниженном, экспрессивном регистре разговорной речи. Под этнолектом мы понимаем разновидность языка, особенности которого обусловлены интерференцией с другим (часто основным) языком. Обычно этнолекты привязаны к определенному региону, [Беликов, Крысин 2001: 24]. Для *им-редупликации* таким этнолектом был язык людей, пользующихся разговорным идиш, для *м-редупликации* – речь юго-восточных регионов СССР – Кавказ, Закавказье, Башкирия, Средняя Азия. Что касается синтактики этой модели, то известно, что она может употребляться с любыми существительными, однако несколько образований особенно устойчивы, т.е. лексикализованы. Про семантику установлено следующее: редупликация имеет два компонента значения – пропозициональное значение ‘X и подобное’ и оценочное – не очень серьезное или пренебрежительное отношение к X.

Кроме примеров из опубликованных работ, мы используем примеры, найденные в Интернете. Благодаря возможности лексического поиска в различных поисковых системах тексты Интернета являются сейчас бесценным материалом для изучения современной некодифицированной речи, к сожалению, материалом еще не вполне востребованным лингвистикой.

Начнем с морфонологического описания. В общем случае копия выступает с фиксированными инициалами *м-*, *им-* независимо от того, начиналось ли исходное слово на одинарный согласный (*нитки-шмитки*, *логия-могия*), на кластер (*Штирлиц-Шмирлиц*, *штучки-мучки*) или на гласный (*осетрина-масетрина*).

Шм-редупликация чувствительна к просодической структуре слова. В речи одного персонажа у Д. Гранина в романе “Иду на грозу” встречается слово *бумажки-шмажки* (*Небось расчет она оформила. В наше время без отдела кадров не похитишь. Всякие бумажки-шмажки*): неполная редупликация (при полной было бы *бумажки-шмужки) обусловлена положением ударения – если в слове больше двух слогов, то слоги, предшествующие ударному, не сохраняются при такой редупликации. Другие русские примеры мне неизвестны (видимо, они всё-таки избегаются, как морфонологически нетривиальные), но именно такое правило следует из материала, который приводит В. Курашкевич: польск. *oddać-szmoddać* (ударение на первом слоге), но *odrabiać-szmbiać*, *rozmowa-szrowa*, амер. англ. *Oedipus-shmedipus*, но *confusion-shmoosian* [Kuraszkiewicz 1969: 23]. Точно такое же правило выбора редупликанта в зависимости от места ударения действует в русской редупликации, описанной В.И. Беликовым: *улица-хуюлица*, но *автобус-хуёбус*, [Беликов 1990: 83].

Особенности *м-редупликации* прежде всего связаны с фонетическим обликом инициала (иногда действует также просодическое правило, ср. *посетители-мосетители*, но *Якобсон-мобсон*). Прежде всего, *м-редупликации* невозможна у слов, которые начинаются с [m], потому что такие формы выглядели бы как точная редупликация (ясно, что слов, начинающихся с [ьт-], в русском языке пренебрежимо мало, поэтому подобное ограничение для *им-редупликации* несущественно). Видимо, не редуплицируются также слова, которые начинаются с кластера с исходом на [m] (например, *тмин*, *хмель*). Р. Якобсон писал, что в русском языке *м-редупликация* невозможна вообще у слов на губной, кроме [л] – т.е. не только [m], но и [p], [b], [v] [Якобсон 1979]. В целом это не так для русского языка. Однако для некоторых этнолектов известен более сложный закон диссимилиации. Как любезно сообщил нам Я.Г. Тестелец, на Северном Кавказе образование редуплицированных форм с [m] затруднено, если после гласной стоит губной согласный: ?*аварцы-маварцы*, но *даргинцы-маргинцы*, ?*Чубайс-Мубайс*, но *Гайдар-Майдар*. Однако [л] почему-то не мешает редупликации: говорят, например, *туфли-муфли*. Впрочем, эта закономерность, которую наблюдал Я.Г. Тестелец в северо-восточных районах Кавказа, явно нарушается в других кавказских регионах – см. кавказскую форму *сумки-мумки*, которую приводит Вяч. Вс. Иванов, [Иванов 2000: 332], а также *лобиа-мобиа*, *суперфосфат-мурперфосфат* у Ф.

Искандера в “Созвездии козлотура” [Эйсман 1994: 166]. Избегается м-редупликация у слов, которые начинаются с сочетания мягкого согласного и заднерядной гласной (видимо, в копии не допускается сочетание [m'] с заднерядными гласными). Не являются редупликацией такие сочетания, как *няньки-маньки* (форма из сказки А.Н. Афанасьева, которая в целом ряде статей цитируется как редуплицированная), *люди-муди* (присказка одного крупного лингвиста) или детское *тётя-мотя*. Впрочем, есть один пример подобной шм-редупликации – *пряники-шманьки*, [Земская и др. 1983: 193]. Кроме того, у слов, которые начинаются с кластера взрывной + сонант, заменяться может не весь кластер, а только взрывной, например *плов-млов*, *план-млан* (ср. также немотивированную редупликацию в разг. *трунды-мрунды*, *трень-брень*, мотивированную незначашую в разг. *кролики-маролики*). Впрочем, в основном редупликация у таких слов в русском языке просто избегается.

Для сравнения рассмотрим морфонологические закономерности образования м-редупликации в болгарском языке (описание болгарского материала см. в [Цонев II: 336], [Эйсман 1994: 166], специально о морфонологии в работах [Младенов 1975] и [Grannes 1978]). Прежде всего, она невозможна у слов, инициаль которых содержит м: *кмет*, *хмель*, *смрад* (в т.ч. у слов, начинающихся с м: *молив*, *мраз*), от слов с другими губными редупликация образуется, видимо, свободно, ср. *пестиль-местиль*. Слова с начальным [r-] иногда образуют копию с [mr-] (*риза* ‘рубашка’ – *риза-мриза* ‘рубашка и тому подобное’), а иногда по общему правилу с [m-] (*режис* ‘ор’ ‘режиссер’ – *режис* ‘ори-межис’ ‘ори’ ‘режиссеры и т.п.’). Слова с начальными кластерами, кончающимися на [r], [l], [n] обычно образуют копию, начинающуюся на [m] + сонант. Больше всего примеров на кластер с [r] (*врати-мрати*, *здраве-мраве*, *крак-мрак*, *криви-мриви*, *кремвриши-мремвриши*, *круши-мруши*, *спринцовки-мринцовки*, *страх-мрах*, *стрипа-мрина*, *трапи-мрапи*, *тръне-мръне*), меньше примеров с [l] (*влакове-млакове*, *глави-млави*, *плевор-млевор*, *сливи-мливи*) и один пример с [n] (*сняг-мняг*). По общему правилу образуется *грешки-мешки*. Сочетание ст-чередуются по общему правилу с м- (*Стефчов-Мефчов*, *столове-молове*), ср. турецкое *Stassen... Mtsassen* с чередованием. Видимо, невозможна редупликация у слова *ствол*, т.к. *мвол* невозможно по законам фонотактики, а *ствол-мол* было бы “слабой” рифмой.

Редуплицированные формы в разговорном русском языке кажется естественным рассматривать как единые лексемы, а не словосочетания; таким образом, их можно назвать словообразовательными дериватами. Против рассмотрения их как целых словоформ могло бы свидетельствовать только отсутствие у них «цельнооформленности» (т.е. редуплицированные

формы имеют не одну флексию, а две), однако этот критерий не следует считать основным для определения словоформы (см. [Плунгян 2000: 24-25]). Кроме окончаний, повторяются могут и предлоги: *Вы можете в Африку / в Шмафрику / куда хотите*, [Земская и др. 1983: 194]. Кроме того, редуплицированные формы могут разрываться частицей *там*: *Клее там шмее*, *Ван Гога там шмангога* (из рассказа В. Сорокина). В фольклорной редупликации также могут повторяться зависимые единицы – предлоги (*На кургане, на мургане стоит курица с серьгами*, [мещов. калуж.], загадка, см.: СРНГ 18:353) или прилагательные (*всяку шушери, всяку мушери*, из волог. заговора на скот. [Адоньева 1993:146]).

Как отмечено выше, шм- и м- редупликации – заимствования. Существовало мнение, будто морфология является языковым уровнем, непроницаемым для заимствований (А. Мейе, Э. Сэпир и др.). В такой резкой формулировке эта точка зрения не подтверждается фактами, однако не может быть сомнений в том, что служебные морфемы заимствуются хуже, чем полнозначные основы. Видимо, на основании многих факторов морфема может с большей или меньшей вероятностью заимствоваться. На одном конце шкалы – «связанные» морфемы, имеющие только синтаксические функции (к примеру, показатели синтаксических падежей), они почти не переносятся в другой язык. На другом конце шкалы – полнозначная лексика, особенно существительные, связанные с культурными реалиями, а из служебных морфем – сравнительно более семантические, прежде всего именные аффиксы, [Бурлак, Старостин 2001:69]. Особенно хорошо заимствуются экспрессивные, оценочные аффиксы. Так, есть много примеров заимствования уменьшительно-ласкательных показателей, [Вайнрайх 1979:66]. Если основное, сигнификативное значение тюркской редупликации (‘разнообразные виды X и чего-то типа X’) лишь отчасти способствовало ее заимствованию, то экспрессивное, оценочное значение помещает данную словообразовательную модель в ту семантическую зону, в которой заимствования особенно вероятны.

Шм-редупликация заимствована из разговорного идиш (ср. *mojre-љmojre* ‘страх’, *libe-љmibe* ‘любовь’) в разговорные варианты русского, польского и американского английского. Происхождение этих форм хорошо осознается носителями, например в тексте русского националиста *шмутин* обозначает именно ‘кто-то похожий на Путина, при этом еще и еврей’: *После путина придет шмутин и еще несколько кукол евреев, потом возможно будет гос. переворот, захват власти настоящими правыми*.

Затруднительно однозначно ответить на вопрос, откуда модель *деньги-меньги* заимствована в русский язык. В работах начала века (М. Джафара и

П. Дурново) говорилось о ее тюркском происхождении. Однако ситуация несколько сложнее. С одной стороны, сама фонетическая модель с губным согласным (чаще всего [m]) в начале второго сегмента представлена в различных европейских языках, едва ли подвергавшихся тюркскому влиянию (ср. нем. *Kuddelmuddel*, баск. *handi-mandi*). Как уже отмечено выше, это модель была продуктивна в русском задолго до заимствования значащей редупликации, ср. фольклорную мотивированную редупликацию шурин-мушин, а также сочетания типа *калина-малина*, *целовать-миловать*. Эту фонетическую модель многочисленных языков Евразии следует связывать с какими-то особенностями фонетической структуры словоформ этого ареала, если не с врожденными языковыми навыками человека, ср. формулировку Вяч. Вс. Иванова: “столь широкое распространение таких сочетаний исключает один-единственный их источник (например, тюркский) и заставляет искать в них, как и в других, с ним сходных, проявления некоторых общечеловеческих языковых устремлений”, [Иванов 2000а: 333]. С другой стороны, русский язык всё время подвергается различным влияниям со стороны тюркских, кавказских, иранских и других восточных языков, в той или иной степени использующих эту редупликацию. Скорей всего, данная редупликация (значащая) в основном проникла в русский язык “из тюркских языков через посредство кавказских народов” [Эйсман 1994:166].

Редулицированные формы характерны прежде всего для этнолектов русского языка на юго-восточных окраинах российско-советской империи (особенно Кавказ и Средняя Азия). Про Кавказ сообщает, в частности, Вяч. Вс. Иванов (с примерами *сумки-мумки*, *культур-мультиур*, *деньги-меньги*, [Иванов 2000: 332]; такие редулицированные формы отмечаются у писателей, передающих особенности кавказской речи (у Ф. Искандера в “Созвездии козлотура”: *зелень-мелень*, *лобиа-мобиа*, *суперфосфат-муперфосфат*¹); ср. также контекст, в котором находится пример *посетители-мосетители* в статье [Янко-Триницкая 1968]. Эти формы в целом совершенно отчетливо ассоциируются с указанными идиомами. В следующем фрагменте создается карикатурное изображение речи узбека, с воспроизведением характерных фонетических и грамматических отклонений от литературной нормы и, конечно, с обилием редулицированных форм: *Я пиретсидатель райпотребсоюз работал, потом торма сидел, потом директор баня-маня работал, потом пирестройка пришол, дочь Фатима*

¹ (1) - *Хорошо,-- сказал я,-- быстренько перекусим, и я поеду.*

- *О чем говорить -- зелень-мелень, лобиа-мобиа.*

(2) - *Тонн сто суперфосфат-муперфосфат прошу, как родного брата, Андрей Шалвович.*

*сафсем большой стал. Чтоп грязь лицом не ударился Москву поехал, фзятка-мзятка давал, дочь пиштак МГУ поступал. Потом в гости к Фатима поехал, она сафсем пилять стал: канфет-манфет не кушает, папирасы "Пирезидент" курит, пиво-миво пьёт, Интернет учтвует (из Интернета). Похоже устроено шуточное стихотворение, где восточный колорит создается, в частности, с помощью редулицированных форм, а также рифмованных сочетаний и парных слов: ...Окиен, *пустип-мустип*, *горни Бадахцен // Палька-малька, рук-пагам, Кара-Кадиль-джеп // Джюйма-Люйма, Тобитстон, Сердний Азие*; другой фрагмент: *Джюйма-Люйма // свуй нагам-рукам пахади-ил // Мамацкя-папацкя нафсигда ухади-ил // Систренкя-браццкя // канфет-манфет угасти-ил*. В других случаях текст в целом не призван изображать восточную речь, и «восточной» является только сама редулицированная форма: *Чай – липтон-миптон – тоже, понятно, не из Индии, а из Армении...* («Московский комсомолец»). Употребление этой формы указывает на то, что речь идет не совсем о чае “Lipton”, а о чем-то вроде него, и о чем-то не вполне качественном; с другой стороны, эта редупликация указывает на вполне определенный регион.*

К сожалению, нет достоверных сведений, позволяющих судить о хронологии распространения *м*-редупликации в русском языке. А. Крымский приводит следующий факт: в 1856 г. А.Ф. Писемский во время своего путешествия по Волге записал в Астрахани шуточные стихи, которые бытуют среди тамошних русских. В них воспроизводится армянская речь с такими редулицированными формами, как *варен-марен*, *канфет-манфет*, *калач-малач*, *кишмиш-мишмиш*. Издавая свои «Путевые очерки», Писемский пояснял для российских читателей: «Варен-марен, канфет-манфет, калач-малач соответствуют нашему: варенье не варенье, конфеты не конфеты, калач не калач, т.е. всякие варенья, всякие конфеты». Скорее всего, в то время в России такие формы еще не были распространены и могли быть непонятны. Видимо, *м*-редупликация в течение долгого периода была известна лишь маргинальным слоям российского общества, прежде всего на периферии. А. Крымский считает, что важнейшую роль в популяризации редулицированных форм сыграли «армянские анекдоты», ставшие популярными в обеих столицах в конце XIX в. [Крымский 1928: 147]. Вероятно, широкое распространение этой редупликации пришлось на двадцатые годы. Как известно, Октябрьская революция повысила социальную мобильность населения России. В результате этого языковые явления, характерные для отдельных групп (занимавших низкое положение на социальной иерархии), проникли в общенародный язык.

Для истории исследования рифмованных сочетаний большое значение имеет то, что писали о них Р. Якобсон и Вяч. Вс. Иванов в связи с Велимиром Хлебниковым -- [Якобсон 1979], [Иванов 2000]. При этом, как

утверждает В.Д. Григорьев, для текстов Хлебникова такие образования по большому счету нехарактерны; ср., правда, их нагнетение в монологе Разина: *К богу-могу эту куклу! Девы-мевы, руки-муки, Косы-мосы, очимочи!* («Уструг Разина») и замечание о них в письме 1913 г.: *“Лыки-мыки это мусульманская мысль; у них есть шурум-бурум и пиво-миво, шаро-вары, т.е. внеумное украшение слова добавочным почти равным членом”*, [Григорьев 2000: 316-317].

Редуцированные формы нередко встречаются в тексте целыми сериями - ср. приведенный выше пример из В. Хлебникова, или фрагмент рассказа В. Сорокина “Дорожное происшествие”: [...] *я и не говорю тебе там про Кандинского шмандинского или про Клее там шмее так что и ты гонишь мне опять про своих Пикассо шмикассо Утрилло шмутрилло, я и в гробу видел твоего Ван Гога там шмангога [...]*. Показательно, что в таких сериях совершенно естественно могут соседствовать две редупликации, шм- и м-: *Там шашлык-машлык, танцы-шманцы, причем все за их счет; дача, шашлык - машлык, танцы - шманцы и тд; ну там шашлык-машлык, танцы-шманцы и все такое; ну а дальше - как получится, салатики, водка, зелень-мелень, танцы-шманцы; Бренди-шменди тл, зелень-мелень, шашлык-машлык кушал?; Завтра грозятся прийти Елена и Маша. Буду готовиться: кофе-мофе, чай-шмай, каишет-маишет... Диктофон-шмиктофон...* Как нам кажется, совместное употребление этих редупликаций подчеркивает закономерность их анализа в рамках одной статьи. Иногда наряду с этими регулярными редупликациями употребляются и другие, окказиональные: *Сядет, говорит, за стол и рассказывает... Часа три битых говорит... И политика, и малитика, и история-кистория...* (эссе А. Бухова «Громоотвод», еженедельник «Школьный психолог», 2001).

Редупликация может применяться «к словам самой разной семантики», обычно к существительным. Однако в диалогической речи редуцироваться могут словоформы любой части речи. Хороший пример такого использования редупликации содержится у Стругацких («Тройка на склоне»):

- У осьминога восемь ног, - мягко сказал Фарфуркис. - Он, собственно, осьминог, но "в" у него редуцировалось.

- Да бросьте вы, - сказал Хлебовводов. - Что ты, понимаешь, мне вкручиваете? Редуцировалось, медуцировалось... Не знаете - так и скажите!

В.И. Беликов отмечает, что сочетание *хуйня-мушня* в русском языке лексикализовано, а остальные случаи м-редупликации - окказионализмы,

хоть и понятные большинству носителей, “лишь у меньшинства составляющие активную модель”, [Беликов 1990:82]. Действительно, следует выделить ряд в той или иной мере устоявшихся, лексикализованных образований (все они являются существительными). С нашей точки зрения, это не только *хуйня-мушня* (давшая название статье Ю. Плёна [Plöhn 1987], а после объявленная В.И. Беликовым единственной лексикализованной редупликацией), но и *культура-мультаура* (*культур-мультаур*), *шашлык-машлык*, *зелень-мелень*, *павлин-мавлин*.

Видимо, можно выделить ряд факторов, влияющих на лексикализацию. Например, редуцированная форма *хуйня-мушня* закрепилась в языке потому, что уже в семантике производного слова есть пейоративность и указание на что-то неопределенное. В сочетании *штучки-мучки*, как и в исходном слове *штучки*, есть неопределенность и несерьезное отношение говорящего: *милиция за такие штучки-мучки по головке не гладит* [Янко-Триницкая 1968: 49]; *Дело поставлено. оскорбительно сухо. Никаких этих душевных штучек-мучек! К молодому отцу относятся с суровой безразличностью, словно он не муж* (И.Ильф, Е. Петров, фельетон “Безмятежная тumba”); *Ну что не выберу, все штучки-мучки, интересно как выглядит* (из чата); *Я все эти штучки-мучки компьютерные как азбуку знаю* (из повести); *Сейчас мы обрисует прутником твои штучки-мучки! Сейчас мы тебя выведем на чистую воду, бродяга, мы тебя вычислим...* (из фантастического детектива).

Несомненно, самой распространенной шм-редупликацией является форма *танцы-шманцы*, иногда также *танцы-шманцы-обшманцы*, - *обжшманцы*, окказионально также - *зажшманцы*, - *обжшманцы*, - *выпиванцы*, ... и романсы (*Вот тогда-то и начнутся // Танцы, шманцы и романсы - Мария Коновалова, Вера Гаврилко, «Профорентация»*). Слово *танцы-шманцы* часто означает не танцы как таковые, а всё, связанное с танцами, указывает на ситуацию вечеринки, распития спиртных напитков, объятий и т.д., часто встречается в контексте типа *всякие, и проч., и т.п.* и в сочетании с «парными словами». Ср. примеры, найденные в Интернете: *разновсяческих танцев-шманцев; обожаю всяческие танцы-шманцы и всякую музыку; люблю всякие диски, веселья, танцы-шманцы и все такое; с шутками-прибаутками, танцами-шманцами и проч.; танцы-шманцы, пиво-водка, инет и еще целая куча всякой раззной бодяги; вечеринка, танцы-шманцы, вино-водка, огурцы-селедка; а он за ней так ухлёстывает - подарочки-цветочки, любовь-морковь, танцы-шманцы, целовашки-обнимашки*. Компонент ‘Говорящий относится несерьезно’ содержится также в словах *музыка, разная бодяга, любовь-морковь, целовашки-обнимашки*. Ср. Также «игровую» форму *культорно* (вм. *культурно?*): *Танцы, шманцы, выпить-закусить и т.д. Культорно, в общем*. Собственно отрицательно оценки в

самой форме *танцы-шманцы* нет, однако эта форма хорошо сочетается с контекстами, где такая оценка вырезана: *По ОРТ тоже не было ничего путевого - танцы-шманцы, девочки-мальчики, ни голоса, ни повадки.* Пейоративный компонент значения более очевиден в таком контексте: *Вроде рэп – но к тусне децлов-шмецлов отношения не имеет* (из «Московского комсомольца»).

Неудивительно, что формы с *м*-редупликацией нередко так или иначе связаны с Востоком. В частности, первая собственная русская редуплицированная форма, известная нам из литературы - приводимая в статье [Джафар 1900] нетривиальная редупликация *татарин-мамарин*.

У редуплицированной формы *павлин-мавлин* в русском разговорном языке есть свой совершенно конкретный источник – мультфильм «Павлин» из серии «Приключения Мюнхаузена». Там редупликация очень точно используется для придания речи джина восточного колорита: *«Какой такой павлин-мавлин? Не видишь, мы кушаем?»*. Можно уверенно сказать, что это цитата стала крылатым выражением, достойным небольшого исследования. В Интернете несложно встретить достаточно точное цитирование (*Э-э-э, дорогой! Какой такой павлин-мавлин? Не видишь - мы кушаем...; Какой такой павлин мавлин ты что не видишь я кушаю; какой еще павлин-мавлин - не видишь, мы кушаем; Какой такой павлин-мавлин, не видишь - мы кушаем?*), а также более сжатые намеки на этот текст (*Какой павлин-мавлин?!; Подожди-подожди, какой-такой павлин-мавлин?*). Ясно, что на самом деле человеку, который цитирует мультфильм, нужно выразить удивление не по поводу неуместного, по его мнению, вопроса про павлина, а по поводу неуместного вопроса про что-то совсем другое. Возможен регулярный способ присоединить к крылатой фразе необходимый смысл – с помощью уточнений (*в смысле, т.е.*): *какой-такой павлин-мавлин ? (бжк офис в смысле); про какой такой павлин-мавлин, т.е., пардон, П/Я; Каааааакой такой павлин - мавлин. т.е. какой такой отдел кадров - разогнали их давно, кто был тех уволили - сокращение штатов; с помощью дублирования вопросительной структуры: Какой такой павлин-мавлин, какие такие "информоны".* Однако особенно любопытным является простая постановка требусмой по смыслу именной группы непосредственно после *павлин-мавлин*: *Какой такой павлин-мавлин счет?; Какой-такой павлин-мавлин "вторая мессага"?; какой еще такой павлин-мавлин-администрация?; А если рассмотреть это с АК> точки зрения атеиста (какой-такой павлин-мавлин, душа всякая).* Здесь *павлин-мавлин* воспринимается, пожалуй, как своего рода вводное слово, междометие.

Существенно отметить, что форма *павлин-мавлин* встречается не только в разнообразных цитатах и цитонах из указанного мультфильма. Приведем

такие контексты: *Опахала какие предпочитаете: павлин-мавлин или из лебяжьего пуха?; Вот павлин-мавлин хвостом трясет...; Я типа такой весь из себя особенный Павлин-Мавлин, и занимается, как Нарцисс, самолюбованием; Кончик носа прижат к губам, глазки маленькие, насмешливые, тужится, строит из себя павлина-мавлипа, а выходит просто курица; Соболь обнюхал пустую миску, помахал хвостом, как павлин - мавлин перьями, и обратно полез; И чем черт не шутит - может, и там приживутся "павлины-мавлины" и другие экзотические животные?; А из-за жопы у нее павлин выглядывает. Павлин-мавлин!*

Довольно вероятно, что лексикализация формы *павлин-мавлин* произошла именно благодаря крылатой фразе из мультфильма, так же как популярность формы *культур-мультиур* во многом обязана соответствующему анекдоту, который мы сейчас приведем (хотя в обоих случаях, особенно во втором, тексты не могли бы возникнуть, если бы русскоязычным массам такие формы были бы непонятны). В основных вариантах культового анекдота министру культуры некоей южной республики (в других вариантах - среднеазиатской, иногда речь идет о Азербайджане) задают вопрос (обычно русские журналисты): - Скажите, почему у вас так (странно) говорят (варианты: *рифмуют слова/ любят делать к словам добавления*) - *конфет-манфет, нефть-мефть, фрукты-мрукты?* Тот отвечает: - Культур-мультиур не хватает (Уровень культур-мультиур пока низкий). В некоторых вариантах этот вопрос задают просто «лицу кавказской национальности» или в радиопередаче про русский язык «доктору филологических наук, профессору Муллокандову».

Тут важно отметить, что редупликация принадлежит к тем языковым явлениям, которые отчетливо рефлексированы носителями, несомненно учитываются в т.н. «стихийной лингвистике», *folk linguistics* (см. об этом понятии [Булыгина, Шмелев 2000]). Несомненно, это коррелирует с тем, что рассматриваемая редупликация является в некотором роде вторичным, игровым языковым средством, которое используется скорее для экспрессии, чем для номинации (неслучайно его рассмотрение в контексте книги [Санников 2001]).

Формы *м*-редупликации, во-первых, ассоциируются с Востоком, во-вторых, комичны. Сочетание этих двух факторов обеспечивает устойчивое существование этих форм в анекдотах о грузинах (*Малчик, малчик, хочши конфэт-манфет?; Ты лючший, дорогой еда, осетрин-масетрин заказал?*) и схожих юмористических жанрах, ср. шуточную «грузинскую басню» (*картошка-мартошка сажал; наряду со шм-редупликацией Мурава-шмурава*). Для иллюстрации сниженного и игрового употребления *м*-редупликации в русском языке показателен такой пример: в Петербурге около Сенной пл. есть кабаk, на рекламном щите которого написано:

шашлык-машлык, зелень-мелень, коньяк-маньяк, судак - ... Как уже отмечалось выше, одним из возможных источников редупликации в общенародном языке были в конце XIX в. «армянские анекдоты».

Уже на приведенных выше примерах видна общая тенденция, отчетливо влияющая на лексикализацию м-редупликации в русском языке: это в основном названия разных (прежде всего восточных) продуктов и блюд. Ср. расхожие примеры: *хавчик-мавчик, колбаса-молбаса*, [Елистратов 2000: 665-666], *харчи-марчи*, [Аникин 2000: 613], *кишки-мишки* [Молошная 1975: 44], *шпроты-моты, фрукты-мукты, лосось-масось* [Земская и др. 1983: 193], укр. *хвиги-миги* 'всякая бакалея (не обязательно включающая фи́ги)', [Джафар 1900], [Крымский 1928].

Можно предложить два разных объяснения для данной тенденции – структурное и социолингвистическое. Структурное объяснение состояло бы в том, что сама эта редупликация по своим внутренним семантическим свойствам особенно хорошо сочетается с названиями продуктов. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу можно только при анализе других схожих редупликаций. Насколько мы знаем, это не совсем так. Например, для *шм-редупликации* не наблюдается лексикализации, связанной с обозначением продуктов: *сахер-шмахер, тортики-шмортики* (При такой жарке скиснут твои тортики-шмортики - Д. Гранин, «Иду на грозу»), *перец-шмерец, пряники-шманики*, [Земская и др. 1983: 193]. В целом, однако, здесь мы не обсуждаем «структурную» гипотезу, т.к. для этого нужно подробно рассматривать материал других языков, прежде всего восточных.

Социолингвистическое объяснение связано с происхождением м-редупликации. Дело в том, что с «южанами» связаны определенные социальные стереотипы, которые всегда были устойчивы, но последнее время стали особенно агрессивными. В соответствии с этими стереотипами, человек с Востока может ассоциироваться с шашлыком, зеленью, коньяком, или же с картошкой - иными словами, или с рестораном, или с рынком: *хозяин торговал на рынке «шашлык-машлык»* (из Интернета); *зелень-мелень всем кушать хочется, да и шашлык-машлык тоже штука хорошая* (из «Московского комсомольца», этой фразой журналист характеризует род занятий некоего армянина в Талдоме). Вот фрагмент скандальной националистической статьи в «Московском комсомольце»: *...Просто в последние годы их стало слишком много. Кажется, еще два-три года столь активного, тропического размножения - и они поглотят Москву полностью, окончательно установят здесь свои правила, и москвичи начнут курлыкать «по-ихнему», ходить в «белый рубашка, белый брюки» и кушать «зелень-мелень».*

Именно применительно к разным блюдам употребляют данную редупликацию люди с Востока в художественных текстах. Например, Али-Овсад, герой повести Е. Войсунского и И. Лукодянова «Черный столб», говорит: *Мы с Брамульяном в воскресенье будем джыз-быз делать. Мне повар обещал кишки-мишки от барана.* Вот фрагмент из повести Аркадия Арканова «Рукописи не возвращаются»: *Раисод Мургабович выпинает одну из паркеровских авторучек и склоняется над меню. - Нету, — вычеркивает он, — нету... нету... нету... Слушай, колбаса-молбаса зачем выписал?... Отравить австралийца хочешь... Примеры из других текстов, найденных в Интернете: *Бозбаш или артала, чанах, хос-кябаб, хинкали, сыр гуда, зелень-мелень и все остальное, что полагается... - составлял меню Митуша; Игир-ака, давай рафтем на сватба... Плов-млов, план-млан, денги-пенги...**

Редуплицированные формы могут быть употреблены не при любом указании на еду, а прежде всего при изображении вечеринки, гулянки: *Предлагаю как-нибудь встретится и организовать шашлык-машлык, пиво-миво, тусон-тусон, гулянку-пьянку, и если получится, Читик митик.}}}} Шутка; Динамистки они, вот что. Приглашаешь ее в ресторан, все тебе есть, шампанское-мампанское, музыка-хужыка, сам понимаешь, а она мне говорит свое "спасибо" и динамит меня; Всё было замечательно - чудно - и пирожное - мороженое, и конфет - мапфет. Культур - мультур - великая сила; Зелень-мелень, спирт "Рояль" разбавлен правильно./ Осы с мухами кружатся над столом./ (Тимур Кибиров, «Парафразис»); реже – при изображении домашнего уюта: *Дык иди домой, там тепло, кофе-мофе, фильмы может интересные кажутся :)))*.*

И прагматика, и семантика редуплицированных форм таковы, что через обозначение конкретных блюд и напитков метонимически указывают на целую ситуацию, которую читатель должен сам восстановить. Как уже отмечалось выше, в тексте нередко встречается несколько редуплицированных форм подряд (например: *Кто-то ведь должен там салаты-малаты, шашлык-машлык делать, пока мужики развлекаются!; Шашлык-машлык, каплеты-матлеты...; Шашлык машлык из осетрии масетрин заказал...*). Интересно, что нередко редупликация (одним из семантических компонентов которой, как известно, является указание на 'тому подобное') сочетается с лексическими средствами с той же семантикой: *шашлык/машлык, коньяк/маньяк и все такое прочее...; сгоняли за водярой, шашлык-машлык и все такое; А дальше - шашлык-машлык и т.п.; Я люблю шашлык-машлык всякий, картошка-мартюшка, петрушка-редиска и прочий помидор; Пример первого - гамбургеры, попчики, всякие колбасы-молбасы и прочие сосиски; Потом началась унылая проза. Грядки какие-то, клубника, морковка, картошка-мартюшка, гадость, одним словом; Так что Юнихорны в принципе скептически*

относятся ко всяким павлинам-мавлинам, шашлыкам-машлыкам и шампанским-мампанским; Желаящих совершить сей подвиг вместе со мной прошу шашлыка-машлыка и прочих вкусностей; От аэропорта до центра Самарканда на такси меньше \$1, шашлык - машлык и прочее - на пару \$ не съешь - лопнешь.

Существует набор особенно частотных редуплицированных форм, нередко они сочетаются друг с другом. Прежде всего это шашлык-машлык, зелень-мелень, лобио-мобио: - Ай, дэвушка, пойдём ресторан кушать - шашлык-машлык, лобио-мобио, зелень-мелень, а? Такой красивый - по должеи бить с папа-мама!; Будеши кйущать лобио-мобио, шашлык-машлык и зелень-мелень!; официантка быстро принялась метать на стол лагман (очень острый и вкусный суп), зелень-мелень, шашлык-машлык, кучу всяких закусок и, разумеется, водку ...; Грибочки соленые, лобио-мобио, шашлык-машлык, водочка-понимаю-с, далее что там еще в меню, и все это желательно в каком-нибудь ЦДЛ (из Интернета); Лобио-мобио и зелень-мелень, само собой. (С. Гандлевский, «Трепанация черепа»).

Для редупликации шашлык-машлык характерна многозначность 'блюдо или напиток' (Во скока завтрчко шашлык-машлык кушать?) ~ 'мероприятие, связанное с ним' (как ты на шашлык-машлык собирался). Такая многозначность относительно регулярна - ср. приехать на блины, заглянуть на пироги, позвать на чай (на чашку чая); однако не любое блюдо или напиток может метонимически обозначать целую ситуацию: *позвать на салат/ вино/ водку. Таким образом, данную многозначность нельзя назвать регулярной (см. о понятии регулярной многозначности [Апресян 1995: 190-192]). Отметим, что «потребление» невещественных объектов также участвует в этой модели: Если у Вас будет возможность приехать в Москву на 14-ю симфонию, я буду ужасно этому рад (Д. Шостакович, цитируется по [Золотова 1998: 194]).

Этот самый шашлык-машлык устойчиво ассоциируется с ситуацией "природа, загород, пикник, пленэр": Баня, шашлык-машлык, спиртное, природа на даче...; Шашлык, машлык или банкир и природа! Грят тепло будет Тогда можно на природу будет рвануть... шашлык-машлык; Можно и загород выехать. Кстати, московские хондоводы ездили на пикник не так давно — шашлык-машлык; вышли на пленэр с целью вкусить шашлыка машлыка. Более того, шашлык-машлык часто встречается в перечислениях, которые заканчиваются чем-то вроде и всё такое, и т.п., и так далее: поездки загород шашлык машлык и все такое; В лесходим, шашлык, машлык, вино, кино, пиво и все такое; А еще ходить в лес на природу, шашлык машлык и все такое; Потом состоится высадка десанта в secret location на природу - шашлык-машлык, купанье, и все такое; Люблю отдых за городом (шашлык-машлык, купание в

Подмосковных лужах и т.п.); и на дачу, шашлык-машлык, свежий воздух и так далее; а там Ленгоры лес шашлык машлык и прочие маленькие радости. Характерно также употребление в контексте таких сочетаний, как купалка-рыбалка, грибы-ягоды: В субботу едем на пикник (шашлык-машлык, купалка-рыбалка, квн-"что, где, когда"); Там - купание с лошадьми, грибы-ягоды, шашлык-машлык, почечка. Показательна редупликация самого слова пикник: И всё-то у них дурь в голове! Пикники да микники! Нет, чтобы о старухином здоровье толком порасспросить (Тэффи, юмористический рассказ «Причины и следствия»).

Напоследок нужно уточнить два вопроса. Во-первых, каким субкодам русского языка принадлежит описанная редупликация? Во-вторых, насколько необычной является описанная лексикализация морфологического средства?

Редупликация является частью некодифицированного разговорного варианта русского языка. Она активно используется в разговорной речи в непринужденной обстановке (в том числе и теми, кто составляет социальную базу стандартного языка – например, профессорами-литературоведами) а также в тех письменных текстах, которые отражают некодифицированную разговорную речь (газета «Московский комсомолец», конференции и чаты в Интернете). Обычно говорится о двух «внешних» источниках, за счет которых развивается современный разговорный язык (сниженные варианты которого называют также интержаргоном, общим сленгом, просторечием-2): арго преступного мира и английский язык. Как нам кажется, актуальность м-редупликации во многом поддерживается контактами с «восточными» этнолектами.

Известно, что в зависимости от темы и обстановки человек может сильно варьировать языковые коды. Например, он может использовать разные варианты окончаний; т.к. многие лексемы закреплены за определенными темами, получается, что у разных лексем складывается разная парадигма. Ср. пример из речи детей штата Новая Англия: причастные суффиксы имеют вид [-ing] у «официальных» слов, которые они знают прежде всего из разговоров с родителями (*visiting, correcting, reading*) и [-in] у слов «неофициальных», которые активно используются в общении сверстников (*swimin, chewin, hittin*) – см. [Эрвин-Трипп 1975: 348]. Другой интересный пример такого рода рассматривается в статье О.А. Абраменко в настоящем сборнике: у «официальных» слов (таких, как *школа, война*) парадигма окончаний литературная, а у бытовых слов – своя, диалектная.

Более известны примеры другого рода – лексические заимствования из одного субкода в другой легко могут быть объяснены тем, что данная лексема ассоциируется с соответствующей темой (например, церковная

лексика и другие профессионализмы в общенародном языке). Если наши наблюдения верны, мы имеем промежуточный пример лексикализации: морфологическое средство закрепляется за словами определенной тематической группы (блюда и напитки, которые ассоциируются с Востоком и/или с досугом); однако т.к. это средство словообразовательное, результат очень похож на лексическое заимствование.

Литература

- [Адопьева 1993] - Традиционная русская магия в записях конца XX века. Авторы-составители. С.Б. Адопьева, О.А. Овчинникова. СПб, 1993.
- [Аникин 2000] - *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.-Новосибирск, 2000.
- [Апресян 1995] - *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1995.
- [Беликов 1990] - *Беликов В.И.* Продуктивная модель повтора в русском языке. Материал для обсуждения. // *Russian Linguistics*, vol 14, 1990.
- [Беликов, Крысин 2001] - Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001.
- [Булыгина, Шмелев 2000] - *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* «Стихийная лингвистика» (folk linguistics). // *Русский язык сегодня*. 1. Под ред. Л.П. Крысина. М., 2000.
- [Бурлак, Старостин 2001] - *Бурлак С.А., Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.
- [Вайнрайх 1979] - *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
- [Виноградов 1999] - *Виноградов Г.С.* Детские игровые прелюдии // Виноградов Г.С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства. СПб, 1999.
- [Григорьев 2000] - *Григорьев В.П.* Будетлянин. М., 2000.
- [Джафар 1900] - *Мирза Джафар.* Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter) // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его друзьями и почитателями. М., 1900.
- [Дурново 1902] - *Дурново П.Н.* Мелкие заметки по русской диалектологии // Журнал министерства народного просвещения, 1902, VI.
- [Елистратов 2000] - *Елистратов В.С.* Словарь московского арга. М., 2000.
- [Журавлев 1982] - *Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- [Земская и др. 1983] - *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- [Золотова 1998] - *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- [Иванов 1988] - *Иванов Вяч. Вс.* Проблемы восстановления общиндоевропейских заговорных текстов // *Этнолингвистика текста*. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988.
- [Иванов 1996] - *Иванов Вяч. Вс.* Инварианты и вариации в подходе Якобсона к звуку и значению // Мат-лы международного конгресса "100 лет Р.О. Якобсону". М., 1996.
- [Иванов 2000a] - *Иванов Вяч. Вс.* Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории // *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Том II. М., 2000.

- [Иванов 2000b] - *Иванов Вяч.* О функции опоматопоэтических существительных в мифологическом эпосе // *Евразийское пространство: звук и слово*. Тезисы конференции. М., 2000.
- [Кримский 1928] - *Кримский А.Е.* Калач-малач, кишмиш-мишмиш // *Розвідки, статті та замітки*. Київ, 1928.
- [Мельчук 2000] - *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. II, III - М.-Вена, 2000.
- [Младенов 1975] - *Младенов М.С.* Об одном типе повторений в болгарском языке, имеющем параллель в румынском языке // *Revue roumaine de linguistique*. 1975 (XX). 4.
- [Молошная 1975] - *Молошная Т.Н.* Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.
- [Николаев 1985] - *Николаев С.Г.* Что такое хухры-мухры? // *Русская речь*, 1985, 4.
- [Орел 1977] - *Орел В.Э.* К объяснению некоторых "вырожденных" славянских текстов // *Славянское и балканское языкознание*. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977.
- [Плунгин 2000] - *Плунгин В.А.* Общая морфология. М., 2000.
- [Рожанский 2000] - *Рожанский Ф.И.* Редупликация в языках Западной Африки // *Основы африканского языкознания*. М., 2000.
- [Санников 2001] - *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- [Цонев II] - *Цонев Б.* История на българския език. II. София, 1985
- [Эйсмэн 1994] - *Эйсмэн В.* Типы бессоюзных составных существительных в русском и их соответствия в южнославянских языках // *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. М., 1994.
- [Эрвин-Трипп 1975] - *Эрвин-Трипп С.М.* Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия. // *Новое в лингвистике*. Выпуск VII. Социоллингвистика. М., 1975.
- [Якобсон 1979] - *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия // *Jakobson R. Selected writings*. V. The Hague, Paris, New York, 1979. [ср. также издание, где был изъят фольклорный текст с нецензурным словом: *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987].
- [Янко-Триницкая 1968] - *Янко-Триницкая Н.А.* "Штучки-дрючки" устной речи // *Русская речь*. 1968. 4.
- [Grannes 1978] - *Grannes A.* Le redoublement turk a m-initial en bulgare // *Балканско езикознание*. XXI, 2, София 1978.
- [Jakobson, Waugh 1979] - *Jakobson R., Waugh L.* The sound shape of language. Bloomington, London, 1979.
- [Kuraszkiewicz 1969] - *Kuraszkiewicz W.* Od wyrazow szata, plat do szmata. szmat // *Język polski*. XLIX. Kraków, 1969.
- [Plähn 1987] - *Plähn J.* Хушля-мушля и тому подобное // *Russian linguistics*. 11 (1987)

Summary

Inexact reduplication in East-Slavic languages.

The paper deals with inexact reduplication in Russian and some other languages, such as Russian *шашлык-машлык* 'shashlik and the like'. This model is believed to be borrowed from Turk languages, but it would be more correct to ascribe the influence to different languages at the outlying districts of Russian/Soviet empire.

Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, II

Настоящая серия заметок о сомнительных, с точки зрения автора, заголовочных формах (как правило гапаксах) в сводном диалектном словаре русского языка является продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорен характер наблюдений и предлагаемых прочтений (см.: Журавлев 1995–2001).

Помимо фактов из разряда *lapsus legendi*, здесь обращается внимание и на некоторые огрехи набора, что читателю может показаться занудным излишеством. Последние выпуски СРНГ (словаря во многих отношениях выдающегося и имеющего исключительную ценность, без сомнений представляющего собою национальное достояние) изданы, к сожалению, на редкость небрежно, с неизвинительным — для лексикографического жанра в особенности — множеством опечаток, по-видимому, вообще не проходя корректуры, но здесь я отмечаю лишь опечатки, обнаруженные в заголовках словарных статей. Делать это необходимо, поскольку современными электронными средствами обработки словарных материалов, например, при составлении обратных лексиконов, морфемных реестров и проч., эти погрешности могут автоматически тиражироваться (что, конечно, и подтверждается в случае с добросовестным, механически пунктуальным *Reverse Index* 1991).

Плубу́т <...> (СРНГ, вып. 29: 138).

Опечатка: правильно *полубу́т*.

Побатма́на <...> (СРНГ, вып. 29: 39).

Опечатка: нужно *полбатмана*.

Подяре́ньше <...> (СРНГ, вып. 31: 45).

Опечатка: *подреньше*.

Позуме́нтика <...>. Вырезная доска. Слов. карт. ИРЯз (СРНГ, вып. 28: 339).

Следующая словарная статья описывает слово петрозав. олон. *позуме́нтина* ‘вырезная доска’ из записей 1918 г. Оно, вероятно, и было искажено неверным чтением, просочившимся в словник СРНГ. Ср. *натика* (в 4-й статье серии) и, ниже здесь, *портя́ника*.

Покóтуать <...>. Побить, поколотить. Мосал. Калуж., 1899 (СРНГ, вып. 29: 5).

Положение в алфавитном порядке (между *покотря́ть* и *покотыва́ть*) не позволяет решить, кем слово прочитано неверно — составителем статьи или

наборщиком с рукописи (может иметь место и опечатка: литеры «ц» и «у» на клавиатуре «русскоязычной» пишущей машинки или компьютера находятся рядом). Во всяком случае, форма фантомна. На деле это глагол *поко́(т)цать*, ср. илим. иркут. *ко́цать* ‘убивать’, медын. калуж. *ко́цнуть* ‘ударить’ (СРНГ, вып. 15: 121), илим. иркут. *прико́цать* ‘убить’ (СРНГ, вып. 31: 261), укр. диал. *ко́цати* ‘стукати’ (ЕСУМ, т. 3: 63), арготич. *ко́цать* ‘бить, избивать (кого)’, ‘делать что-л. интенсивно, быстро (что)’, ‘заниматься любовью’ (Елистратов 1994: 211; толкование последнего значения грамматически неточно, поскольку предварено указанием на переходность глагола, ср. вульгарное *трахать*), *ко́цать* ‘примечать’, *ко́цнуть* ‘убить’ (Дубягин, Бронников 1991: 90–91).

Поку́какать [?], сов. Побить, поколотить слегка. Рыб. Яросл., 1901 (СРНГ, вып. 29: 21).

Скорее всего, описка — механическое удвоение сегмента (слога) *ка*, спровоцированное предыдущим слогом, также содержащим *к* ([к]). Ср. чуть ниже статью 2. *Поку́кать*, почти идентичную с цитированной и отличающуюся от нее только лишь «одним» *ка* в заголовке.

Полкика́нице <...> (СРНГ, вып. 28: 385).

Опечатка: следует *покликани́це*.

Положи́лый <...>. Эпитет кукушки. *На городе конопля, Кукушка положилая, Девка с парнем постояла, Семь раз побожилася*. Новоторж. Твер., 1916 (СРНГ, вып. 29: 100).

Непростительная оплошность: глагольная форма *положилася* прочитана как прилагательное женского рода (неизвестно с каким значением), несмотря на изумительно красивую частушечную рифму, которую, как оказалось, можно не заметить. Ср. территориально близкое смол., пск., новг., волог., ленингр., в русских говорах Эстонии, Латвии, Литвы *положи́ться* ‘снести яйцо, снести’ (правда, только о курице) (там же: 103).

Полу́дуржье, ср. Помощник на свадьбе. <...> Моск. Моск. 1901 (СРНГ, вып. 29: 147).

Форма с метатезой (*ру* → *ур*, из *полудружье*, см. там же: 146–147) при акценте на префиксе возможна — как артикуляционно несколько более удобная (ср. даже калуж. *полу́дуржье*). Но в качестве источника формы, по-видимому, не стоит исключать и описки собирателя.

Польдра́, м. Половина телеги чего-л. *Польдра — мало сена*. Краснохолм. Калинин., 1939 (СРНГ, вып. 29: 180).

Рукописное *о* воспринято как *ь*, следует *полодра́*, ср. мяксин. волог. *пол-одра́* ‘половина одра (телеги для перевозки сена, снопов)’ (там же: 99; *одр* в этом

значении, главным образом севернорусское, — СРНГ, вып. 23: 14–15). С таким чтением мы уже встречались: *котьсать* вместо *котосать* (Журавлев 1998: 9). Помета «м.» (мужской род), можно думать, принадлежит не составителю (оформителю) этой части выпуска СРНГ, а собирателю, понимавшему устройство слова.

Поматить <...>. Показаться, почудиться; неясно вспомниться. Сев.-Двин. 1928 (СРНГ, вып. 29: 199).

Ошибка несомненна. Возможность восстановить правильную форму двояка: это либо *помстить* (ср. *помстить*, *помститься* ‘показаться, представиться, померещиться’, там же: 231), либо *поманить* (ср. волог. *поманить*, *поманить* ‘показаться, почудиться’, там же: 197). Вторая кажется более вероятной, смешать рукописное *n*, если оно начертано с утрированной зигзагообразной перемычкой, характерной для «школьных» почерков, с рукописным трехштриховым *m* легче, чем спутать буквы *c* и *a*.

Помёлах, м. Помольщик на мельнице. Новорж. Пск., 1930 (СРНГ, вып. 29: 203). Форма новг., перм., урал. *помёлец* ‘помольщик (на мельнице)’ (там же) подсказывает источник фантомности заголовка комментируемой статьи: спутано *с х* (очень беглое написание, позволяющее такое чтение, вообразимо).

Померсть, ж. Эпидемия. Черепов. Новг., 1910 (СРНГ, вып. 29: 206).

Это слово может быть реальным — контаминацией существительного *пошесть* (ср.) и глагола *помер(еть)*. Однако словарем свидетельствуются формы калуж., зап., пск., новг., волог. *пошерсть*, зап., пск., калуж. *пошереть* ‘повальная болезнь, эпидемия’ (СРНГ, вып. 31: 30, 31), частью регистрацией которых СРНГ обязан источнику, в общем вызывающему доверие, — лексикону В. И. Даля (Даль², т. III: 373: «*Пошерсть* <...> произн. *пошесть*, *пошереть* и *пошава*, поветрие, наносная, повальная болезнь, бол. о скоте»; очевидно, Даль этимологически корректной находил форму с *p*, тогда как реально он представляет собою результат ложноэтимологического преобразования под влиянием слова *шерсть* формы *пошесть*, ср. польск. *posześć*, *poszedł* ‘эпидемия, поветрие’, — позднепраслав. *pošьstь, к *po-xoditi, **-šьd-*; см. Славянские древности, т. I: 225, статья «Болезни скота»). Поэтому заголовочный вариант *померсть* предпочтительнее счесть призрачным образованием, возникшим из прочтения рукописной буквы *ш* как *м* (в упомянутом случае с *пошереть* ошибка могла вкрасться и в материалы Даля, вероятнее *пошерсть*).

Пометиться <...>. Показаться, почудиться. *Одному здесь боязно ночевать: еще что-нибудь пометится*. Рост. Ярослав., 1902. □ Безл. *Тебе должно быть пометилось, что я говорил*. Рост. Ярослав., 1900. Калуж., Брян. || Безл. *Подуматься*. Калуж., 1932 (СРНГ, вып. 29: 209).

Буду настаивать на ложности заголовочной формы, несмотря на, как будто, множественность ее регистраций. Строчная буква *c* в слове *помститься* ‘показаться, представиться; померещиться’ (там же: 231) многократно прочитана как *e* под явным давлением глагола *метить*. См. замечания о фантомных словах *метить*, *метиться* ‘мерещиться, казаться’ в 5-й статье настоящей серии (Журавлев, в печати). Уверенность в правоте мне внушает то обстоятельство, что один из приводимых в СРНГ случаев может быть проконтролирован источниками за пределами картотеки сводного словаря. Имеется в виду ростовско-ярославская фиксация 1902 года. Это цитата из материалов В. Волоцкого (Волоцкий 1902), которые были также использованы Г. Г. Мельниченко (см.: Мельниченко 1961: 157). В обоих этих словарях зарегистрирована форма *помститься*, тогда как слова *пометиться* в них нет, как нет его и в другом, более позднем словаре ярославских говоров (Ярославский словарь, [вып. 8]: 58; см., однако, *помститься* — там же: 60).

Помпа, ж. Суховой. Забайкал., Слов. карт. ИРЯз [с вопросом к слову] (СРНГ, вып. 29: 230).

Вопрос к слову оправдан, поскольку это неверно прочитанное *помха*, ср. *пómха* (3) север., вост., симб., дон., челяб., омск., амур. ‘губительный для растений холодный туман, роса’, вост.-сиб., забайкал. ‘дымка ржавой пыли, которая в сильную засуху садится на землю и губит растительность’, влад. ‘небольшая зараза в воздухе’, (7) пенз. ‘степной сухой’: *Помхой все хлеба пожгло, что есть будем?* (там же: 234). Беглое рукописное *х* с *n* спутать нетрудно.

Поорáпать, сов. Рассказать что-л. смешное. *Я бывало поорáпаю им, они смеются*. Медвежьегор. КАССР, 1970 (СРНГ, вып. 29: 287).

Деривационные связи заголовочной вокабулы совершенно непрозрачны (*орáпать ‘говорить...’, ‘смешить’ или что-либо подобное не обнаруживается), и естественно возникает подозрение в том, что слово воспроизведено неточно. Предложенная в заголовке интерпретация записи не исчерпывает всех возможностей. В начале лексемы может, например, находиться префикс *под-* (одно из допустимых чтений: штрих, отождествленный с левой вертикалью литеры *p*, — это правый, обычно в виде петли вниз, элемент рукописной буквы

д), но идентификация корневой части из-за вероятной экспрессивности слова графической неяркости рукописного *n* (возможности смещения с ним многих букв) затруднительна. Может оказаться, что второе *o* реально представляет собою *d* с завершающим штрихом, выносимым вверх и влево, но в данном почерке малоотчетливым, и перед нами стилистически нейтральное семантически вполне вписывающееся в фразу слово *подражаю* (*им!*); тогда неверно восстановлено место ударения и неточно толкование слова. Есть такая возможность отождествления буквы *n* с *k* и связывания комментируемых вокабулы с распространенным широко, в том числе на территории Олонецкого края, глаголом *варáкать* (с предполагаемыми Л. В. Куркиной в качестве морфологических вариантов *варакосить*, *варакаться* и др.; подробнее, этимологизацией: Куркина 1967: 184–188), среди значений которого — ‘делает что-л. плохо, дурно, без умения’, ‘шалить, дурить, проказничать’, ‘говорит невнятно, болтать вздор’, ‘врать, обманывать’ (СРНГ, вып. 4: 42 и след.). *пооракáю? Впрочем, конечно, это лишь часть допустимых конъектур.

Поостивить [?], несов. Пасти [?]. *Пришел в деревню и нанялся свинею поостивить*. Смол., 1890 (СРНГ, вып. 29: 287).

Ошибка регистратора. Ср. смол. *пáстивить*, калуж., брян. *пáстивать* ср.-урал. *пáстывать* ‘пасти скот иногда или долго’ (СРНГ, вып. 25: 263). Ударный, а потому несколько продленный, корневой гласный [á] в условиях акающего говора был воспринят собирателем как слияние двух идентичных гласных — «редуцированных» аллофонов /o/ — в хиатусе, на границе безударных морфов, а ударение приписано заударному в реальности слогу. Действительное слово — *пáстивить*. Возможные аналогичные случаи (например, какая-то часть фиксации лексемы *пообéдки* — так или все же *пáбедки*?) выявить и доказать трудно.

1. **Поп** <...>. 1. В сочетаниях. ♠ Калейный по п. Тайный священник старообрядцев. Р. Урал, 1976 <...> (СРНГ, вып. 29: 291).

Речь не о заголовочном слове, а о сопровождающем его прилагательном *калейный*. Не опечатка ли, вместо *келейный*?

Поперéника, ж. Перекладина у ворот, служащая запором. *Заложит поперенику*. Р. Урал, 1976 (СРНГ, вып. 29: 306).

Слово с нарушенными словообразовательными связями. Формально оно может быть диалектным производным от *перенять*, *перенимать*, однако поскольку ни в словаре Даля, ни в СРНГ эти глагольные формы (как и *перенять*), также субстантивы *перенём(-)*, *переним(-)*, *переним(-)* в узком техническом значении

‘перекрывать, запирает ворота’ (‘воротной запор’ и под.) не отмечены, нельзя вполне исключить неверного чтения, например вместо *поперечина* или *поперечника*.

Попётъе, ср. Подполье. Бежецк. Твер., 1925, Калинин. (СРНГ, вып. 29: 312).

Ввиду пск. *попéчье* ‘место, где стоит печь’ (там же: 313) можно осторожно предположить ошибочное чтение *m* на месте *ч* (со смешением этих литер мы сталкивались неоднократно — в случаях *пот(ъ)* вместо *почь*, *полунотная* вместо *полуночная* и обратном *лепечайло* вместо *лепетайло*, см. предыдущие статьи настоящей серии). Наличие префикса *по-* там, где в соответствии словообразовательной семантике ожидалось бы *под-* (*подпéчье*, *подпéчек*), можно объяснить ее затемнением (особенно если учесть широту и известную размытость семантики префиксального *по-*).

Попéчёрчник, м. Чересседельник. Грязов. Волог. (СРНГ, вып. 29: 312).

Если это ошибочно воспроизведенное *поперечник* (в значении ‘чересседельник’ — там же: 309), то может смутить ударение.

Порасхáть <...> (СРНГ, вып. 30: 50).

Опечатка: *порасхаять*.

Порохлívый <...>. Пугливый. Колым., 1901 (СРНГ, вып. 30: 83).

Этимологически это слово *полохливый*, ср. главным образом севернорусское и сибирское *полохлívый* ‘пугливый, боязливый, робкий’ (СРНГ, вып. 29: 129), к *polxati. Интерес представляет здесь механизм замены *л* на *р*. Мы имеем дело с ошибкой собирателя (источник СРНГ в данном случае — колымский словарь В. Г. Богораз), реконструировавшего фонологическое /р/ на месте реально прозвучавшего «сладкоязычного» [j], отвечавшего фонеме /л/ (см.: Лванесов 1949: 171): [пойохлívой] → *порохливой*, наряду, заметим, с *полохливой* (!) (Богораз 1901: 114).

Портенник, м. То же, что портежник. <...> да никакой *портенник испортил*. Север., Рыбников (СРНГ, вып. 30: 92).

Это, по всей видимости, и есть *портежник* (арх., онеж. ‘колдун, насылающий на людей и скот порчу, болезни (посредством злых чар, дурного глаза, наговорной воды)’, там же): рукописное *ж* воспринято как буквосочетание *не*, но возникающее при таком чтении составителя, однако, не насторожило семантически не оправданное, неудобное и неэстетичное удвоение аффикса (-ен-ен-). Ср., впрочем, ниже, на следующей странице выпуска СРНГ, нижегор. *портíнный* ‘колдун’.

Портяника, ж. То же, что портно (в 1-м знач. <‘грубый домотканый холст’>). *Портянику изо льну ткали*. Камен. Свердл., 1983 (СРНГ, вып. 30: 99).

Не *портянина* ли? Ср. урал. (среди прочего) *портянина* ‘то же’ (там же) *портянино*, *портяника* ‘домотканый холст’ (Среднеуральский словарь 1996: 445).

2. **Поселить** [?] <...>. Зачерпнуть. Орл., 1940–1950 (СРНГ, вып. 30: 148).

Вступлюсь за вокабулу. Представляется скорее, что запись точна, а вопросительный знак, передающий сомнения составителя статьи в реальности формы, излишен. Речь идет о реализации фонемы /ш/ через [с] в некоторых говорах Орловской области (см.: Аванесов 1949: 131; ДАРЯ, вып. I, карта 46): *по-целить ‘отделить, нарушив целостность’. Нет проблемы в возможности использования приставки *по-* параллельно префиксу *от-*: ср. *отчерпнуть* и *почерпнуть* (с довольно тонкими различиями в семантике: смысловой уклон к ‘от целого’ в первом случае и к ‘для себя, себе’ во втором).

Посеучить, сов. Взболтать. *Бражка ты, бражка моя, Дорогая бражка посеучена была*. Онеж. Арх., Соболевский (СРНГ, вып. 30: 153).

В высшей степени вероятно, что в песенном тексте фигурирует краткое страдательное причастие *помучена* от *помутить* (*мутить*, *мутный*, ср. *взмученный* ‘взболтанный’). Рукописное м с «паразитической» петлей в последнем штрихе может быть прочитано как буквосочетание *се*.

Поси́ститься <...>. Почудиться, померещиться. *Посистилось, будто меня медведь душит*. Свердл., 1983 (СРНГ, вып. 30: 162).

Слову (*по*)*мстить(ся)* ‘(по)мерещиться’ (в СРНГ комментируемая запись – из «Словаря русских говоров Среднего Урала») сильно не везет, см. в настоящей серии *метить(ся)*, *пометить(ся)*, *поматить* (правда, словам с основами *буерак-*, *буераг-* не везло еще сильнее, см. 1-ю статью серии). На этот раз рукописное *м* прочитано как *си*. Ударение проставлено, можно думать, наугад.

Посла́стничать <...>. Полакомиться. Похвистн. Куйбыш., 1947 (СРНГ, вып. 30: 180).

Гласный [ó] на месте ожидаемого [á] (ср. уральск. *посла́стничать* ‘полакомиться сладким’, там же: 174) вызывает сомнения. Может быть, *послатничать, с фонологизацией глухого [т] в корне (ср. простореч. *сла́тенький*, распространяющее глухой аллофон в *сла[т]кий* и на сильную для согласной фонемы интервокальную позицию), то есть рукописное *а* прочитано как *ос*?

Посто́диться <...>. Не отважиться, не решиться сделать что-л. *Хотели пенсию больше дать да постогдились*. Пинеж. Арх., 1970 (СРНГ, вып. 30: 231).

Посты́диться: рукописная буква *ы* воспринята как *о*.

Пота́ва, ж. Заразная болезнь. Лесн. Калин., 1939 (СРНГ, вып. 30: 261).

Достоверное *пошава*, ср. сев.-зап. *пошава* ‘повальная болезнь, эпидемия’ (СРНГ, вып. 31: 23), по Д. К. Зеленину, к *шавать* ‘красться’ (Зеленин 1930: 87; Фасмер, т. III: 349). Рукописное *ш* спутано с *т*.

Пота́вни. Тележка для навоза. Бурят. АССР, 1970 (СРНГ, вып. 30: 261).

Слово имеет весьма славянский облик (префикс **po-*, суффикс **-(v)ьнѣ*, множ. **-(v)ьни*), но идентификация корня в предложенном виде трудна семантически. Приемлема конъектура *пóшавни*, *пóшевни* (чтение *т* на месте рукописного *ш*), несмотря на расхождения в значениях (*пóшевни* – ‘сани-розвальни (обшитые лубом)’; к *шить*, Фасмер, т. III: 349). Принять ее позволяет суженная семантика слова *пóшевни*, неоднократно фиксированная именно в сибирских говорах: ‘сани с кузовом в виде ящика, коробка для перевозки рыбы, зерна, кормов, н а в о з а и т. п.’ (СРНГ, вып. 31: 29). Переход от ‘сани’ к ‘тележка’ в этом случае базируется на общности функций (хозяйственного назначения) называемых видов транспорта.

Погва́рвать, сов. Сделать снисхождение. *Справки дали, они не потва́рвали, вычитывали штраф*. Медвежьегор. КАССР, 1970 (СРНГ, вып. 30: 269).

Мне кажется, что здесь глагольная форма, со стандартной синкопой заударного гласного в суффиксе, *потва́р^(b)вали* (от *потвора* ‘снисхождение’) неправильно расценена (собирателем?) как форма совершенного вида. На это может указывать и последовательное, сочинительное ее соединение с несовершенного вида глаголом *вычитывали*.

Поте́мкивати <...>. Рассказывать [?]. *Посадили нашу совыньку на лавыньку. Как начали нашу совыньку потолкивати, Начала ли наша совынька потемкивати, Про села, про губернии рассказывати*. Волж., 1937 (СРНГ, вып. 30: 273).

Может быть, *потешкивати*?

Поти́ма, м. и ж. Тот, кто забавляет, потешает кого-л. *Юрка-то потима такой, что все вокруг его смеются*. Тихв. Ленингр., 1970 (СРНГ, вып. 30: 281).

У В. И. Даля диалектные слова с корнем(?) *-тим-* (*тíмиться* ‘биться у чего, колотиться, маяться’, ‘нравиться’, ‘плакать’, ‘издеваться, насмехаться’, ‘мерещиться, чудиться’, *потимíться* ‘пошалить, подурить, порезвиться’, безл. ‘показаться, померещиться’..., в основном новгородские) поставлены под вопрос (см.: Даль², т. III: 355; т. IV: 405). В сравнение с заголовочной формой просится слово *поттиша*, ср. новг. *потíша* ‘чудак, забавник’, с характерным для северновеликорусских говоров отражением *ě* (корень **těx-*, **těš-*) в *i* (тихвинские

входят в этот ареал, см.: ДАРЯ, вып. I, карта 41). Но если иметь в виду многочисленность свидетельств о словах с основой *потим-* (в СРНГ к далавскому списку добавлены тихв. ленингр. *потимиться* 'начать бороться', 1970, и верхнетавд. свердл. *потимиться* безл. 'захотеться кому-л.', 1983), то оно само может оказаться результатом ошибочного чтения. Неясно; необходимо знакомство с самой картотечной записью.

Потихоженъку <...>. Медленно, потихонечку. *Со двора-то потихоженъку*. Белое море, 1935 (СРНГ, вып. 30: 283).

Не подвергая большому сомнению эту форму, замечу, что почерк, записанное которым слово *потихонечку* может быть прочитано таким образом, вполне представим (и еще вероятнее *потихошеньку*, с чтением *ж* на месте *ш*).

Потіша, м. и ж. Чудак, чудачка; забавник, забавница'. Демьян. Новг., 1851 (СРНГ, вып. 30: 285).

? См. выше («Потіма»).

Потова, ж. Эпидемия, поветрие, мор. Олон., 1896 (СРНГ, вып. 30: 287).

Продолжаются злосключения уже знакомого нам слова *пошава*, см. выше («Потіва»).

Потясучий. Кобель *п о т я с у ч и й*. Бранное выражение. Слов. карт. ИРЯЗ (СРНГ, вып. 30: 330).

Несомненное *потягучий*, ср. преил. (Латв. ССР) *потягуха* 'женщина легкого поведения, развратница' (там же: 327), далее *таскаться*, *потаск-ун/-уха*, *волочиться*, *волокита* и под. Рукописное *г* читается как *с*.

Пофизало, м. Тот, кто наушничает, сплетничает. Пошех. Ярослав., 1849 (СРНГ, вып. 30: 337).

Крайне маловероятная форма. Скорее что-нибудь вроде *подлизало*: рукописное *д* с петлею вниз и следующая буква зрительно слились в *ф*. От значения 'льстец', преобладающего у образований с основой *подлиз-* (см. СРНГ, вып. 28: 65–66), до 'наушник, доноситель; сплетник' недалеко.

Пош, м. Плетенная из прутьев или сетяная ловушка для рыбы, с очень широким входным отверстием. Свердл., 1955. Урал (СРНГ, вып. 31: 22).

По-видимому, рукописное *к* (*К*) прочитано как *п* (*П*). Ср. *кош* 'рыболовный снаряд в виде корзины, вроде верши' (СРНГ, вып. 15: 137). Слова этого ряда регистрируются и на Урале: свердл. *кош* 'корзина', уральск. *кошак* 'решетка из жердей учуга — устройства для задержания рыбы', свердл. *кошэвка* 'корзина, корзинка' (там же: 137, 138, 142), нижнетавд. *кошик* 'плетеная корзина' (Среднеуральский словарь 1996: 258).

Пошереть, ж. Повальная болезнь, эпидемия. Зап., Пск., Даль. Жиздр. Калуж. (СРНГ, вып. 31: 30).

Надежнее *пошерсць*. См. выше («Померсть»).

Пошка, ж. 1. Птица. Ветл. Костром., 1926 (СРНГ, вып. 31: 35).

Рукописное трехштриховое *т* ошибочно прочитано как *ш*. На деле — хорошо известное в северо-западных и северновеликорусских говорах *потка* 'птица' (СРНГ, вып. 30: 284) (*рѣт-ѣка, *рѣт-іса).

Пошкальчик <...>. Бутылка водки, емкостью в половину шкалика. <...> (СРНГ, вып. 29: 173).

Опечатка: *пошкальчик*. (Может быть, в отличие от *поштаники* 'подштанники' на той же странице, попавшего не на свое место в алфавитном порядке; в заголовке статьи — «*Поштаники* и *политаники*», ср. «*Почтаники* и *поштаники*», СРНГ, вып. 31: 18).

Дополнения к статьям 1, 3 (СРНГ, А–З, Л–М)

Банóлда <...>. Бранно. Дура. Ряз., 1828 (СРНГ, вып. 2: 97).

Очевидная ошибка: рукописное *х* воспринято как *н*. Ср. *бахóлда* 'неопрятный и ленивый человек', тамб. 'неопрятная ленивая девушка', тул. 'вялый человек, разиня', костром., перм., урал. 'бахвал, самохвал; хвостун или лгун', тамб. «балаболка» <'бубенец' или 'пустомеля'? — А. Ж.>, нижегор. *бахáлда* 'бойкая, крикливая баба' (Даль₂, т. I: 56; Дополнение к Опыту 1858: 6; СРНГ, вып. 2: 152, 156), далее *хáлда* 'неопрятная женщина' и др.

Горокúха <...> (СРНГ, вып. 7: 82).

Опечатка: *горькуха*. К сожалению, перенесена и в обратный индекс к СРНГ (Reverse Index 1991: 104).

Гускарка <...> [удар.?). Разговорчивая, болтливая женщина. <...> Кадн. Волог., 1854 (СРНГ, вып. 7: 245).

Скорее всего, с чтением *ск* на месте рукописного трехштрихового *т*, *гутарка* — от *гутáрить* (*гутóрить*) 'дружески беседовать, разговаривать между собой; говорить, рассказывать что-нибудь', отмеченного и в вологодских говорах (там же: 250).

Евдокия <...>. 2. В сочетаниях. <...> ♠ Е в д о к í я -помоги-порог. День 1-го марта. Даль [без указ. места] <...> (СРНГ, вып. 8: 312).

Даже в воспроизведении данных из печатного источника в одном слове допущено две погрешности. У Даля — *Евд.<окия>-подмочи-порог* (Даль₂, т. I: 513). Ср. также: Снегирев 1999: 102 (*Евдокеи* — *подмочи порог*); Даль 1997, т. 2:

320–321 (*Евдокии — подмочи порог; Новичок <‘молодик, новый месяц’> под Евдокию с дождем — быть лету мокрому; У Евдокеи вода, у Егорья трава*); Ермолов 1901: 152 (*Евдокия — замочи подол. Евдокия замочи подол — под порогом мокро*).

3. **Лудь**, и, ж. Луг. *Как во лудях, как во лудях Как у нас во зеленых лудях*. Луж. Петерб., Слов. карт. ИРЯз (СРНГ, вып. 17: 180).

Вероятно, на самом деле *во лудях* — это зрительно неверно воспринятая запись *во лузах*, зачин широко известной песни. Рукописное *з* с длинной нижнею петлею прочиталось как *д*. К используемым в СРНГ алгоритмам выведения словарных (заголовочных) форм (о чем уже неоднократно шла речь): для того, чтобы форму местного падежа множественного числа *лудях лемматизировать как *лудь* — существительное женского рода, принадлежащее старым *й*-основам, нужна большая решительность.

Мякйика <...>. Растение *Roa* L., сем. злаковых; мятлик. Первоурал. Свердл. 1971 (СРНГ, вып. 19: 77).

Комментируя эту вокабулу, я пытался увидеть в ней искаженное *мякина* (ссылаясь на значение ‘ботва, стебли’ у последнего) (см.: Журавлев 2000: 277). Пожалуй, в этом нет острой необходимости. Следовало оглянуться на форму *мякйика* ‘мятлик, *Roa*’ (не «*Roa*»: латинский номен в СРНГ приведен с ошибкой), зарегистрированную в словаре говоров Среднего Урала (Среднеуральский словарь, т. II: 152), служившем источником для СРНГ (замечу, что форма *мякйика* в Среднеуральском словаре текстуальной иллюстрацией не снабжена).

Литература

- [Аванесов 1949]: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949.
 [Богораз 1901]: В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник ОРЯС, т. LXVIII, № 4. СПб., 1901.
 [Волоцкий 1902]: В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора. Словарь Ростовского говора // Сборник ОРЯС, т. LXXII, № 3. СПб., 1902.
 [Даль₂]: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 (перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
 [Даль 1997]: В. И. Даль. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сборник в двух томах. СПб., 1997.
 ДАРЯ, вып. I: Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР). Карты. Выпуск I. Фонетика. М., 1986.
 [Дополнение к Опыт_у 1858]: Дополнение к Опыт_у областного великорусского словаря. СПб., 1858.

- [Дубягин, Бронников 1991]: Толковый словарь уголовных жаргонов. Под ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М., 1991.
- [Елистратов 1994]: В. С. Елистратов. Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994.
- [Ермолов 1901]: А. Ермолов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. I. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901.
- [ЕСУМ]: Етимологічний словник української мови. Т. 1–. Київ, 1982–.
- [Журавлев 1995–2001]: А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. [Исследования по славянской диалектологии. 4.] М., 1995; 2. СРНГ, И–К // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 1. М., 1998; 3. СРНГ, Л–М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). СПб., 2000; 4. СРНГ, Н–О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001; 5. СРНГ, О–П (в печати: сборник памяти Р. И. Аванесова); 6: Словарь русских народных говоров, П // Известия Уральского государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. Екатеринбург, 2001.
- [Зеленин 1930]: Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2. Запреты в домашней жизни. Л., 1930 (Сборник МАЭ, т. 9).
- [Куркина 1967]: Л. В. Куркина. *Варакать* // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967.
- [Мельниченко 1961]: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). Т. I. Введение и словарь. Ярославль, 1961.
- [Славянские древности]: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–. М., 1995–.
- [Снегирев 1999]: И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999.
- [Среднеуральский словарь 1996]: Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3–. Л. (СПб.), 1968–.
- [Фасмер]: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- [Ярославский словарь]: Ярославский областной словарь. [Вып. 1–]. Ярославль, 1981– [нумерация выпусков дается в предисловии к каждому из них, кроме первого].
- [Reverse Index 1991]: Reverse Index to the *Dictionary of Russian Dialects*. Preliminary Version, vols. 1–25. Urbana, Illinois, 1991.

Summary

Lexicographical Phantoms. 7. DRPD, II

Lexicographical Phantoms — vocables, owing their existence to the wrong reading of the manuscript fixations of dialectal texts and separate words — are not uncommon in dialectal dictionaries of the Russian language. The present work has for an object the elucidation of such cases in a composite *Dictionary of Russian Popular Dialects*.

Интонационное оформление вопросительных высказываний в одном западнокалужском говоре

Существенной для типологии интонационных различий является информация о том, как мелодически оформляется вопрос без вопросительного слова, или так называемый общий вопрос (в американской лингвистической терминологии *yes-no question*).

Т.М.Николаева отмечает: «...наиболее интересными и характеризующими тип просодии данного языка являются вопросительные предложения. При этом возможны следующие вариации: идентичные по рисунку фигуры выполняют различные функции; некий язык располагает большей по числу совокупностью фигур вопроса, чем другой; иные типы вопроса, например переспрос, близки к универсалиям мелодического решения, другие – общий вопрос, например, – в значительной степени отражают специфику языка» [Николаева 2000, 244] (курсив мой – Р.К.).

Т.М.Николаева разработала анкету-вопросник, где для описания мелодики только этого иллокутивного типа используются 10 пунктов. Для задач нашего исследования особенно важен ответ на 4-й вопрос этого вопросника: «Где наблюдается резкое восхождение: в ударном слоге и/или в заударном слоге? Важен абсолютно последний слог» [Николаева 2000, 232].

В ряде славянских и балканских языков оформление общего вопроса восходящим тоном связано не с ударным, а с заударным слогом, если он имеется в высказывании. В тех же случаях, когда терминальным оказывается ударный слог, движение основного тона характеризуется не восходяще-нисходящим контуром, как в интонации русского литературного языка, а восходящим.

В работе [Jassem 1962] было показано, что именно такой мелодический контур оформления общего вопроса характерен для польского языка. Т.М.Николаева так же характеризовала и один из мелодических контуров оформления общего вопроса в украинском языке, подчеркивая при этом, что из восточнославянских языков только в украинском представлен этот тип [Николаева 1977, 122]. Интонация английского языка (и его американского варианта) по данным многих исследователей, характеризуется таким же характером терминального тона (см., напр., [Pierrehumbert 1987, 154, 156]).

Следует отметить при этом, что конкретные рисунки заударной части высказывания в двух названных славянских языковых системах (польской и

украинской) могут быть различными, но важен сам факт повышения тона на заударной части высказывания.

Так, придавая большое значение для типологии интонационных различий оформлению именно высказывания с общим вопросом, Т.М.Николаева приводит таблицу с различными контурами мелодических завершений этого иллокутивного типа. Она показывает, что мелодические контуры могут существенно между собой различаться, но объединяет их только одно – восходящий тон на заударной части высказывания. Например, восходящий и восходяще-нисходящий рисунки завершения в албанском и македонском языках типологически сходны, хотя и несколько различаются между собой графически [Николаева 2001, 246].

Мелодический рисунок общего вопроса в русском языке, как известно, имеет совершенно другой контур – резко восходящий тон на ударном гласном (гласном интонационного центра) и падение тона, начинающееся на этом гласном и продолжающееся на заударной части высказывания, если она имеется. Этот интонационный контур можно видеть на рис. 1 – 3 (*Он придет в четверг? Он придет завтра? Он придет в пятницу?*). Как можно видеть, эти высказывания различаются местом ударения в последнем слове и тем самым диапазоном падения терминального тона.

Прослушивание диалектного материала и анализ интонограмм показали, что общий вопрос в калужском говоре оформляется не по общерусской модели, а по той модели, которую можно условно назвать «польской». Охарактеризовать этот контур можно следующим образом: незначительный подъём тона от преударной части высказывания к гласному центра, затем ровный тон и дальнейшее восхождение на заударной части высказывания. Этот контур для трёхсложного слова, завершающего синтагму, можно характеризовать как трёхступенчатое восхождение («лесенку»). См. рис. 4 – 5 (*У Сашки? У её невестки?*). Как было показано, интонационный контур, оформляющий высказывание с общим вопросом в литературном языке, имеет совершенно другой характер – восходяще-нисходящий.

Отличается диалектный контур и от стандартной ИК-4, функционирующей в интонации русского литературного языка, для которой характерно понижение тона, а не восхождение, на гласном ударного слога.

В тех случаях, когда высказывание в рассматриваемом калужском говоре лишено заударной части (напр., *Ты поплывёшь? У тэй?*), восходящее движение тона осуществляется на продлённом ударном гласном. И даже в этом случае наблюдается отличие от литературного языка, в котором мелодическое оформление конечного ударного гласного имеет восходяще-нисходящий характер, хотя терминальное падение тона выражено слабо. Различаются эти два контура и *таймингом*, т.е. местом начала подъёма основного тона на ударном гласном – в примере из литературного языка

подъем тона совпадает с началом гласного, в то время как в диалектном примере подъем тона начинается во второй половине гласного.

Сравнительные интонограммы этих двух контуров - западнокалужского и литературного – приведены на рис. 6 и 7.

Наличие сходных с западнокалужскими интонационных контуров в литературном украинском языке¹ позволяет сделать предположение о существовании некоторой интонационной изоглоссы, начинающейся на западно-южнорусской территории и продолжающейся на Украине и затем в Польше. Подтверждение этого предположения требует дополнительных исследований в области интонации южнорусских говоров, особенно в их западной части.

Литература

- Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
 Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
 Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
 Jassem W. Akcent języka polskiego. Wrocław - Kraków, 1962.
 Pierrehumbert, Janet. The Phonology and Phonetics of English Intonation. Bloomington, Indiana, 1987.

Summary

The intonation of *yes-no question* in one West-South Russian dialect

The intonation of the question utterances (so called) in one South-Russian dialect was investigated.

It was shown that the terminal tone in this situation is like to the terminal rising tone in Polish. It is quite different from the Standard Russian intonation.

Подписи к рисункам

- Рис. 1. *Он придет в четверг?* (литературный язык). Осциллограмма и интонограмма.
 Рис. 2. *Он придет завтра?* (литературный язык). Осциллограмма и интонограмма.
 Рис. 3. *Он придет в п'ятницю?* (литературный язык). Осциллограмма и интонограмма.
 Рис. 4. *У Саші?* (д. Бояновичи).
 Рис. 5. *У её невістки?* (д. Бояновичи). Осциллограмма и интонограмма.
 Рис. 6. *Ты поплив'єшь?* (д. Бояновичи). Осциллограмма и интонограмма.
 Рис. 7. *Ты поплив'єшь?* (литературный язык) Осциллограмма и интонограмма.

¹ Впрочем, сведений об интонации говоров украинского языка в литературе нет - а именно они важны для полноты лингвогеографической картины.

о н п р' и ј е х э л ф ч' и р а́

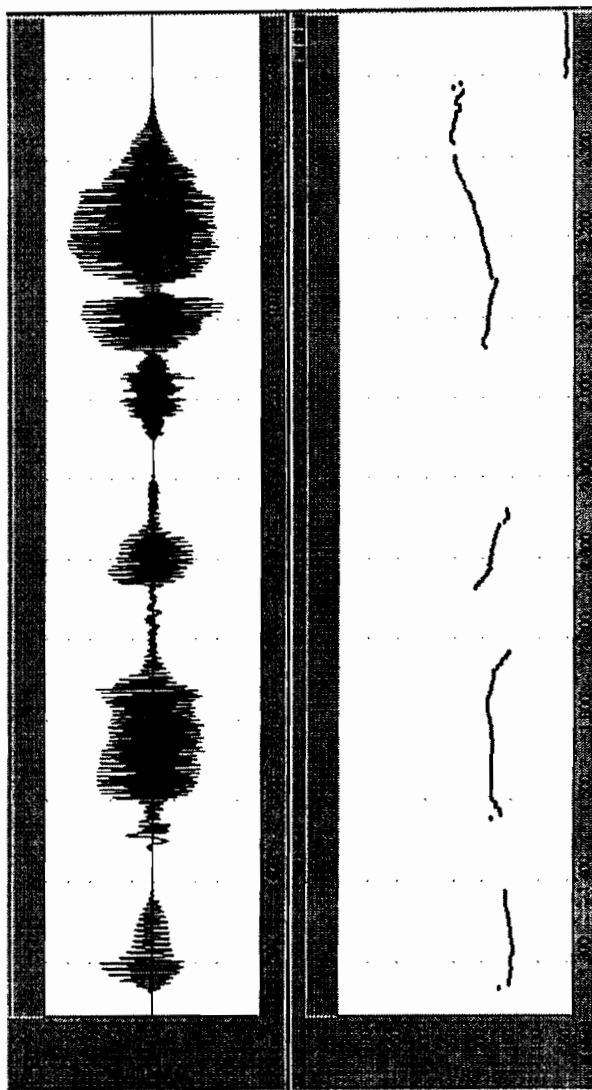

Рис. 1. Он приехал вчера?

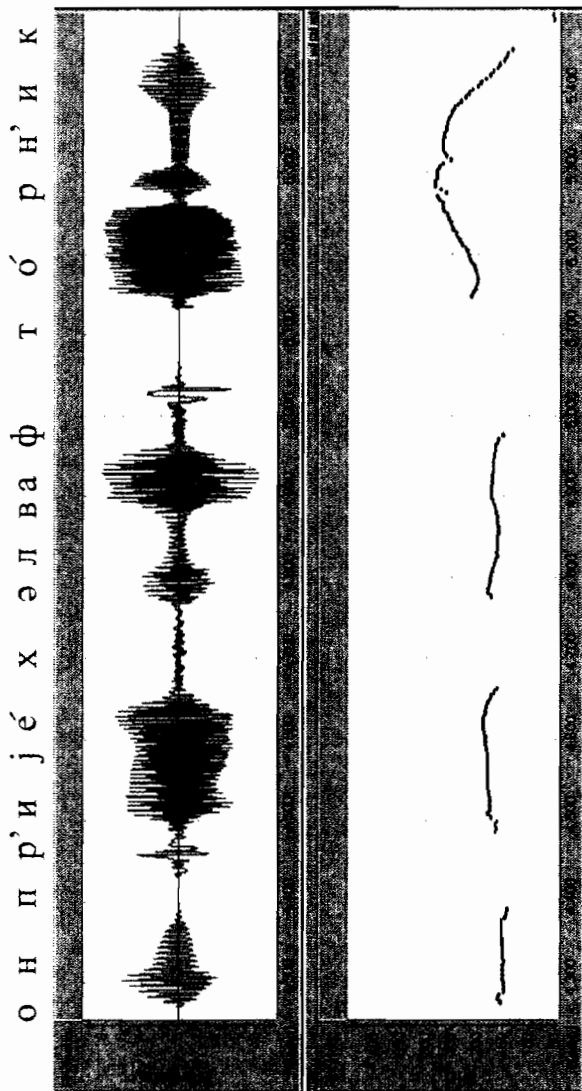

Рис. 2. Он приехал во вторник ?

он пр'ијé хэл фп'а тн'и ц у

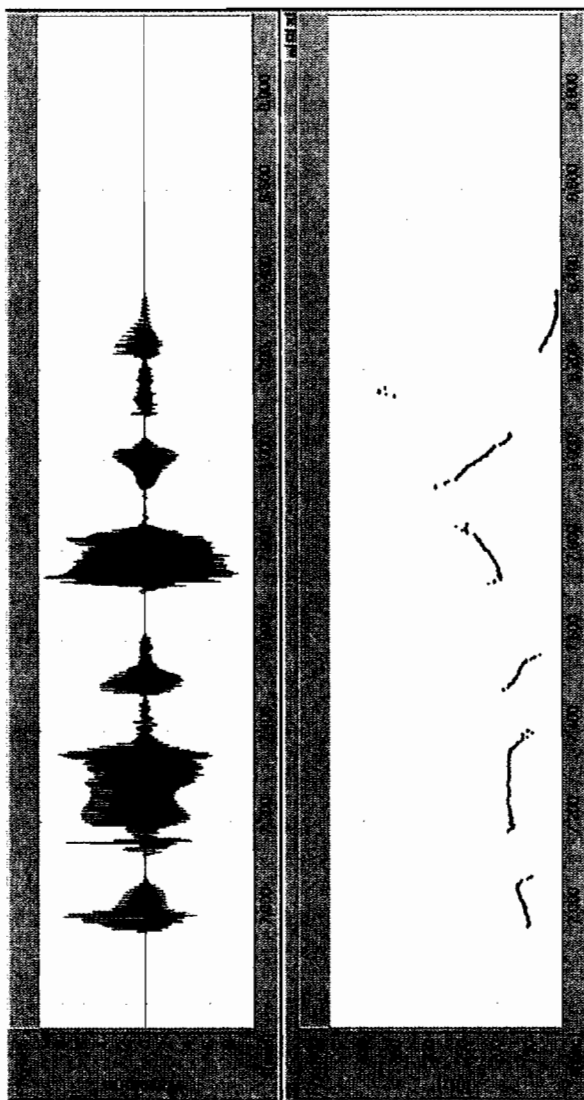

Рис. 3. Он приехал в пятницу ?

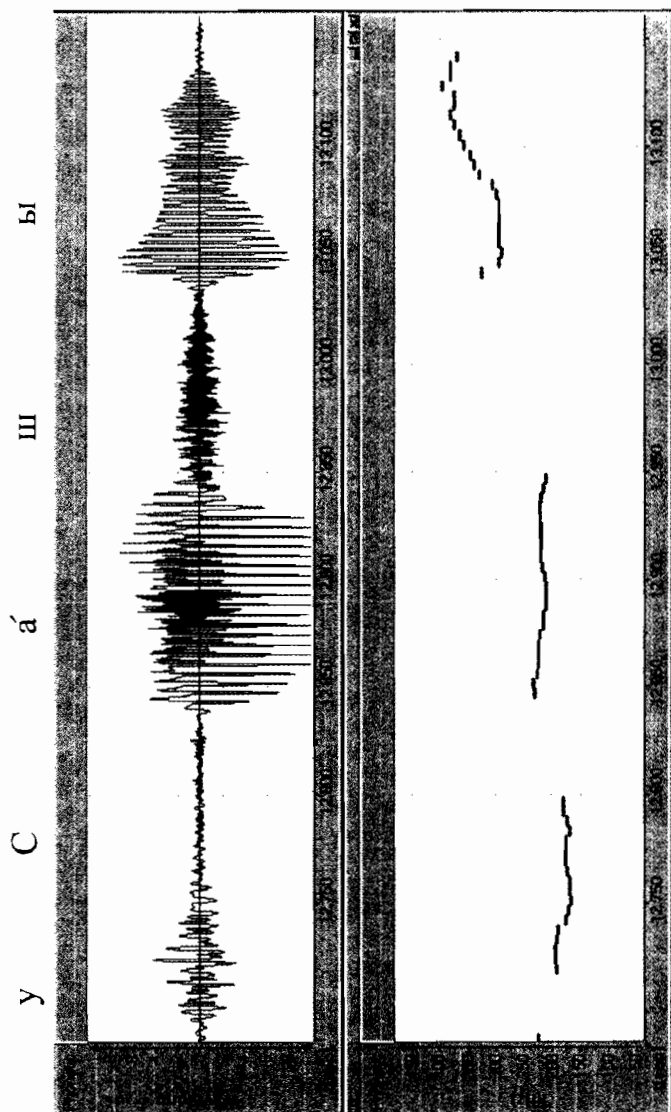

Рис. 4. У Саши?

у и ј о н' и в' э с к' и

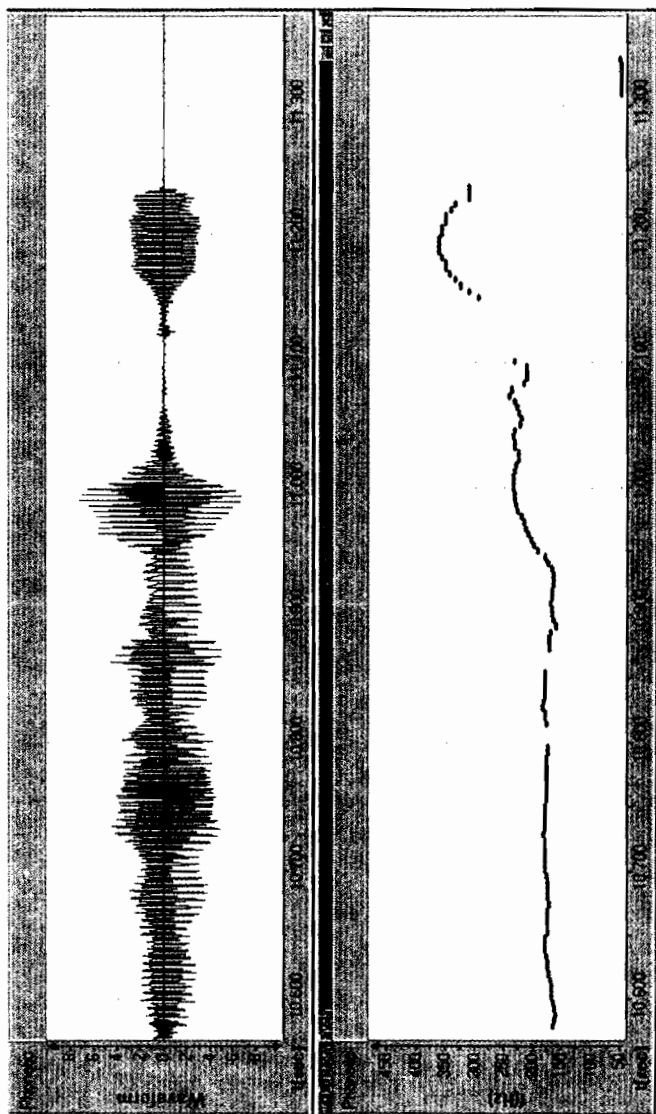

Рис. 5. У её невестки?

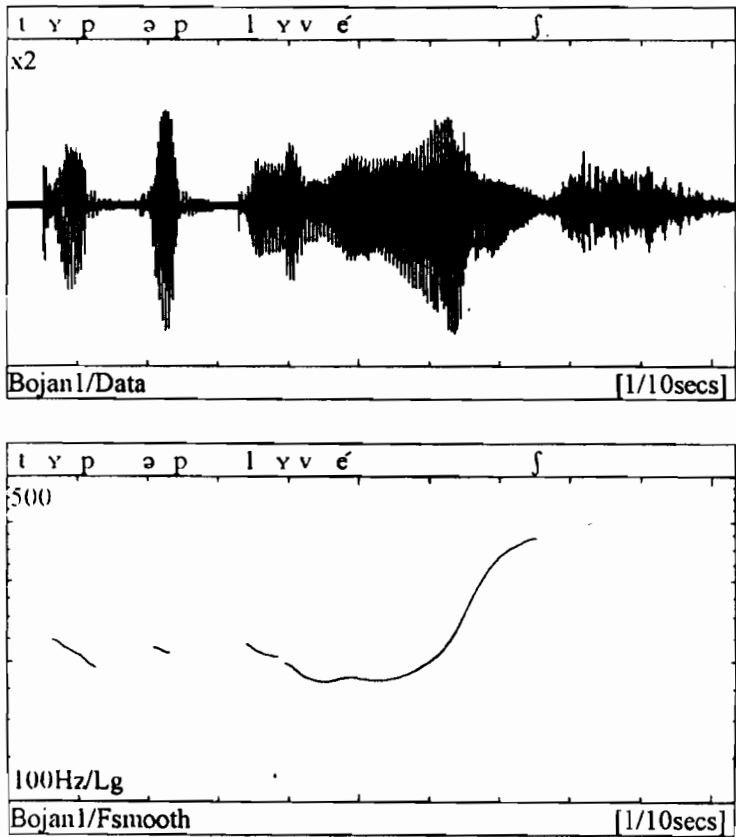

Рис. 6. Ты поплывёшь? (д. Бояновичи)

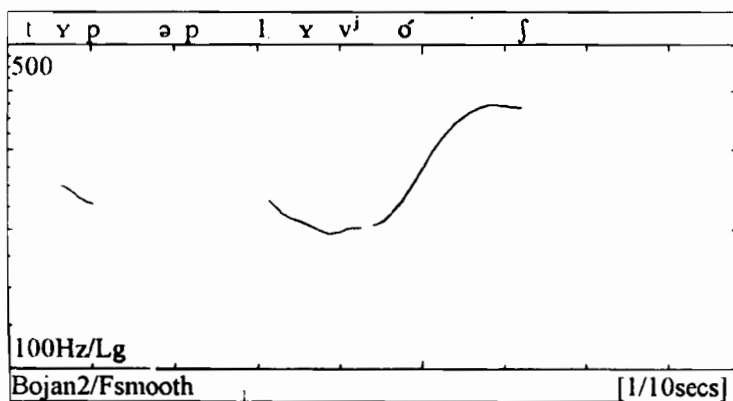
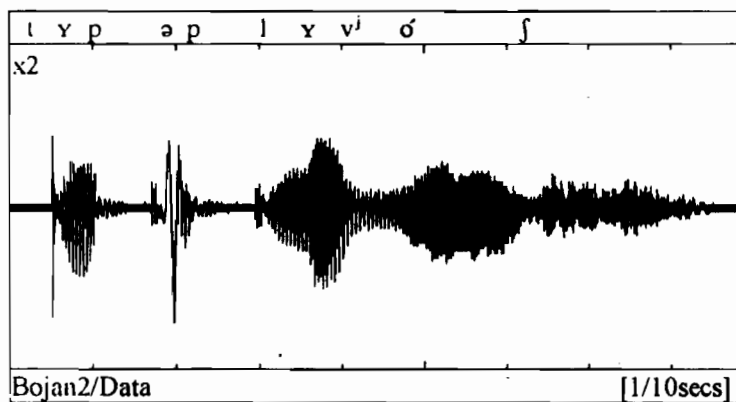

Рис. 7. Ты поплывёшь ? (литературный язык)

Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров

0. В настоящей статье идет речь о некоторых итогах работы по инструментальному изучению фонетики восточнославянских говоров на материале магнитофонных записей, сделанных в экспедициях Группы славянского глоттогенеза Института славяноведения в течение последних лет. В результате наших исследований в восточнославянских говорах удалось обнаружить многие фонетические и просодические явления, которые специалистам были неизвестны или известны лишь фрагментарно. Ниже представлен обзор основных направлений проделанной работы.

1. ТОНОЛОГИЯ

1.1. Системы с тоновыми противопоставлениями на восточнославянской территории впервые были обнаружены в 1993 г. в черниговских полесских говорах украинско-белорусского пограничья (по территории бытования их считают говорами украинского языка, хотя плеховские и москалевский говоры по формальным признакам относятся к юго-восточным белорусским). Ранее мною был опубликован отчет о тональной системе восточнополесских говоров с. Баклάνова Муравейка Куликовского р-на [Николаев 1995; 1996а] и с. Плѣхов Черниговского р-на Черниговской области [Николаев 1996: 216–219, 230–242].

1.1.1. Опубликованные записи из Б. Муравейки показывали, что система отражения праславянских тонов в этом говоре по крайней мере в односложных *o*-, *и*- и *i*-основах «тривиальна» (т. е. противопоставляются «ортотонические» формы и формы-энклиномены): восходящий тон на месте праславянских «старого» и «нового» акутов и нисходящий на месте «старого» и «вторичного» циркумфлексов (в а. п. *с* и *д*). Однако тоны говора Б. Муравейки были записаны мною на слух (в отличие от других черниговских говоров, весь релевантный материал которых подвергся компьютерному тонологическому анализу), поэтому, как выяснилось позднее, в записях был допущен ряд неточностей. После компьютерной обработки записанного на магнитофон материала выяснилось, что при фиксации тонов в говоре Б. Муравейки я правильно различал восходящий и нисходящий тоны, но в то же время не распознал восходяще-нисходящего тона, в общем трактуя последний то как нисходящий, то как восходящий тон,

причем выбор этот чаще всего бессознательно осуществлялся по «этимологическому» признаку. По-видимому, запись тонов на слух (особенно при их сложном устройстве) непременно влечет за собой неточности, особенно если записывающий имеет свое мнение о том, какой тон должен быть в данном слове, исходя из известной ему реконструкции или типологических универсалий.

1.1.2. Последующие опубликованные записи из с. Плѣхов, Москалі и Анісов (все три села в Черниговском р-не) были обработаны с помощью программы WinCECIL 2.2 (Computerized extraction of components of intonations of language for Windows / Summer Institute of Linguistics, 1997), и расшифровка магнитофонных записей верифицировалась по тонограммам. Однако такая верификация представляет собой новые проблемы, так как речь идет о фонетической (и фонологической) интерпретации тонограмм (т. е. графиков). Сразу же возникают, например, вопросы, какой период движения тона относится к собственно гласному и какой — к предшествующему согласному или сонанту; какую разницу в частотах нужно считать релевантной; каким образом сводить «аллотоны» в «тонемы».

Относительно двух первых пунктов я следовал следующим правилам: измерять начало и конец движения тонов на гласных в диапазонах, где собственно консонантные форманты окружающих звуков не проявляются или проявляются минимально; релевантным считать движение тона от начала звучания гласного до тональной «кульминации» в диапазоне не менее 10 Hz (особенно это существенно для интерпретации «ломаных» тонов). Относительно конкретной дополнительной интерпретации тонов см. ниже.

Образцы тонограмм из Плѣхова приведены в [Николаев 1996]. В этой же работе дается описание одной из двух плѣховских тональных систем («Плѣхов I»), в которой, в частности, обнаружена контрастная рефлексация праславянских тонов в односложных формах в зависимости от качества гласных.

1.1.3. Во время написания статьи, вышедшей в 1996 г., «научная инерция» помешала мне догадаться, что в односложных формах рефлексы тона в *пот./асс. sg. а. п. d* могут отличаться от рефлексов тонов в *а. п. с* (или в крайнем случае *б*). Я предполагал, что в «протоплѣховском» говоре бо́льшая часть слов *а. п. d* в *пот./асс. sg.* имела рефлекс «старого циркумфлекса», а немногие слова получили интонацию «нового акута». Лишь сравнение материала говора Плѣхов I с материалом говоров Плѣ-

хова II и Анисова позволило установить реальные соответствия черниговских тонов с праславянской реконструкцией.

1.1.4. Данные, полученные во время экспедиции 1997 г. в Черниговский р-н, позволили существенно пополнить знания о черниговских тональных системах. В частности, в самом Плѣхове были обнаружены два близких говора, между которыми, кроме акцентуационных, есть и фонетические различия (видимо, в прошлом это были говоры разных «концов» большого села или двух слившихся сел; при этом с исторической точки зрения тонологическая система Плѣхова II, в отличие от Плѣхова I, практически идентична анисовской). Ниже эти говоры обозначаются как Пл. I (система З.Г. Ярошенко, частично представленная в [Николаев 1996]) и Пл. II (система А.А. Третьяк).

1.2. В ходе майской экспедиции 1998 г. в Жарковский р-н Тверской обл. в говоре д. Шихотово были обнаружены фонологические слоговые тоны, по своему «устройству» заметно отличающиеся от черниговских. В частности, в шихотовском говоре тоны фонологичны не только в ударных, но и в открытых заударных словах (в известных черниговских говорах, судя по всему, тональные оппозиции фонологически релевантны только в ударных слогах). После этого были подвергнуты дополнительному изучению сделанные ранее магнитофонные записи из говоров западнорусского («кривичского») ареала, в результате чего слоговые тональные оппозиции были найдены в говоре д. Фѣдоровское Локнянского р-на Псковской обл. (магнитофонная запись 1996 г.). В фѣдоровском говоре были записаны в основном слова, содержащие рефлекс праслав. *o и *ъ, поэтому для анализа рефлексов тонов в односложных формах муж. рода этот материал малоинформативен. Однако он важен для истории тонов в основах с «полногласием» (см. ниже).

1.3. В формах существительных мужского рода тональные оппозиции обнаружены также в севернорославских (пошехонских) говорах, в частности, в говоре затопленной водами Рыбинского водохранилища д. Леушино Колобовского с/с Пошехонского р-на Ярославской обл. (магнитофонная запись 1998 г.). Есть некоторые основания предполагать, что тональные оппозиции в односложных формах сохраняются и в пошехонском говоре д. Желѳнка.

1.4. Несколько замечаний по синхронной тонологии черниговских и великорусских говоров.

Каждая из описываемых систем по объективным причинам была записана лишь от одного информанта, что, разумеется, снижает качество

материала: возможно, некоторое количество отмечаемых ниже «отклонений» (если не большинство из них) является индивидуальными ошибками информантов (в некоторых случаях вызванными, в частности, неуверенным знанием той или иной формы родного говора). Таким образом, термины «плеховская система», «шихотовская система» и т. д. равны по смыслу терминам «система нашего плеховского, шихотовского и т. д. информанта». Однако достаточная стройность и внутренняя непротиворечивость и, что самое главное, внешняя (компаративистская) верификация материала этих систем позволяют серьезно с ним работать.

1.5. Все приводимые в указанных публикациях примеры из черниговских говоров записаны в одной из двух фразовых позиций: либо в отдельных произнесенных словах с «абсолютными» началом и концом, либо в словах, находящихся в абсолютном начале «утвердительного» предложения.

1.5.1. Модификация тонов в зависимости от фразовой интонации изучена плохо — известно лишь то, что если в плеховских и анисовском говорах слово находится в конце «утвердительного» предложения либо в конце «перечисления», для тонологического анализа оно нерелевантно, так как в данной позиции, как правило, происходит нейтрализация в сторону нисходящего тона. Видимо, с этим связан факт, что любое односложное слово в изолированной («абсолютной») позиции в говорах Плехов I и москалевском при фронтальном пословном опросе иногда может быть произнесено с нисходящим тоном, хотя на «глубинном» (фонологическом) уровне оно имеет восходящий тон, и при переспросе восстанавливается «фонологическая» ситуация. В системах Плехова II и Анисова такой «вторичный» нисходящий тон отмечается крайне редко (в сущности, подобные примеры можно рассматривать в качестве колебаний между двумя тонами). Обычно установление «фонологического» тона словоформы не представляет затруднения.

1.5.2. В односложных формах существительных в говорах Плехова (I и II), Анисова, Б. Муравейки и Москалей в эмпирически установленных релевантных фразовых позициях противопоставлены две «тонемы»: восходяще-нисходящий и нисходящий тоны. Ниже в таблицах (см. 1.8) восточнославянские тоны в односложных формах обозначаются следующим образом: ´ — восходящий, ^ — восходяще-нисходящий, ` — нисходящий и ˇ — нисходяще-восходящий тоны. Их реализации в четырех говорах несколько отличаются.

1.5.3.1. В говоре Пл. I противопоставлены восходяще-нисходящий и нисходящий «аллотоны» на всех гласных (восходящий тон заменяет вос-

ходяще-нисходящий лишь в некоторых фразовых позициях). В говоре Анисова восходящий тон, как правило, также является фразовой модификацией восходяще-нисходящего тона (впрочем, имеется незначительное число примеров, когда восходящий тон появляется и на месте нисходящего). В говорах Б. Муравейки, Москалей и Плёхова II восходящий тон может быть «аллотоном» восходяще-нисходящего тона и в «нормальной» фразовой позиции. Реализацией нисходящего тона является в основном нисходящий, реже (обычно на широких гласных) нисходяще-восходящий тон.

1.5.3.2. В шихотовском говоре в односложных формах также противопоставлены 2 тона: восходящий/восходяще-нисходящий и нисходящий/нисходяще-восходящий. В отличие от черниговских, где в конечной фразовой позиции тоны, как правило, нейтрализуются, в шихотовском говоре они противопоставлены (причем из «аллотонов» выбираются, соответственно, восходяще-нисходящий и нисходящий).

1.5.3.3. В леушинском говоре в односложных *nom. sg.* существительных муж. рода в записях противопоставлены восходяще-нисходящий/восходящий «аллотоны» восходящего и нисходяще-восходящий/нисходящий «аллотоны» нисходящего тона («аллотоничность» указанных вариантов следует из их чередований при переспросе).

1.6. Материал и предварительный диахронический анализ черниговских систем опубликованы в [Дыбо, Николаев 1998]. Материал и сравнительно-исторический анализ великорусских систем приводится в [Николаев 2000]; там же рассматривается и история тонов в баритонированных существительных с восточнославянским «полногласием» (*ToRT-), где используются данные фёдоровского говора, и соответствия между тонами в двусложных существительных с *ā*-основами.

1.6.1. Система соответствий тонов черниговских, шихотовского и леушинского говоров в односложных *nom./acc. sg. o-, u- и i-*основ на праславянских долгих гласных в сравнении с праславянской реконструкцией представлена ниже в таблицах (1.8). Для установления рефлексов тонов на праслав. *e недостаточно материала (по имеющимся скудным данным, они не отличаются от рефлексов тонов на *a).

Соответствия в краткосложных основах (с *o, *ь, *e, *ь) ниже не рассматриваются. Достаточный для объективного анализа материал черниговских говоров представлен только для корней с **o-* и **ь-* (в том числе *TьRT* и *Tь/T*), а регулярные соответствия установлены только для 1-го плёховского и анисовского говоров, и результаты сравнительно-исторического исследования краткосложных *o-, u- и i-*основ будут представлены в другой работе.

Предварительные сведения о тональных соответствиях между плёховскими (Пл. I) и праславянскими основами с *-o-* приведены в [Николаев 1996].

В шихотовском и леушинском говорах на рефлексах *o и *ъ отмечены как восходящий, так и нисходящий тоны, однако определенной закономерности в их распределении нет. Утрата тональных различий на рефлексах *o, скорее всего, связана со сложной фонетической историей (с дифтонгизацией и вторичной монофтонгизацией) последнего.

1.6.2. Судя по «сумбурным», не укладывающимся в регулярные ряды соответствиям, первоначальные тональные оппозиции на рефлексах *i (кроме Б. Муравейки) и *ɔ утрачены (по всей видимости, первоначально нейтрализованы в восх.-нисходящем тоне) всеми известными черниговскими говорами, а «новые» тоны возникли в каждой из систем в результате вторичных перераспределений. В говоре Плёхов II нейтрализация тонов произошла также и на *u. Кроме того, в этом говоре нисходящий тон имеет тенденцию замещать восходяще-нисходящий на *ě и *y. В плёховских и анисовском говорах происходит замена восходящего тона на *a* нисходящим. В москалевском говоре на *a, *e, *ě, *ɔ и *i тоны фонологически противопоставлены, однако исторической закономерности в распределении не обнаруживается. В материале формы со «старыми» тонами, как правило, сосуществуют с «новыми» в качестве вариантов. В таблицах соответствий гласные со «старыми» тонами приводятся под звездочкой.

В леушинском говоре на широких гласных (*a* < *a, *e; *o* < *o, *ъ; *ö*, *e* < *e, *ь) тоны нейтрализовались в сторону нисходящего, а восходящий тон в некоторых примерах явно вторичен (он, видимо, возник по общему правилу генерализации восходящего тона).

1.7. Праслав. акцентные кривые в черниговских говорах в ед. ч. регулярно развиваются следующим образом: существительные а. п. *a*, *c* и *d* имеют баритонезу, существительные а. п. *b* — окситонезу; энклиномические формы в парадигмах утрачены. Таким образом, в конкретных говорах никакой определенной связи между тоном в *nom. sg.* и акцентной кривой в настоящее время не существует. Такая же ситуация характерна для шихотовского говора. Парадигматическая акцентология леушинского говора подробно не изучена; в общих чертах она близка к литературной.

Востоchnополесские (черниговские) и великорусские слоговые тоны находятся в самом начале изучения, более или менее систематически исследованы лишь отдельные грамматические группы слов. В некоторые ряды соответствий несомненно будут внесены коррективы.

1.8. Ниже в таблицах буквой N обозначены позиции исторической нейтрализации тонов.

1.8.1. Рефлексы «старого акута» (а. п. а)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б. Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ðì	ì	ì
*û	ù	N	û	û	ù	ù	ù
*ǫ	N	N	N	N	N	ù	ù
*ÿ	ðì	*ðì	ðì	ðì	ðì	ðì	ðì
*ě	ĕ	*îê	îê	N	î	îê	îê
*ǣ	*â	*â	*â	N	à	à	N

1.8.2. Рефлексы «нового акута» (а. п. б)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б. Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ðì	í	í
*û	ù	N	û	û	ù	ú	ú
*ǫ	N	N	N	N	N	ú	ú
*ÿ	ðì	*ðì	ðì	ðì	ðì	bí	bí
*ě	ĕ	*îê	îê	N	î	îê	îê
*ǣ	*â	*â	*â	N	*â	á	N

1.8.3. Рефлексы «старого циркумфлекса» (а. п. с)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б. Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ðì	í	í
*û	ù	N	û	ù	ù	ú	ú
*ǫ	N	N	N	N	N	ú	ú
*ÿ	ðì	*ðì	ðì	ðì	ðì	bí	bí
*ě	ĕ	*îê	îê	N	î	îê	îê
*ǣ	à	*â	à	N	â	á	N

1.8.4. Рефлексы «вторичного циркумфлекса» (а. п. д)

Прасл.	Пл. 1	Пл. 2	Анисов	Моск.	Б. Мурав.	Ших.	Леуш.
*ī	N	N	N	N	ðì	îĥ	ì
*û	ù	N	ù	ù	ù	ú / ũ	ù
*ǫ	N	N	N	N	N	ú / ũ	ù
*ÿ	ðì	ðì	ðì	ðì	ðì	bí / ðì	ðì
*ě	ĕ	îê	îê	N	î	îê / îê	îê
*ǣ	à	à	à	N	à	á / ã	N

1.9. До сих пор была известна фактически лишь одна модель непосредственной рефлексии позднепраславянских слоговых тонов в ударных слогах, которую условно можно назвать сербохорвато-словенской, в которой, наряду с тонами, сохраняются квантитативные оппозиции, не свойственные изученным восточнославянским говорам. После обнаружения черниговских и западнорусских систем стало ясно, что «стандартные» южнославянские «тоновые» языки, сохранив квантитативные оппозиции, в то же время утратили ряд тональных характеристик, о наличии которых в праславянском приходилось судить лишь по косвенным данным.

Привлечение восточнославянских данных позволяет по-новому взглянуть на рефлексы славянских тонов и количеств в полабском и чешском языках (см. [Николаев 2000]). Традиционное мнение о том, что западнославянская акцентуационная система, реконструируемая в основном на основании квантитативных рефлексов, является всего лишь «упрощенным вариантом» южнославянской, несомненно требует пересмотра.

Новые данные о восточнославянских фонологических тонах, в некоторых аспектах проясняющие рефлексы праславянских «интонаций» в украинских говорах (благодаря привлечению системы с. Новоселица Перечинского р-на Закарпатской обл.), будут опубликованы в тексте доклада к XIII Международному съезду славистов (см. [Николаев, in litt. (2)]).

2. ВОКАЛИЗМ

2.1. Важные результаты были получены также в последнее время в изучении восточнославянского диалектного вокализма. Многие из исследуемых явлений первоначально также были записаны на слух и лишь впоследствии верифицированы инструментальным путем.

2.1.1. Во многих карпатоукраинских говорах отмечены рефлексы сложных систем гласных переднего ряда среднего подъема. Традиционно считается, что в украинско-белорусском ареале рефлекс «нового ятя» (удлиненного *ě перед слабым *ь следующего слога) совпадает с рефлексом *ě, а рефлекс *e в прочих позициях — с рефлексом сильного *ь (ср. укр. литер. *тіч* как *білий*; *небо* как *день*). Однако в карпатоукраинской зоне континуант «нового ятя» во многих говорах отличается от рефлекса *ě, причем предпочтительной реконструкцией первого является *недифтонгическое* *ĕ — при *ĕ > *iĕ*, ср. Торунь (Межгорский р-н Закарпатск. обл.) *ĕ > *i* с предшествующей твердостью губных и *s, z* при *ĕ > *i* с предшествующей мягкостью (*sim* < **se[d]*мь ~ *s'ino* < *sěno; *pič* < *pekь ~ *b'ičr* < *běgti) и Синевир (того же р-на) *ĕ > *i* (передне-среднее) и *ě > *i*

(переднее) с предшествующей мягкостью (*s'it* ~ *s'ino*; *p'ič* ~ *b'ičr*). В прикарпатском говоре Банилова-Подгорного (Сторожинецк. р-н Черновицк. обл.) у информантов старшего поколения *е имеет рефлексы *ěä* с неясной дистрибуцией, тогда как *ь всегда отражается как *ä* (*dän'*, *konác* ~ *něbo/nábo* и т. д.).

2.2. РЕФЛЕКСЫ *О И *Ъ

Важные результаты были получены в изучении системного противопоставления фонем «типа *o*» в восточнославянских говорах (некоторые итоги этого изучения были подведены в [Николаев 1996]). Выявлены неизвестные ранее системы с неакцентным противопоставлением рефлексов *о и *ь (не связанным с рефлексами старых интонаций).

2.2.1. В частности, такое противопоставление наблюдается в ряде карпатоукраинских говоров. Как известно, на месте *ь и *о в «неперестроенных» слогах во многих юго-западных белорусских и украинских говорах, литературном укр. языке представлена единая фонема, реализуемая под ударением в виде монофтонга *o* или дифтонгоида *ʷo* — например, укр. литер. *nis* ~ ген. *nósa*; *son*; закарп. Торунь *n'is* ~ ген. *nʷósa*; *sʷon*; ю.-брест. Симоновичи *nis* ~ ген. *nósa*; *son* и т. д.

2.2.1.1. «Бинарная» система, по крайней мере в галицкой области, восходит к старой «тернарной», которая несомненно должна была существовать еще в ту эпоху, когда *о удлинилось в слогах перед слабыми редуцированными, а «сильный» ь отличался от *o*. Как показали недавние исследования, во многих карпатоукраинских говорах и в настоящее время представлены прямые рефлексы «тернарной» системы. В общем виде генезис «тернарных» юго-западных систем может быть описан следующим образом: а) в «новозакрытых» («перестроенных») слогах *о дает рефлексы, возводимые к *ō; б) в «неперестроенных» слогах *о отражается в виде фонемы /*ʷol*/; в) *ь отражается в виде фонемы /*ol*/. Различие фонем /*ʷol*/ и /*ol*/ надежно отмечено только под ударением. Оппозиция фонем /*ʷol*/ и /*ol*/ засвидетельствована, в частности, в говорах с. Брод и Черный Поток Иршавского р-на, Дусина и Керецки Свалявского р-на, Синевир Межгорского р-на, Луг Раховского р-на Закарпатской обл., Битля Турковского р-на, Миженец и Засадки Старосамборского р-на Львовской обл., Тисов Долинского р-на, Красноиллов Верховинского р-на, Тышковцы Городенковского р-на Ивано-Франковской обл., Банилов-Подгорный Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. В некоторых карпатоукраинских говорах фонемы /*ʷol*/ и /*ol*/ нейтрализуются в сторону /*ʷol*/

после губных, реже после велярных согласных. Реализациями фонемы /^uo/ в закарпатских и западнобойковских говорах (Брод, Черный Поток, Дусина, Керецьки, Синевир, Битля) являются дифтонгоиды (реже дифтонги) с узкой или широкой слоговой частью (^uo или ^uo), реализациями фонемы /o/ — соответствующие монофтонги o или o (в некоторых из этих говоров на их месте обычны задне-средние монофтонги o и o). Широкий и узкий монофтонги распределяются по известному правилу «просодической аккомодации»: узкие варианты присутствуют в слогах, предшествующих u и o в следующем слоге, а также в словах, в которых в любом слоге, следующем за o, находится мягкий согласный и/или гласный i; узкие аллофоны присутствуют также в таутосиллабических сочетаниях с w. В говорах Прикарпатья фонема /^uo/ представлена «широким», «средним» или «узким» дифтонгоидами (^uo, ^uo и ^uo), фонема /o/ — «широким», «средним» или «узким» монофтонгами (o, o или o). Фонемы /^uo/ и /o/ имеют одинаковое праславянское происхождение во всех карпатоукраинских говорах. Существенно отметить, что в полногласных сочетаниях в исследованных говорах в первом слоге представлен монофтонг — фонема /o/, т. е. рефлекс *ъ, а во втором дифтонгоид — фонема /^uo/, т. е. рефлекс *o. В рефлексах последовательностей TъRT во всех названных карпатоукраинских говорах на месте *ъ представлена фонема /^uo/ (при том что рефлексом сильного *ъ в прочих случаях является /o/). Следует заметить, что в карпатоукраинских говорах наиболее последовательно проведена система с отсутствием могущего считаться фонетическим удлинением «вставного» гласного рефлексов To/eRT в «новозакрытых» слогах.

2.2.1.2. Видимо, последовательности *TorT*, *TolT/TelT* по крайней мере в юго-западном украинском ареале имели развитие, подобное лехитскому (в польском, как известно, слова типа *złoto* первоначально имели вид *zъloto, о чем говорит их морфонологическое поведение в польском), однако укр. *ъ в первом слоге «полногласия» ведет себя как «сильный ер». В то же время «вставное» -o- в полногласных сочетаниях является «не совсем обычным» *o, не удлиняющимся в слогах перед слабыми редуцированными. Видимо, удлинение *o (и *e) происходило раньше падения редуцированных, одновременно с формированием различия между «сильными» и «слабыми» ерами. Дело в том, что для украинской (и юго-западной белорусской) диалектной зоны характерен полный параллелизм развития исконно кратких гласных (*o, *e, *ъ, *ь), причем выделяются две позиции: 1) сильная — в слогах перед слабыми редуцированными; 2) слабая — в остальных случаях. Следовательно, мы можем предположить, что мета-

теза $ToRT > TьRoT$, $TeRT > TьReT$ произошла после удлинения *о и *е — этим объясняется сохранение о, е во вторых «новозакрытых» слогах «полногласных» сочетаний.

2.2.2. В русских северо-западных говорах также обнаружены системы противопоставления «двух о», не связанные с рефлексами старых интонаций. В русских (в основном южных и восточных) говорах широко известны системы с оппозицией фонем /о/ и /џо/ (либо «открытого» /о/ «закрытому» /џ/), при этом /о/ восходит: 1) к *о под циркумфлексом («под нисходящей интонацией»), 2) к «сильному» *ѣ. Южно- и восточнорусская фонема /џо/ восходит к *о под новым акутом («под восходящей интонацией»), при этом в рефлексах *ToRT оба гласных «полногласия» ведут себя как регулярные рефлексы *о. В северо-западных говорах представлены принципиально иные системы рефлексов, не связанные с бывшими акцентными противопоставлениями.

2.2.2.1. Такая система отмечается, в частности, в кривичском по происхождению архаическом говоре пос. Ильино Западнодвинского р-на Тверской обл. и в близких к нему говорах окружающих деревень, а также в ряде говоров Торопецкого р-на (напр., д. Гаврилово). В ильинском говоре под ударением различаются две фонемы «типа о»: /о/ — гласный заднего ряда, обычно среднего подъема (спорадически в закрытых слогах отмечается дифтонгоид [o^u], после губных и велярных — дифтонгоид [ʉo]; перед j и мягкими согласными регулярен средне- или срезнезаднерядный аллофон [e]). Этой фонеме противопоставлена фонема /џо/ — как правило, задний дифтонг; особый (средне-задний) аллофон [ʉθ] присутствует перед j. Нейтрализация двух фонем под ударением происходит лишь в одной позиции: в закрытых слогах после r, однако различие восстанавливается в открытых слогах: *γrom*, но gen. *γrџoma* — ср. *κρόνa*, gen. pl. *κρώv* и т. д. «Напряженное» слав. *ѣ имеет в ильинском говоре рефлекс /ol/: *bayór*, *doš*, *zasóx*, *zdóxl'i*, *bratók*, instr. *pъlatnóm* и т. д. Такой же рефлекс имеет *ѣ в последовательностях *TьRT*: *dotx*, *γorb* и т. д., а также «вставной ъ»: *ayón'*. «Напряженный» *ѣ в окончании им. п. прилагательных м. р. под ударением также имеет рефлекс /ol/: *pustěj*, *kr'ivěj* и т. д. В презенсах глаголов с корнями на -у «напряженный» *ѣ всегда имеет рефлекс /yl/: *krѣju*, *rѣju* и т. д. Является ли этот рефлекс результатом фонетического развития *ѣ в слогах не перед «слабыми редуцированными» или возник по аналогии с формами типа inf. *myc'*, prt. *mytл*, представляет собой особую проблему (материал других «кривичских» по происхождению говоров говорит скорее в пользу первого предположе-

ния). Фонема /ol/ регулярна также под ударением в обоих слогах «полногласных последовательностей»: *garóx*, *klrónъ*; *bórъw*, *kótъs* и т. д.; трактовка *ToRT* в виде *TъRъT* крайне любопытна и нуждается в дополнительных исследованиях и исторической интерпретации. Праслав. *o, независимо от интонации, под ударением имеет ильинский рефлекс /uol/: *buók*, gen. *iz buóka*, *duóm*, gen. *duóma*, loc. *v ptaxuóm*, gen. *radnuóul* и т. д.

2.2.2.2. Изложенная выше «кривичская» система первоначально была описана на основе акустических наблюдений; в последнее время эти данные на большом материале подтверждены методами экспериментальной фонетики. В частности, подробному экспериментальному обследованию был подвергнут говор д. Гаврилово Торопецкого р-на Тверской обл. (информант З. М. Григорьева, 1934 г. р., запись 1995 г. О. А. Абраменко).

В системе этого говора, как и в ряде других говоров указанного ареала, под ударением противопоставлены две фонемы — /ol/ и /uol/ (последняя имеет аллофоны [ɔ] после губных и заднеязычных согласных и [ɤ] после дентальных, кроме *ʃ*).

Судя по имеющемуся материалу, в настоящее время в говоре в фонеме /uol/ могут нейтрализоваться обе фонемы. Иногда вместо регулярного аллофона [ɤ] в первом слоге словоформы после зубных сонантов отмечается [o], аллофон фонемы /ol/ — подробнее см. ниже комментариев к таблице. Учитывая позиции нейтрализации фонем, по «остаточному принципу» можно предположить следующую первоначальную систему рефлексации *o и *ъ.

Фонема /ol/ представлена в следующих исторических позициях: 1) на месте праслав. *ъ; 2) в первых слогах «полногласий» (*ToRT); 3) на месте *o, предшествующего «сильному» *ъ (типа *nogъc* < *nogъть); 4) на месте второго («вставного») гласного в рефлексах *ToRT. В остальных позициях регулярно присутствует фонема /uol/ (за исключением нескольких примеров на /ol/ после зубных сонантов). Никакой зависимости от праславянской просодии в рефлексации *ъ и *o не обнаруживается. Видимо, нужно предполагать, что оппозиция /uol/ и /ol/ в гавриловском говоре восходит к первоначальной оппозиции *o и *ъ, при этом праслав. *o в позиции перед «сильным» *ъ еще в древности было заменено на *ъ (> /ol/). В то же время «вставной» гласный в *ToRT был сходен именно с (сильным) ером, а не с *o (в отличие от восточно- и южнорусских говоров, где под ударением он ведет себя именно как *o, в частности, превращаясь во «второе o» под восходящей интонацией), что сближает гавриловский говор (а также прочие говоры «кривичского» ареала) с восточнославян-

ским Юго-западом, так как сходные с «ером» рефлексы «вставного» -o- в «полногласиях» характерны именно для белорусско-украинского ареала. Фонема /o/ в первых слогах рефлексов *ToRT в гавриловском говоре может объясняться так же, как /o/ в словах типа *nógьc'* (из *ь > /o/ перед «сильным» ером или звуком, фонетически совпавшим с последним или близким к нему). Впрочем, не исключено, что /o/ (= «сильный ер») в первых слогах полногласий в «кривичских» говорах развился независимо от качества гласного следующего слога.

Синхронная система гавриловских рефлексов *o и *ь под ударением после согласных следующая (в таблице не показаны рефлексы *o в позиции перед «сильным *ь») (типа *nogьъ > *nógьc'*):

	*o	*ь	*ТЬRT	*TóRoT	*ToRóT	*oRT
b-	uo	[uo]	([uo] ?)	[uo]		
p-	uo	—	—	[uo]		
v-	uo	[uo]	—	o, [uo]		
m-	uo	o	—	—		
d-	uo	[uo]	[uo]	—		
t-	uo	—	[uo]	[uo]		
z-	uo	—	—	o, [uo]		
s-	uo	o, [uo]	—	[uo]		
n-	uo, [o]	o	—	—		
č-	uo, [o]	o, [uo]	—	—	o	([uo] ?)
r-	uo, [o]	o, [uo]	—	—	o	o
g-	uo	—	[uo]	[uo]		
k-	uo	o	o, [uo]	o		
x-	uo	o, [uo]	o	o, [uo]		

В квадратные скобки заключены вторичные рефлексы, появившиеся в результате незавершенной тенденции к нейтрализации фонем /uo/ и /o/. В круглых скобках даны сомнительные в фонетическом отношении единичные рефлексы.

Из таблицы видно, что в гавриловском говоре (по крайней мере в идиолекте З. М. Григорьевой) старая система с последовательным различием /uo/ < *o ~ /o/ < *ь разрушается по следующим направлениям. После губных b- и p- фонемы полностью нейтрализуются в /uo/; после v-нейтрализация (также в /uo/) неполная; на рефлексы *o и *ь после m- мало примеров, возможно, нейтрализация /uo/ и /o/ отсутствует или она ча-

стичная, как после *v*-. Сходная ситуация после заднеязычных: полная нейтрализация в *lʲol* после *g*-, частичная (в сторону *lʲol*) после *k*-, *x*-. После смычных и фрикативных дентальных наблюдается сходная тенденция — к нейтрализации обеих фонем в *lʲol*, однако полностью она проведена только после смычных (есть одно исключение — *dom* < *domь, в малоупотребительном слове, нормальное соответствие литер. слову в этом говоре — *izbá*, поэтому речь может идти о заимствовании). Противоположная тенденция — к нейтрализации обеих фонем в */ol* — наблюдается после зубных сонантов, однако здесь показательно последовательное наличие */ol* после *t* и *r* во 2-м слого «полногласий» («вторичный ъ»). Материал см. [Николаев, in litt.]

2.3. РЕФЛЕКСЫ *и и *ѡ

Традиционно считается, что в восточнославянских языках и их диалектах праслав. *и и *ѡ совпали еще в дописьменную эпоху. Это убеждение несомненно способствовало тому, что при изучении восточнославянских говоров на реализацию ударного рефлекса названных праславянских гласных не обращали должного внимания. Пожалуй, единственная восточнославянская зона, для которой отмечен особый характер рефлексов *и и *ѡ, — закарпатские украинские говоры ужанской группы, в которых отмечено широкое («открытое») [u] на месте *и и *ѡ при «обычном» [u] в качестве рефлекса удлинённого *ѡ (*múxa, dúb* при *búb* < *bobь, *nús* < *nosь — см. [Broch Ublja]).

2.3.1. В карпатоукраинских (галицких) говорах в последнее время отмечено также и различие рефлексов *и и *ѡ (впервые в полном объеме оно было обнаружено в говоре с. Тышковцы А. В. Тер-Аванесовой; см. также [Николаев 1995], где оно реализуется в виде широкого и узкого монофтонгов [u] ~ [u]). Сходная ситуация отмечена в с. В. Ясенов Верховинск. р-на Ив.-Франковск. обл.: *kúrə* < *kury, *súka* < *suka при *túča* < *tčə, *súk* < *sčkь. В ряде других говоров покутско-гуцульского ареала противопоставляются (по крайней мере на слух) восходящий и нисходящий дифтонги/дифтонгоиды: например, в с. Луг Раховск. р-на Закарп. обл. *kúry* < *kury, *súka* < *suka при *túča* < *tčə, *súk* < *sčkь (см. [Николаев 1995а: 120]). Различия между рефлексами *и и *ѡ в прикарпатских говорах отмечались нами на слух еще в с. Банилов Сторожинецкого р-на Черновицкой обл., с. Яворов Косовского р-на Ив.-Франковск. обл., с. Черная Тиса Раховского р-на Закарп. обл. [Николаев 1995а, б]. В некоторых архаичных закарпатских говорах (Лопухов, Русская Мокрая,

Ч. Поток, Ярок) на месте *q отмечено [ц] с особой («прерывистой») фонацией, несколько напоминающей назализацию, — см. подробнее в [Николаев 1995а, б; 1996б]. Карпатоукраинские системы, устройство которых было в свое время проанализировано лишь на слух, нуждаются в подробном экспериментальном исследовании.

2.3.2. Рефлексы *и и *q с просодическими различиями

В ходе экспедиционных поездок в 1995–1996 г. системы с противопоставлением ударных рефлексов *q и *и были найдены также и в ряде западнорусских говоров южнопсковского (точнее, торопецко-холмского) ареала. На месте *и во всех этих говорах под ударением отмечается фонема, в общем сходная со «стандартным» русским [у] (в части говоров на месте *и отмечается и задне-среднее [ц], в том числе и между твердыми согласными), тогда как ударными рефлексами *q являются довольно странные на слух звуки, являющиеся, как и «стандартное» [у], заднерядными гласными верхнего подъема (реже они могут быть отнесены к задне-средним гласным), однако содержащие характерный «призвук», производящий впечатление просодической (фонационной?) окраски гласного. В одних говорах эта «окраска» на слух кажется просто слабой назализацией, в других характер этой окраски неясен — ясно только одно, что на слух «два *и*» довольно отчетливо различаются, и обнаружено их различие было первоначально на слух. Чтобы избежать субъективизма при оценке различия выделяемых фонем (одна из которых, как правило, восходит к праслав. *и, другая к *q), был проведен анализ различия амплитудно-частотных характеристик аллофонов этих фонем на мгновенных спектрограммах (= мгновенных спектральных срезах), выполненных при помощи компьютерной программы WinCECIL.

«Просодическое» противопоставление «двух *и*» обнаружено в говорах: д. Гаврилово Торопецкого, д. Дудкино Западнотверского и д. Берёзки Оленинского р-на Тверской обл. Подробно об этих системах см. в [Николаев 1997]. Ниже «обычное *и*», восходящее к *и, обозначается как *и*; «второе *и*», обычно восходящее к *q, — как *ц*. Как показали заново проведенные исследования с привлечением дополнительного материала, в берёзкинском говоре «диахроническое» противопоставление фонем /*и*/ и /*ц*/ весьма неустойчиво — более или менее надежные результаты проявляются только при анализе специального списка на рефлексы *и и *q, и то в нем многочисленны исключения из общего правила. В отличие от берёзкинского говора, в дудкинском и гавриловском говорах оппозиция двух фонем представляется весьма устойчивой.

Во всех трех говорах «обычное *и*» на слух сходно со стандартным («литературным»). «Второе *и*» в дудкинском и берёзкинском говорах на слух производит впечатление *и*, слабо назализованного (?) на всем протяжении звучания — при этом сам звук производит впечатление несколько напряженного. Мгновенные спектрограммы, сделанные на одной трети звучания обеих фонем, показывают следующее различие между фонемами*. «Первое *и*» (*/u/*) имеет основные две форманты с частотами в диапазоне 100–1500 Hz, в два или больше раз превышающие по интенсивности более высокие форманты, которые имеют приблизительно одинаковую интенсивность. «Второе *и*» (*/ɨ/*) имеет, кроме этого, интенсивную третью форманту с частотой в диапазоне 3000–3500 Hz (обычно пик приходится на 3200 Hz) в дудкинском говоре и с частотой в диапазоне 3500–4000 Hz (обычно пик приходится на 3700 Hz) в берёзкинском говоре. Кроме того, в дудкинском и берёзкинском говоре «второе *и*», как правило, имеет еще и дополнительную четвертую интенсивную форманту в диапазоне 4500–4700 Hz (в дудкинском) и 4800–5200 Hz (в берёзкинском говоре). В ряде слов дополнительная высокая форманта интенсивнее третьей. В гавриловском говоре «второе *и*» (*/ɨ/*), как кажется на слух, обладает слабой назализацией в сочетании с дополнительной «окраской», которую с большой натяжкой можно назвать «напряженностью» (по крайней мере воспроизвести ее удастся при напряжении корня языка, глотки и заднего неба). На спектрограммах различие между «двумя *и*» проявляется в том, что у «первого *и*» отсутствует форманта с пиком интенсивности на частоте 2000 Hz, которая имеется у «второго *и*». Образцы спектрограмм показаны в [Николаев 1997]**.

* В говорах Дудкина и Берёзки указанные фонемы наиболее отчетливо различаются именно в этом моменте (ближе к предшествующему согласному амплитудно-частотные характеристики модифицируются в результате влияния согласного, к концу звучания фонемы */u/* и */ɨ/*, видимо, нейтрализуются). В говоре Гаврилова (см. ниже) фонемы */u/* и */ɨ/* различаются по указанным признакам практически на всем протяжении гласного, поэтому мгновенная спектрограмма снималась на половине его звучания, где влияние предшествующего и последующего согласного минимально.

** В «реплике» В. Б. Кузнецова [Кузнецов 1998] на статью «С. Н. Николаева» (имеется в виду моя статья [Николаев 1997]) содержится утверждение, что «в своей интерпретации экспериментальных данных С. Н. Николаев фактически исходит из предположения, что любые различия, обнаруживаемые в сравниваемых спектрах, должны быть отнесены на счет назализации». Это неверно, так как я в статье говорил о фонетических «окрасках» звуков, лишь отдаленно напоминающих назализацию, и что именно эти звуки восходят к праславянским назализованным. Другую претензию рецензента, относящуюся к якобы достаточно произвольным позициям измерения формант в гласных, оставим на совести автора.

Исторический комментарий к дудкинскому и гавриловскому материалу. Ниже приводятся заново проверенные данные гавриловского и дудкинского говоров (в основном результат ревизии заключается в добавлении релевантных дудкинских форм, не приведенных в [Николаев 1997]).

Фонема /ul/ из *u: гавр. *bl'úda* < *bl'udo, дудк., гавр. *brús* < *brusъ, гавр. *br'úxa* < *br'uxo, гавр. *búr'a* < *bur'a, гавр. *čúda* < *čudo, дудк., гавр. *čúr* < *čurъ, дудк. *drúx*, гавр. *drúk* < *drugъ, гавр. *dúta* < *dudlo, дудк., гавр. *dúx* < *duxъ, дудк. *grút* 'костер из кучи хвороста' < *grudъ, дудк. *grús'c* < *gruzdъ, дудк. *gút* < *gulъ, дудк. *kl'úč* < *kl'učъ, дудк. *kljuf* < *kl'uvъ, гавр. *kúča* (наряду с *kúča*, дудк. только *kúč'a*) < *kuča, дудк. pl. *kúry*, гавр. *kúr'ica*, pl. *kúry* < *kurica, *kury, гавр. *tapúx* < *loruxъ, гавр. *túč* < *lučъ (но дудк. *túč* < *ločъ), дудк., гавр. *túk* < *lukъ, гавр. *tún* < *lunъ, дудк. *p'erún* 'чёрт, нечистая сила' < *perunъ, дудк., гавр. *púx* < *puxъ, гавр. *púza* < *puzo, дудк., гавр. *stúx* < *sluxъ, дудк., гавр. *strúp* < *strurъ, дудк. *stúk* < *stukъ, гавр. *súša* < *suša, дудк. *šúm* < *šumъ, гавр. *ščúka* < *ščuka, дудк. *tr'ebúx*, гавр. *tr'äbúx* < *trьbuxъ, дудк. *trúp* < *trurъ, дудк., гавр. *trút* < *trudъ, дудк., гавр. *trúp* < *trurъ, гавр. *túša* < *tuša, дудк. *túta* 'здесь' < *tuto, дудк., гавр. *úl'ij* < *ul'jъ, гавр. *úxa* < *uxo, гавр. *wnúk* < *vьnikъ (но дудк. *vnúk* ?), гавр. *xatúpa* < *xalupa, гавр. *xrúst* < *xrustъ (но дудк. *xrúst* — контаминация с *xrošъ?).

Фонема /ul/ из *o: гавр. pl. *gúby* < *goby, дудк. *gúpka*, гавр. *gúpka* 'древесный гриб' < *gobъka, дудк. pl. *gús'i*, гавр. *gús'*, pl. *gús'i* < *gošъ, *goši, дудк. *gúš*, гавр. *gúš* < *gožъ, гавр. *gúšša* < *goštja, дудк., гавр. *kúst* < *koštъ, дудк., гавр. *kút* < *koťъ, гавр. *krúča* < *krõtja, дудк. *krúx* 'круг; стригущий лишай' < *kroğъ, гавр. pl. *túčk'i* < *ločьку, дудк. *túx*, гавр. *túk* < *loğъ, гавр. *múka* < *moqa, гавр. *múš*, дудк. *múž*, gen. *múža* < *možъ, гавр. *n'úx* < *n'oxъ (ср. слвн. *njôhati*), гавр. *pasúda* < *posoda, дудк., гавр. *prút* < *prōdъ, дудк., гавр. *prút* < *prōtъ, дудк., гавр. *púk* < *poкъ, дудк., гавр. *púp* < *poръ, гавр. *púta* < *poто, дудк., гавр. *púc'* < *poťъ, дудк., гавр. *strúk* < *stroкъ, гавр. *stúpa*, дудк. *stúpa/stúpa* < *stopa, дудк. *súk*, гавр. *súk* (наряду с *súk*) < *soкъ, дудк., гавр. *sút* < *soдъ, дудк. pl. *istrúby*

Исследуемый нами материал как в виде магнитофонных записей, так и в виде «нарезок» utt'ов находится в Институте славяноведения, а также частично доступен на сайте www.ablaut.narod.ru, благодаря чему любой заинтересованный исследователь без труда может экспериментально верифицировать полученные нами результаты.

* Контаминация праслав. *lučь 'луч (света, солнца)' и *ločь 'лучина и т. п.' (ср. болг. лъч). В дудк. это слово используется обычно в выражении *ловить рыбу на луч*, т. е. на свет лучины.

< *sъrǫby, дудк., гавр. *trús* 'трус; кролик' < *trǫsъ, гавр. *trúс'm* < *trǫtenъ, дудк. *trúт* 'трут' < *trǫtъ, гавр. *túĉa* < *tǫĉa, дудк. *vúġьl'*, гавр. *úġьl'* < *ǫġlъ, дудк. *úġьr'* 'болячка на теле коровы; личинка овода' < *ǫġġъ, дудк. *vús*, гавр. *ús* < *ǫsъ, дудк. *úika* < *ǫtъka, дудк. *úз'it* < *ǫzлъ, дудк., гавр. *úš* < *ǫžъ, дудк., гавр. *xamúт* < *xomǫtъ, гавр. *xrúšš* < *xǫšĉĉъ, дудк., гавр. *zúp* < *zǫbъ, дудк., гавр. *zvúk* < *zvǫkъ.

Особые случаи. Фонема /u/ < *u: во всех трех говорах две фонемы нейтрализуются перед *m* в закрытых слогах и, возможно, после *m*: гавр. *dúma* < *duma, дудк. *ġtúm*, гавр. *gtúm* < *glumъ, дудк. *kúm*, гавр. *kúm* < *kumъ, дудк. *šúm*, гавр. *šúm* < *šumъ; *úm* < *umъ; гавр. *múxa* < *muxa. В одном слове в дудкинском говоре *u* вместо *u* отмечено также перед *n*: дудк. *tún'* < *lunъ. Также, по-видимому, регулярно появление *u* в гавриловском говоре в закрытом слоге после *l'*: гавр. *kl'úĉ* < *kl'ueъ, *kl'úw* < *kl'uvъ, *l'úт* < *l'udъ.

В ряде слов, не совпадающих по говорам, фонема /u/ нерегулярно представлена во всех трех говорах (см. [Николаев 1997]).

В других обследованных нами говорах торопецко-холмского ареала «просодического» противопоставления рефлексов *u и *ǫ не обнаружено. Указание в [Николаев 1997] на говор с. Алушіха оказалось неточным — в этом говоре рефлексы этих праслав. фонем различаются, но на «сегментном» уровне, в виде фонем /ul/ и /ǫul/, см. ниже.

2.3.3. Рефлексы *u и *ǫ с сегментными различиями

2.3.3.1. Гниловский говор. В отличие от говоров Дудкина, Березки и Гаврилова, в говоре не существующей теперь д. Гниловка (рядом с д. Дубровка) Селижаровского р-на Тверской обл. различие между рефлексам *u и *ǫ проявляется не на «просодическом», а на чисто сегментном уровне*.

В гниловском говоре, наряду с монофтонгами /i/ и /u/ (спектрограммы этих гласных имеют «стандартный» вид, в частности, у /u/ отсутствуют «лишние» форманты), под ударением представлены восходящие дифтонги /eɪ/ (о проблемах, связанных с функционированием и генезисом этой фонемы, см. ниже) и /ǫɪ/. Фонетически последняя фонема реализуется как сочетание «неслоговых» [ǫ] или [u] со «слоговым» ударным [ɪ] (в редких случаях дифтонг реализуется как нисходящий — [ǫɪ]). В анлауте фонологической оппозиции «двух u» не существует, там наблюдается

* Магнитофонные записи (ок. 20 часов звучания) сделаны в Дубровках М. Н. Толстой в 1999–2001 гг. от уроженки д. Гниловка Татьяны Михайловны Смирновой, 1919 г. р.

свободное варьирование [u] ~ [ou] ~ [wu] вне зависимости от этимологии: *úl'ej* 2×, *ou'lj'ej*; *wum*, *oum*, *wúmpnyj*, gen. *oumpnybъ*; *ou'děč'kл*; *ou'gьt*, *úgьt* 2×; *wúgьt'*, *úgьt'* 2×; *ous* 2×, *us*; *ouš* 2× 'уж'; *ouž'it'* 3×; *ou'tra*; *úчл*, *ouчл* 3×, gen. *wúчл*, pl. *wúšы*, *oušы*; pl. *ouškií* 'узкие'.

Наиболее последовательно регулярно рефлексы *q > u и *u > ou представлены в окончаниях имени и глагола, ср.:

1. *-q (acc. sg.): *dugú*; *kasú*; *annú*; *škьrturoú*; *skьvradú* 2×; *stugú*; *trubú*; *vadú*; *drugúju* 2×; *takúju*; *gustúju*; *krutúju*; *syrtúju*; *suxúju*;

2. *-u (1 sg.): *pъb'agú* 2×; *idú* 2×; *smagú* 2×; *sažgú*;

3. *-qъ (3 pl. prs.): *b'arút*; *gnut*; *najdút*; *ktadút* 5×; *pr'in'asút*, *nъn'asút*; *dъp'akút*; *tkut* 2×; *tatkút*; *v'azút*; *pr'idút*; *žrut*.

И, напротив,

1. *-u (gen.): *p'askou* 4×; *bъj dakou* 2×;

2. *-u (dat.): *jamou*, *pъ jamou*; *č'emou*, *kamou*; *skatou*;

3. *-u (loc.): *f stagou*; *v Darou*; *v l'asou* (отклоняется единичное *va mrou*).

Ср. также аналогичную ситуацию в глагольных суффиксах — *-nq- (vrb.): inf. *gnuc'*, pt. pl. *gnúl'i*; ger. *sagnúfšы*; ptc. *zamknútyj*; prt. *spatknúts'i* при *-uje-: 2 sg. *rъššыnkouis'c'i*.

В корнях представлено некоторое количество исключений, которые, однако, не препятствуют предположению о регулярном развитии *q > u и *u > ou и в этой позиции.

Фонема /u/ регулярно представлена только на месте праслав. *q. В отличие от окончаний, в корнях эта фонема может чередоваться с «генерализованной» фонемой /ou/, что, по-видимому, отражает тенденцию к разрушению системы с оппозицией инлаутных монофтонгов/дифтонгов верхнего подъема в гниловском говоре (или по крайней мере в идиолекте Т. М. Смирновой), ср.:

1. *bqđ=: 1 sg. *búdu*, 3 sg. *búđ'i*, *n'a búđ'it*, 3 pl. *búdut*, *prabúdut*; 2. *dqđ=: *dup* 5× (но gen. *douba*); 3 sg. *dúb'it* 3×, ptc. *pradúbl'inл*; 3. *gqb-a: acc. *gúbu*, pl. *gúбы* 2×; 4. *gqst=: adv. *gústл* 2× (но comp. *gouš'č'i*), *gúš':æ* 2×, acc. *gúš':u* 2×; 5. *gqsl=: pl. *gús'l'i* 2×, gen. pl. *gús'l'ij*; 6. *gqs-ь: *gus'* 2× (при *gous'* 2×), pl. *gús'i* 5× (наряду с *gous'i* 3×), *gúsyn'æ* 6×; 7. *gqz-ь: *guš* 3×; 8. *grqb-: pl. *grúbyi*; 9. *klqben-ь: *ktúb'in'* 2×, pl. *ktúbn'i* 2×; 10. *kqđ= и *tqđ=: *atkúdl*, *attúdl*, *attúdy*; 11. *kqkol-ь: *kúčьl'*; 12. *kqs=: 3 sg. *kús'it* 2×; 13. *kqт-i-ti: 1 pl. *pakúč'im* 2×; 14. *krqg=: *kruk* 6× (наряду с instr. *króuğьm*, adv. *va-krouk*), *krúgьtj* 2×, f. *krúgtæ* 3×; *pótukrúgьtj*, f. *krúgl'in'ka*; 15. *krqт=: adv. *krútl* (наряду с *króutл* 2×), *krúč'æ*; 1 pl. *krúč'im* (но ptc. pl. *skrouč'iny*); 16. *mqđr=: *múdrьj*, adv. *múdrл*; 17. *mqk-a: *múkl*, prt. pl. *zamúč'itл*;

18. *mōt=: *muc* 3×, gen. *múč'i*, 2 sg. *múč'is̄*, 3 sg. *múč'i*, 3 pl. *múč'ut* 2×, f. *mútnьjæ* 2×; 19. *mōž-ь: *muš* 3×, gen. *múža*; 20. *pōk=: *púkъc'* 2×, *napúkъl'i* (наряду с *pōúkъc'*, 3 pl. *pōúkъjut*, а также adj. *pōúkъtьj* 2×, f. *pōúkъtьjæ*); 21. *pōk-ь: *puk* 4×; 22. *pōt-o, *pōt-a-ti: *pútл* 2× (но pl. *pōúty*), gen. pl. *put*; 3 pl. *pútъjut*, imp. *pútъjs'e*; 23. *pōt-ь: *puc* 3×; 24. *pṛōd=: *prut* 3×, *prútkл* 2×, *zaprúт* 2×, gen. *zaprúdl* 'запруда', 3 sg. *zaprúdl'it*, ptc. *zaprúženл*; 25. *pṛōt-ь: *prut*, *prúč'ik*; 26. *rōb=: *abrúp*, instr. *abrúbъm*, *rúpč'ik* 2×, *rup* 2×, *rubl'*; 27. *rōk=: *abrúč'* 2×, pl. *abrúč'ik'i* (но *rōúč'кл*); 28. *sōd=: *sut* 3×, gen. *súdl* (наряду с *sout*, instr. *sōúđъm*), 3 pl. *súdl'ut*; 29. *sōd₌₂: *pasúdl* 3×, acc. *pasúdu* 3× (и *pasōúdu*), loc. *pasúdl'in'i*; 30. *sōk-ь: *suk* 5×, coll. *súč'jæ*, gen. *súč'jef*; 31. *tōč-a: *túč'æ*; 32. *trōt-en-ь: *trúč'in*; 33. *xomōt-ь: *xamút* 7×.

Возможно, праслав. *ŕ следует восстанавливать в *p[ŕ]zo (релевантные данные других слав. языков отсутствуют): *púza* 3×, acc. *púzu* (но pl. *pōúzy*).

В следующих корнях колебания между *ŕi* и *u* не имеют однозначного объяснения ввиду чередования в них *u/*ŕ еще на праславянском уровне: *xŕōst=/*xrust=: *xrust* 4×; *xrōust* 2×; *gnus=/*gnōs=: *gnúsnьj* 5×; *gnōúsnьj* 4×, n. *gnōúsnьjæ*, pl. *gnōúsnьi*; *glub=/*glōb=: *gtōup'* 5×, ptc. *pagtōúbl'inл*.

Только с «генерализованным» *ŕi* отмечены производные от корней *blōd=: *btōut* 4×, 3 sg. *btōúdl'it*; *dōg-a: pl. *dōúg'i*; *golōb= 'голубой' и 'голубь': pl. *gatōúbl'in'k'ije*; *gatōúpкл* 2×; *grōd-ь: *grōuc* 8×; *grōz=: *grōus* 5×, 3 sg. *grōúž'it*, ptc. *nagrōúženл*; [*lōg-ь: *tōuk* 2× — слово, по-видимому, не местное, в значении 'луг' используется *lok* < *lōg]; *(n)ōtr=: pl. *nōútry* 2×; *pōp-ь: *pōup* 2×; *stōp-a: *stōúpl*; *skōp-: adv. *skōúpl* 2×; *strōk-ь: *strōuk* 2×; *trōs-ь: *trōus* 4×; *zōb-ь: *zōup* 2× и *zvōk-ь: *zvōuk*.

Фонема /*ŕi*/ регулярно представлена на месте праслав. *u, ср.:

1. *brus-ь: *brōus* 6×; 2. *bud-i-ti: 1 pl. *razbōúdl'im* 2×; 3. *buku: *bōúkvl* (однако и *búkvl* 1×), acc. *bōúkvu*, pl. *bōúkvy* 2×; 4. *burj-a: *bōúr'æ*; 5. *bur=: *bōúrьj* 2×; 6. *drug=: *drōuk* 3×, gen. *drōúgl*, instr. *drōúgъm*, pl. *drōúg'i*; *padrōúgl* 2×; 7. *dudl-o: *dōútl* 3×; 8. *dum=: *dōúml*: 3 sg. *dōúmaji*; 9. *dupl-o: pl. *dōúpty* 2×, gen. pl. *dōupł*; 10. *dur=: *dōúrl*, gen. pl. *dōur*, *dōur'* 4×, gen. sg. *dōúr'i* 3×, *pr'idōúrъk* 2×; 11. *dux-ь, *duš-i-ti: *dōux* 2×, 3 sg. *dōúšy*, ptc. *zadōúšьm*; 12. *glup=: *gtōúpьj*, adv. *gtōúpl* 2×; 13. *glux=: adv. *gtōúxl*, comp. *gtōúšy*, *gtōuš* 5×, adv. *gtōúšnl* 2×; 14. *grud-ь: *grōut* 4×, gen. *grōúdl* 2×; 15. *grust-ь: *grōus'c'* 3×; 16. *gruš-a: *grōúšл*; 17. *gumьn-o: pl. *gōúvny* (2×); 18. *krup=: loc. *krōúpnъm*, pl. *krōúpnьi*; 19. *kuč-a: *kōúč'æ*; 20. *kum-ь: *kōum* 3×, gen. *kōúml*, dat. *kōúmu*, instr. *kōumъm*; 21. *kust=: *kōust* 2×; 22. *lorux-ь: *tapōúx*; 23. *lučьš=: *tōú'šy*, *tōúč'še*; 24. *luč-ь: *touč'* 3×; 25. *lun-ь: *tōun'* 2×; 26. *luž-a: *tōúžл*; 27. *mux-a: *mōúxl*, gen. pl. *mōux*;

28. *nu: *noi* 5×; 29. *pust=: adv. *pousta* 2×; comp. *pouš'i* 2×; 30. *pux-ъ *poux* 6×, gen. *pouxu*, pl. *poušnii*; 31. *pux=: 3 sg. *raspouxn'i*, pt. *apoux*, ptc. *apouxšy*, *pouxťj*, f. *pouxťjæ* 2×; 32. *rud-a: pl. *roudy*, gen. pl. *rouť* 33. *rus=: *roušy*, f. *roušťjæ* 2×; 34. *rusl-o: *rousta* 3×, dat. *roustu*, pl. *rousty* 35. *rusьsk=: *rousk'ij*, *n'aroušk'ij*, pl. *rousk'ie*, ср. также *Rous'*; 36. *rux=*ruš-i-ti: 3 sg. *naroušyccы* 2×, ptc. pl. *naroušyны*, *razrouchl* 2×, *razrouchl* 37. *skorlup-a: *škartoupkл* 2×; 38. *slux=: *stoux* 5×, gen. *stouchl*; 39. *struj-a pl. *stroii*, gen. pl. *stroij*; 40. *strun-a: pl. *stroyny*, gen. pl. *stroun*; 41. *stud=*stoužl* 2×, gen. *stoužy*, gen. *prastoudy*; 42. *stuk-ъ: *stouk* 2×, gen. *stouku* 43. *suč-i-ti: 3 pl. *souč'ut*; 44. *suk-a: *soukл*; 45. *sux=: adv. *souchл* 2×, *soušл* 2×, *souš* 3×, 3 pl. *soušut* 3×; 46. *šum-ъ: *šoun* 2×, gen. *šouml*; 47. *trud-ъ *trout* 3×; 48. *trup-ъ: *troup* 4×, gen. *troupl*; 49. *u=: inf. *abuc'*; 50. *vьnuk-ъ *vnouk*; 51. *xud=: adv. *xoucl* 2×; 52. *xuj-ъ: *xouj* 2×, gen. *xoujæ*, instr. *xoujem*; 53. *zud-ъ: *zout*; *zuk-ъ: *zouk* 4×.

В некоторых корнях после *t* отмечается нерегулярное *u* < *u (всегда наряду с регулярными рефлексами): *luk-ъ: *touk* 7× (но *tuk* 2×), gen. *touku*; *plug-a: *ptougl* 2×, *plougu*, pl. *ptoug'i* (однако наряду с acc. *plugu*, pl. *ptug'i*); *slug-a, *služ-i-ti: pl. *stoug'i*, gen. pl. *stouk*, 3 sg. *stoužyt*, *atstoužyt* (наряду со *služyt*, 3 pl. *atstūžut*).

Исключения, а именно *u* на месте *u, представлены в некоторых корнях с анлаутными *gu- и *ku-: *gul=: *gut* 3× (возможно, регулярным является *gout*, хотя здесь может быть представлена «генерализация» *loul*), *gútk'ij*, adv. *gútkл* 2×; *kup=: 2 sg. *kup'is*; *kupl'æ*; *kur='курица': *kur'icл* 2×, pl. *kur'icy*, pl. *kury* (возможно, архаичными являются формы pl. *koury* 2×, gen. pl. *kour*); *kur-i-ti: *kur'ivл*, 3 sg. *patkur'ivyt*; *kus-: inf. *kúšyc'*, *skúšyc'*.

Нерегулярными являются также рефлексы *u в ряде корней с носовыми сонантами: *pur=: pl. *panuryi*, *panury*; *smugl=: *smougtыj* наряду со *smúgtыj* 3×; *xmuг=: *raxmuryj*, *raxmuryj*. В следующем корне фонема *lu* возможно, возникла по аналогии с корнем глагола *lqč-i-ti; **l[u]č-i-ti* 2 sg. *patúč'is*, ptc. *patúč'inл* 2×. Нерегулярно *u* в gen.-loc. *dvux*.

Нерегулярная фонема *lu* последовательно представлена также в именных суффиксах *-un-, *-ух- (*-ухъ, *-уха, *-ušьka), ср. *-un-: *bl'adun* 2×, *r'avun* 3×; *-ух-: *pastux* 2×; instr. *mtadúxťj* (наряду с *mtadouchl* 2×) *s'lapúchl*; pl. *sťadúx'i*; *starúchl*, instr. *starúxťj*; *karmúškl*; *lagúškl* 2×, pl. *lagúšk'i* (2×); *garbúškl*, acc. *garbúšku*; *kadúškl*, pl. *kadúšk'i* 2×; pl. *sťadúšk'i*.

В заимствованных словах, собственных именах и т. п. представлены обе фонемы:

Фонема *lul*: *čugún* 2×; 3 sg. *lúd'it*; *Skakúl'in*л (назв. деревни); *škúrl* 2×, acc. *škúru* 2×, instr. *škúrěj*, pl. *škúry*, *škúrkл*, acc. *škúrku*; ИС *Šúrl*; ИС gen. *Tr'agúb'ix'i*; *žgut*; *kúktл* 2×, gen. pl. *kúkьt*; *kapústл*; gen. sg., pl. *štúk'i* (но gen. pl. *štouk*).

Фонема *loul*: *kóurvl* (2×); acc. *moúzyku*; ИС *Anóufr'ej* (наряду с *Anúfr'ej*); *aróžbyje* 2×; *ньканоún'i*; pl. *pradoúkty*; *roúpъr*; *žouł'ik*, gen. *žouł'ikл*.

2.3.3.2. В говоре д. Алушіха Андреапольского р-на Тверской области обнаружена система, по всей видимости первоначально идентичная гниловской, но подвергшаяся значительной перестройке и генерализации. Так же как в Гниловке, в Алушихе под ударением различаются *loul* и *lul*. «Генерализованным» вариантом является, как и в Гниловке, *loul*, зафиксированный как на месте *o, так и на месте *u, ср. ситуацию в окончаниях. С одной стороны — **-o* (1 sg. prs.): *pajdú*, *skažú* (но *pamróu*); **-o* (acc. fem.): *drugúju*; *annú*; *нь rukú* (при *нь rukóu* 2×); adv. *vruč'míju*; *vadíu*; *u vajnú* (но *takóu*); **-otъ* (3 pl. prs.): *b'arúс'*; *idúс'* 3×; *ньp'akúс'* (но *d'aróuсce*). С другой стороны — **-u* (dat. sg.): *kamóu*; **-u* (loc. sg.): *v gadóu*; *v l'asóu*; *f prudóu* (подробнее см. [Николаев, in litt.])

2.3.3.3. В других обследованных нами северо-западных говорах «кривичского» происхождения противопоставление рефлексов на месте *u и *o не обнаружено. В говорах в окр. д. Березу́г Селижаровского р-на рефлексом *u и *o под ударением является дифтонг *loul* (по-видимому, там полностью осуществился процесс, начинающийся в Гниловке). В других говорах *u, *o > *lul*.

2.4. РЕФЛЕКСЫ *I

Если оппозиция *loul* : *lul* генетически связана с праславянской оппозицией *lul* : *lo/*, то происхождение фонологического противопоставления под ударением переднерядных фонем *leil* : *lil* остается не вполне ясным. Это противопоставление было теоретически предположено для говоров с оппозицией *loul* : *lul* на основании системных соображений и реально обнаружено и подтверждено на большом материале, собранном в том же говоре д. Гниловка Селижаровского р-на Тверской обл.

2.4.1. В гниловском говоре под ударением противопоставлены фонемы *leil* и *lil* (фонетически дифтонг реализуется как сочетание «неслогообразующих» [e] или [i] со слогообразующим [i]*). Оппозиция между этими

* Отличие неоднородных [e]/[i] и однородного [i] хорошо видно на спектрограммах.

фонемами разрушается «на глазах», причем «генерализующим» субститутом обеих фонем является /i/ (в противоположность нейтрализации /ou/ и /u/, замещающихся единой фонемой-дифтонгом /ou/). Единственной позицией, в которой [eɪ], а не [i], является субститутом обеих фонем, является позиция после r', где спорадически отмечается eɪ вместо регулярного i.

Кроме этого, «новая нейтрализация», по всей видимости, «наложилась» на результаты более старого процесса, в результате которого фонема /eɪ/, противопоставляясь /i/ в открытых слогах (перед одиночными согласными с последующим гласным), заменила /i/ в закрытых слогах и перед любыми сочетаниями согласных.

Неизвестно, было ли развитие /i/ > /eɪ/ одношаговым процессом, или первоначально этот переход осуществлялся только в слогах перед выпавшим слабым редуцированным («новозакрытых»), а после, по аналогии, распространился на любые слоги, в которых за ударным гласным следовало сочетание согласных (в том числе фонетические «геминаты»). К сожалению, мы ничего не знаем о принципах и истории слогоделения в рассматриваемом говоре, поэтому лишь на основании поведения *i можно предполагать, что, например, e'istbj < *e'istbj̆ воспринимается или воспринималось не как e'istbj, а как e'is-tbj, откуда e'e'is-tbj. Ниже «открытыми слогами» будут условно называться слоги, в которых гласный находится перед согласным, за которым следует гласный. Возможно, /eɪ/ было «генерализовано» в конечной позиции (в конечных открытых слогах), хотя не исключено и исконное присутствие в данной позиции (в окончаниях и суффиксах) исключительно дифтонгов.

Таким образом, срединные открытые слоги в настоящее время — единственная позиция, которая является релевантной для различения /eɪ/ и /i/. При наличии большого количества записей производных от одного и того же корня фиксация [eɪ] хотя бы в некоторых из форм в неконечных открытых слогах указывает на наличие в нем фонемы /eɪ/. С другой стороны, последовательное появление [i] в достаточно большом количестве однокоренных форм позволяет предполагать фонему /i/.

Ниже в качестве нерелевантных приводятся формы с предполагаемой нейтрализацией /eɪ/ / i/ > /i/ (в любых позициях) — сокращенно НФ.

2.4.2. В связи с отсутствием четко определенных позиций балто-слав. чередования ei/i и малочисленностью примеров на непосредственное соответствие славянских и балтийских форм с дифтонгами/монофтонгами затруднительно сделать определенный вывод о генезисе сев.-западных фонем /eɪ/ и /i/. Во многих случаях наблюдается регулярное соответствие

гнил. *i* = балт. *ī* (в корнях *dik=; *gnida; *griva; *mil=; *nīть, *nīтьсѣка; *siv=; *vīgь); с другой стороны, регулярно соответствие гнил. *ei* = балт. *ie/ei* (в корнях *ēitovati, *ēislo; *div=; *lip=; *pila, *piliti; *pisje=, *pīsmo; *sito; *vīxъг=). Показательно также распределение *ei* и *i* между именем (и отыменным глаголом) и собственно глагольным корнем в *vid-ъ, *vidovati (*v'eid*=) и *vidēti (*v'id*=), находящее точное соответствие в балтийском. Подробный разбор соответствий и материал см. [Николаев, in litt.].

2.4.3. О том, что сев.-западное противопоставление не может считаться вторичным (например, результатом фонетического перераспределения рефлексов *i в конкретной диалектной области), говорит и распределение фонем /*ei*/ и /*i*/ в служебных морфемах. Показательно распределение *ei* и *i* в именных суффиксах (приводятся только формы с фонемами в релевантной позиции).

С одной стороны,

-*ina* < **-ina* (и.-е. *-*ein-ā*, ср. лит. *žvėriena, rugiena*, хотя не исключен и вариант *-*in-ā*): *bъjadč'īnl*; *bъkav'īnl*, gen. *bъkav'īny*; *d'is'ac'īnl* 2x; *drav'īnl* 2x; *gtab'īnl* 3x; *gub'īnl*; *grud'īnl*; *kal'īnl* 2x, gen. *kal'īny*; *xr'istav'īnl* 3x, pl. *xr'istav'īny* 2x; *lad'īnl* 6x, acc. *lad'īnu*; *tgav'īnl* 2x; *taš'īnl* 3x, loc. *taš'īn'i*; *tuč'īnl* 2x, acc. *tuč'īnu* 2x, s *tuč'īny*; *mal'īnl* 2x, pl. *mal'īny*, dat.-instr. pl. *mal'īnym*; instr. *muš'č'īny*, pl. *muš'č'īny*; *braz'īnl*, loc. *braz'īn'i* 'образина'; *as'īnl*, pl. *as'īny*; pl. *afč'īny* 3x; *p'ar'īnl*, instr. *p'ar'īny* (видимо, вторичны *p'ar'ēīnl*, gen. pl. *p'ar'īn*); *pъtav'īnl*, acc. *pъtav'īnu*, loc. *pъtav'īn'i*; gen. *r'ab'īny*; pl. *pъac'īny*; *s'ir'ad'īnl*; *skac'īnl* 2x; acc. *s'v'in'īnu*; *t'as'īnl* 2x, acc. *t'as'īnu*; *tym'īnl*;

-*iv-* < **-iv-* (и.-е. *-*īw-o-*): *igr'īvyj* 2x; f. *igr'īvyæ* (видимо, вторично *igr'ēīvyj*); *kras'īvyj* 8x; pl. *kras'īvyi*, adv. *kras'īvl* 2x; *las'īvyj*, adv. *las'īvl*; *n'irad'īvyj* 4x; *sapl'īvyj*, gen.-loc. pl. *sapl'īvyx*; *sprъv'ad'īvyj* 2x; *c'ir'pal'īvyj/*-*ъj* 3x.

С другой стороны, -*ēixl* < **-ixa*: loc. *K'isar'ēix'i*; *Kъral'ēixl* 2x; *al'an'ēixl* 2x; *Sul'ēixl*, instr. *Sul'ēixъj*; *trus'ēixl* 2x; *zajč'ēixl*.

В суффиксе **-ica* (и.-е. *-*ejk-ā*) наблюдаются колебания между *ei* и *i* — по видимому, это объясняется проникновением дифтонга из суффикса -*ēik* < **-ikъ* (*dušn'ēik* 3x, *kъtas'n'ēik* 2x, *mъtad'ēik* 2x, *pъtav'ēik* 2x, *star'ēik* 2x, *up'ēik*, *uč'an'ēik* — ср. поразительную устойчивость дифтонга в этом суффиксе, не подвергающегося генерализующей тенденции *ei* > *i*): с одной стороны, acc. v *bal'n'īcu* 2x, loc. v *bal'n'īcy*; acc. *gatub'īcu*; *kastr'īcl* 3x (нерелевантно *kastr'ēīcl*); *p(ъ)šan'īcl* 2x; *pc'īcl* 2x, pl. *pc'īcy* 5x; *makr'īcl*, gen. *makr'īcy*; с другой стороны, pl. *brus'n'ēīcy* 2x; pl. *č'arn'ēīcy*; *kъby-*

l'ěicl 3×; *l'is'ěicl* 2×; *tas'ěicl* 2×; *as'l'ěicl* 2×; *uč'an'ěicl* наряду с *uč'an'icł*; *vatč'ěicl* наряду с *vatč'icł* 3×; в *car'ěicl* 3×; *Gar'ěicy* 3×, gen. *Gar'ěic*, dat. *g Gar'ěicъm* [ɛi] может быть вторичным.

В связи с этим неясен и первоначальный вокализм в суффиксе **-fka** < *-ika: *brus'n'ěikł* и acc. *brus'n'iku*, instr. *brus'n'ikъj*, pl. *brus'n'ik'i*; *č'arn'ěikł* 2× и *č'arn'ikł*; *gъtub'ěikł* 2×; *gvaz'd'ikł* 2×, acc. -u; *z'iml'an'ěikł* 2× и *z'iml'an'ikł*.

В парадигматических (словоизменительных) производных от односложных глагольных корней на *i в гниловском говоре наблюдается чередование *i/ěi*: 1-я фонема в прош. вр. на *-t-*, 2-я в страд. причастиях: *b'i=lb'ěi*= < *bi=: f. *b'itł* (3×), n. *ub'itł*, f. *raz'b'itł*, pl. *b'il'i* (3×), *ub'il'i* (2×) ~ *ub'ěitъj*; *ub'itъj*; *iz'b'ěitъj* (3×); *pab'ěitł* (НФ: *iz'b'itъj*, *p'ir'ab'itъj*, f. *ub'itł*, n. *p'ir'ab'itł*, *zab'itł*, *pab'itł*); *br'i=br'ei*= < *bri=: *pabr'il'i* 2× ~ *pabr'ěitъj*; *v'i=lv'ei*= < *vi=: pl. *v'il'i* ~ ptc. n. *s'v'ěitł* 3× (НФ: n. *s'v'itł*).

2.4.4. Что касается начальных *lil-* и *leil-*, то они регулярно отражают историческое различие *(j)i- и *jъ-: *it* < *ilъ, *iš'et* < *isk-, *iva* < *iva, но *ěim'a* < *jъmę, pl. *ěiskry* < *jъskr-, pl. *ěigry* < *jъgr- и т. д.

2.4.5. В прочих обследованных северо-западных «кривичских» говорах обнаружен единый рефлекс *lil* < *i любого происхождения.

2.4.6. Таким образом, не исключено, что русские северо-западные говоры (предполагаемого «кривичского» происхождения) просто случайным образом сохранили в более или менее «чистом» виде различие раннепраславянских фонем *ei и *i. Рефлексы последних в несколько модифицированном виде сами по себе стали источником формирования устойчивой системы с противопоставлением «высоких» дифтонгов, причем в заднем ряду монофтонг *lul* < *ɸ был, возможно, «достроен» к уже существовавшему *loul* < ранне-праслав. *au (> «стандартное» слав. *u), аналогично *leil* < *ei.

Восточнославянские системы с наличием вообще редких в индоевропейских языках восходящих дифтоногов типа *loul*, *leil* до сих пор не были известны, тем более что они являются фонемами, противопоставленными «высоким» монофтонгам *lul* и *lil* соответственно. Кроме того, возможное возведение различения источников сев.-западных русских *leil* и *lil* на праславянский уровень позволит модифицировать (поздне)праславянскую реконструкцию и верифицировать решения некоторых сложных проблем, связанных с чередованием «монофтонг/дифтонг» в парадигмах, особенно в глагольных.

Литература

- Дыбо, Николаев 1998 — В. А. Дыбо, С. Л. Николаев. Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 5–70.
- Николаев 1995 — С. Л. Николаев. Новые данные о восточнославянском вокализме и просодии // *Russian linguistics*. Vol. 19, № 3. November 1995.
- Николаев 1995а — С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // *Славяноведение*. 1995, № 3.
- Николаев 1995а — С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал (продолжение) // *Славяноведение*. 1995, № 5.
- Николаев 1996 — С. Л. Николаев. Histoire d'O // *Русистика*. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Николаев 1996а — С. Л. Николаев. Рефлексы праславянских интонаций в восточнополюсских говорах // *Полісся: мова, культура, історія*. Київ, 1996.
- Николаев 1996б — С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // *Славяноведение*. 1996, № 1.
- Николаев 1997 — С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике русских говоров. Рефлексы *и, *о // *Русские диалекты. История и современность*. (Серия "Вопросы русского языкознания"). М., 1997.
- Николаев 2000 — С. Л. Николаев. Рефлексы праславянских тонов в восточнославянских языках // *Балто-славянские исследования 1998–1999*. М., 2000. С. 83–113.
- Николаев, in litt. — С. Л. Николаев. Новые данные по истории вокализма в северо-западных русских говорах // *Балто-славянские исследования 2000–2001*. М., (в печати).
- Николаев, in litt. (2) — С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике и просодии восточнославянских говоров // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. М., (в печати).
- Broch Ublja — O. Broch. Zum Kleinrussischen in Ungarn // *Archiv für slavische Philologie*. Berlin. Bd. XVII, XIX.

Summary

Results of an instrumental study of East Slavic phonetics and prosody

The article contains some results of an instrumental study of East Slavic dialect phonetics based on the materials gotten during last years by the expeditions of the Group of Slavonic glottogenesis at the Institute of Slavic Studies. Several phenomena of prosody (syllabic tones in North Polessian and some Russian dialects) and of phonetics (contrasting «two o» and «two u» in Ukrainian and Russian areas and «two i» in a West Russian dialect) are discussed. A large data volume is cited.

Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *a-склонения в восточнославянских диалектах

0. Работа имеет своей целью внести ряд дополнений в описание восточнославянских диалектных систем флексий родительного, дательного и местного падежей единственного числа (далее Р., Д. и М.) существительных *a*-склонения, опубликованное нами ранее [Тер-Аванесова 1998]. Материалом для работы послужили карты трех национальных атласов: АУМ, ДАБМ и ДАРЯ; материалы экспедиций, собранные по программе ДАРЯ и хранящиеся в архиве отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка РАН; карты региональных атласов: АРНГ Вост., Атласа говоров нижней Припяти [Назарова 1985] и некоторых других. Дополнительно использованы материалы диалектных описаний и обзорных работ (см. [Бромлей, Булатова 1972; Нарысы 1978] и др)*.

В работе предпринята попытка дать обзор восточнославянских систем *a*-склонения и показать их распространение с опорой прежде всего на материалы атласов. Несмотря на известные недостатки этих материалов, они все же позволяют сделать выводы об устройстве систем *a*-склонения в отдельных говорах. Частота встречаемости в атласах является надежным критерием реальности существования систем *a*-склонения того или иного устройства, устанавливаемых на основании ограниченного материала. Разумеется, в пределах небольших дробных ареалов, как, например, Полесье или область «северных кривичей», этот критерий работает плохо. Сама характеристика говоров таких территорий средствами национальных атласов не может не быть неполной и до некоторой степени искаженной (атласы больших территорий не учитывают некоторых сугубо локальных явлений; в их сетку зачастую «не попадают» важные для характеристики ареала населенные пункты, и поэтому искажаются границы распространения языковых явлений; наконец, программа собирания материала может не быть ориентирована на выявление специфики этих говоров). Адекватное представление об устройстве и распространении систем *a*-склонения вообще возможно лишь при одновременном ис-

---

* Автор выражает глубокую благодарность М. Н. Толстой за ценные советы, дополнения и замечания к статье.

пользовании данных атласов и описаний отдельных говоров, и мы старались при возможности учитывать последние. При всем том национальные атласы содержат огромный и до сих пор недостаточно обработанный материал. Пересмотр данных атласов позволил выявить такие системы а-склонения, на существование которых раньше не обращали внимания (как на русской территории, так и на территории украинского Полесья и Белоруссии).

Многообразие систем флексий Р., Д. и М. в восточнославянских диалектах не поддается точному изображению на одной карте, если пытаться учитывать на ней все имеющиеся деklinационные различия: существующие в говорах системы вариантов, или разновидностей а-склонения, распределенных по финалям основ и акцентным типам (в некоторых говорах насчитывается до четырех разновидностей склонения), и различия в синтаксисе падежных форм. Еще больше усложняет карту учет флексии счетной формы. Между тем для характеристики указанной подсистемы склонения представляется целесообразным отображение большей части этих параметров именно на одной карте (национальные и региональные атласы уже представили попытку показа отдельных фрагментов подсистемы Р.–Д.–М. на разных картах, что не позволяет увидеть ее устройства в диалектах).

Отказавшись от попытки отразить на карте всю сложность «языкового ландшафта», возникающую при картографировании флексий Р., Д. и М. а-склонения, мы предлагаем карту-схему, на которой представлены основные типы систем Р., Д., М. «Мозаичные» ареалы (Полесье, «севернокривичская» и западнорусская территории) показаны обобщенно. Инородные вкрапления в пределах крупных ареалов, в особенности инновационного характера, на карте-схеме не показаны (в комментарии даны отсылки к соответствующим картам атласов и диалектологическим описаниям). На карте каждая система а-склонения показана особым знаком, за исключением южно- и среднерусских систем, для которых отдельными средствами обозначены «безударная твердая» разновидность склонения, флексия *-e* Р. с предлогом *у* (*у сестрѣ*) и некоторые другие. Особым знаком показана также мягкая разновидность склонения с окончанием Р.–Д.–М. *-и* в южнорусских и белорусских говорах. Системы а-склонения севернокривичского ареала, представленные на этой карте крайне обобщенно, подробно показаны на карте в [Лопатина, Тер-Аванесова 2000]. Окончания счетной формы на предлагаемой карте не показаны. Им посвящена моя статья [Тер-Аванесова 2000], где

имеется карта восточнославянской территории и отдельно — карта флексий счетной формы в говорах севернокривичского ареала.

Ниже дается характеристика параметров описания восточнославянских систем флексий Р., Д. и М. *a*-склонения, а далее приводятся схемы и образцы систем *a*-склонения, относящихся к разным территориям.

1. В работе учитываются деклинационные различия восточнославянских диалектов, обусловленные конечным согласным основы и ударением (типом акцентных контуров словоформ Р., Д., М.). При характеристике южно- и среднерусских систем учитываются особенности синтаксиса падежных форм.

1.1. Типы основ. В большинстве говоров, различающих разновидности склонения, основы, оканчивающиеся на парные твердые и задненебные согласные, трактуются как морфонологически твердые, а основы на парные мягкие и исконномягченные — как морфонологически мягкие (это относится к подавляющему большинству украинских и белорусских говоров и ко многим южнорусским, о последних см. [Бромлей, Булатова 1972: 55–59, особенно 58]). В Полесье морфонологический статус твердых шипящих и *ц* неустойчив: в отдельном говоре они могут присоединять окончания как твердой, так и мягкой разновидности склонения, см. [Назарова 1985, карта 132]. Подобная картина наблюдается и в тверских говорах; в южнопсковских твердые шипящие и *ц* скорее морфонологически твердые (материал крайне мал).

В украинских и белорусских говорах задненебные согласные — морфонологически твердые, а перед **i* и **ě* дифтонгического происхождения в парадигме *a*-склонения они заменяются свистящими (это чередование нерегулярно в Полесье: в указанной позиции наряду со свистящими отмечаются мягкие задненебные или шипящие: *ноз'ú*, *ног'ú*, *нож'ú*, — и некоторых говорах Закарпатья). В русских говорах, где переходного смягчения задненебных на стыке основы и окончания нет и имеется «непереходная» палатализация этих согласных перед гласными переднего ряда, задненебные обнаруживают устойчивую тенденцию к переходу в класс морфонологически мягких. В русских говорах севернокривичского ареала, различающих разновидности *a*-склонения, задненебные или являются морфонологически мягкими, или имеют самостоятельный морфонологический статус, присоединяя серию флексий, отличную как от твердой, так и от мягкой разновидностей склонения. В югозападнорусских говорах также встречаются системы склонения с морфонологической мяг-

костью заднебных, однако на этой территории они не образуют сплошного ареала. Имеются говоры, в которых заднебные имеют смешанный статус: окситонированные основы на заднебный (*рука*) тяготеют к твердой разновидности склонения, а баритонированные (*речка*) — к мягкой (см. систему говора с. Огорь [Бромлей, Булатова 1972: 361–367]).

В некоторых тверских говорах особый морфонологический статус имеют губные согласные [Абраменко 2000]; материалы ДАРЯ подтверждают данные этих описаний.

Ниже при описании систем отдельных говоров выделяются основы на парные твердые, парные мягкие и заднебные согласные. Основы на твердые шипящие и *ц* рассматриваются наряду с теми или другими основами на парные согласные, в зависимости от их поведения в говоре. Специально отмечаются особенности поведения основ на губные согласные, если таковые имеются.

1.2. Деклинационные различия, связанные с местом ударения. Безударные разновидности а-склонения в восточнославянских диалектах. В говорах с различием систем ударного и безударного вокализма противопоставлены системы ударных и безударных флексий Р., Д. и М. (в полесских и акающих русских говорах; относительно белорусских говоров мы не имеем данных, за исключением говоров белорусского Полесья). «Безударные» разновидности а-склонения в этих говорах не являются результатом прямого фонетического развития системы ударных флексий. Как известно, в акающих русских говорах различие ударных и безударных показателей одного падежа, не объясняемое исключительно редукцией гласных, характерно не только для рассматриваемой подсистемы склонения (ср. южнорусск. И.–В. мн. *моря* — *окны, селы*; Р. ед. ж. [*аднѣй*] — [*ѣасн'ей*], Тв. мн. *руками* — *палкими* и др.).

Если в полесских говорах последовательно противопоставлены серии твердых и мягких безударных окончаний Р., Д. и М. а-склонения, то в акающих русских говорах такое противопоставление можно наблюдать только в говорах с яканьем в заударных конечных открытых слогах, т. е. в части юго-западных и западных говоров. В подавляющем большинстве акающих русских говоров безударные окончания, присоединяемые мягкими (и заднебными) баритонированными основами, нерелевантны для различения рефлексов *ě и *i и в данной работе не рассматриваются. Вообще вопрос об устройстве безударных мягкой и заднебной разновидностей склонения в акающих русских говорах в настоящей ра-

боте практически не затрагивается, поскольку даже «релевантный» материал крайне сбивчив и невелик по объему. Таким образом, применительно к русской территории ниже речь пойдет фактически только о «безударной твердой» разновидности *a*-склонения.

По своему устройству различаются полесская и несколько «русских» типов безударной разновидности *a*-склонения.

1.2.1. Полесская безударная разновидность *a*-склонения в говорах представлена в сочетании по крайней мере с двумя типами ударной разновидности склонения: архаической и полесско-украинской, но, кажется, не синкретической среднеполесской (см. об этих системах ниже). Ее отличает окончание *-[i]*, смягчающее предшествующий согласный, на месте «ятевых» окончаний, например:

Р. сестрі́, хáти, землі́є, во́лі;
Д.–М. сестрі́є, хáті, землі́є, во́лі.

Это окончание в подавляющем большинстве полесских говоров не может рассматриваться ни как стандартный рефлекс **ě* (без ударения **ě*, как и **e*, отражается в *[e]*), ни как рефлекс **i* (перед *[i]* < **i* зубные не смягчаются, а твердость–мягкость согласных других классов варьирует по говорам). Вслед за Т. В. Назаровой в украинской диалектологии это окончание принято рассматривать как результат особого развития **ě* в конечной безударной позиции [Назарова 1964]. Такое объяснение поддается смягчением предшествующего зубного и рефлексам второй палатализации задненебных, хотя и непоследовательно проведенной, перед указанным окончанием: Д.–М. *руц'і́є, д'і́євц'і́*. (Заметим, что в некоторых полесских говорах **ě* > *[i]* также в конечной позиции под ударением, при **ě* > *[je]* или *[и]* в середине слова).

1.2.2. Безударные разновидности *a*-склонения в русских говорах. Наиболее распространена безударная твердая разновидность *a*-склонения с окончанием *-e* < **-ě* в Р.–Д.–М., широко представленная в средне- и южнорусских говорах и имеющая характер инновации, возникающей в моновариантных системах склонения. Она практически не отмечена в южнорусских системах со старым различием твердой и мягкой разновидностей склонения, а также, по материалам ДАРЯ, трудноразличима в говорах, в которых «ятевое» окончание распространяется на большую часть подпарадигмы Р.–Д.–М. В севернокривичском ареале систем *a*-склонения, где моновариантные системы в прошлом должны были играть значительную роль, синкретическая безударная твердая

разновидность, возможно, появилась как следствие общеюжно- и среднерусской тенденции. Однако в этой области ее возникновение могло быть вызвано и мощным воздействием северо-западных синкретических систем, в том числе таких, которые различали разновидности склонения.

В северной части среднерусских говоров встречаются безударные твердые разновидности а-склонения, сохраняющие старые падежные противопоставления, утраченные твердыми ударными разновидностями склонения тех же говоров. Так, в севернокривичском ареале встречаются обратные системы безударной твердой разновидности склонения, различающие Р. и Д.–М., при синкретических системах твердой ударной разновидности склонения. В восточных среднерусских говорах встречаются системы с «вторым родительным» в безударной твердой разновидности склонения, тогда как под ударением в них представлены системы без добавочных падежей [см. 5.1.1.(4), 5.(3)].

1.3. Синтаксис падежных форм. Различия в устройстве падежных систем существенны только для характеристики систем а-склонения русских говоров. Для их описания Л. Н. Булатовой была предложена максимальная падежная система, полученная путем взаимного наложения падежных систем отдельных говоров русского языка [Бромлей, Булатова 1972: 32–39, 46–51]. В данной работе учитывались «диагностические» контексты, соответствующие максимальной падежной системе Л. Н. Булатовой.

Южно- и среднерусские системы а-склонения развивают добавочные падежи путем «дробления контекстных областей» родительного, дательного и местного падежей. В парадигмах а-склонения сохраняется противопоставление форм с окончаниями твердой разновидности склонения *-ѣ и *-у, однако распределение форм с этими окончаниями относительно синтаксических контекстов меняется коренным образом.

Для характеристики интересующей нас подсистемы склонения существенно выделение следующего набора падежей.

(1) *Родительный с предлогами* представлен контекстами с любыми предлогами, управляющими в лит. языке родительным падежом.

Во многих говорах в самостоятельный падеж выделяются формы, выступающие в контекстах лишь некоторых предлогов. Соответственно в этих говорах представлен один из следующих падежей:

родительный с предлогом у (у сестре, но от [для, без, до, около и пр.] сестры);

отложительный падеж (аблатив); в некоторых южно- и среднерусских говорах выделяются контексты с предлогами *от, с, из*, либо с этими и другими предлогами, обозначающими направление движения (*до*).

(2) *Родительный без предлогов* выступает в контекстах отрицания (*нет воды*), в партитивных контекстах (*мало воды*), при некоторых глаголах (*бояться воды*), в контекстах, выражающих принадлежность (*чистота воды*), и некоторых других. Во многих русских говорах выделяются посессивные контексты — любые или только с одушевленными существительными в роли зависимых слов (*дом сестре*), или же только выражающие отношение одного лица к другому (*внук сестре*), — в которых выступает дательный.

В говорах с добавочными падежами обычно различается два родительных:

Р.₁ *жені, берёзы, землі,*

Р.₂ *женé/жені, берёзел/берёзы, землэ/землі,*

причем Р.₁ соответствует Р. без предлогов (а по говорам — также части предложных конструкций), а Р.₂ соответствует Р. в предложных конструкциях, всех или некоторых.

(3) *Счетная форма* выступает в сочетаниях с числительными *две, три, четыре* (в части говоров флексии восходят к пом.-асс. *du.*).

(4) *Дательный* в большей части русских говоров определяется теми же контекстами, что и в литературном языке. В юго-западных говорах вблизи границы с Белоруссией и Украиной, так же как в белорусском и украинском языках, предлог *по* управляет местным падежом (изоглосса этого явления на русской территории показана на карте 17 ДАРЯ II). Отличие контекста с *по* от других контекстов Д. существенно для характеристики тех систем *a*-склонения, в которых различаются окончания Д. и М.

(5) *Местный падеж* выступает в контекстах с предлогами *в* и *на*.

(6) *Предложный падеж* — в контекстах с предлогами *о* и *при*.

«Дробление» Д. и различие флексий Д. и М. в *a*-склонении представлено только в юго-западных русских говорах. Различие М. и Предл. имеется, по-видимому, на всей южнорусской территории, однако материал по Предл. в ДАРЯ очень скуден.

2. Восточнославянские системы *a*-склонения можно рассматривать в структурном плане как результат разного рода преобразований «стандартной древнерусской» системы (Р. *ženy, *zemlě, Д.–М. *ženě, *zemli). развившейся фонетическим путем из праславянской системы **a/*ja*-скло-

нения. Исконная система а-склонения сохраняется в говорах с архаической системой именного словоизменения исключительно на территории современной Украины. Имеются говоры с двумя типами систем а-склонения, непосредственно продолжающими «стандартную древнерусскую» (далее такие системы называются архаическими).

2.1. Архаические системы а-склонения. Говоры, сохраняющие «стандартную древнерусскую» систему а-склонения в чистом виде, образуют большой ареал, охватывающий Галицию (Львовскую, Тернопольскую, Ивано-Франковскую обл.), Буковину и Закарпатье; вкраплениями они встречаются и восточнее, на территории подольских говоров. В галицких, буковинских и гуцульских говорах архаическая система а-склонения выступает в (западно)украинском фонетическом облике:

Р. *ст'інá, земл'í*, Д.–М. *ст'ін'í, землá*;

в закарпатских говорах, по законам русинской фонетики, она имеет следующий вид:

Р. *ст'іны́, земл'í*, Д.–М. *ст'ін'í, землá*.

В отдельных говорах встречаются небольшие отклонения от исконного распределения флексий, связанные с качеством определенных согласных. Например, в карпатоукраинском говоре с Тóрунь у основ на *ц'* в М. отмечено, наряду с регулярным *-l*, окончание *-i*, восходящее к **ě* [Николаев, Толстая 2001: 21–22].

В пределах галицкого ареала разбросано немало говоров с рефлексам **i* в окончаниях Р., Д., М. мягкой разновидности склонения, т. е. с системами типа «белорусской литературной» (см. карту 172 АУМ 2):

галицк. Р. *ст'інá, землá*, Д.–М. *ст'ін'í, землá*.

Устройство и географическое положение этих систем говорят о том, что они, скорее всего, представляют собой инновацию в данном ареале. Крайний запад Ужгородской области, по данным АУМ, занимают системы а-склонения типа «украинской литературной» (см. 4.1.1), а в лемковских говорах на территории Словакии встречаются системы типа «русской литературной» (см. 3.1.1).

В части рассматриваемого ареала отмечаются флексии счетной формы, совпадающие с флексиями Д.–М. (они обычно варьируют с флексиями, совпадающими с Р. или И. мн.). Счетная форма, восходящая к *пот.–асс. du.: дв'í ст'ін'í, дв'í землí*, — встречается в галицких говорах к северу от Днестра, покутско-буковинских и восточногуцульских, см. [Гер-Аванесова 2000].

2.2. Небольшие ареалы и отдельные говоры с архаической системой *a*-склонения встречаются в Полесье. Говоры с такой системой на западе Волынской области и на территории Польши в окрестностях Холма, очевидно, некогда составляли единый ареал. Возможно, его продолжением были среднеполесские говоры с «архаической» системой *a*-склонения, расположенные вдоль восточной границы Волынской и на западе Ровенской области. Данная система встречается также в черниговском Полесье.

Полесские системы *a*-склонения, в том числе и «архаические», имеют следующие особенности.

(1) Имеется несколько разновидностей полесских систем, отличающихся друг от друга характером рефлексов *i и *y, в частности, их свойством смягчать или не смягчать предшествующий согласный [Назарова 1962]; все разновидности одной системы показаны на карте-схеме одним знаком.

В среднем течении Горыни и Случи располагается ареал «нефонетического происхождения» мягкости согласных перед ударенной флексией Д.–М. *i (не на стыке основы и окончания перед рефлексами *i в говорах этого ареала произносятся твердые согласные). В этот ареал попадают говоры с архаическими и синкретическими полесскими (см. 3.2.3) системами (карты АУМ 2 и атласа Н. В. Никончука [Никончук 1994, карта 22] позволяют сопоставить изоглоссы твердости–мягкости согласных перед рефлексами *i с изоглоссами систем *a*-склонения различных типов, см. об этом [Тер-Аванесова 1998: 172–173]). Такие системы изредка встречаются и в северо-восточном Полесье.

В архаических системах *a*-склонения эта мягкость согласных объясняется выравниванием исхода основ в парадигмах существительных. В других полесских системах она допускает и иные объяснения.

(2) Особенностью полесских систем *a*-склонения, в том числе архаических, является особая безударная разновидность склонения, которой свойственно окончание *-[i]*, смягчающее предшествующий согласный, на месте «ятевых» окончаний. Как сказано выше (1.2.1), это окончание объясняется особым развитием конечного безударного *ĕ.

Таким образом, основной вид полесских архаических систем следующий:

Р. *стенí, хáтл, рук'í, грушк'í, земл'íе, вóл'í;*
 Д.–М. *стен'íе, хáт'í, руц'íе, грушц'í, земл'í, вóл'í.*

Среднеполесский вариант этой системы отличается только формой Д.–М. мягких основ с ударным окончанием: *земл'í*.

Счетная форма существительных а-склонения во всех полесских говорах отличается от формы Д.–М. полным отсутствием переходного смягчения конечных задненебных основы перед безударными окончаниями (перед ударными окончаниями Д.–М., Счетн. и перед безударными окончаниями Д.–М. переходное смягчение задненебных в полесских говорах факультативно):

Счетн. *стен'і́е, х́ат'і, руц'і́е, грúшк'і, земл'і, в'ішн'і*.

Так же счетная форма образуется в говорах с «украинской литературной» системой (с поправкой на фонетические переходы, свойственные последней; см. 4.1.1).

3. «*Моновариантные*» системы а-склонения (с единым для всех типов основ набором окончаний Р., Д., М.) образуются путем обобщения твердой или мягкой разновидностей склонения. Сочетание этого принципа с аналогическим преобразованием по модели *i*-склонения приводит на русском северо-западе к образованию синкретических систем с единым для трех падежей и всех типов основ окончанием.

Преобразования системы а-склонения, приводящие к утрате разновидностей склонения, характерны для севернорусских и близких им среднерусских говоров, а также, по-видимому, для восточнобелорусских говоров. Утрата старых разновидностей склонения наблюдается также в средне- и южнорусских говорах «к западу» и «к востоку от Москвы», а также во многих юго-восточных говорах, однако в них развивается вторично безударная разновидность склонения и добавочные падежи.

3.1.1. «Русская литературная» система. Следствием обобщения твердой разновидности склонения (Р. *ženu, Д.–М. *ženě) является система русского литературного языка:

Р. *жены́, земли́*, Д.–М. *жене́, земле́*.

Дальше мы называем такую систему русской литературной, имея в виду только ее устройство, а вовсе не ее проникновение в говоры под влиянием русского литературного языка.

Эта система широко распространена на восточнославянской территории: в чистом виде она встречается в говорах к северу и востоку от Москвы, во многих говорах к западу от Москвы (в полосе, разделяющей «юго-западные» и «севернокривичские» системы а-склонения), а также, по-видимому, в говорах восточной Белоруссии, южная оконечность которых доходит до междуречья Припяти и Днепра и черниговского Полесья [Назарова 1985, карты 48 и 49].

Однако на территории восточной Белоруссии эта система устанавливается по косвенным данным: в ДАБМ имеются карты, посвященные флексиям Д. и М. у *a*-основ на парные твердые (карта 67), задненебные (карты 65, 66) и отвердевшие шипящие (карта 68), а последние, по свидетельству [Нарысы 1978: 160–163], ведут себя в белорусских говорах подобно основам на мягкие. Окончания Р. в ДАБМ не картографируются. Согласно [Нарысы 1978], наиболее распространено окончание Р. *-ы* (твердые основы) / *-и* (мягкие основы), но в некоторых говорах встречается окончание Р. *-е*, чаще всего в мягкой разновидности склонения (о территориальном распространении этого окончания не говорится); в твердом типе *a*-склонения такое окончание встретилось в немногих северо-восточных говорах (приводятся примеры только безударных окончаний).

Наличие в говорах восточной Белоруссии системы *a*-склонения типа русской литературной убедительно подтверждается данными АУМ 1 и 2, атласа Т. В. Назаровой и ДАРЯ, которые показывают фрагменты белорусской территории и смежные с ней области. Неясно все же, имеют ли восточнобелорусские говоры в северной своей части особую «твердую безударную» разновидность склонения; в их южной части, картографированной в атласе Т. В. Назаровой (см. также [Расторгуев 1927] о «северско-белорусском» говоре), безударные окончания Р., Д., М. являются фонетическими вариантами ударных.

«Русская литературная» система отмечается в украинских лемковских говорах на территории Словакии (АУМ 2, карта 172).

Многие восточные средне- и южнорусские системы *a*-склонения, о которых речь ниже, могут быть описаны как результат наложения на русскую литературную систему системы добавочных падежей и/или безударных разновидностей склонения. Как система добавочных падежей, так и безударная разновидность обычно выражены факультативно, т. е. в определенных клетках парадигмы *a*-склонения варьируются «русские литературные» и «ятевые» падежные показатели.

3.1.2. «Обратные» системы *a*-склонения представляют собой результат обобщения исконной мягкой разновидности склонения (Р. *zemlě, Д.–М. *zemli). В чистом виде они чрезвычайно редки и встречаются в нескольких южноповских говорах по течению р. Великой и нескольких верхневолжских и селигерских говорах Тверской области:

Р. *женé*, *землé*, Д.–М. *женí*, *землí*.

Обратные системы рассматриваются ниже в разделе «Северо-западные системы *a*-склонения» (см. 5.1).

3.2. Моновариантными являются некоторые системы с единым показателем Р.-Д.-М. (синкретические), распространенные на русском северо-западе и в Полесье.

3.2.1. «Ятевая» система:

Р.-Д.-М. *сестрэ, берёзе, землё, рукé.*

В чистом виде она практически не встречается в современных говорах (среди редчайших исключений — говоры дд. *Лукино* [Зап. 8] и *Козодои* [Зап. 50] Великолукской обл.*, а также отдельные говоры южного наречия).

Ятевая и «стандартная древнерусская» — системы а-склонения, зафиксированные в восточнославянских памятниках с XI в. Как известно, система Р., Д., М., И.-В. дв. и мн. *женѣ, землѣ* была свойственна древненовгородскому диалекту: она безраздельно господствует в берестяных грамотах XI–XII вв. и лишь с XIII в. в них начинает увеличиваться число новых окончаний Р. *-ы/-и* [Зализняк 1995: 80–81].

Образование древненовгородской системы должно относиться к поздненепраславянскому периоду; это обстоятельство, по мнению А. А. Зализняка, заставляет предполагать столь же, а возможно, и более раннее появление моновариантных систем типа русской литературной, а также синкретической древнепсковской системы, поскольку древненовгородская соединяет в себе инновационные тенденции, заложенные в обеих названных системах. Моновариантные (несинкретические) системы, по предположению А. А. Зализняка, могли быть свойственны древним диалектам, локализованным к востоку от кривичского и имевшим контакты с последним, — возможно, диалектам ильменских словен [Зализняк 1993: 212–216].

В современных русских говорах западной зоны и южного наречия широко представлены скрещенные системы а-склонения, где ятевая система вычленяется в качестве одной из составляющих. Но, по-видимому, лишь в говорах севернокривичского ареала ятевая система исконна. Так, в северо-западных русских говорах встречаются скрещенные системы: ятевая с обратной и ятевая с новгородской (см. раздел «Северо-западные системы а-склонения», см. 5.1). По-видимому, первые отражают влияние ятевых систем на обратные, а вторые — сравнительно недавний процесс вытеснения ятевых систем новгородскими (в отдельных говорах, дольше других сохранявших ятевую систему).

* Названия областей и районов приводятся по материалам ДАРЯ, т. е. в соответствии с административным делением, существовавшим во время обследования говоров.

3.2.2. «Новгородская» система *a*-склонения:

Р.-Д.-М. *женьі, берёзы, руки, земли*, —

восходящая к древненовгородской системе, является самой распространенной системой в северо-западных русских говорах, неуклонно вытесняющей другие северо-западные системы. Ее современное распространение в целом совпадает с территорией Новгородской Земли и ее северо-восточных колоний.

3.2.3. «Синкретическая полесская» система характеризуется омонимией флексий Р., Д., М. и совпадением твердой и мягкой разновидностей *a*-склонения. Встречается в двух фонетических вариантах, отличающихся друг от друга твердостью-мягкостью всех или части согласных перед рефлексами *i (на территории украинского Полесья мягкость сохраняется только у *л*):

северо-западный: Р.-Д.-М. *стені, земл'і*;

юго-восточный: Р.-Д.-М. *стені, землі*.

Данная система встречается в говорах, которым свойствен переход *ě > *i. Северо-западный вариант представлен в говорах Брестской обл. севернее Каменца, прилегающей к ним узкой полоске белостокских говоров и некоторых говорах междуречья Горыни и Случи (говоры с сохранением мягкости согласных перед рефлексами *i). Северо-западные пункты с этой системой определяются по [Климчук 1983: 99], [Атлас Белосточкины, карта 1]) и ДАБМ (карты 65, 66, 67). Юго-восточный вариант встречается в говорах по течению Случи и в среднем течении Горыни, в которых рефлексы *ě, *i и *y совпадают в [и] (АУМ 2, карты 172, 87). В тех же местах отмечаются и говоры с системами *a*-склонения «северо-западного» вида, однако в них мягкость конечного согласного основы в Р.-Д.-М. *земл'і* — аналогического происхождения (ср. 2.2).

Синкретическая полесская система флексий Р.-Д.-М., в отличие от внешне совпадающей с ней новгородской системы, должна рассматриваться как результат прямого фонетического развития архаической системы *a*-склонения либо украинской (едва ли «белорусской литературной»), учитывая территорию распространения синкретической полесской системы и специфические украинские черты, свойственные говорам с этой системой склонения: совпадение рефлексов *y и *i, характер рефлексов *o и *e в новозакрытых слогах).

В западной части полесских говоров, знающих переход *ě > *i, представлена «украинская литературная» система Р., Д., М. *a-склонения (см. 4.1.1). Примеры: в корнях — [сіно], [білий], во флексиях — Р. [сестрі],

ба́би, земл'і], Д.–М. [сестр'і, ба́б'і, земл'і]. Очевидно, здесь имеется уже рассмотренное выше отклонение от правил рефлексии конечного *ě; но можно также усматривать здесь влияние соседних неполесских говоров с «украинской литературной» системой а-склонения.

4. Системы, различающие твердую и мягкую разновидности а-склонения, с падежным синкретизмом в мягкой разновидности. На восточнославянской территории имеются говоры с окончанием Р.–Д.–М. мягкой разновидности *-ě и *-i, а также говоры, где эти окончания варьируют. В этих говорах мягкая разновидность а-склонения складывается в результате взаимного влияния *ja- и *-i-склонения. Образование синкретических систем мягкого а-склонения, очевидно, относится к очень раннему периоду, учитывая достаточно раннюю письменную фиксацию их и характер их современных ареалов.

4.1. Окончание Р.–Д.–М. мягкой разновидности *-ě встречается в украинских (в частности, украинско-полесских) говорах и близких им географически юговосточнорусских, а также в ряде говоров тех территорий, которые некогда были заселены племенем кривичей: это говоры севернокривичского ареала (область расселения псковских и торопецких кривичей) и отдельные говоры Смоленской, Калужской и Московской обл. (область смоленских кривичей по данным археологии).

4.1.1. «Украинские» системы а-склонения восходят к следующей системе:

Р. *-у/*-ě, Д.–М. *-ě/*-ě.

Украинским системам свойственно окончание Р., Д., М. *-ě не только в мягком а-, но и в i-склонении. Различия между украинскими системами обусловлены различиями в рефлексии *ě и наличием-отсутствием безударной разновидности склонения.

«Украинская литературная» система а-склонения (*ě > [i]):

Р. стіні́, земл'і, Д.–М. стін'і́, земл'і́—

представлена в большей части украинских говоров, за исключением рассмотренного выше галицкого ареала архаических систем и небольшого числа полесских говоров с архаическими или синкретическими системами. Она имеется также в большей части западнополесских и брестско-пинских говоров.

«Полесско-украинская» система а-склонения (под ударением *ě > [je] или другие е-образные звуки) имеет безударную разновидность а-склонения, в принципе возводимую к ударной (см. 2.2 о проис-

хождении безударных флексий в полесских говорах). Однако различие безударных рефлексов *ě на конце слова и в остальных позициях, с одной стороны, и невозможность проверки того, носит ли переход *ě > *i* на конце слова без ударения строго фонетический характер, — с другой, — заставляют выделять в полесских говорах особую безударную разновидность склонения:

Р. *стені́, хати́, земл'і́е, во́л'і́;*

Д.–М. *стен'і́е, хат'і́, земл'і́е, во́л'і́.*

Возникновение украинских систем относят к древнерусскому периоду, а преобладание флексии *-ѣ* над исконной *-и* в Д.–М. мягкой разновидности *a*-склонения наблюдается в памятниках южного происхождения с XIII в. [Шахматов, Крымский 1911: 74].

4.1.2. Общее с украинскими системами устройство имеют системы юго-восточных русских говоров, образующие кружевной ареал на востоке Липецкой, Воронежской и в Тамбовской обл. По-видимому, этот ареал имеет продолжение в донских говорах (за пределами территории, картографированной в ДАРЯ). Этим системам свойственны следующие признаки: твердая ударная разновидность, кроме Р. с предлогом *у*, имеет исконные флексии; твердая безударная разновидность склонения имеет флексию Р.–Д.–М. *-е* (крайне редко по говорам отмечается в Р. также *-ы*); Р. с предлогом *у* во всех разновидностях склонения имеет окончание *-е*. В мягкой разновидности в Д.–М. представлено окончание *-е*, а в Р. в одних говорах варьируют *-е* и *-и*, а в других такое варьирование отмечается только в Р. с предлогами, тогда как Р. без предлогов выражается только флексией *-и*:

(1) Р. с предлогом *у*, Д.–М.: *стенé, рукé, ба́бе, земле́;*

Р. (прочие контексты): *стены́, руки́, ба́бе, землэ́ (землі́).*

(2) Р. с предлогом *у*, Д.–М.: *стенé, рукé, ба́бе, землэ́;*

Р. с другими предлогами: *стены́, руки́, ба́бе, землэ́/землі́;*

Р. без предлогов: *стены́, руки́, ба́бе, землі́.*

Флексией Р., Д., М. существительных *i*-склонения в этих, как и в украинских, системах является *-е*, восходящая к **-ě*: *из ур'аз'и, на ур'аз'э, в ур'аз'э.*

4.1.3. «Ятевые» окончания Р.–Д.–М. мягкой и задненебной разновидностей *a*-склонения встречаются в западнорусских говорах тех территорий, которые связываются с расселением псковских, торопецких и смоленских кривичей. Ниже они рассмотрены в разделах 5.2 и 5.1. Генетиче-

ская связь смоленских и севернокривичских систем несомненна, а специфическое родство тех и других с украинскими и юговосточнорусскими крайне сомнительно.

«Ятевая» мягкая разновидность склонения в говорах упомянутых территорий сочетается с самыми разнообразными системами твердой разновидности: от синкретической и обратной систем до русской литературной или «юго-западной» системы, противопоставляющей Д. и Предл. местному падежу.

4.2. Системы с окончанием Р.–Д.–М. **-i* в мягкой разновидности а-склонения образуют на восточнославянской территории компактный ареал: центральные и западные говоры Белоруссии, говоры Могилевской обл., ряд говоров севернокривичского ареала и юго-западные говоры русского языка. Этот ареал имеет продолжение на территории Польши; системы а-склонения польского и белорусского литературных языков одинаковы. На территории русского языка системы твердой разновидности склонения в говорах с рассматриваемой мягкой разновидностью различаются довольно сильно.

4.2.1. «Белорусская литературная» система а-склонения:

Р. *сцяні́, ба́бы, рукі́, зямлі́*, Д.–М. *сцяне́, ба́бі, руцэ́, зямлі́* — образует сплошной ареал в центральной и западной Белоруссии, юго-восточная оконечность которого достигает междуречья Припяти и Днепра. На карте-схеме не показано сосуществование «русской литературной» и «белорусской литературной» систем окончаний Р.–Д.–М. а-склонения, отмечаемое вдоль границы их ареалов (его можно видеть на соответствующих картах ДАБМ): «чисто белорусские» системы и говоры с сосуществованием «белорусской» и «русской» систем я отделяю на карте от «чисто русских» систем.

Островки белорусской системы а-склонения через территорию восточной Белоруссии (преимущественно Могилевскую обл.) доходят до Смоленской области, а отдельные говоры — до Ржева и Старицы. Белорусская система с безударной твердой «ятевой» разновидностью:

Р. *стені́, берёзе́, рукі́, землі́*, Д.–М. *стене́, берёзе́, рукэ́, землі́* — встречается в западных говорах русского языка еще шире, доходя до Тулы и Серпухова, где системы белорусского типа перемежаются с системами юго-западного и южного типов.

4.2.2. Южнорусским системам с окончанием Р.–Д.–М. **-i* мягкой разновидности склонения ниже посвящен специальный раздел.

4.2.3. Синкретические системы с окончанием мягкой разновидности склонения *-i.

А. А. Зализняк обнаружил в псковских памятниках XIII–XVI вв. несколько разновидностей псковских систем *a*-склонения. Старейшей из них является *древнепсковская система*, зафиксированная псковскими грамотами XIII–XV вв.: Р.–Д.–М. *женѣ, земли*. Ее более поздние по времени фиксации разновидности представлены в Псковской судной грамоте: Р. *жены (женѣ), земли, Д.–М. женѣ, земли* — и в поздних списках с грамот XIV–XV вв.: Р. *жены (женѣ), земли, Д.–М. женѣ (жены), земли* [Зализняк 1993: 214–215].

В современных говорах такие системы неизвестны (точнее, можно указать два-три говора в районе Опочки, системы *a*-склонения которых напоминают третью разновидность, но материал по этим говорам очень мал). Современные синкретические системы, которые можно было бы возводить к перечисленным псковским, рассмотрены ниже («Северо-западные системы», 5.1), см. также [Абраменко 2000: 10–12].

Современные системы севернокривичского ареала, в которых различаются разновидности склонения, а у основ на парные мягкие (и задне-небные) представлено окончание Р.–Д.–М. *-и*, рассмотрены ниже в разделе «Северо-западные системы *a*-склонения» (см. 5.1).

5. Среднерусские и южнорусские системы *a*-склонения.

Системам *a*-склонения акающих русских говоров свойствен ряд общих инноваций, каждая из которых представлена далеко не во всех говорах рассматриваемой территории. Этими инновациями являются: окончание *-е* Р. с предлогами (*от сестре, без войне, для жене*; во всех разновидностях склонения или только в некоторых), окончание *-е* Р. с предлогом *у* (*у сестре, но до сестры*), окончание *-е* в Р.–Д.–М. безударной твердой разновидности склонения (*от [нет, к, на] берёзе*). Окончание *-е* во всех названных формах обычно варьирует с *-ы*.

Изоглосса форм типа *у сестре* проходит значительно севернее изоглосс других двух явлений (см. ДАРЯ II, карта 1). Эти последние в восточных говорах образуют пучок.

Безударные разновидности склонения. В акающих русских говорах имеются следующие типы безударной разновидности *a*-склонения.

1) В южно- и среднерусских говорах широко представлена синкретическая безударная твердая разновидность *a*-склонения с окончаниями Р.–Д.–М. **-ѣ* (*/*-у*):

Р.–Д.–М. *берёзе/берёзы*.

Рефлексы этих окончаний, как правило, свободно варьируют или одно из них преобладает; господство «ятевого» окончания наблюдается в материалах по юго-восточному тому ДАРЯ. На карте границы распространения данной разновидности склонения в русских говорах показаны огрубленно.

Синкретическая безударная твердая разновидность склонения является важной особенностью говоров севернокривичского ареала. Здесь эта разновидность отличается от ударной твердой и от мягкой разновидностей склонения и сочетается в говорах с любыми типами ударной твердой разновидности.

В материалах по западному и юго-западному томам ДАРЯ синкретическая безударная твердая разновидность а-склонения представлена, за немногими исключениями, в тех говорах, где во всех синтаксических контекстах, характерных для рус. лит. Р., кроме контекстов с предлогом у, выступают формы с окончанием *-ы/-и* (иначе говоря, нет особого падежа Р. с предлогами типа *от жене*). На этой территории безударная твердая разновидность а-склонения сочетается с ударными системами типа русской литературной, белорусской литературной и юго-западной системой, в которой Р. противопоставлен Д.–Предл. и М. падежам. В материалах по восточному тому ДАРЯ границы ареалов синкретической безударной твердой разновидности и Р. с предлогами на *-е* почти совпадают; но если первый — более или менее сплошной, то второй, по крайней мере в своей северо-восточной части, представляет собой яркий пример кружевного ареала.

2) В севернокривичском ареале встречаются говоры, в которых при синкретизме Р.–Д.–М. твердой ударной, мягкой и заднебной разновидностей склонения наблюдается «обратный» принцип устройства твердой безударной разновидности. Эти системы можно рассматривать как результат перестройки моновариантных обратных систем под влиянием географически близких синкретических систем а-склонения.

3) Как результат утраты особого Р. с предлогами в ударной разновидности склонения при сохранении его в безударной можно рассматривать системы отдельных говоров, расположенных вблизи границы русской литературной и южнорусской системы с «предложным родительным»:

Р. с предлогами *сестры́, берёзе/берёзы, земли́, руки́*;

Р. без предлогов *сестры́, берёзы, земли́, руки́*;

Д.–М. *сестре́, берёзе, земле́, руке́*.

Для понимания происхождения таких систем интересен следующий факт. Рассматриваемая система представлена в записанном мною в 1992 и 2000 гг. говоре д. Пустоша Шатурского р-на Московской обл.; однако по материалам ДАРЯ, собранным в 50-е гг., в этом говоре «предложный родительный» с окончанием *-e* имеется как в безударной, так и в ударной разновидностях склонения.

4) Особая безударная мягкая разновидность *a*-склонения отмечена к югу от Ржева, между истоков Днепра и Москвы-реки (см. 5.2).

5) Безударная задненебная разновидность *a*-склонения, отличная от задненебной ударной, отмечена Л. Н. Булатовой и С. В. Бромлей в говоре с. Огорь Жиздринского р-на Калужской обл. [Бромлей, Булатова 1972: 362] (см. 5.3.1).

5.1. Северо-западные системы *a*-склонения.

На северо-западе русской территории виден обширный северный ареал, где господствует синкретическая новгородская система *a*-склонения, и южный, называемый севернокривичским. Для последнего характерна мозаичность расположения систем *a*-склонения нескольких типов (на карте эти типы сведены к двум). Севернокривичский ареал на российской территории приблизительно очерчивается линией Новоржев — Холм — Осташков — Торжок — Белый — Велиж — Невель, идущей далее вдоль белорусской границы и поворачивающей на восток на широте Опочки; на территории Белоруссии в этот ареал включается несколько населенных пунктов на севере и северо-востоке Витебской обл.

Системы a-склонения в севернокривичском ареале. Центральное место в севернокривичском ареале занимают обратные системы склонения. По его краям, а также внутри подковообразного выгиба основной изоглоссы обратных систем (Новоржев — Великие Луки — Торопец — Осташков — Холм) располагаются синкретические системы с противопоставлением нескольких разновидностей склонения. Два знака на карте в пределах севернокривичского ареала соответствуют этим двум типам систем.

5.1.1. Обратные системы, появляющиеся в результате обобщения исконной мягкой разновидности склонения, в чистом виде весьма редки. Обычно в говорах «обратный» принцип устройства системы *a*-склонения сосуществует с принципом неразличения Р.-Д.-М., реализующимся в одной или нескольких разновидностях склонения.

Говоры с обратными системами (чистыми и скрещенными) расположены в верхнем и среднем течении р. Великой, верхнем течении Ловати

и Западной Двины, Верхневолжье и междуречье Волги и Тверцы. С этими территориями связаны древнейшие археологические памятники кривичей, точнее, их северной ветви [Седов 1975: 250, рис. 2]. В современных диалектах данной области и прилегающих к ней территорий отмечаются архаизмы, которые возводятся к племенному диалекту северных кривичей [Николаев 1988; 1989; Зализняк 1995: 36–46, 134–135]. Это позволяет предполагать, что обратная система а-склонения первоначально была присуща племенному диалекту северных (псковских и торопецких) кривичей.

По-видимому, уже в древнерусский период обратные системы а-склонения, находясь на периферии новгородских и псковских земель, представляли собой непрестижный диалектизм, чем объясняется тот факт, что они практически не зафиксированы в письменных памятниках. Постепенно обратные системы вытеснялись системами с синкретизмом Р.–Д.–М., характерными для древненовгородского и древнепсковского диалектов [Зализняк 1993: 212–216; 1995: 80–81]. Этот процесс продолжается и сегодня, причем обратные системы испытывают давление уже со стороны самой мощной из современных синкретических систем — «новгородской».

Насколько мне известно, в современных говорах обратные системы не встречаются к северу от севернокривичского ареала, но есть определенные указания на то, что еще в XIX веке они существовали на территории бывших новгородских колоний: в Олонецкой и Архангельской губ. [Обнорский 1927: 89–98]. Обратные системы зафиксированы также в юго-западных говорах русского языка.

Разновидности обратных систем, встречающиеся в материалах ДАРЯ, многообразны. Те из них, которые сохраняют свойственный чистым обратным системам принцип неразличения разновидностей а-склонения, как и чистые обратные системы, немногочисленны.

(1) Как примеры наиболее «чистых» обратных систем (сохраняющих «обратный» принцип у наибольшего числа типов основ) можно привести следующие системы из разных концов севернокривичского ареала.

Трубникі Ильинского р-на Великолукской обл. (Зап. 106, «торопецкий регион»). Обратная система представлена здесь после основ на парные твердые согласные (кроме баритонированных основ на губные, где система окончаний синкретическая: Р.–Д.–М. *бабе*) и задненебные. Материала по мягким основам нет:

Р. тверд. ударн. *у с'астр'э*, (*майёй с'астр'э д'ёт'и*), *мноуъ на́да трав'ё*, безударн. *с'ызб'и*, *з рабо́т'и*, *з н'ів'и*, *кыл Таро́н'и*, *ат уса́д'б'ь*, задне-

небн. у *сах'э*, с *р'ик'э*; Счетн. тверд. ударн. *д'в'э у́лав'э*, *тр'и́ быраз'з'э*, *д'в'э с'астр'э*; Д.–М. тверд. ударн. *пы быразды́*, *пы уары́*, к *в'асны́*, *ны жары́*, у *Масквы́*, (*ўр'энна у́лав'э*), безударн. к *каро́в'и*, к *ры́б'и*, на *мо́ды*, *ны хварт'эры*, у *ха́ты*, у *Адэсы́*, задненебн. к *р'ик'и́*, *пы р'ик'и́*, мягк. у *душы́*.

Ср. обратную систему говора д. *Концебо́рье* (неподалеку от д. Ильино, совр. Западнодвинский р-н Тверской обл.) с синкретизмом Р.–Д.–М. у основ на мягкие и задненебные [Абраменко 2000: 12–13].

Во́лково Кудеверского р-на Великолукской обл. (Зап. 34, «опочецкий регион»):

Р. тверд. ударн. у *жан'э*, у *с'астр'э*, у *тэй изб'э*, *н'эт с'астр'э*, безударн. *дл'а каро́в'ь*, у *бал'шэй каро́в'ь*, задненебн. *ат р'ак'э*, *н'ав'эстк'ь*, мягк. *дл'а свин'йэ*; Счетн. тверд. ударн. *г'лавы́*, безударн. *каро́в'ь*, задненебн. *рук'и́*; Д.–М. тверд. ударн. к *казы́*, к *с'астры́*, *н'ь вады́*, к *тэй избы́*, безударн. к *каровы́*, *г ба́б'и*, на *бал'шэй каро́вы*, мягк. к *с'ам'ий*.

(2) «Обратный» принцип накладывается на системы с единым показателем Р.–Д.–М. твердой разновидности склонения. В западной и центральной частях ареала этим показателем, как правило, является *-е*, а в восточной части *-ы*:

- зап. Р. *сестрэ́*, *берёзе*, *землё*, *рукэ́*,
 Д.–М. *сестры́/сестрэ́*, *берёзы́/берёзе*, *руки́/рукэ́*, *земли́/землё*;
 вост. Р. *сестрэ́/сестры́*, *берёзе́/берёзы*, *рукэ́/руки́*, *землё́/земли́*;
 Д.–М. *сестры́*, *берёзы*, *руки́*, *земли́*.

Примерами западной разновидности могут быть системы говоров д. *Черноярво* Опочецкого р-на Псковской обл. (Зап. 29, см. материал в [Тер-Аванесова 1998: 186]) и менее чистая система говора д. *Красное* Пёновского р-на Великолукской обл. (Зап. 112). В говоре Красного синкретическая «ятевая» система не только накладывается на обратную в твердой ударной разновидности склонения, но и господствует в синкретической твердой безударной и исключительно представлена у основ на мягкие и задненебные:

Р. тверд. ударн. с *вайн'э*, с *Маскв'э*, с *с'эв'ирнай старан'э*, с *ызб'э*, *мно́гь трав'э*, *трав'э н'е дава́л*, *пам'эн'иш избэ́*, *мно́га шпан'э*, *баран'э н'эту́*, безударн. с *рабо́т'и*, *ат с'и́л'и два́ разá*, у *Кул'и́н'и*, *ат луч'и́н'и*, *ат паро́д'и*, *дай каро́в'и*, *бал'шэй фо́рм'и*, *ра́знай паро́д'и*, *мно́га св'о́кл'и*, *кул'ту́р'и н'э́т*, *мо́д'и н'э́ была*, задненебн. *мно́га мук'э́*, мягк. у *св'ин'н'э́*, *св'ин'н'э́*; Счетн. тверд. ударн. *дв'э прайм'э́*, *ч'аты́р'и ст'ан'э́*, безударн. *дв'э па́р'и*; Д.–М. тверд. ударн. *на изб'э́*, к *ст'ан'э́*, на *изб'э́*, на *гар'э́*, в *Маск-*

в'э, на вад'ы, у изб'ы, к васн'ы, безударн. на н'ив'и, на сп'ин'и, на кват'эры, заднебн. к снах'э, мягк. св'ин'н'э.

Восточная разновидность представлена в говоре д. *Тáложня* Новоторжского р-на Калининской обл. (БСТ 583). В этом говоре твердая безударная разновидность склонения отличается от твердой ударной и мягкой чисто «обратным» принципом устройства; материал по основам на заднебный недостаточен:

Р. *сестр'э/сестр'ы, бер'эзе, рук'э, земл'э/земл'и;*

Счетн. *сестр'ы, бер'эзе, рук'э;*

Д.–М. *сестр'ы, бер'эзы, земл'и*

(материал см. в [Тер-Аванесова 1998: 186]).

Близкую систему имеет говор д. *Поляк'и* Октябрьского р-на Великолукской обл. (Зап. 105). В этом говоре в твердой ударной и мягкой разновидностях обратная система сочетается с синкретической (на *-ы/-и*), а заднебная и твердая безударная разновидности являются синкретическими (на *-е*):

Р. тверд. ударн. *б'ис труб'э, ат кас'э, с Маскв'э, н'эт афц'э, вад'ы, капн'ы, с Маскв'ы, п'ос'л'и вайн'ы, безударн. ат м'ак'ин'и, б'эс кар'ов'и, с раб'от'и, с ус'ад'б'и, баб'и, сал'ом'и, с м'эста раб'от'и, б'эс кар'овы, ат р'аз'ины, к'ля ро'ишы, заднебн. с р'ак'э, н'ет р'ак'э, мягк. б'из радн'э, скол'ка з'амл'э; Счетн. тверд. ударн. с'астр'ы, пчал'э, безударн. кар'ов'и, мягк. душ'э; Д.–М. тверд. ударн. н'ь с'т'ан'ы, в ызб'ы, н'ь цан'ы, н'ь Дв'ин'ы, у той изб'ы, у жар'ы, н'ь казы, н'ь жан'ы, безударн. б'ыла в ах'оты, у х'аты, в бр'и у'ады, у Тар'оны, н'ь ус'ад'бы, н'ь ус'ад'бы, на в'эр'б'и, к н'ав'эс'т'и, заднебн. н'ь с'т'ау'э, мягк. з'амл'и, в з'амл'э.*

(3) «Обратный» принцип проявляется в ряде говоров в количественном преобладании флексии *-е* в Р., а флексии *-ы/-и* — в Д.–М., при том, что во всех трех падежах представлены обе флексии (ср. говоры дд. *Шемен'ец* [Зап. 45] и *Нестерово* [Зап. 79], цит. в [Тер-Аванесова 2000: 72]). Скопление говоров с такими системами наблюдается по реке Великой и южнее Жижицких озер. Здесь эти говоры находятся в непосредственном соседстве с такими, где обе флексии варьируются во всех трех падежах по крайней мере в твердой разновидности склонения, а в мягкой и заднебной по говорам в Р.–Д.–М. представлено либо такое же варьирование, либо окончание *-е* (ср. 5.1.2.1).

(4) Встречаются и более редкие разновидности систем а-склонения с «обратным» принципом устройства.

Преимущественно в северной части рассматриваемого ареала встречаются говоры, в которых «обратный» принцип устройства сохраняется

лишь в твердой безударной разновидности склонения, а в твердой ударной побеждает синкретизм Р.–Д.–М. Часто в этих говорах синкретическая система присутствует и в безударной разновидности склонения у основ на губные. Мягкая и задненебная разновидности склонения по говорам имеют различное устройство.

Примером может быть система говора д. *Атрéново* Локнянского р-на Великолульской обл. (Зап. 62, см. материал в [Тер-Аванесова 1998]):

Р. *жены́, неvéсты/невéсте, землэ́/земли́;*

Д.–М. *жены́* (единич. *женé*), *невéсты, рукé/рукы́, землэ́.*

Подобная система, но с окончанием *-е* в Р.–Д.–М. у основ на мягкий и задненебный, представлена в говоре д. *Лото́ково* Плоскошского р-на Великолульской обл. (Зап. 61):

Р. тверд. ударн. *ат* (у) *с'астры́, н'эт с'астры́, у (н'эт) жаны́*, безударн. *ба́бы, дл'а каро́в'и, по́сл'и рабо́т'и*, задненебн. *с мук'э́, кыл р'ак'э́*, мягк. *б'из' з'амл'э́, б'из радн'э́, дл'а с'амйэ́*; Счетн. тверд. ударн. *капны́, гълавы́*, задненебн. *рук'ы́*; Д.–М. тверд. ударн. *к капны́, к гразы́, нь травы́, в ызбы́, нь вайны́, нь жары́, нь стъраны́*, безударн. *к мамы́, в п'ахоты́, в рожы́, нь машы́ны, ф карз'ыны*, мягк. *св'ин'йэ́.*

(5) Ниже приводятся примеры говоров, в которых обратная система присутствует в твердой (ударной или безударной) разновидностях склонения при синкретизме падежей в задненебной (окончание *-е*) и мягкой (окончание *-и*) разновидностях.

Система этого типа имеется в говоре д. *Холм* Октябрьского р-на Великолульской обл. (Зап. 124). «Ятевое» окончание в этом говоре представлено, помимо синкретической задненебной разновидности, в Р. с предлогами ударной разновидности склонения (два стоящих особняком примера). Безударная твердая разновидность склонения в этом говоре распадается на синкретический тип, представленный у основ на губные, и «склонный к обратному» — у основ на зубные согласные (ср. выводы О. А. Абраменко о системе близких говоров Гниловки и Подберезья Селижаровского р-на Тверской обл. [Абраменко 2000]):

Р. с предлогами, тверд. ударн. *с Маскв'э́, дъ Маскв'э́, прот'иу́ избы́, по́сл'и вайны́, у с'астры́, ад жаны́, дъ Дв'инны́, ат Масквы́*, безударн. *ат машы́н'и, б'ьс каро́в'и, с работы́, с ры́бы, ста́р'ий Х'о́хлы*, задненебн. *с р'ик'э́, ат р'еч'к'и, у стару́х'е, у стару́хе*, мягк. *в анно́й с'ам'ий*; Р. без предлогов, тверд. ударн. *избы́, састры́*, безударн. *н'эт св'о́кл'и, каро́в'и, расса́ды, уса́д'бы, сало́мы*, задненебн. *б'эльй мук'э́, н'эт мук'э́, р'ак'э́*; Счетн. *д'в'э́ с'астры́, каро́в'и, то́нны, р'ак'э́, л'ах'э́*; Д.–М. тверд. ударн. у

избы́, нь вайны́, нь ур'ады́, в Запѣннѣй Дв'іны, нь избы́, к йайѣ избы́, нь канвы́, нь траввы́, з з'имы́, нь сп'ины́, у траввы́, нь у́лавы́, к с'астры́, у Дв'іны́, па цьл'ины́, безударн. нь каро́в'и, вр'ѣннѣ ры́б'и, у це́рквы, к н'а-в'ѣсты, адда́м скат'іны, на машы́ны, у бр'у́ады, нь хват'ѣры, ударн. задненебн. к р'ак'ѣ, нь р'ак'ѣ, ударн. мягк. в анно́й с'амйі́, нь з'амл'і́.

Обратная система в твердой безударной разновидности а-склонения при синкретических твердой ударной (-ы), задненебной (-е) и мягкой (-и) представлена в говоре д. *Богозино* Невельского р-на Великолуцкой обл. (Зап. 286):

Р. тверд. ударн.: дѣ вайны́, с ыржы́, дл'ь пл'иты́, з гары́, у пл'иты́, т'и жаны́ таб'ѣ жалкѣ ал' касы́, вады́ даво́л'нь; безударн.: ры́б'и наб'йот', хат'и н'ѣт, с'іл'и н'ѣт, ста́ж рабо́т'и, пѣвар'у́ ры́б'и, н'ѣт каро́в'и; задненебн.: с' к'ильгра́м мук'ѣ, у дачк'ѣ, мук'ѣ мно́гъ; мягк.: кѣль з'амл'і́; Д.–М. тверд. ударн.: нь вайны́, у вады́, на те́й гары́, в Масквы́, к с'астры́, нь скѣв'рады́, нь пл'иты́, нь с'т'аны́; безударн.: у хат'и, к те́й сто́ръны, у П'ѣнзы, у ры́бы, ув адно́й бр'игаты́, ув ѣтъй ко́мнѣты; мягк.: у з'амл'і́, у те́й с'ам'йі́.

Очень близка системам Богозина и Холма система говора д. *Липник* Пореченского р-на Великолуцкой обл. (Зап. 78):

Р. с предлогами, тверд. ударн. да вайн'ѣ, с (да, по́с'л'и) вайны́, с кары́, у жаны́, безударн. б'ес каро́в'и, у хат'ѣ, у йал'ѣн'ѣ; задненебн. с мук'ѣ, с мук'і́, у рак'ѣ; мягк. ат свайѣй симйі́; Р. без предлогов, тверд. ударн. вады́ пр'ин'ису́, майо́й жыны́, пѣлав'іна у́лавы́, безударн. сало́м'и, кап'ус'т'и, ры́бы мно́х, мно́х рабо́т'ѣ, скат'ін'ѣ; задненебн. п'ут мук'ѣ, пѣл'уда мук'і́; Счетн. по́л каро́в'и, д'в'ѣ машы́н'ѣ; Д.–М. тверд. ударн. к жаны́, на стараны́, на уары́, нь вайны́, нь у́лавы́, безударн. кварт'ѣры, к пауо́ды, на сл'ужбы; мягк. саапш'аѣт с'амйі́, нь з'амл'і́.

Обратная система твердой ударной разновидности склонения при прочих синкретических, подобных рассмотренным выше, имеется в говоре д. *Пружкі* Опочецкого р-на Великолуцкой обл. (Зап. 11).

Имеются и другие говоры с системами подобного устройства, но с варьированием окончаний -и и -е в Р.–Д.–М. мягкой разновидности склонения.

(6) На той же территории изредка в говорах сохраняется «обратный» принцип устройства мягкой и/или задненебной разновидностей склонения при синкретическом устройстве твердой ударной разновидности (устройство твердой безударной разновидности склонения варьирует по говорам). Приведем пример говора д. *Кузёмкино* Холмского р-на Вели-

колуцкой обл. (С.-Зап. 272), где обратная система просматривается в мягкой разновидности склонения:

Р. тверд. *в жены́, ф с'естры́, по́сл'е рабо́ты, дл'а каро́вы, н'ет с'естры́*; мягк.: *ат р'ек'е́, б'ез з'емл'е́, дл'а с'ем'је́, б'ез ранн'и́, ф снах'и́*, Счетн. тверд. *дв'е каро́вы*; заднебн. *дв'е снах'и́*; Д.-М. тверд.: *к с'естры́, г жены́, нъ вады́*; мягк. *г з'емл'и́, в ранн'и́, к с'ем'ји́*.

В говоре д. Козло́вка Торопецкого р-на Великолуцкой обл. (Зап. 93) «обратный» принцип сохраняется в заднебной разновидности склонения. (В этом говоре «Р. с предлогами» противопоставлен «Р. без предлогов», Д. и М.; часть контекстов Р. с предлогами все же объединяется с Р. беспредложным.)

Р. с предлогами тверд. *у с'астр'е́, у жан'е́; с Маскв'е́, с вайны́; дл'а каро́в'и, дл'а каро́вы, по́сл'ь вайн'е́, по́сл'ь рабо́ты*; мягк. *дл'а с'ам'је́, дл'а радн'е́*, Р. без предлогов и часть предложных контекстов Р., тверд. *ат ызбы́, ат вады́, ат с'т'аны́, н'а бо́л'ш' л'итры́, травы́ н'ет, с'и́лы ма́ла, п'ар'и́ны, вайны́ н'ь было́, мал'и́ны, вад'и́цы, муч'и́цы*; мягк. *б'ыз з'амл'е́*; заднебн. *ът р'ак'е́, мук'е́, кль р'ак'е́*; Д. тверд. *к н'ав'есты́, нъ анно́й стараны́, нъ с'п'ины́, каро́вы, Иры́, к Масквы́, к с'т'аны́, нъ вады́, к ма́мы, нъ каро́вы, нъ кварт'и́ры, г жаны́*; мягк. *г з'амл'е́, к с'ам'је́*; М. тверд. *в це́рквы, в па́хаты, в Масквы́, нъ р'аз'и́ны, в Варша́вы, нъ гары́, в ызбы́, в т'ур'мы́, на жо́пы, нъ м'ажы́, аб вайны́, в фаты́, на рабо́ты, в т'ьмнаты́, в гьлавы́, нъ ахо́ты, нъ вайны́, в гьлав'е́, в па́хът'ь*; заднебн. *в шалух'и́*.

Таким образом, в современных говорах севернокривичского ареала представлены обратные системы, в которых более или менее отчетливо прослеживается тенденция к унификации показателей Р., Д. и М. Эта тенденция неравномерно проявляется у основ с разными завершителями и в зависимости от ударности–безударности флексий, в результате чего на месте первоначально моновариантных обратных систем а-склонения развиваются системы нескольких разновидностей склонения, некоторые из которых с большей или меньшей последовательностью сохраняют обратный принцип устройства.

Очевидно, в западной части ареала (р. Великая, Жижицкие озера, р. Западная Двина) обратные системы перестраивались под влиянием синкретических древнепсковской (Р.-Д.-М. *женѣ, земли* [Зализняк 1989: 214]), а возможно, и «ятевой» древненовгородской системы (Р.-Д.-М. *женѣ, землѣ* [Зализняк 1989: 212]). Географическое положение этих систем заставляет в первую очередь предполагать именно древнепсковское влияние.

Восточный тип обратных систем (с преобладанием флексий *-ы/-и*), в том числе системы с обратным принципом устройства безударной разновидности склонения, по-видимому, является результатом влияния на обратные системы новгородской (Р.–Д.–М. *жены, земли*) и синкретических многовариантных систем севернокривичского ареала. Влияние новгородской системы в первую очередь можно усматривать в тех говорах, где устанавливается синкретизм в твердой ударной и мягкой разновидностях склонения с окончаниями Р.–Д.–М. *-ы/-и* (при *-е* в задненебной разновидности).

Говоры с обратными системами (хотя бы в одной разновидности склонения) демонстрируют синкретизм Р.–Д.–М. чаще всего в мягкой и задненебной разновидностях. Отмеченный мною синкретизм падежей в твердой безударной разновидности при повторной обработке материала (проведенной под влиянием данных, содержащихся в [Абраменко 2000]) в большом количестве говоров севернокривичского ареала оказался мнимым: синкретизм во многих говорах в действительности сводится к безударной разновидности а-склонения у основ на губные, тогда как у основ на зубные сохраняется обратная система склонения.

5.1.2. Синкретические системы в северо-западных русских говорах.

5.1.2.1. «Ятевая» система:

Р.–Д.–М. *сестрэ, берёзе, рукé, землé* —

чрезвычайно редкая в чистом виде, часто встречается в сочетании с другими системами. Выше [5.1.1.(2)] рассмотрены обратные системы, скрещенные с «ятевой», локализованные в западной части севернокривичского ареала (встречаются также к югу от Торопца около Жижицких озер и южнее оз. Пёно и Волго, например, *Красное* [Зап. 112]). В непосредственном соседстве со скрещенными «обратно-ятевыми» системами расположены:

(1) говоры со свободным варьированием (специально отметим: устанавливаемым по скудным материалам ДАРЯ) флексий *-{i}* и *-{e}* во всех трех падежах:

Р.–Д.–М. *сестрэ/сестры́, берёзе/берёзы, рукé/рукы́, землé/земли́,*

(2) говоры, в которых при варьировании указанных флексий во всех трех падежах статистически устанавливается «обратный» принцип устройства системы (флексия *-{i}* преобладает в Д.–М., а *-{e}* — в Р.), например, *Алë* (Зап. 46), *Шеменéц* (Зап. 45) [Тер-Аванесова 2000: 72], а также

(3) говоры с двухвариантными системами, в которых варьирование *-e* и *-ы* в Р.–Д.–М. твердой (ударной) разновидности сочетается с единым

для задненебной и мягкой (иногда и твердой безударной) разнovidностей склонения показателем Р.-Д.-М. -е:

Р.-Д.-М. *сестрэ/сестры́, берёзе (/берёзы), рукé, землё.*

Ср. системы дд. *Велье* и *Романово* Пушкиногорского р-на Псковской обл. [Абраменко 2000: 10–11], д. *Нёстерово* (Зап. 79) [Тер-Аванесова 2000: 72].

Таким образом, в севернокривичском ареале встречаются как чисто «ятевые» системы, так и скрещенные системы с «ятевой составляющей».

Основные скопления синкретических систем *a*-склонения с варьированием показателей Р.-Д.-М. -ы(-и) ~ -е за пределами севернокривичского ареала наблюдаются (1) в окрестностях Пскова и в гдовских говорах, (2) в отдельных говорах по южному берегу Ильменя и по течению Шелони и Ловати. Учитывая географическое положение этих систем, можно думать, что первые имеют в своей основе древнепсковскую синкретическую систему, а вторые восходят к древненовгородской.

5.1.2.2. «Новгородская» система *a*-склонения, как и ее источник — древненовгородская система, характеризуется совпадением флексий Р.-Д.-М. и моновариантностью:

Р.-Д.-М. *сестры́, берёзы, руки́, землі́.*

Эта система широко распространена в северо-западных, олонецких и поморских говорах. Ее современные ареалы во многом совпадают с территорией бывших новгородских и севернопсковских земель. Она известна в памятниках новгородского происхождения с XIV в. [Кузнецов 1949: 74].

В некоторых говорах северо-запада встречается новгородская система с отклонением к «русской литературной»:

Р.-Д.-М. *сестры́, берёзы, руки́, землі́,*

Д.-М. также *сестрэ, берёзе, рукé, землё.*

Учитывая территорию распространения смешанных систем, можно думать, что по крайней мере на востоке показанного на карте ареала новгородской системы они появляются под влиянием географически близких говоров с русской литературной системой *a*-склонения.

Переход от древненовгородской к новгородской системе, по-видимому, первоначально происходил в восточноновгородских говорах, которым был свойствен переход конечного *-ě в [и] (с последующим восстановлением твердого исхода основ в парадигме?). Далее эта система распространялась и на другие говоры в пределах Новгородской земли, ко-

торым не было свойственно изменение конечного *ѣ, в том числе и на говоры с обратными системами. Как показывают современные говоры, далеко не всегда это оканчивалось полным вытеснением исконных систем: значительное число говоров усвоило окончания новгородской системы только в некоторых разновидностях склонения, либо сохранив наряду с «новгородскими» свои собственные.

Как пример одного из возможных путей перехода от «ятевой» системы к новгородской интересен единственный в своем роде говор д. Мхи Осьминского р-на Ленинградской обл. (С.-Зап. 87), в котором представлена «ятево-новгородская» система без смягчения твердого исхода основы перед «ятевым» окончанием:

Р.-Д.-М. [женé]/[женѣ], [з'емл'ѣ]/[з'емл'ѹ].

5.1.3. Между ареалами новгородской и обратных систем и вперемежку с последними находится несколько типов синкретических систем с противопоставлением разновидностей а-склонения и окончанием твердой ударной разновидности *-ы*. Ниже кратко рассмотрены некоторые из них (более подробно о многовариантных синкретических системах севернокривичского ареала см. [Тер-Аванесова 1998]). В них «ятевые» окончания Р.-Д.-М. твердой безударной, мягкой или заднебной разновидностей склонения при иных показателях твердой ударной разновидности, по-видимому, непосредственно восходят к древненовгородской системе а-склонения или появились под ее влиянием.

5.1.3. Системы с окончанием Р.-Д.-М. мягкой и заднебной разновидностей а-склонения *-е*.

5.1.3.1. Системы с противопоставлением твердой разновидности склонения — мягкой и заднебной:

(1) Р.-Д.-М. *сестры́, берёзы, рукé, землѣ;*

(2) Р.-Д.-М. *сестры́, берёзы, рукé, землѣземлѹ* —

встречаются нечасто по краям севернокривичского ареала. См. говор д. *Вёрхние Горѹцы* Кировского р-на Калининской обл. (Зап. 136):

Р. тверд. ударн. *у жанѹ, у с'астры́, н'ѣт жанѹ, н'ѣт с'астры́*, безударн. *пос'л'и рабóты, дл'и карóвы*; заднебн. *у снах'ѣ, ат р'ак'ѣ*, мягк. *б'ас свайѣй з'амл'ѣ, дл'а с'амѣ, б'аз радн'ѣ*; Счетн. тверд. ударн. *г'ялавѹ*; безударн. *карóвы*; заднебн. *снах'ѣ*; Д.-М. тверд. ударн. *г'ялавѹ, к с'астры́, к жанѹ, к ызбѹ*; заднебн. *на рук'ѣ*; мягк. *к радн'ѣ, с'ам'ѣ, к з'амл'ѣ*.

Система (1) обнаружена экспедицией 1997 г. значительно севернее, нежели это показывают материалы ДАРЯ: в говорах деревень на южном

берегу оз. Ильмень (*Ретлё, Пу́стошь* Старорусского р-на Новгородской обл.) и в диалектной области у северной оконечности оз. Селигер (Демянский р-н Новгородской обл.). Конечные рефлексы *ě звучат здесь как очень близкое к [и] напряженное [ĕ].

5.1.3.2. Наиболее распространены в севернокривичском ареале синкретические системы *a*-склонения с «ятевым» окончанием в «твердой безударной», мягкой и задненебной разновидностях:

(1) Р.-Д.-М. *сестры́, берёзе* (/берёзы), *рукé, землѣ*.

(2) Р.-Д.-М. *сестры́, берёзе* (/берёзы), *рукé/руки́, землѣ/земли́*.

Выделяется центральный ареал этих систем в пределах границы Новгород — Холм — Осташков — Торопец — Великие Луки, восточный — к юго-востоку от Селигера — и полоса говоров по обе стороны белорусско-российской границы от Невеля до Велижа и далее вдоль южной границы севернокривичского ареала. Ср. говор д. *Фетинино* Новоскольнического р-на Великолукской обл. (Зап. 67):

Р. тверд. ударн. *из вады́; безударн. свад'б'и н'эту, мам'и н'эту, хр'á-п'е, Нас'т'е н'эт, гн'íл'е, карóв'е н'эт, патрáв'е, з бáрышн'е, с халс'т'í-н'е, з б'ар'óс'т'е, б'ез ры́б'е, з гн'íлы; задненебн. дачк'э́, б'ез рук'э́, с мук'э́, мягк. дáл'и з'амл'э́, пóс'л'и Ил'йэ́; Д.-М. тверд. ударн. на гары́; безударн. у бáйн'е, у газ'эт'е, на пáхаты, у шкóлы; задненебн. па клáтк'э; мягк. на з'амл'э́, у д'ар'э́йн'е, на кан'úин'е.*

5.1.4. Системы севернокривичского ареала с окончанием Р.-Д.-М. мягкой (и задненебной) разновидности *a*-склонения -и.

5.1.4.1. Синкретические системы:

Р.-Д.-М. *сестры́, берёзе, руки́, земли́* —

встречаются вдоль границ севернокривичского ареала (С.-Зап. 223, 245 (+ *д'в'э снах'э*), 246, Зап. 10, 145, 290, 324, 326). Примером может быть материал говора д. *Шершни* Усвятского р-на Великолукской обл. (Зап. 290):

Р. тверд. ударн. *у с'астры́, пьс'л'á вайны́; безударн. с субóт'и, пьс'л'á рабóт'и, дл'и (б'ис) карóв'и, пауóд'и; мягк. ударн. б'из' з'амл'í, два часá хад'н'í, з'амл'í; Д.-М. тверд. ударн. к с'астры́, к Маскв́и; безударн. у шкóл'и, у шуб'и.*

Едва ли они могут рассматриваться как потомки древнепсковской системы. Скорее «ятевое» окончание твердой безударной разновидности склонения следует считать сравнительно поздней инновацией, охватившей акающие русские говоры.

5.1.4.2. Крайне редки синкретические системы с «ятевым» окончанием после твердых согласных без ударения и после задненебных (С.-Зап. 275, Зап. 126, 127):

Р.-Д.-М. *сестры́, берёзе, рукé, земли́.*

Несколько чаще встречаются системы, отличающиеся от последней другой южно- и среднерусской инновацией: окончанием *-е* в Р. с предлогами (С.-Зап. 247, 275, 276, Зап. 126, 163). В говоре д. *Макарино* Бежаницкого р-на Великолукской обл. (С.-Зап. 247) «ятевое» окончание представлено, помимо задненебной разновидности, в Р. с предлогами безударной разновидности склонения:

Р. тверд. ударн. *избы́, з галавы́, да вайны́*; безударн. *ф каро́в'е, къл изгаро́д'и, н'этут'и ба́ршыны*; мягк. *з'амл'и́*; задненебн. *в р'ак'е́, в дач'к'е́*; Д.-М. тверд. ударн. *избы́, на паласы́, в залы́, в галавы́, на расы́*; безударн. *па н'и́вы, на службы́, ф канто́ры, паго́ды*; мягк. *з'амл'и́*; задненебн. *на р'акé.*

Системы такого типа можно рассматривать как развитие синкретической древнепсковской системы следующим путем. Первоначально в системе древнепсковского типа основы на задненебный согласный присоединяли окончание твердой разновидности склонения *-е*. Позже, когда в Р.-Д.-М. твердой разновидности проникает в качестве вариантного не смягчающее основу окончание *-ы*, основы на задненебные (фонетически мягкие перед гласными переднего ряда) остаются за пределами тенденции к присоединению этого окончания. Мягкая разновидность склонения у основ на парный мягкий согласный остается в неизменном виде. Новое окончание *-ы* твердого типа склонения по говорам либо продолжает варьировать со старым *-е*, либо побеждает, вытесняя *-е* вовсе, или вытесняя его в безударную разновидность склонения.

5.1.4.3. Севернокривичские системы с синкретизмом Р.-Д.-М. в мягкой (окончание *-и*) и задненебной (окончание *-е*) разновидностях и обратным принципом устройства в твердой ударной или безударной разновидностях склонения:

Р. *сестрэ́, берёзе, рукé, земли́*;

Д.-М. *сестры́ (/сестрэ́), берёзы (/берёзе), рукé, земли́* — рассмотрены выше в разделе «Обратные системы» (5.1.1).

5.1.5. По всему севернокривичскому ареала расположены системы а-склонения с добавочным падежом: Р. с предлогами (*от женé, до землé, без рукé*), противопоставленным Р. без предлогов и Д.-М. (*жены́, земли́ (/землé), руки́ (/рукé)*). См. материал говора д. *Горки* Луковниковского р-на Калининской обл. (Зап. 162), в котором Р. с предлогами (*-е*) накла-

дывается на синкретическую систему твердой ударной разновидности склонения (Р.–Д.–М. *-ы*); в мягкой и задненебной также представлен синкретизм Р.–Д.–М. (*-е*), а в твердой безударной разновидности видна обратная система *a*-склонения:

Р. с предлогами, тверд. ударн. *у жын'э, у с'истр'э, с вайн'э*; безударн. *дл'а каров'и, посл'е работ'и*; мягк., задненебн. *у снах'э, дл'а с'им'јэ, ад з'имл'э, б'из радн'э*; Счетн. тверд. ударн. *г'лавы*; безударн. *каров'и*; задненебн. *д'в'э снах'э*; Р. с предлогом *из*, без предлогов, тверд. ударн. *из изб'ы, н'эт жан'ы, н'эт с'астры*; задненебн. *из р'ик'э, у нас р'ик'э так'ой н'эту*; мягк. *н'исап'этов'инн'ј з'имл'э*; Д.–М. тверд. ударн. *к с'астры, н' з'им'ы, к изб'ы, н' в'асны, на г'лавы, в Масквы, на т'ој ст'ран'ы, н' изб'ы*; безударн. *к мамы, г бабы, на барш'ины*; мягк. *к с'им'јэ, к ранн'э*.

Системы с особым «предложным родительным» падежом в пределах севернокривичского ареала, по-видимому, отражают общую для южно-русских и среднерусских говоров тенденцию к выделению «родительного с предлогами» в самостоятельный падеж.

5.2. Западные (смоленские и калужские) системы.

Севернокривичский и юго-западный ареалы русских систем *a*-склонения разделены широкой полосой говоров, ограниченных с запада белорусской границей, на юге — пучком изоглосс, из которых крайняя северная идет в верховьях Сожа и Десны, а далее — по Угре и Оке до Серпухова, а крайние южные приблизительно проходят по линии Рославль — Смоленск — Мещовск — Белев — Калуга и далее на восток по Оке. Этот пучок изоглосс представляет собой пересечение ареалов «смоленско-калужских» и юго-западных систем. На востоке четкой границы «западных» систем провести не удается.

За исключением вкраплений белорусских, юго-западных и южных систем, на этой территории представлены моновариантные системы *a*-склонения типа русской литературной, осложненные повсеместно добавочным Р. падежом с предлогом *у* (окончания *-е/-ы*) и в части говоров — синкретической безударной твердой разновидностью склонения (вариирование окончаний *-е/-ы*). В этом они полностью совпадают с системами говоров к востоку от Москвы. Однако по указанной территории разбросаны деклинационные особенности, не встречающиеся восточнее и южнее и объединяющие «западные» говоры с говорами севернокривичского ареала.

1. По Угре и Оке (от Юхнова до Болхова) эпизодически встречаются формы Р. и Д., оканчивающиеся на безударные *кы, гы, хы* и *ку, гу, ху*: к

н'ив'ёскы, у дóчку, ат мўхы и под. (Зап. 598, 603, 610, 739; особняком стоит Ю. 20). То же отмечается в пределах севернокривичского ареала (С.-Зап. 223, Зап. 68, 122, 150, 153, 161 и нек. др.).

2. Имеются следы синкретических «ятевых» систем в мягкой и задне-небной разновидностях склонения. Речь идет о формах Р. (с предлогами и без) типа *дачкё, рукё* (Зап. 415, 503, 532, 549, 565, 624, 654, 658, 668, 712), *землё* (Зап. 360, 403, 455, 565, 589, 627), которые отмечаются «на фоне» русской литературной системы а-склонения.

3. В небольшом ареале говоров к югу от Ржева представлена система с безударным «ятевым» окончанием Р.–Д.–М. в мягкой разновидности склонения (формы Р. *из д'ар'ёун'а, н'ет в'ишн'а, у д'ар'ёун'а*; Зап. 179, 365, 373, 374, 376, 378–380, 382, 385).

Возможно, эти группы примеров на фоне моновариантных систем а-склонения представляют собой остатки систем смоленских кривичей.

5.3. Южнорусские системы а-склонения.

Общими признаками этих систем являются следующие: (1) деление основ на морфонологически твердые и мягкие совпадает с белорусским и украинским, т. е. в большинстве говоров основы на задне-небные являются морфонологически твердыми, основы на шипящие и аффрикаты — мягкими; при этом есть немало отдельных говоров и даже небольшие ареалы, где основы на задне-небные согласные присоединяют окончания мягкой разновидности склонения; (2) специфические системы а-склонения существуют как бы на фоне русской литературной системы; (3) твердая безударная разновидность склонения характеризуется флексией Р.–Д.–М. *-е*, причем в западной части говоров в Р. она варьирует с *-ы*, а в восточной господствует безраздельно.

Синкретическая мягкая разновидность склонения исконно существовала, по-видимому, в большей части южнорусских говоров. Материалы ДАРЯ не всегда содержат данные о мягкой разновидности склонения. Имеющиеся данные показывают непоследовательное сохранение мягкой разновидности склонения и вытеснение ее под влиянием твердой ударной разновидности. Исконным окончанием Р.–Д.–М. мягкой разновидности в западной и центральной части южнорусских говоров является **-i* (ср. белорусскую систему, 4.2.1), а в восточной — **-ě* (ср. украинские системы, 4.1.1). Последнее отмечается также в отдельных говорах Смоленской обл., которые в этом отношении, по-видимому, составляли одно целое с говорами севернокривичского ареала.

На южнорусской территории можно выделить следующие основные типы систем *a*-склонения.

5.3.1. Юго-западные системы. Их общие признаки: (1) окончания твердой ударной разновидности склонения: Р. без предлогов *-ы*, Д. и Предл. *-ы* (варьирует с *-е*), М. *-е*; (2) в подавляющем большинстве говоров Счетн. совпадает с Р. без предлогов. Ярким признаком, выделяющим эти системы, является различие флексий Д. и М. За единственным исключением, юго-западные системы *a*-склонения представлены в говорах без второй палатализации заднебных на стыке основы и окончания.

Основной ареал этих систем ограничен на севере реками Десной, Окой и Угрой, а на юге линией Орел — Ливны — Щигры — Старый Оскол и российско-украинской границей.

1) В пределах этого ареала выделяется северная (смоленско-калужская) область, говорам которой свойственно совпадение твердой ударной и мягкой разновидностей склонения и совпадение Р. с предлогами с Р. без предлогов (окончание **-у/*-и*).

Таким образом, северная, преимущественно смоленская, разновидность юго-западных систем имеет следующий общий вид:

Р.—Счетн. *сестры́, берёзелберёзы, земли́, руки́*;

Д.—Предл.(—Р. с предлогом *у*) *сестры́/сестрэ́, берёзелберёзы, земли́
земле́, руки́/рукэ́*;

М. *сестрэ́, берёзе, земле́, рукэ́*.

В говорах рассматриваемой области встречаются изредка «ятевые» окончания Р. у основ на парные мягкие и заднебные, как и на соседней территории западных систем (см. 5.2). Эта особенность, а также старая моновариантность систем *a*-склонения, позволяют предполагать первоначальное единство говоров данной территории с их северными соседями, и, следовательно, вторичность в них флексии Д. **-у*.

2) Ядро ареала составляют широко распространенные и отличающиеся высокой стабильностью системы, в которых представлены окончания Р. с предлогами *-е* и окончания Р.—Д.—М. мягкой разновидности склонения *-и*. Основной фрагмент данной системы можно представить следующей несколько идеализированной записью:

Р. с предлогами *сестрэ́/сестры́, берёзелберёзы, земли́*;

Р. без предлогов, Счетн. *сестры́, берёзы, земли́*;

Д., Предл. *сестры́/сестрэ́, берёзы/берёзе, земли́*;

М. *сестрэ́, берёзе, рукэ́, земли́*.

Реально встречающиеся разновидности данной системы имеют следующие особенности.

1) Р. с предлогами может иметь флексию *-e* также в мягкой разновидности склонения (*землѣ*).

2) Основы на заднебный в одних говорах присоединяют окончания твердой разновидности склонения, в других — мягкой, в третьих под ударением у них представлены твердые окончания, а без ударения — мягкие (ср. говор с. Огорь).

3) Предлог *по* в юго-западных говорах, примыкающих к белорусской и украинской границам, управляет местным падежом (*по сестрѣ* — к *сестры́, дам сестры́*).

4) В отдельных говорах встречается счетная форма с окончанием *-e* твердой ударной разновидности склонения.

5) Безударная твердая разновидность склонения с *-e* в Р.–Д.–М. в подавляющем большинстве говоров отсутствует. Кроме того, среди систем данного устройства встречаются островки таких, в которых окончание *-ы* твердой разновидности склонения представлено также в М.; эти системы очень напоминают севернокривичские обратные.

Классическая юго-западная система представлена в говоре с. *Огорь* Жиздринского р-на Калужской обл. (Ю. 37) [Бромлей, Булатова 1972: 361–367]:

Р. с предлогами, Предл. тверд. *з'им'ѣ, касы́, Жы́здр'а, м'аты́*, мягк. *з'амл'и́, д'ар'ѣун'и*, заднебн. ударн. *нау'ѣ, мук'и́*, безударн. *лампа́тк'и*,

Р. без предлогов, Д. тверд. *касы́, каро́вы*, мягк. *з'амл'и́, д'ар'ѣун'и*, заднебн. *рук'и́, па́лк'и*,

М., «Распределительный» (с *по*) тверд. *кас'ѣ, жа́тв'а*, мягк. *з'амл'и́, в'иши́н'и*, заднебн. ударн. *сах'ѣ, нау'и́*, безударн. *ма́тк'ь, рѣч'к'и*.

Подобная система представлена в говоре д. *Нева́рь* Дмитриев-Льговского р-на Курской обл. (Ю. 204), однако здесь нет заударного яканья и, следовательно, формы с основами на мягкий и заднебный и безударными окончаниями нерелевантны для различения *-e* и *-и*:

Р. с предлогами, тверд. ударн. *с ѿѣтъй стѣран'ѣ, дѣ вайн'ѣ, у с'т'анѣи́*, безударн. *ис шкóл'и, óкълъ кабы́л'и, да рвóт'и, с рабóт'и*; Р. без предлогов, тверд. безударн. *н'и аднѣй ѿау́ды, пра́вды н'ѣту, н'и аднѣй ил'н'и́ны*; мягк. *з'амл'и́ мно́уь*; Д. тверд. ударн. *к тѣй с'астры́*, безуд. *к ма́мы, нѣ пра́вд'и*; заднебн. *дачк'ѣ*; М. тверд. ударн. *нѣ вайн'ѣ, на тѣй стѣран'ѣ, нѣ бакиѣ*, безуд. *у пан'óв'и, у хат'и*; заднебн. *нѣ сах'ѣ*; мягк. *у з'амл'и́*.

Система д. *Почепно́е* Дмитриев-Льговского р-на Курской обл. (Ю. 211, ср. также Ю. 206) напоминает севернокривичские обратные системы:

Р. с предлогами, тверд. ударн. *дъ с'астр'е, ад жан'е, зл'и з'им'е;* безуд. *с шуб'е, дъ субот'е, с салом'е, с работ'е, с јасн'еј пал'ан'е, с хат'е, с авч'ин'е, ат јам'е;* задненебн. *с нов'еј мук'е;* мягк. *з з'амл'е;* Р. без предлогов, тверд. ударн. *н'ед жан'е;* задненебн. *сах'е н'ет, дв'е н'ив'еск'е;* Д. тверд. ударн. *нъ травѣ, к с'астры, к казы,* безуд. *к каровы, к мамы, к н'ив'есты;* мягк. *к н'атн'ицы;* М. тверд. ударн. *на сп'ин'е, нъ травѣ,* безударн. *у теј хат'ь, у свайей школ'ь, нъ работ'ь, задненебн. на којк'ь, нъ пралк'ь, на н'ешк'ь;* мягк. *в аднеј самју, у д'ажы, нъ з'амл'у, у бакшы.*

Ниже приводятся системы двух юго-западных говоров с окончанием Счетн., восходящим к пот.-асс. *du*. Такое окончание Счетн. встречается в нескольких южнорусских говорах, см. [Тер-Аванесова 2000] (в скобках указано количество примеров с определенным окончанием).

Мамоново Кировского р-на Калужской обл. (Зап. 592): Р. с предлогом тверд. ударн. *с вайн'е* (5), безударн. *с хат'и* (4), *б'ис каровы* (2); Р. без предлога тверд. безударн. *дарожа баб'а* (2), *пол'зы н'ет* (1); Счетн. тверд. ударн. *ва фс'е чатыр'и стъран'е* (1); Д. тверд. безударн. *пъслат' Ан'уты* (1), мягк. безударн. *к аб'едн'и* (1); М. тверд. ударн. *у изб'е* (3), безударн. *у школ'а* (4); П. *ап каровы* (1).

Малая Песочня Кировского р-на Калужской обл. (Зап. 596): Р. с предлогом *дъ вайн'е* (7), *с хат'а* (3), *дъ наб'еды* (2), *с мук'у* (1); Р. без предлога *п'ир'ины* (1), *мук'у* (1); Счетн. *дв'е касе, дв'е с'амий;* Д. *к старьсты* (1), *г жан'е* (1), *к Маскв'е* (1), *к ск'ирд'е* (1), *нъ з'амл'у* (1); М. *нъ слъбад'е* (1), *на н'ив'а* (6).

5.3.2. Южные системы. Твердая ударная разновидность южных систем *а*-склонения характеризуется окончаниями, восходящими к *-*ě*, в Д.-М., а также в Р. с предлогами, где представлено варьирование *-е* и *-ы*.

«Р. с предлогами» в одних говорах выступает в контекстах с любыми предлогами, управляющими в лит. языке родительным падежом, а в других ограничен контекстами предлогов со значением удаления (*от, из, с*: аблатив) или, чаще, — предлогов, обозначающих направление движения, удаление или приближение (*от, из, с, до*: латив). Во всех говорах, где имеется Р. с предлогами в качестве самостоятельного падежа, с ним совпадает флексия Р. с предлогом *у*. Этот последний мы тем не менее отделяем от Р. с другими предлогами, поскольку Р. с предлогом *у* имеет более широкое распространение, чем Р. с другими предлогами.

Л. Н. Булатова многократно указывала на трудность разграничения «Р. с предлогами» в узком смысле, аблатива и латива по имеющимся в ДАРЯ материалам. Все же представляется, что в региональных атласах показать их различие было возможно.

Основной ареал южных систем ограничен на юго-западе рекой Оскол, далее линией Щигры — Мценск — Ефремов — Ряжск — Липецк и захватывает территорию чуть к востоку от рек Воронеж и Дона. По Дону, а на юге доходя до р. Оскол, этот ареал пересекает восточная граница мягкой разновидности склонения с окончанием *-и* в Р.–Д.–М. Таким образом, в пределах основного ареала южные системы делятся на двухвариантные и моновариантные; в последних может вторично развиваться синкретическая безударная твердая разновидность склонения.

5.3.2.1. Моновариантные южные системы представлены и за пределами основного ареала. Имеются их небольшие ареалы в рязанской Мещере, по течению рек Цны, Мокши и Хопра. Такие системы встречаются и в западнорусских говорах.

Прекрасным примером восточной (изначально) моновариантной системы является говор д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. В этом говоре противопоставлены родительный и латив в ударной разновидности склонения и выделяется синкретическая безударная разновидность склонения (ее твердые окончания Р.–Д.–М. *-е* или *-ы*). Материал приводится по [Бромлей, Булатова 1972: 403–405]:

Р. тверд. ударн. *пазор у́лавьí, дл'и малвьí, б'из у́лавьí, безударн. мнóуа ры́бы, в'м'эсть пау́оды, дл'а ры́б'и, скат'и́н'и н'эт, задненебн. пúт мук'и́, б'из ух'и́, мягк. хвай́; латив, тверд. ударн. ат йады́, ат м'ижэ́, безударн. из ул'и́ны, из ул'и́н'и, задненебн. из р'ак'и́, из р'ак'э́, дь р'ак'э́, мягк. ис' с'ам'и́й, Д.–М.–Предл. тверд. ударн. нь (в) вад'э́, безударн. шкóл'и, задненебн. к (нь, нь) р'ак'э́, мягк. ф с'им'и́е, ап с'вин'и́е.*

5.3.2.2. Л. Н. Булатова выделяет два типа южных систем, различающих твердую и мягкую разновидности склонения: первый характеризуется флексией **-ě* в Р. с предлогами при **-i* в Д.–М. мягкой разновидности склонения, второй — флексией Р.–Д.–М. **-i*. Приведем материал говора д. Маслово Сосковского р-на Орловской обл. (Ю. 225), демонстрирующий систему второго типа:

Р. с предлогами тверд. ударн. *с в'ис'н'э́, из Маскв'э́, дь з'им'э́, óкьль вад'э́, ис сас'н'э́, у с'истр'э́, безударн. у бáб'ь, б'ьс (с) карóв'а, с усáд'б'и, дь наб'эд'и, с рабóт'и, иззát' (ис, м'и́ма, у) хát'а, с Укрáйн'и, ис шкóл'и; мягк. дл'а свин'jú; Р. без предлогов, задненебн. н'эт рук'и́, нау'и́; мягк. м'ажы́, ад'и́н над'эл з'амл'и́, з'амл'и́ давáл'и; Д. тверд. ударн. жан'э́ пр'ислáл, к с'истр'э́, безударн. к рабóт'ь, пьслáт' карóв'ь, мягк. к с'ам'и́й, М. тверд. ударн. у капн'э́, у Маскв'э́, у рук'э́, нь нау'э́, безударн. на ул'и́н'а, мягк. нь м'ажы́, нь аднэй души́, нь з'амл'и́, у с'ам'и́й.*

5.3.2.3. Характеристика юго-восточных систем дана выше рядом с близкими им украинскими системами (4.1.2).

5.3.2.4. Есть немало говоров, разбросанных по южнорусской территории, в которых «ятевое» окончание проникает и в Р. без предлогов; в результате получаются «русские литературные» системы, скрещенные с «ятевой»:

Р. *сестрэ/сестры́, берёзе* (редко: /*берёзы*), *рукé/руки́, землѣ/земли́*;
Д.–М. *женé, корóве, рукé, землѣ*.

Источником таких систем, очевидно, являются системы с Р. с предлогами и синкретической безударной разновидностью склонения на *-e*.

6. Обзор подсистем Р., Д. и М. существительных *a*-склонения, встречающихся в диалектах восточнославянских языков, показывает, что их исконное устройство сохраняется на сравнительно небольшой территории: в галицких и некоторых полесских говорах с архаической системой именного словоизменения. Большую часть восточнославянской территории занимают системы, получившиеся в результате разного рода преобразований принимаемой за исходную праславянской системы *a*-склонения.

Преобразования в наименьшей степени затрагивают твердую разновидность склонения: она сохраняется в неизменном виде на большей части рассматриваемой территории, за исключением широкой полосы западных говоров русского языка. Позднейшие процессы в падежных системах средне- и южнорусских говоров приводят к образованию систем с «добавочными» падежами — в южно- и среднерусских говорах, а в говорах с различием систем ударного и безударного вокализма (полесских и многих акающих русских) складывается особая безударная разновидность склонения. Эти процессы существенно изменяют вид твердой разновидности склонения, однако в русских говорах новые флексии имеют факкультативный характер, сосуществуя с исконными флексиями твердой разновидности *a*-склонения.

К числу старейших преобразований в области парадигм *a*-склонения, по-видимому, относится образование синкретических систем Р.–Д.–М. *ja*-склонения под влиянием *i*-склонения. Такие системы занимают большую часть восточнославянской территории: они представлены в большинстве говоров Украины и Белоруссии, юго-западных, южных и части юго-восточных говоров русского языка, а также в части говоров севернокривичского ареала (где в прошлом область систем с различием вариан-

тов склонения должна была быть меньше, чем сейчас). Напротив, область старого двухвариантного а-склонения с синкретической мягкой разновидностью на востоке русской территории, по-видимому, сузилась (см. [Зализняк 1993: 216]). Ареалы восточнославянских систем с синкретической мягкой разновидностью склонения имеют продолжение на территориях западнославянских языков.

К дописьменному периоду, очевидно, следует относить и образование моновариантных систем а-склонения, различающих Р. и Д.–М. Эти системы возникают на севере и северо-востоке территории расселения восточных славян и представляют собой результат обобщения исконных твердой либо мягкой разновидностей а-склонения. Сегодня моновариантные системы (с выравниванием по твердой разновидности склонения) характерны для севернорусских и близких им среднерусских говоров, а также для восточнорусских и восточнобелорусских говоров. Обратные системы склонения (выравненные по мягкой разновидности склонения) присутствуют, хотя и в сильно разрушенном виде, фактически лишь в говорах севернокривичского ареала, т. е. на территории, где они возникли.

В результате влияния *i*-склонения не только в мягком, но и в твердом а-склонении появляются синкретические северо-западные системы (с единым показателем Р.–Д.–М.). Результатом взаимодействия моновариантных систем с системой *i*-склонения или синкретическими системами а-склонения псковского типа стала синкретическая древненовгородская система, возникновение которой также относится к дописьменному времени.

Литература

- Абраменко 2000 — О. А. Абраменко. Новые данные по рефлексации индоевропейских окончаний gen., dat. и loc. sg. *ā*-склонения (на материале западных и северо-западных говоров русского языка). АКД. СПб., 2000.
- АРНГ — Атлас русских народных говоров. Рукопись, хранящаяся в отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Ее части имеют следующие условные обозначения: С.-Зап. — Атлас русских народных говоров северо-западных областей. БСТ («большой северный том») — Атлас русских народных говоров к северу от Москвы; Зап. — Атлас русских народных говоров к западу от Москвы; Вост. — Атлас русских народных говоров к востоку от Москвы. М., 1957 (единственный изданный из региональных атласов); Ю. — Атлас русских народных говоров южных областей. Такие же обозначения используются при цитировании материалов, собранных для ДАРЯ и хранящихся в архиве Института русского языка РАН.
- Атлас Белосточкины — Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Т. 2. Wrocław, 1989.
- АУМ — Атлас української мови. Т. 1. Київ, 1984. Т. 2. Київ, 1988. Т. 3. Київ, 2000.

- БСТ — см. АРНГ.
- Бромлей, Булатова 1972 — *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова*. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Вост. — см. АРНГ.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1970.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Ч. 1: Фонетика. М., 1986. Ч. 2: Морфология. М., 1989. Ч. 3: Лексика. М., 1997.
- Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1979–1986 гг.). М., 1993.
- Зализняк 1995 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зап. — см. АРНГ.
- Климчук 1983 — *Ф. Д. Климчук*. Гаворкі заходняга Палесся. Мінск, 1983.
- Кузнецов 1949 — *П. С. Кузнецов*. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. 1. М., 1949.
- Лопатина, Тер-Аванесова 2000 — *Л. Е. Лопатина, А. В. Тер-Аванесова*. Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный согласный // *Восточнославянские изогlossы*. Вып. 3. М., 2000.
- Назарова 1962 — *Т. В. Назарова*. Фонемы *и (y)–i* в десятих середньополіських говірках // *Дослідження з мовознавства*. Київ, 1962.
- Назарова 1964 — *Т. В. Назарова*. Іменникові *-b*-закінчення в північноукраїнських говорах // *Українська діалектологія і ономастика*. Київ, 1964.
- Назарова 1985 — *Т. В. Назарова*. Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985.
- Нарысы 1978 — *Нарысы па дыялекталогіі беларускай мовы*. Мінск, 1978.
- Николаев 1987, Николаев 1988 — *С. Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи. Ч. 1–2 // *Балто-славянские исследования* 1986. М., 1988; *Балто-славянские исследования* 1987. М., 1989.
- Николаев, Толстая 2001 — *С. Л. Николаев, М. Н. Толстая*. Словарь карпатоукраинского турунского говора. М., 2001.
- Никончук 1994 — *М. Никончук*. Лексичний атлас правобережного Полісся. Київ; Житомир, 1994.
- Обнорский 1927 — *С. П. Обнорский*. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число. Л., 1927.
- Расторгуев 1927 — *П. А. Расторгуев*. Северско-белорусский говор. Ленинград, 1927.
- С.-Зап. — см. АРНГ.
- Седов 1975 — *В. В. Седов*. Смоленская земля // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975.
- Тер-Аванесова 1998 — *А. В. Тер-Аванесова*. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *a*-склонения // *Восточнославянские изогlossы*. Вып. 2. М., 1998.
- Тер-Аванесова 2000 — *А. В. Тер-Аванесова*. Окончания счетной формы, восходящие к пот.-асс. рл., в восточнославянских диалектах // *Восточнославянские изогlossы*. Вып. 3. М., 2000.
- Шахматов, Крымский 1922 — *О. Шахматов, А. Крымский*. Нариси з історії української мови та хрестоматія. 1922.
- Ю. — см. АРНГ.

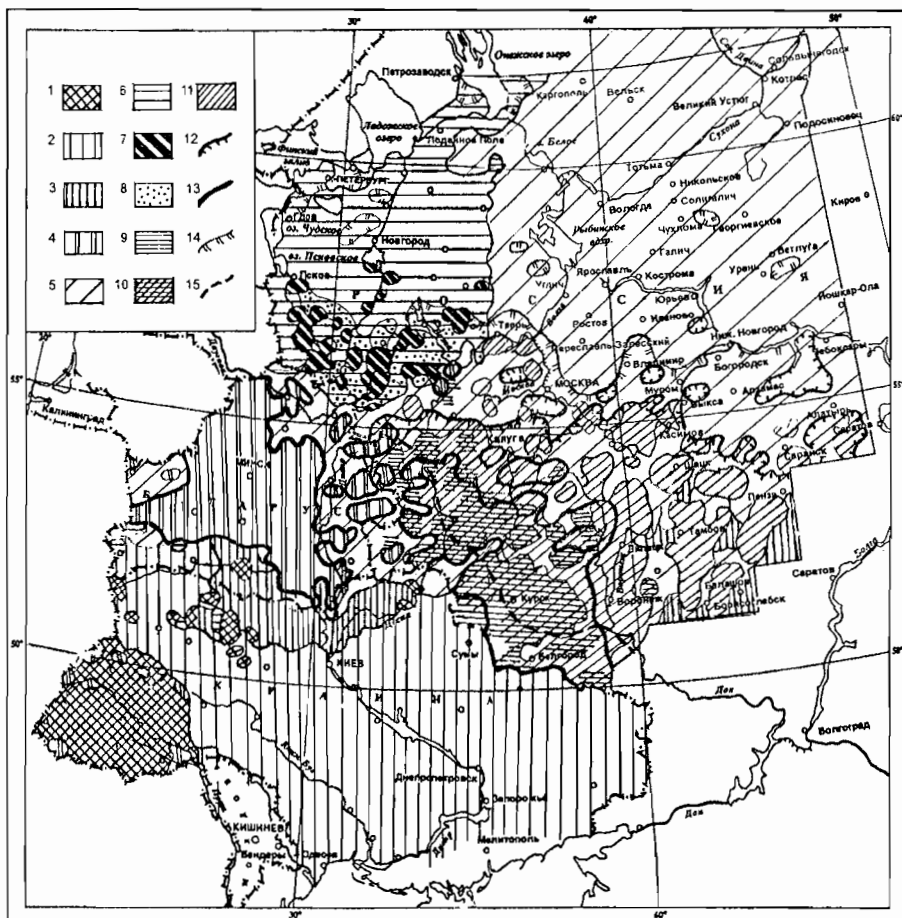

Summary

East Slavonic dialectal inflexions of gen., dat. and loc. sg. of nominal *a*-declension

The article contains the description of East Slavonic dialectal subsystems of gen., dat. and loc. sg. of nominal *a*-declension. The data of national atlases (of Russian, Ukrainian and Byelorussian languages), regional atlases and dialect descriptions were used. In West Ukrainian and in some dialects of Polesje the archaic systems that go back to the **a/*ja*-declension system of Common Slavic are found. Numerous types of gen.–dat.–loc. sg. systems of *a*-declension in East Slavonic dialects may be regarded as results of different kinds of changes of the archaic system. The earliest of them led to simple *a*-declension systems in the northern and eastern part of dialects (with either «hard» or «soft» variant of archaic *a*-declension generalized). In the western part of dialects the influence of nominal *i*-declension led to syncretism of gen.–dat.–loc. sg. in «soft» variant, and in north-western Russian dialects — also in «hard» variant of *a*-declension). The result of both tendencies are syncretic north-western Russian systems with a single ending for three cases and all types of stems, first attested in Novgorodian birchbark documents of the 11th c. The later changes are the rise of «unstressed» variant of *a*-declension and the rise of new case systems in South and Middle Russian.

**Флексии родительного, дательного и местного падежей
единственного числа существительных а-склонения**

Условные обозначения:

- 1 — системы, непосредственно восходящие к «стандартной древнерусской» gen. **-y/*-ě*, dat.-loc. **-ě/*-i* (закарпатск. Р. *сестры́, землі́*, Д.-М. *сестрі́, землі́*; галицк. Р. *сестры́, землі́*, Д.-М. *сестрі́, землі́*; полесск. Р. *сестры́, ба́би, землі́, вішні́*, Д.-М. *сестры́, ба́би, землі́ (-і), вішні́*).

Системы с падежным синкретизмом только в мягкой разновидности склонения:

«Украинские» (gen. **-y/*-ě*, dat.-loc. **-ě/*-ě*):

- 2 — украинская литературная (укр. Р. *сестры́, землі́*, Д.-М. *сестрі́, землі́*);
 3 — полесско-украинская (полесск. Р. *сестры́, ба́би, землі́, вішні́*, Д.-М. *сестры́, ба́би, землі́, вішні́*; ю.-вост.-рус. Р. *сестры́, (берёзе), землі́ (/землі́)*, Д.-М. *сестры́, (берёзе), землі́*, Р. с предлогом *у, сестры́/сестры́, берёзе, землі́/землі́*).
 4 — «Белорусские» (gen. **-y/*-i*, dat.-loc. **-ě/*-i*): бел. Р. *сяны́, зямлі́*, Д.-М. *сяні́, зямлі́*; галицк. Р. *сестры́, землі́*, Д.-М. *сестрі́, землі́*; рус. Р. *сестры́, берёзы́ (Iберёзе), землі́*, Д.-М. *сестры́, берёзе, землі́*.

«Старые» моновариантные системы:

- 5 — с различием Р. и Д.-М., русская литературная (gen. **-y/*-i*, dat.-loc. **-ě/*-ě*; рус. Р. *сестры́, землі́*, Д.-М. *сестры́, землі́*; полесск. Р. *сестры́, землі́*, Д.-М. *сестры́, землі́*; бел. Р. *сяны́, зямлі́*, Д.-М. *сяні́, зямлі́*);
 6 — с синкретизмом Р.-Д.-М., новгородская и среднеполесская (новг. gen.-dat.-loc. **-y/*-i*; Р.-Д.-М. *сестры́, землі́*; полесск. gen. **-y/*-i*, dat.-loc. **-i/*-i*; Р.-Д.-М. *сестры́, землі́* и Р.-Д.-М. *сестры́, землі́*).

Системы севернокривичского ареала:

- 7 — обратные и их разновидности, gen. **-ě*, dat.-loc. **-i* (пск., твер. Р. *сестры́, рукé, землі́*, Д.-М. *сестры́, рукі́ (Iрукé), землі́ (I землі́)*; пск., твер. Р. *сестры́, берёзе, рукé, землі́ (I землі́)*, Д.-М. *сестры́, берёзы, рукé, землі́(Iземлі́)* и др.); синкретические на основе «ятевой» системы (пск. Р.-Д.-М. *сестры́, землі́*; пск., твер. Р.-Д.-М. *сестры́/сестры́, берёзе (I берёзы), рукé (I рукі́), землі́ (I землі́)*);
 8 — синкретические системы с различием разновидностей склонения и новгородской системой в твердой разновидности (пск., твер. Р.-Д.-М. *сестры́, берёзы/берёзе, рукé, землі́* и др.).

Южнорусские системы (твердая разновидность склонения):

- 9 — юго-западная 1-я система (Р. *сестры́*, Д.-Предл. *сестры́/сестры́*, М. *сестры́*);
 10 — юго-западная 2-я система (Р. без предлогов *сестры́*, Р. с предлогами-Д.-Предл. *сестры́/сестры́*, М. *сестры́*);
 11 — южная система (Р. с предлогами-Предл. *сестры́/сестры́*, Р. без предлогов *сестры́*, Д.-М. *сестры́*).

Южно- и среднерусские изогlossы в области а-склонения:

- 12 — синкретическая безударная твердая разновидность а-склонения: отмечено окончание Р.-Д.-М. *-е (берёзе)*;
 13 — синкретическая мягкая разновидность а-склонения, окончание Р.-Д.-М. **-i* (рус. *землі́*, бел. *зямлі́*);
 14 — окончание *-е* Р. с предлогом *у* (рус. *у сестры́*);
 15 — управление предлога *по* местным падежом (рус. Д. *к сестры́*, М. *по (на) сестры́*).

Новые данные о семантико-синтаксическом распределении флексий 3 л. презенса в северо-западных русских говорах: полипредикативные структуры

1. О существовании нулевой* флексии в 3 л. презенса в северо-западных русских говорах давно и хорошо известно, однако до сих пор это явление остается нерешенной проблемой исторической диалектологии.

В большинстве работ по исторической диалектологии русского языка возникновение $\emptyset$ -флексии (во всяком случае употребление ее во всех позициях, кроме форм sg. глаголов I спр.) считается явлением поздним, не связанным с праславянской $\emptyset$ -флексией (см. [Селишев 1937:327–329; Ломтев 1954a; 1954b; Кузнецов 1956: 181; Строганова 1970:128–130] и др.).

Тем не менее для северо-западных русских говоров $\emptyset$ -флексия скорее всего исконна, ибо она широко представлена в новгородских берестяных грамотах, причем устанавливаются синтаксические условия ее употребления: в придаточных предложениях (прежде всего в придаточных условных) используется преимущественно $\emptyset$ -флексия, в то время как в простых предложениях нулевая и ненулевая флексии встречаются примерно с одинаковой частотой [Зализняк 1986: 143–144; 1995: 119–120]. Аналогичное семантико-синтаксическое распределение нулевой и ненулевой флексии на материале двинских грамот XV в. было отмечено еще Шахматовым [Шахматов 1903: 117]. Поскольку рассматриваемые нами северо-западные русские говоры входят в так называемый кривичский ареал, отличающийся рядом диалектных черт, восходящих к праславянской эпохе (см. об этом [Зализняк 1986: 217–218; 1988; 1995: 34–46, 134–135; Николаев 1988; 1989; 1990]), то и $\emptyset$ -флексию 3 sg. презенса (а также семантическое распределение, в котором она находится с ненулевой флексией) в этих говорах можно считать праславянским архаизмом.

Семантическое распределение флексий 3 л. презенса в некоторых северо-западных русских говорах (не зафиксированное, согласно имеющимся описаниям, в других славянских диалектах) впервые было отмечено С. Л. Николаевым и установлено автором настоящей статьи на материале монопредикативных структур. Имеются в виду системы говоров

---

* Под нулевой флексией ($\emptyset$ -флексия, $\emptyset$ -окончание) мы понимаем отсутствие конечного $-t$ в формах типа *берё, ходи, идú, сидя́*. Присутствие $-t$ в окончании 3 л. презенса мы называем ненулевой флексией, t -флексией, t -окончанием и т. д.

дд. Плющёво, В. Горичы, Березуг Селижаровского р-на Тверской обл., также говора д. Овинец Осташковского р-на Тверской обл.; системы со сглаженным или остаточным семантическим распределением нулевой и ненулевой флексий 3 л. презенса зафиксированы также в говорах дд. Кашино Селижаровского р-на, Вятка, Корпово Осташковского р-на, Ельник Демянского р-на Новгородской обл., Заорешье Лужского р-на Ленинградской обл.

Семантическое распределение в указанных говорах в монопредикативных структурах устанавливается с учетом частновременных значений презенса. Классификация типов временного значения принята традиционная [Грамматика-70; Грамматика-80; Бондарко, Буланин 1967], несколько модифицированная с учетом записанного материала. В целом можно говорить о противопоставлении актуального и неактуального значений презенса.

К **актуальным** значениям относим: 1) собственно актуальное, т. е. действие, протекающее в момент речи: *Wón majá n'av'estě id'ót*; 2) настоящее расширенное, т. е. действие, протекающее в момент речи, но ограничивающееся им: *Kág by n'ě byt' n'ikakój tr'avóg'i, pytamú št' v'id'iš, Am'ér'ik'ě fs'ó žm'ót*; 3) «настоящее сказки/спектакля», предполагающее воображаемое разворачивание событий, происходящее как бы параллельно с периодом речи; эта разновидность настоящего употребляется, как правило, при описании типичной картины, отражающей некоторую общепринятую норму (например, описание ритуалов или технологий): *Fs'ák svajó pr'ad'ól, p'és'enk'i pajút, r'eb'áty pr'idút, nù... któ s k'im znakó-m'icš, prv'važát' pajdút*.

К **неактуальным** значениям относим: 1) повторяющееся действие: *A inagdá i aná mn'ě: «Ěť, máť, t'ab'ě, padárk pr'in'as'ó*; 2) потенциальное: *Takój mudr'éc, takój mudr'éc, takój, štó l...! s'ič'ás vdgadái*; 3) обобщенное, т. е. упоминание (не описание, как в «настоящем спектакля») обычных действий, обобщенных до нормативных: *Ěťl š my'ar'ínsk'ij dastóinstvl s'n'izái* *έτλ νότκλ: Ěť akóšyč'k'ě, vòt javó ytkryvájut, v'ěť akóšyč'k'ě vyi'á-gylyvi* *Гішн'іј єť є'át* (все приведенные здесь примеры, кроме последнего, из говора д. В. Горицы, последний — из говора д. Холм). В указанных северо-западных говорах (при том, что система каждого говора имеет свои особенности) в актуальных контекстах употребляется преимущественно (или исключительно) *-t*, в неактуальных — *-ø*; это семантическое распределение не является строгим, а имеет статистический характер (подробнее см. [Рыко 2000]).

Известно, что славянская *ø*-флексия 3 л. презенса рассматривается как результат развития так называемых «вторичных» индоевропейских

глагольных окончаний (-*t* без показателя-актуализатора -*i*) [Кузнецов 1956: 175–183], а согласно некоторым исследованиям, формы с $\emptyset$ -флексией возводятся к индоевропейскому инъюнктиву (вневременной или особой модальной глагольной форме со «вторичными» окончаниями) [Miller 1988: 20–24]. Поскольку семантические оппозиции «нулевых» и «ненулевых» форм в описанных нами северо-западных говорах сопоставимы с оппозицией презенса и инъюнктива, то можно предположить, что $\emptyset$ -флексия в указанных говорах является архаизмом, причем, возможно, не только праславянским, но и индоевропейским.

2. Настоящая статья посвящена употреблению форм 3 л. презенса с $\emptyset$ -флексией в полипредикативных структурах, что позволяет сделать ряд дополнительных наблюдений и несколько уточнить грамматическую семантику этой формы. Материалом послужили тексты, записанные в 1999–2000 гг. от Александры Ильиничны Королёвой, 1921 г. р., родившейся в д. Холм Селижаровского р-на Тверской обл. (записи М. Р. Шрагер, А. С. Архиповой, Д. О. Кузнецова, Ф. Р. Минлоса). Использованные тексты тематически довольно однообразны, большая часть полипредикативных структур попала при описании обрядов или технологий традиционного производства (записаны были тексты «за старую жизнь» с элементами этнологии и ответы на вопросы лексической программы).

В говоре д. Холм семантическое распределение нулевой и ненулевой флексий ограничено морфологически: в формах pl. (кроме форм конечнударных глаголов II спр. типа *сидя́, лежа́*) возможно только окончание -*t*, в формах sg. (а у конечнударных глаголов II спр. также и в формах pl.) варьируют окончания - $\emptyset$ и -*t*, именно в этой позиции и возможно семантическое распределение флексий*. Поскольку для древнейших памятников письменности северо-западного региона характерна мягкая флексия [Зализняк 1986: 143–144; 1995: 119–120], а в современных говорах отмечены и твердая, и мягкая флексии [ДАРЯ II, карта 79], причем мягкая распространена, как правило, в наиболее архаичных говорах**,

* Вероятно, такое ограничение семантического распределения связано с тем, что аналогичная морфологическая система характерна для соседних говоров, в которых, правда, в отличие от рассматриваемых систем ненулевое окончание представлено формантом /*t*/ (по крайней мере, в архаическом слое говора). Такие морфологические системы отмечены в говорах дд. Починок, Подберёзье, Плосково (на карте Плоское) Селижаровского р-на.

** См., например, говоры вокруг г. Холм Новгородской обл., где отмечается исключительное употребление /*t*/, основная изоглосса которого проходит значительно южнее [ДАРЯ II, карта 79].

твердую флексию на этой территории следует считать поздней, распространившейся здесь под влиянием восточнорусских говоров. Таким образом, твердое *-t* в рассматриваемых говорах мы считаем позднейшим субститутом *-t'* (< **-tb*). Окончание *-t'* в говоре д. Холм сохраняется в атематических глаголах (*дать, есть*): *dás'(c)*, *jís'(c)*.

Как и в соседних говорах Селижаровского р-на (дд. Плющёво, В. Горицы), в говоре д. Холм противопоставляются группы актуальных значений презенса (действие протекает в момент речи, хотя не всегда им ограничено: *Ná iš' č'ájn'ikъ mavó č'áju, páxn'it?*; *Tó klčxóznъj dóm slát, bl'šój, a plátóm tám z'al'ónъj*), в которых преимущественно употребляется флексия *-t*, и группа неактуальных значений презенса (отнесенность действия к конкретному моменту речи не указана: *A t'ap'er' štó? Aná b'as púzъ n'i anná n'a jd'ó i zámuš-tъ, a tagdá č'ésnъl d'ěvuškъ id'ó zámuš; A pár'n'i anъi i byl'i i rán'sъy, r'ětkъ kakój č'ésnъ ták, хъrašó v'ad'ó s'bb'á pá-r'in'*), где более вероятна флексия *-∅*.

В отличие от соседних говоров, в которых в значении настоящего атрибутивного (указание не столько на действие, сколько на состояние или свойство субъекта действия) и *praesens historicum* употребляются в основном формы с *∅*-окончанием, в говоре д. Холм в этих значениях употребляются преимущественно формы с окончанием *-t*. Таким образом, можно говорить, что в системе говора д. Холм в презенсе в монопредикативных структурах противопоставлены настоящее неактуальное, для которого характерна флексия *-∅*, и все остальные значения презенса.

3. Особые синтаксические условия: повтор словоформы

Прежде чем рассматривать собственно полипредикативные конструкции — несколько замечаний о синтаксических закономерностях употребления нулевой и ненулевой флексий, не связанных с семантикой.

Наш материал показывает, что в одних случаях при повторе словоформы употребляется *∅*-окончание, в других — окончание *-t*.

3.1. Окончание *-∅*

Идеи о том, что *∅*-окончание может появляться при повторе словоформы в предложении, высказывались в литературе, см., например, объяснение В. И. Чернышева редкого употребления форм с *-∅* в Клинском у. Московской обл.: *идёт твоя мамонька — идё, придёт — придё* (см. [Чернышев 1903], цит. по [Обнорский 1953: 126]). Подобные примеры есть и в нашем материале (всего 6 примеров*):

* Из-за ограниченного объема статьи мы приводим не все имеющиеся примеры. Общее количество примеров в каждой выделяемой нами группе указывается в скобках.

1) *Aná i tó pr'istátal p'is'mó, p'íšet v étym p'is'm'é, vm'és't'i s Vófkьj p'ьtučít' va stórn'ik, p'íše: «Mám, tьi p'ьtučáiš mál'in'kьju p'én's'iju...»*

2) *Vòt pr'ixód'id d'ád'ь Lár'ь k nám i rugáicь: «Da já t'ap'ér' An'útu And-r'éjivu, na skól'kь... rasxáju, nu s'ò ravnó v Vótkьvl l'ná zámuš n'i v'íd'it, fs'ò ravnó v Vótkьvь n'a v'íd'i zámuš».*

3) *Kan'a v'ipr'igl'i, b'ístrь, b'ístrь, b'agóm, a ón za mnój fs'ò gьn'áicь, kan'a t'án'it, a ón s'n'át uzdu i v av'ós, a ón t'án'i, dúmьit, kón' t'án'icь, a uzdá-tь t'án'icь p'ь z'amf'é.*

3.2. Окончание -t

Возможны и такие случаи, когда при повторе обе словоформы — с окончанием *-t*. Судя по нескольким примерам, *-t* при повторе можно считать эмфатическим — оно появляется при усилении. В отличие от повторяющихся форм с $\emptyset$ -окончанием, расположенных в предложении дистантно, во всех наших примерах повторяющиеся формы 3 л. презенса с *t*-окончанием расположены контактно (всего 4 примера):

1) *Ón n'žrátьsь, žr'ót ы žr'ót, a anьi p'ьslv'этьvьl'is', L'óšl s étьj, s L'énьj, v'z'ál' i s'v'azl'i i zdál' i b'il'ét javónьj.*

2) *Patóm aná fs'ó, étь b'ar'ód b'ar'ót, a V'íktьr i gьvar'í: «Mám, nám dážь stьinna».*

Ср. аналогичные примеры в соседнем говоре д. Гниловка Селижаровского р-на (записи М. Н. Толстой от Татьяны Михайловны Смирновой, 1919 г. р., сделанные в 1999 г.):

Vывáit, štь s annój xód'it xód'it pár'in', a drugájь v'l'éz'it v jixьni d'эть.

Jéxьt ad'ín d'ád'ь f S'ьl'izárьvь, i u javón... ón v'ós v záгьtskót z'árnó sda-vát', i jéd'it ы jéd'it ы jéd'it, a k jamú, p'ьdašl'i i skazál'i: «A čó tьi trus'íš-tь?»

Zab'úd'is', tьk p'ьv'ad'ót, p'ьv'ad'ót, p'ьv'ad'ót... — «А что же делать тогда?» — Nádь xr'és't'ik nas'ít'.

4. При анализе полипредикативных конструкций в говоре д. Холм бросается в глаза то, что часто в предложениях, в которых описываются обычные, повторявшиеся в прошлом действия, вопреки ожиданиям употребляются, как правило, формы с флексией *-t*. При этом в таких примерах субъект действия обычно не индивидуальный, конкретный, но является представителем класса субъектов (такие контексты при разборе «одиночных» действий мы относили к неактуальному настоящему, показателем которого является флексия $\emptyset$).

Поскольку в большинстве таких примеров мы имеем дело не с упоминанием действий, а с описанием какого-либо процесса, то, видимо, насто-

ящее время в подобных контекстах следует считать «настоящим спектакля»: воображаемое разворачивание событий как бы параллельно с периодом речи (о «настоящем сказки/спектакля», его отличиях от *praesens historicum* см. [Рыко 2000: 117, 118])*. Впрочем, поскольку в говоре д. Холм для *praesens historicum*, так же как для «настоящего спектакля», характерно окончание *-t*, в данной статье мы не разграничиваем эти частные значения настоящего времени. Материал показывает, что если в ситуации «спектакля» имеется ряд последовательных законченных действий (некоторый аналог аористу), то в формах 3 л. презенса присутствует окончание *-t*.

Примеры:

1) *Хл'áјкл fstájól, vm'és'c'i s' jím, skót pr'lvód'it, tóp'it p'ěčku, glóv'id zástrěk, i p'yn'asút, tak'ii p'ьс... str'al'cý-tъ éты.* Эти действия составляют вместе единый процесс или единую картину, но каждое действие является самостоятельным, оно не зависит от другого (не предполагает, например, предварительного выполнения другого действия: *встает, ском проводит, топит печку, завтрак готовит*).

2) *D'as'átъvъ ón pr'ijaž'ž'áit, i tagdá búd'it tút fs'ěněč'nъjъ, acstúžyt ón v'ěč'irъm vs'ěněč'nъju, ón nač'út tút u nás, útrъm fstájól, ap'át' éт pakójn'ikъ vnó... tàm és'Pi, fs'ákъjъ vr'ém'ъ, móžьt f t'óptъjъ vr'ém'ъ n'a d'éržud v dóm'i, vьin'isut f kьP'idór, javó vьimós'ud, zъžыgájut s'v'ěč'k'i, ap'át' ón p'yn'ix'ídu stúžyt, t'ap'ér' i ón ы stúžyt, i p'ьдыmájut javó, ták ы nъzvívátъs', s padjómъt l.../ pad'n'imájut, i ón tút ы stúžyt, i kad'ítъj fs'ó' èт, t'ap'ér' kakúju-tъ tóžъ, kakóј-tъ, mal'ítъjku ón č'itáit, nu ót, i n'asút pь d'ar'ěvn'i, dapús't'im l.../ i ón pròt' káždъvъ dómъ ъstanávl'ivъicъ, pakójn'ik, i tút òn č'itáit kakújъ-tъ p'yn'ix'ítku mal'in'kъju, sl'éduš's'i... sl'éduš's'ij tóžъ dóm, tág že vьxód'ut, i kut kážd... pròt' káždъvъ dómъ fs'ó' èт stúžyt.*

Подчеркнем, что во всех таких примерах мы имеем дело именно с описанием какого-либо процесса, а не с простым упоминанием действия

* В указанной статье в примерах, отнесенных к «настоящему сказки/спектакля», как правило, субъект действия был конкретный. Возможность употребления «настоящего спектакля» в предложениях с абстрактным субъектом (материал д. Овинец) считалась индивидуальной особенностью информанта. Строго говоря, в сказках мы имеем дело не с монопредикативными, а с полипредикативными структурами (на момент написания статьи эти структуры строго не разграничивались). Заметим, что редкие при рассказывании сказок формы с $\emptyset$ -окончанием употребляются в тех же позициях, что и описанные ниже (напр., «двойное действие»: *I vòt ón ы pašòt éтd Batdá, id'ó pakr'ákъvъi, a póp pr'átъjicл* [Плющев]; «двойное действие» и повтор словоформы: *Ón jajě v'az'ót, a aná i gъvar'ít, pr'ip'avái: b'ítъj n'ab'ítъvъ v'az'ót, b'ítъj n'ab'ítъvъ v'az'ó* [В. Горицы]).

(обобщенное действие). Если действие только упоминается, то употребляется, как правило, окончание -∅, и мы относим такие примеры к группе настоящего неактуального (обобщенное действие), примеры см. выше.

4.1. Однако в полипредикативных структурах описанного типа формы 3 л. презенса с окончанием -*t* употребляются не исключительно, встречаются и формы с окончанием -∅. Это те случаи, когда нарушается принцип последовательности и законченности действий (но сохраняется принцип независимости действий, т. е. одно действие не обусловлено другим) и разные действия «накладываются» друг на друга. Во-первых, это происходит в тех случаях, когда мы имеем дело с двумя (и более) длительными действиями (дуративами), протекающими одновременно. Если субъект таких действий один и тот же, то часто такие примеры напоминают одну из разновидностей «двойных глаголов» (см. ниже), не случайно довольно большое количество примеров из группы дуративов допускают двоякую интерпретацию. Во-вторых, длительное действие может быть одно (выражается глаголом с флексией -∅), но на его фоне могут происходить другие (законченные) действия. В-третьих, если субъекты действий разные, общая описываемая ситуация (макроситуация) как бы раскладывается на отдельные компоненты, «распределяется» по отдельным действиям — в таких случаях мы говорим о «дистрибутивных» ситуациях («дистрибутивной повторяемости»).

Следует отметить, что в дальнейшем мы разбираем лишь примеры с окончанием -∅. Во всех подобных контекстах возможно и употребление окончания -*t*, что можно считать результатом влияния литературного языка. Такое влияние прослеживается и на других участках системы идиолекта Королёвой, например, «болтанка» окончаний *instr. pl. -am/-ами* или литературная система окончаний *gen.-dat.-loc. ā-основ* в «официальных» словах (об «официальных» словах и системах *gen.-dat.-loc. ā-основ* см. [Абраменко 2000: 27–28]).

Итак, «исключения» (формы с ∅-окончанием) могут быть следующих видов (** отмечены примеры, допускающие различные интерпретации).

4.1.1. «Двойные глаголы»

В говоре д. Холм (как и в соседних говорах) особым образом употребляется ∅-флексия презенса в конструкциях с «двойными глаголами». Под «двойными глаголами» обычно понимают конструкции типа *стоит глазеет, иди проверь*, которые характеризуются «семантической слитностью» (глаголы выражают два различных аспекта одного и того же действия).

Наш материал показывает, что в таких конструкциях с «двойными глаголами» по крайней мере один глагол имеет окончание -Ø, а чаще всего — оба. Не все наши примеры, приведенные ниже, отвечают всем формальным требованиям, предъявляемым к «двойным глаголам» (см. [Вайс 2000: 357–348] с отсылками на дальнейшую литературу): часто мы пренебрегаем просодической слитностью компонентов, а иногда и морфологической однооформленностью. К «двойным глаголам» мы относим также те «одиночные» формы 3 sg. презенса с Ø-окончанием, употребленные в значении *praesens historicum* (обычно в этом значении употребляются формы с окончанием -*t*), когда далее следует прямая речь, например: *Nu vót, pr'ijaž' ž'ai patóm Vít'ь l...! «Á, zr'á já g'ěťsavát za Jél'icyň, náď by, gr'í, za Ryš'kónv t'íc'šy g'ěťsavát'»*. Такие примеры мы считаем неполными конструкциями с «двойным глаголом» с опущенным глаголом *говори*.

Случаи употребления «двойных глаголов» можно разбить на несколько групп.

Во-первых, это одновременные действия, приблизительно совпадающие по длительности. Такие примеры, как правило, можно трактовать как параллельные длительные действия, особенно при дистантном расположении глаголов, см. 4.1.2 (всего 5 примеров):

1) *A jét'ь, vó, bumážyik naktál'i, óby, i aná s'id'í n'a v'id'ít, d'ь aný p pa dv'ě kanf'ét'iny vz'ál'i. «Štó, d'ěvč'ě k'í? I xvát'ít» — náď š j'ix'ěťnav'ít'.*

2) *A aná s'id'í na t'ávč'ě k'í, na úl'icy pr'ad'ót.*

Ср. также в говоре д. Гниловка:

Byvátit šťь i s'id'í d'ь m'žby, tak'í jés', byvát'ь s'id'át, s'id'á pr'adút, pr'adút, patóm xrápn'is'í i s'p'í.

Во-вторых, это действия, совпадающие только в одной фазе (*приходит и говорит*), или действия, одно из которых является целью по отношению к другому (*придет сделает*) (всего 24 примера):

1) *V'én'ь, z'd'ěťj t'í mn'ě étl, nu ón pr'id'ó z'd'ěťy.*

2) *Vót m'í xl'ěp č'ístyij p'ak'óm, d'ět pajd'ó atr'ěžy č'ístyinv, i m'ak'ínu stát'ь d'ьbavl'át', il' i stvat'óf.*

3) *Plátóm pr'ixód'í i g'ьvnr'í: «A t'í mn'ě k v'skr'as'én'ju gl'íón b'órdl».*

4) *A nazaf'r'ь útr'm krášu, sušú, v'ít'k'ěť, ón fstl'jó i g'ьvnr'í útr'm, f'p'át-n'ícu: «A k'lgdá š t'í spát' l'agtá?»*

5) *Ón patxód'í i g'ьvar'í: «Nu v'í, skažy, č'ém t'í ták udastóit' ýósp'edu Bógu? Já mal'its'ь, mn'ě javl'áťs'ь áng'ít, a mn'ě vót skazál'i, štó...»*

6) *Vófk'ь pr'ixód'í ьт vnúk i g'ьvar'í: «Bábušk'ь, a kúda š t'í pav'és'is'?»*

7) *Vót já l'azú, ón pr'í... l'ág'í ka mn'ě i g'ьvar'í: «Mám, t'í n'í umr'í».*

8) *Vytá sʹmagónkʹ zgatóvʹinʹ, u javó zʹdʹětn ʹparát, nu vót, ón gónʹit, patxódʹi ka mnʹé i gʹvarʹi*: «Ты зна́иш, t'ótkʹ, fč'arás' m'an'é /.../ mʹuʹžyl'», i étu L'údu, kák v tárʹy' pʹzvan'íl'i, Tróickʹju, pʹixódʹi, rúk'i nazát: «Kól', dáj tʹbač'kú!» (поскольку после *приходи* следует прямая речь, можно считать конструкцию неполной: *приходи* и *(говори)*).

9) *Vòd d'ádʹ Vánʹ zapr'ók tóšʹy' i pav'ós, pʹivózʹit m'an'é damój, stuč'iccʹ, mátnʹ yxódʹi*: «Któ tút?» (*выходи* с последующей прямой речью, т. е. *выходи* и *(говори)*).

Ср. в говоре д. Гниловка:

Iš'ó štó d'ětl'i rán'šy, xtó-nʹit pʹidó stúkn'i, v aknó il'i kudʹy, gar'áčij vadój ʹbl'ivál'i.

Móžʹ byt', mižʹyk kakój, pʹdbʹar'ócʹy dʹ ʹgal'í, štó i, b'al'jó sʹim'i s' t'ab'é.

Múžʹyk-tʹ ʹd báb'i kagdʹy id'ót, vór-tʹ varúii xódʹi, ón vaz'mó dʹ staícʹ kudá-n'ibùt'.

В-третьих, к «двойным глаголам» относим случаи употребления синонимичных глаголов при описании одного и того же действия (в таких случаях, как правило, один глагол употребляется с флексией -Ø, другой — с флексией -t) (всего 4 примера):

1) *I étyx tr'ístʹ rubl'ěj /.../ zá nʹč, prasódʹi, prapjót.*

2) *A étʹ V'iktór'ijʹ-tʹ, kómnnʹtʹ, aná b'égyit, jéj tám m'ašái, z'b'iváit jéj, aná vaz'm'ó nak... zakrói nʹ zamók.*

3) *Kagdá aná kanf'ét pʹiv'az'ót, jéj dás', aná atnáč'it i mn'é astáv'i kanf'ét'inku, il'i p'ač'én'jʹ kúpl'inʹ, ʹb'azát'il'nʹ astáv'it.*

Случаи употребления Ø-флексии у «двойных глаголов», а также, возможно, другие разновидности ситуации, когда отдельные действия «накладываются» друг на друга, важны для нашей гипотезы об инъюнктивном значении (и происхождении) Ø-флексии, ибо известны похожие контексты употребления индоевропейского инъюнктива: в ведийском при однородных сказуемых часто первое стоит в одном из прошедших времен, остальные — в инъюнктиве [Елизаренкова 1982: 282].

4.1.2. Дура тивы

При обозначении длительного действия, на фоне которого происходит какое-либо другое действие (временные отрезки протекания двух действий могут не совпадать полностью), употребляются формы с Ø-окончанием. Ср. аналогичный пример в берестяных грамотах: *а к нему еде посоль безъ пути · самъ нимъ везе грамоту непсану* 'К нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту написанную' (№ 10; кон. XIV в. – 1400-е гг.) [Зализняк 1995: 537]. Примеры (всего 37):

1) *Vòt étýt kr'ósnyj b'ar'ót ikónu étu, stáv... étý x'l'ébušku d'éržý, nл x'l'ébušku stáv'í[t] ták ыкóну, g grud'í, i k ыкóны k étýj s'v'éčku zьžыgáit, G'aór-g'íju Pьb'ídanóscu (ставим [икону], продолжая держать [хлебушку]);*

2) *Skłatš's'ínu d'étyjut, nu s'-s'... nu gul'ájut, žénš's'íny, skłádывьjucь skókл-ть d'én'ig dljút, pьkupájut vótk'i, tàm zlkúsku dómл z'd'étyjut, nu i sьb'arúccь gd'é-n'ibut', i na úl'icy, nu i vyp'ivájut, i pl'áskь id'ó, i fs'ó tút ы p'és'n'i rajút, fs'ó na s'v'é't'i jés'* (параллельные длительные действия: вытывают, пляска идё, песни поют).

3) *Kagdá staiš, ad'ín étýj m'érkьj m'ér'it, a drugój atk'ídывьit, kagdá p'itú d'éržý, étýt, užé m'ér'it m'érkьj, i atr'ézъtь r'és, já i p'itú b'arú s'ab'é, u m'è m'érkь, a ты... atk'ídывьiš, i pattóš's'íš pa étýj, pь kaz'... pь kaz'tú, s'udbí ar'át', já zьd'ájú i r'éžu* (параллельные длительные действия: пилу держу — мерим меркой).

4) *A d'ádъ mój P'ét'ъ fs'ó gьvar'it, pakójnyj: «Éx» (a ón bьit v dóm všíšf-šы, žьit s' t'és't'im), i gr'í: «Pr'íšl'í p anь ka mn'é skъ... spras'íl'í, a já im by skazát: "Fstán't'i pьd zástr'ixu, pьd vadú, vót kagdá dóš's' id'ó pьd zástr'ixu, i pastójt'í tr'i gódъ pьd zástr'ixьj, i uznáit'í kàg v dóm vьxад'ít'"»* (действия встаньте, постоите мыслятся как одновременные длительные на фоне дождь идё);

5)** *A vód, gьvьr'í, f takóm-ть góрьd'i s'id'ít na kámn'i stár'ic, igráit na skr'ipk'i* (параллельные длительные действия: сидум — играе).

6)** *Dašót, id'ót ы právdь, na ugtú kámn'in', a ón na kámn'i s'id'ít étýt stár'ic, igráit na skr'ipk'i, ón ы gьvьr'ít: òt já mal'itsь i vьzgard'itsь...* (параллельные длительные действия: сидум — играе, кроме того: идем — сидум, играе).

7)** *Pašót étýt, katóryj vьzгьrd'itsь, dašót da étъvь góрьdь, dašót, pr'íšót na kám... na étýt p'ir'aútъk, i právdь, s'id'í na kámn'i č'ítan'ék, igráit na skr'ipk'i* (параллельные длительные действия: сиди — играет).

Возможно, в примерах 5, 6, 7 мы имеем дело с «двойными глаголами». Из сопоставления примеров 5, 6 и 7 (фрагмент одной и той же истории, рассказанной трижды разным собирателям) видно, что при обозначении двух длительных параллельных действий, совпадающих по длительности, неважно, какой из глаголов (первый или второй) употребляется с $\emptyset$ -флексией. Возможно, $\emptyset$ -флексия у глагола, выражающего то действие, которое мыслится как основное, а *t*-флексия — у глагола, выражающего дополнительное (фоновое) действие.

8) *I vót raskázывьl'i, nь bazár'i, znát ad'ín muš's'íny, pьdajód bábь más-ть, a ón ыid'ó m'ímъ jéj, a u javó nóžыk, nav'érнь kakój-n'ibut' nádъ s't'ly znát',*

vòt ták prav'ót pa mástu i, rastópl'inъл mástъ, n'a sl'ivъčnъ, attúđъ, gr'í, krófy
 ы paštá, étъ, gъwr'í, katdónъnъ, u katdóf'k'i an'átъл mástъ (параллельные
 длительные действия: *продаем* — *иде*).

Примеры 5, 6, 7, 8 — из «воспроизводимого» текста: первые три из притчи-сказки, последний — из былички (случай, связанный с распознаванием колдовства).

9) *Idúd dál'sы, id'ót, a žénš's'inъ vъskr'as'én'jъm, il'i tàm f subótu, nu v ópš's'im étъd d'én' náđъ pač'és', pъtaskái b'al'jó, tàm na r'éc'k'i il'i nъ prudú* (параллельные длительные действия: [он] *идем* — [она] *полоскает*).

10) *Vót pъdajú étъ dvá saská, narmál'nъa mъtakó id'ó, paká étъy dvá saská zdarónыy dajú, étъ mъtakó z'd'étъыс kakój-тъ n'i pajm'í štó* (параллельные длительные действия: *иде* — *дою*).

11)** *Pašl'í x Kóli, tàm tr'í katá tóžъ bal'súi, vòt aná vl'és's'i na p'éc'k'i, i vòt kák sl'éznъ ptáč'i «Á-a-aj, jéxъli, xat'él'i kras'iv'in'kъnъ, mál'in'kъnъ vz'át' k'isъn'ku, a u t'ab'é n'étu».* Параллельные длительные действия: *влезши* (результатирующая стадия перфекта) — *плачу*. Возможно, «двойной глагол».

12) *Vót, pъs'ar'ót ызbvi vb'ivájut takúju skabú, i vn'izú tút štó-тъ pъstráivъut, vót, i p'ixáiš javó, ón l'óxkъ xóđ'i, vót i nadá snavát', étъ náđъ vn'is pr'it'ít', naernъ, tr'ístъ rás* (параллельные длительные действия: *нихаешь* — *ходи*).

13)** *A étъ V'iktór'ijъ-тъ, kómmтъ, aná b'égъit, jéj tàm m'ašái, z'b'iváit jéj, aná vaz'm'ó nak... zakrói nъ zamók.* (Параллельные длительные действия: *бегаем* — *мешаем* — *сбиваем*. *Бегаем* — *мешаем* можно толковать как «двойной глагол».)

14) *Éтъ tút... pъp'ar'éč'inъ patóžыnъ, l'ésъ-тъ étъnъ, nu vót, ón b'ar'ót étъ, pr'iv'ázыvъit, i ap'át', étъ vòt pъp'ar'ók l'ažbъi, i ap'át', vòt ták ы pъtkrúč'ivъut jix* (длительное *лежи*, на фоне которого *берет* и *привязывает*).

15) *A já vbišl nъ kъl'idór-тл nъ dvъrlvój, a klrónл-тъ l'ažbъi v rлs'c'ášk'i, já gr'ú, u nás klróna-тл pъдыxáit* (длительное *лежи*, на фоне которого *вышла*, *говорю*).

4.1.3. «Дистрибутивная» повторяемость ситуации

Если при описании единой ситуации действия, совершаемые разными субъектами, «накладываются» друг на друга (это может быть частичное повторение ситуации; противопоставление действий в рамках одной ситуации, описание «макроситуации», т. е. системы действий, находящихся в поле зрения и подчиненных некой единой цели, внутри которой роли разных участников распределены), то появляются формы 3 л. презенса с ъ-окончанием. «Накладывающиеся» действия, как правило, дли-

тельные (по крайней мере одно из них). Во всех подобных примерах есть хотя бы один глагол с окончанием *-t*, и это позволяет предположить, что в таких случаях используется один актуализатор настоящего времени ($-t < *-ti < \text{и.-е. } *-t + -i$) для ряда глаголов, выражающих действия в рамках одной «макроситуации». Всего 8 примеров:

1) *Ktò kružavá v'ázьit, fs'á d'ar'évn'ъ, d'évьk-tъ mnógъ bytъ v d'ar'évn'i, ktò kružavá v'ázьit, ktò vár'išk'i v'ázьit, ktò vyšьiváit, katóryi p'tal'éncy vyšьiváit.* Здесь одна и та же ситуация (*вяжет*) повторяется с разными участниками (как агенсами, так и пациенсами) в рамках одной «макроситуации» (описание посиделок).

2) *Sp'érvъ f kárty anyi s'áduť nъ patú pьigrájut, a... na táškъx m'éstъ n'étu, d'éfk'i s'id'át, s pr'átkъm... ktò pr'ad'ót, ktò v'ázьit, ktò vyšьiváit, ktò štó.* Пример очень похож на предыдущий с той разницей, что нет повтора ситуации, но в рамках «макроситуации» посиделок объединены разные ситуации (*прядет, вяжет, вышивает*). Опять же из ряда глаголов один имеет окончание *-t*.

3) *Nu vót. I ón za jéj vdagónku b'égьit, aná kruk étъj ľažánk'ľi b'égьit, štó já jamú, gr'эх javó znáit, i fs'ó b'égьt.* Повторение ситуации с разными участниками: *он бегае, она бегае*.

4)** *Kák vál's tancúim? Nú, já kružús'ъ, vót, ón v'ad'ó pr'átъ, a u m'an'éťť fs'ó, fs'ó krugóm, i V'ít'ku-tъ já taskáju zъ sabój.* Распределение ролей в ситуации *танцуем*: *я кружусь, он ведё прямо*. Можно интерпретировать как «включенные» действия (см. 4. 1. 4): *танцуем, а именно: я кружусь, он веде*.

Кроме того, есть ряд «дистрибутивных» примеров, в которых, в отличие от предыдущих, нет описания, а лишь упоминание действия (всего 8 примеров):

1) *I v gr'adáx nъrlš'ú tučkú, ľgúrčik'i vьirьstut, i pъm'idórk'i, i ét'i, p'ercы vьirьstut, mlrkóf vьirьlš'c'e, s'v'aktá jés'.*

2) *Patóm, ktò tvъrьžn'ikám zlv'ó, ktò krup'in'ikám zlv'ót, tvórgu tudьi patóžьš.*

3) *Dá, nu òt krьišъ, étъ vòť nъv'arxú krьišъ, ktò kan'kóm zav'ó, ktò šatóm-kьj zav'ót.*

4) *Škľ'ak'i, a étъ vòť r'éžuc skót, nóg'i ét'i abd'ettyvьjut, sьmajut étu kóžu, ktò sьmáit, ktò pól'it, i vár'it хьtaď'éc.*

Несмотря на отсутствие описания ситуации, принципиальным при употреблении форм презенса с $\emptyset$ -окончанием кажется именно противопоставление аналогичных действий, выполняемых разными субъектами.

Так, в предложениях с неопределенным субъектом (с местоимениями *кто* в значении 'кто-то, кто-нибудь', *кто-то, кто-нибудь*, а также с отрицательным местоимением *никто*)* общее соотношение нулевой и ненулевой флексий примерно соответствует их соотношению при обозначении «одиночных» действий, т. е. ненулевая флексия употребляется в среднем почти в 2,5 раза чаще, чем нулевая (см. таблицу [Рыко 2000: 128]). Но в предложениях, которые условно можно обозначить как «один делает так, другой иначе», нулевая и ненулевая флексия употребляются примерно с одинаковой частотой. Таким образом, можно считать, что в «дистрибутивных» контекстах при одной из форм 3 л. презенса предпочтение отдается $\emptyset$ -флексии.

4.1.4. «Включенные» действия

Еще один тип примеров, который мы можем отнести к случаям «наложения» действий, объединяет такие предложения, где действие сперва называется, потом поясняется, «расписывается» по своим составляющим. Как и в предыдущей группе примеров, здесь появляются формы презенса с $\emptyset$ -окончанием при описании одной ситуации, но субъект всех действий в рамках этой ситуации один. От описания единого процесса, состоящего из ряда последовательных законченных действий, когда используются преимущественно ненулевые окончания, этот ряд примеров отличается именно наличием «общего» слова, называющего процесс, который потом описывается. Опять же, видимо, можно говорить об использовании одного актуализатора настоящего времени *-i* для ряда словоформ (или, по крайней мере, о возможности опущения этого актуализатора при некоторых словоформах). Примеры (всего 6):

1) *Iz aržanónv t'és... iz aržanój muk'í, nu vót, t'ap'er' aná naktádivyít, étu kórvc'ku-tv aná tón'in'k'v rvskatái, a tvórvgu-tv vna f pattará rázv ktad'ó, stój n'v étv, tvórvg razv'éd'in s'm'atánvj, tvórvk, sm'atánv, jajcó vb'ítv, i naktádivyí, kàk vatrúšku, i s'p'ac'ót, ón tàm p'staít, anó tàm, fs'ó étv, ap'át' z'vk'ip'ít, dážv k'ip'ít tvórvk-tv n'v sač'n'é na ét'im, vòt, n'v'iváit m'ataká.* Действие *накладывает* [начинку] состоит из *раскатае* и *кладё*. Далее (*снечет, он постоит, закупит*) — ряд последовательных действий, не объединенных «общим» словом, называющим то действие, которое бы их объединяло.

2) *Nu òt já t'è i gv'ar'ú, prúdj'ym... prút'j'ym éty'm s'v'áziv'v'f'i* — «Как плот?» — *Nu kàk ptód z'd'ét'v'n'v, ptót pr'ib'ivájut, a étv prút'j'ym pr'iv'áz'v'n'v,*

* Такие примеры рассматривались специально, поскольку, согласно гипотезе Обнорского, в двинских грамотах XV в. флексия $\emptyset$ употребляется преимущественно в предложениях с неопределенным субъектом [Обнорский 1953: 134].

kážďbъ d'ér'ivъ, a pón'irxu tût... vòt ón zъb'irái s'n'izu, vòt étъ, prutóm vòt, d'ér'ivъ, jés'l'i xvatái, anó krúč'inъ, tó ón javó ap'át' p'ir'av'ártivъi nъ drugójo vòt ták, a tút s'v'érxu, ták vòt i jéz'd'i étъt vòt, na étъt, étъ gón... étъ prút. Действие *плоты связывали* поясняется через описание отдельных этапов этого действия: *забирае, переварываете*. Окончание -∅ в формах *хватает* и *переварываете* образуют условную конструкцию (см. 5.1).

5. Обусловленные действия

Иногда окончание -∅ может появляться в контекстах с *praesens historicum* (= в ситуации «спектакля») в тех случаях, когда одно действие обусловлено другим. Можно предположить, что в условных конструкциях выбор окончания -*t* или -∅ подчиняется особым правилам. Поэтому ниже приводятся примеры обусловленных действий не только в ситуации «спектакля», но и в других случаях, в которых, например, наличие ∅-окончания можно объяснять неактуальным (обобщенным или повторяющимся) значением настоящего времени.

Условные конструкции заслуживают особого внимания, поскольку в памятниках письменности северо-западного региона именно в условных придаточных преимущественно употребляются ∅-окончания [Шахматов 1903: 117; Зализняк 1986: 143–144; Зализняк 1995: 119–120]. Особенно показательна в этом отношении новоторжская берестяная грамота № 19 (2-я пол. XII в.), где в пределах одного предложения противопоставлены презенс с -*ть* в простом предложении и презенс без -*ть* в условном придаточном: *а твои п(ри)тлыывает аже оусторовѣ а съд(е)ж(е)мъ на товаръ* [Зализняк, Малыгин, Янин 2002: 8–9].

Обусловленными мы считаем не только собственно условные предложения, но также такие случаи, когда выполнение последующего действия предполагает обязательное выполнение предыдущего (о неоднозначности условной конструкции, когда она может быть прочитана как временная, см. [Храковский 1998: 8] (с дальнейшими отсылками): *Wenn er im Bett lag, konnte er das Bild des Faters betrachten* — 'Если/когда он лежал в постели, он мог рассматривать портрет своего отца').

Если действие отнесено к будущему, временные и условные конструкции различаются степенью уверенности говорящего в том, что действие произойдет (в собственно условных конструкциях действие мыслится как гипотетическое, во временных — как очень вероятное): *Когда помое посуду, пойду гулять* (говорящий уверен в том, что он помое посуду); *Если помое посуду, пойду гулять* (говорящий не уверен в том, что он помое посуду). Если действие отнесено к настоящему, разница между

собственно условными и временными несколько иная: видимо, речь идет о степени обычности действия: *Когда мою посуду* [это происходит регулярно], *разбиваю тарелку*; *Если мою посуду* [нетривиальное событие], *разбиваю тарелку*.

В условных конструкциях, которые встречаются в берестяных грамотах, обычно речь идет о предполагаемом действии: *оже князь поиде присъли ивана хрощькиницъ-шеломъ и брънѣ и щитъ и копье* 'Если князь пойдет [в поход], пришли шлем, доспехи, щит и копье Ивана Хрушкинича...' (№ 332а; кон. XII — 30-е гг. XIII в.) [Зализняк 1995: 359]; *оже ли оу себе не боуде а и заемоши моги же водати* 'Если у себя не найдется, так даже занявши непременно выдай' (№ 227; 60-е–90-е гг. [предпочт. 60-е–70-е гг.] XII в.) [Зализняк 1995: 309]; *ачи то ти почъне пьнати несми вѣрѣ соулиле* 'Если же начнет тянуть [время], то ведь я не давал клятвенного обещания' (№ 820; 60-е–70-е гг. XII в.) [Янин, Зализняк 1999: 6]; *ци ти пьцьне князь купьць надѣливати а ци ти ти присъле къ тѣбѣ а ты ему мълви...* 'Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи...' (№ 794; посл. четв. XII в.) [Янин, Зализняк 1998: 36].

В наших же примерах, как правило, речь идет не о предполагаемых действиях в будущем, а о регулярно повторяющихся (повторявшихся), поэтому строго разграничить условные и временные конструкции в большинстве случаев не представляется возможным (отдельно мы рассматриваем только предложения с союзом *если*), скорее можно говорить о том, что одно действие тем или иным образом обусловлено другим.

Независимо от того, влечет ли осуществление условия выполнение следствия автоматически, или условие является необходимым, но не достаточным для выполнения следствия, и в той и в другой части условной конструкции возможно появление $\emptyset$ -окончания, причем в условной части $\emptyset$ -окончаний попало примерно в два раза больше, чем в следствии (29 $\emptyset$ -окончаний в условии, 16 — в следствии; без примеров с «нулями» в двух частях).

5.1. Собственно условные конструкции

К собственно условным конструкциям мы относим условные предложения с союзом *если*, а также некоторые местоименно-соотносительные предложения (типа *Кто хочет, тот добьется*). Здесь, как правило, $\emptyset$ -окончание употребляется не только в придаточном, но и в главном предложении, т. е., видимо, как гипотетическое мыслится не только действие, являющееся условием, но и действие, являющееся следствием. Примеры (всего 9):

1) *A móžь býit', at'éc xóc'id žyn'ixóf... žan'its'ъ šóp ón na ét'j d'ěvušk'i, a žan'ix n'a xóc'i na n'ěj, ták ón pr'iprášyivyi pr'idán'л bal'šój, dážь takói pr'i-prós'i, štó í... i vzdúmьt' n'a xóc'it, n'i zaxoš zámuš it'it'.* ([Если] жених не хоче [братъ невесту], то *припращивае* [приданое]). Здесь нет союза *если*, но в главном предложении есть *так* (в значении 'то'), поэтому относим этот пример к собственно условным конструкциям.

2) *Vòt ón zьb'irái s'n'izu, vòt ét'ь, prútóm vòt, d'ěr'ivь, jés'l'i xvatái, anó krúč'it'л, tò ón javó ar'át' p'ir'av'ártыivyi нь drugójь vòt ták* (если *хватает*, то *переваривает* = если *хватит*, то *перевернет*). Окончание -Ø в форме *забирае* обсуждалось выше (см. 4. 1. 4).

3) *Matóčньл-matóčньл vadá, nu mьtakó, a és'l'i n'i pьžal'ei któ, kьnap'it'ь ét'j fsbír'ьt', тьк... aná takájь žь gustájь, kàk mьtakó* (если *не пожалел*, то *густая*).

4) «*A mьi t'a нь katát'кьх тьkatáim!*» *Jés'l'i katórvьj n'i stán'i katát'ь, vòt kladút ét'ь fs'è r'uxófk'i, kladút, i zá ньg'i i zá ruk'i, vòt ták* (это делали с тем, кто отказывался водить при игре в «чертан»); если *не стани катать*, то *кладут*).

5) *Jés'l'i s umóm ktò žыv'ó, tód гл'ódный n'a xód'i, a ktò b'iz umá s'icás, fs'è z gót'ьdu pьдыxájut.*

6) *A n'i g гьtávьi t'ab'è sad'iccы, a sad'iccы k xvastú l'icóm, i kudьi t'è kón' pьv'az'ó, f tu stórvьnu ты zámuš víd'iš.* Здесь нет обусловленности ситуаций (действия *повезё* и *выйдешь* никак друг с другом не связаны), ситуации оказываются опосредованно связаны через сирконстант: сирконстант второй ситуации (*туда*) определяется сирконстантом первой ситуации (*куда*).

В говоре д. Гниловка в условных предложениях с союзом *если*, как правило, появляется Ø-окончание в условной части: *Jés'l'i zasóxn'i, ét'ь, v'et'кь, b'ar'óзы, tò búd'it s'ěнь хьrašó sóxnut', a jés'l'i n'i zasóxn'i, tò n'ě; A jés'l'i mužыk pajd'ó bl'idavát', i búd'iš s'l'ad'it' javó; A patóm skót kudá tàm puskát', jés'l'i s'l'éz'и s'n'ěk тьк, tút pakrúžьсь куt dómu dь i fs'ó.* Похоже, что в Гниловке в условных предложениях Ø-окончание используется только в условной части, а не в обеих. Системы Холма и Гниловки, несомненно, близки: так, эмфатическое -*t* появляется при эмоциональных повторах, Ø-окончание употребляется у «двойных глаголов». Однако распределение форм с окончаниями -Ø и -*t* в случае с «одиначными» действиями не совпадает в Гниловке и Холме абсолютно: в обеих системах актуальные действия выражаются формами презенса с -*t*, неактуальные с -Ø, но глаголы с атрибутивным значением в Холме имеют флексию -*t*, а в Гниловке (как и в других исследованных селижаровских говорах) — флексию -Ø.

Выделение в особую группу собственно условных конструкций (с $\emptyset$ -окончаниями как в условии, так и в следствии и с переводом в гипотетический план обоих действий) имеет еще и те основания, что в ряде примеров форма 3 л. презенса с $\emptyset$ -окончанием передает именно предполагаемое действие (всего 5 примеров):

1) *Danskój s'id'it kuč statá, nu annój kravát'i Stávъ Kuč'aróf s'p'it, a nu drugój kravát'i, g'var'i, s'p'it L'údъ Tróickъл i étъt, D'ímъ, n'èrnъ k Kól'i id'ó zъ p'arč'átkъm'i.* Действие *иде* не очевидно, оно лишь предполагается говорящим.

2) *Mý nu ъl'aktr'ič'k'i jéxъl'i. «Tókъ n'i zъsypáj, Vónuškъ, sьynók, n'i zъsypáj, n'a s'p'it, s'id'it ták, a tò já t'a ъstávъl'u f Taršk'è», póist ujd'ó, a tám bьistrъ nádъ bьitъ s ъl'aktr'ič'k'i na étъt, póist it'it' (yüdě = 'может уйти, как бы не ушел').*

3) *Nu drug'it skážut: «Nu puskáj id'ó, a tó mátkъ jéj at'úp'i s'ijč'ás». Oтлупи = может отлупить; нускай иде* — $\emptyset$ -окончание формы аналитического императива 3 л.: здесь императив тоже предполагает не осуществляемое, но желаемое (т. е. возможное).

5.2. Условно-временные конструкции

В тех случаях, когда одно действие предшествует другому, причем является условием для его осуществления, в условной части часто употребляются формы 3 л. презенса с $\emptyset$ -окончанием. Речь идет не о предполагаемом действии, а о регулярно происходящем (происходившем). Примеры (всего 24):

1) *Nu òt u m'à-tъ n'étu p'ir'abórk'i, m'ašók v'is'it, v m'ašók étъt z'iml'a-n'ič'n'ik ybьsьxn'i, ktádut* (когда высохнет, тогда кладут; т. е. чтобы его положить, земляничник должен быть сухим, но само по себе высыхание земляничника не влечет за собой обязательного следствия *кладут*).

2) *Z'imn'ik jés' i G'én'it, z'imój zam'ór'z'n'i gd'è sьirъs', jéz'd'it z'imój étъ z'imn'ik, a G'étъm gd'è pasúšь, G'én'ik, darógъ G'én'it* (когда замерзнет, тогда ездют; замерзнет — обязательное условие, ибо иначе не проехать).

3) *Étъ abvátъk, abvál'is s'èпъ, a na záftrъ tagdá javó, anó xúžь, anó súše f kapnáx-tъ, anó ъtras'èit, a patóm anó, apс'óxn'i étъ s'v'èrxu, b'ar'óž grábъl'i, javó-ъt i varóšьis* (когда сено обсохнет, тогда его ворошишь).

4) *Tар'èr' étъt G'ón, n'ét, ат'èpl'is ы vьinós'is rakázьvьl'.* «Nu kák?» — «N'é, is's'é n'i G'azáfьsь étъt G'ón, nádъ š's'e dát' pъl'ažát'». *Vòt ón jaš's'ó pъl'ažьl, rajd'óš jaš's'ó vaz'm'óš étъt up'ítъk, up'ítъm zval'i, górstъku G'ná, ap'át' vьisušьis f p'èč'k'i* (когда еще полежи, возьмешь упыток).

5) Já jěj káždyj d'én' próstyn' s't'al'ú, p'ys't'al'ú próstyn', aná zymarái, jajó vyk'ídyv'ju (шутка про корову; когда [= если] замарае, тогда выкидываю).

6) Nu vót, a patóm javó namážiš karóvjim navózьт, pal'jós javó, ón zam'ór'z'n'i, rubánkьт p'stragájut, štóp ón glátкьj b'ít (когда замерзни, его построгоают).

7)** A vót kak mý s'id'ím, tút st'lját mužik'í s ružjóm, a ikónь vót [id'ó], ták ykónь móžь b'ít', užé kák ód zabór, paixód'i, vót aný načnúт pal'ít', báx, báx. [Когда/если] икона подходи ⇒ они начнут палить, т. е. подходи является условием для выполнения следующего действия (в таком случае необходимо прочтение формы подходи не как длительной, а как достигшей предела (результативное значение НСВ: = «когда подойдет, начнут стрелять»). Другие интерпретации этого примера см. 4.1.2.

8) Bывáть v gas't'áx, nъ l'ud'áx, Jifras'in'jъ F'ódьrьнъ, catúicь, kág damój pr'id'ó, tag dráccь (когда домой придё, тогда драться начинается).

Поскольку есть ряд примеров с формой 3 л. с ∅-окончанием, обозначающей предшествующее действие (условие), когда это действие предполагается как резкое, внезапное, то можно предположить, что это значение внезапности является дополнительным фактором, заставляющим выбирать ∅-окончание. Видимо, можно говорить об эмпатическом ∅-окончании:

9) Patóm javó t'ixón'ič'кь patóžiš na dnó, a jés'l'i vót ták, pr'im'érнь, vz'át, vót ón kák tám áxn'i, áš kadúškь pacskóc'i, i vadú fs'ú nъ p'ytátóк výchv'í'i (если так взял, то ахни, подскочи, выхвати).

10) A darógь-ть bytá, án'd'ity xran'ít'il'í! Bóžja tь majá má't'ir'! Éть t'a-p'ér', v'ég by n'i pajéxьт by i n'i pašót, vót kák úxn'i tьšad'иньл t'a'l'éгь, tò i gl'ad'í s' s'ar'd'éšn'ikь svál'icь kь... t'al'éгь (если ухни телега, то можно свалиться).

11) Já jém tak'íi gr'ibyí, sóbь na pál'ec šl'ápkь s'éть, és'l'i pьdas'инь'vik, a pьdb'ar'ózьv'ik'í j's' n'a búdu, ón skól'skьj, šmargáit, kák šmór'n'i, m'an'é r'v'ót (если гриб шморни, то меня рвет).

Окончание -∅ в той части предложения, в которой выражается следствие, встречается почти вдвое реже, чем в условной части. Как правило, такие примеры допускают другое толкование — их можно рассматривать как «одиночные» действия (во всех примерах представлено неактуальное, обобщенное или повторяющееся, значение настоящего времени). Примеры (всего 16):

1) Éть s'v'inúx'í, бывáть, id'ós, kák naskóm pad'd'én'is, aná l'at'í kák fud'bót ([если] подденешь ⇒ лети). Ситуация — типичная, повторяющаяся,

описания нет, возможно, есть указание на свойство класса предметов, т. е. *лети* как «отдельное» действие можно рассматривать как неактуальное обобщенное.

2) *Dáže mčínaiž d'ěť, ýospřďi, dь bьgьstav'í m'an'á ýospřďi, pьtažb'í ty mn'ě, ýospřďi, z'd'ěťb'í, i z'd'ěťb'íš ty bóliš v dvà rázь, sparčěj u t'ě d'ěť pajď'ó* (помолишься, тогда *спорее* *пойдѣ*).

3) *Kr'ičád: Zór'kь, Zór'kь, prók, prók, prók, sól'i, sól', id'í s'udá, i vót an'ě pr'igv'ár'ivut, a patóm vòt étь n'ačístьl s'ítь, i xód'i daít' karóf, l'ótbit étьt, n'ačís'c'ik, i vòt ón pr'inós'it jěj mьtaká* (о действиях колдуна, направленных на «отбирание» молока: в Чистый четверг колдун залезает на зарод, зовет оттуда корову, в результате чего *нечистая сила* и *ходи* и приносит ему молоко).

4) *Fs'ó jés', mnógь óčín', Sášyn'kь, d'ěťjud že ták, štó, i škúrl m'ěxьt s'l'ěz'í, fs'ó, i skót vьiv'idut ыз dьl'rá i fs'ó* («сделают» [т. е. наколдуют], в результате чего *шкура слези*).

5) *S'ěny-tь, stók-tь rьzv'ad'óš, xtób dóš, da v'ěty stók-tь, a ón žь n'í za-kón'č'inyj, i javó i prьs'l'agái naskrós', étьt stók-tь* (стог незаконченный, поэтому его *протягае* *насквозь*).

6) *Vьivájut, nu òn atógьj b'ér'ek, vadá i uxód'i, vòt tút namьiv'inь i búd'it, namón'inь, travá vьrьs't'it, nьmьiváicьsь* (если *берег отлогий*, то вода *уходу*).

7) *Takúju š róstьm č'ášku súpu nьl'ivájut, i vòt étь svár'in s'ie'ás s suxój rьbьj, górstьč'ku k'ínut, pách'n'i rьpkьj, i pr'am jad'át tól'kь ták* (если *кинут*, то *пахни*).

5.3. Целевые конструкции

Возможна такая разновидность конструкций с обусловленными действиями, в которых вторая ситуация (или ряд ситуаций) является целью по отношению к первой. Подобные примеры иногда близки примерам с «двойными глаголами» (типа *иди проверь* = 'иди, чтобы проверить'). Примеры (всего 4):

1) *A tagdá n'ěkьgdь, vòt ón pr'ijéd'i b'édnyj, paúžьnyit, pagr'ěicь, čajkú parjút, ták čáj p'il'i, tól'kь vòt kagdá v l'és jéz'd'il'i, stáv'il'i sьtavár* (*приеду*, чтобы поужинать, погреться и т. д. *Приеду* — не является условием для выполнения последующих действий, но логически оно необходимо).

2) *Aná pr'id'ó javó padmóit, vьír't'it, p'il'anáit, sósku z'd'ěťbit nóvьju, dás' jatú, já ap'át' kač'áju* (*придѣ*, чтобы подмыть, вытереть и т. д. *Придѣ* — *подмоит* похоже на «двойной глагол»).

6. Итак, в рассмотренном говоре семантико-синтаксическое распределение флексий 3 sg. презенса в полипредикативных конструкциях подтверждает инъюнктивное происхождение славянской $\emptyset$ -флексии. Если в случаях «одиночного» действия $\emptyset$ -флексия может быть охарактеризована как имеющая значение неактуального настоящего (при актуальной t -флексии), что соответствует противопоставлению индоевропейского инъюнктива и презенса, то в употреблении форм 3 л. презенса с $\emptyset$ -окончанием в полипредикативных структурах также можно отметить ряд типичных контекстов, подтверждающих инъюнктивное значение этой формы. Во-первых, это случаи «наложения» действий («двойные глаголы», фоновое длительное действие, а также, вероятно, «дистрибутивные» и «включенные» действия), которые можно сопоставить с употреблением инъюнктива в ведийском при однородных сказуемых: если имеется ряд словоформ, объединенных общей ситуацией, то используется только одна форма с окончанием $-t$ (т. е. с актуализатором настоящего времени). Во-вторых, употребление форм 3 л. презенса с $\emptyset$ -флексией в сложноподчиненных предложениях (преимущественно — в придаточных условных), а также в контекстах, когда речь идет не о совершающемся действии, а о предполагаемом, соответствует употреблению этой формы в памятниках письменности северо-западного региона, в первую очередь в берестяных грамотах. Это еще раз подтверждает гипотезу о происхождении славянской $\emptyset$ -флексии 3 л. презенса из индоевропейского инъюнктивного «вторичного» окончания и позволяет считать $\emptyset$ -флексию в северо-западных русских говорах не инновацией, а архаизмом.

Литература

- Абраменко 2000 — *О. А. Абраменко*. Обратные системы соотношения форм gen. и dat.-loc. sg. a -склонения в среднерусских говорах: о времени возникновения // Вестник молодых ученых. СПб., 2000. Вып. 2. (Сер. Филол. науки).
- Бондарко, Буланин 1967 — *А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин*. Русский глагол. Л., 1967.
- Вайс 2000 — *Д. Вайс*. Русские двойные глаголы: кто хозяин, кто слуга? // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. I-II. М., 1980.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Елизаренкова 1982 — *Т. Я. Елизаренкова*. Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Зализняк 1986 — *А. А. Зализняк*. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк 1988 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк, Малыгин, Янин 2002 — А. А. Зализняк, П. Д. Малыгин, В. Л. Янин. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. // Вопросы языкознания. 2002. № 6.
- Кузнецов 1956 — П. С. Кузнецов. К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Roč. XXV. Seš. 2. Praha, 1956.
- Ломтев 1954а — Т. П. Ломтев. П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953. [Рец.] // Вопросы языкознания. 1954. № 5.
- Ломтев 1954б — Т. П. Ломтев. С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. [Рец.] // Русский язык в школе. 1954. № 5.
- Николаев 1988, 1989 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988; 1987. М., 1989.
- Николаев 1990 — С. Л. Николаев. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Обнорский 1953 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Рыко 2000 — А. И. Рыко. Семантическое распределение окончаний 3-го лица презенса в северо-западных русских говорах // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000.
- Селищев 1937 — А. М. Селищев. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М., 1924. [Рец.] // Известия ОРЯС АН СССР. 1937. Т. 32.
- Строганова 1970 — Т. Ю. Строганова. Формы глаголов 3-го лица без *т* конечного // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Чернышев 1903 — В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уу. // Сборник II отд. АН. 75, № 2. СПб., 1903.
- Шахматов 1903 — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- Янин, Зализняк 1998 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3.
- Янин, Зализняк 1999 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4.
- Miller 1988 — R. H. Miller. The Third Person Present Tense and Common Slavic Dialectology // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1988. XXXVII.

Summary

A new data of the semantic distribution of endings 3rd ps. praes. in North-Western Russian: compound and complex sentences

The article considers the distribution of endings of the 3rd ps. praes. in one of the Russian North-West dialect. According to the data obtained in the dialect of Kholm (Selizharovo department of the Tver region), this distribution has not only a semantic base, but also a syntactic one. The analysis of compound and complex sentences permits to reveal some typical contexts of usage the ending -∅. Our material confirms the hypothesis about «injunctive» meaning of the inflexion -∅ of the 3rd ps. praes. in the examined dialect; it offers an additional argument for the hypothesis that the ending -∅ of the 3rd ps. praes. in Slavonic continues the Indo-European «secondary» ending with the meaning of Injunctive, so we can consider the inflexion -s in the Russian North-West dialect not as an innovation, but as an archaism.

Опыт составления толкового словаря говора

В настоящей статье идет речь о работе над словарем говора села Синевир Межгорского района Закарпатской области Украины. Эта работа явилась естественным продолжением и следствием многолетних (с 1987 г.) экспедиций в Украинские Карпаты под руководством С. Л. Николаева*.

Первоначально цель экспедиций в украинские Карпаты была довольно узкой — сбор материала для «Акцентологического словаря славянских языков». Однако вскоре стало очевидно, что игнорирование других разделов грамматики и лексикографии было бы непростительным упущением. Поэтому начиная с 1989 г. к специальным акцентологическим программам в разное время были добавлены: фонетическая программа, позволяющая, с одной стороны, надежно выявить реализацию и позиционную дистрибуцию аллофонов фонем и, с другой стороны, выяснить рефлексацию праславянских звуков в современных говорах** ; морфологическая программа, предназначенная для сбора основных парадигм всех грамматических категорий. Помимо этого, попутно собиралась лексика и лексические значения слов — в первую очередь, включенных в указанные выше программы, а также из текстов и кратких лексических списков, организованных по тематическому принципу (названия частей тела, рельеф и т. д.) [см. Николаев, Толстая 2001: 3–4]. В ходе этой работы экспедиция оказалась перед необходимостью выработать стандартную схему экономого описания диалектной системы на всех уровнях, включая основной (базовый) фонд славянской лексики, на которой могут быть показаны главные, типологически значимые диалектные черты, в том числе и акцентологические. Словарь при этом оказывается необходимым звеном грамматического описания, т. е. частью такой грамматики, которая строится на полном корпусе лексики (ср. [Супрун 1984]).

---

* С 1995 г. исследования карпатских говоров проводились при финансовой поддержке РФНФ (проекты № 95-06-18702, 96-04-06147, 96-04-18006, 98-04-18006, 01-04-18013, 02-04-18030); в 1994–1995 гг. работа по описанию синевирского говора была поддержана фондом «Культурная инициатива».

** Диалектные материалы, собранные по этой программе, послужили основой дальнейших исследований фонетики карпатоукраинских говоров и частично опубликованы [см. Николаев 1994; 1995; 1995а; 1996].

Первым опытом такого описания говора стал словарь торуньского диалекта, созданный вскоре после работы в селе Тбрунь Межгорского р-на Закарпатской обл. в 1990 г. и опубликованный по техническим причинам лишь в 2001 г. [Николаев, Толстая 2001]. Словарь, включающий около 3500 слов, сопровождается кратким грамматическим очерком с описанием фонетики и фонологии говора, а также классификацией словоизменительных типов имен и глаголов.

Состав лексики, отраженной в словаре торуньского говора, определялся спецификой экспедиционной работы, нацеленной на выяснение основных фонетических и морфологических черт говора, путей его исторического развития и его отношения к другим говорам карпатского ареала.

То, что лексикографической части полевой работы уделялось меньшее внимание, определялось тем, что карпато-украинская лексика в общем неплохо изучена. Специфика проведения экспедиций не позволяла находиться в каждом отдельном говоре более 14 дней. Этим объясняется фрагментарность изучения семантики каждого отдельного слова (особенно это касается многозначных слов). Поэтому Словарь торуньского говора представляет собой, по существу, список слов с грамматическими пометами и переводами и не претендует на статус настоящего словаря говора, но лишь содержит реально зафиксированное значение и грамматическую характеристику каждой лексемы (см. [Николаев, Толстая 2001: 4]).

Вынужденные недостатки и неполнота словаря такого типа, а также неполнота грамматического описания говора, более или менее подробно представляющего лишь фонетическую систему и систему словоизменительных классов имен и глаголов, с одной стороны, и практическое отсутствие подробных систематических описаний отдельных карпатских говоров, с другой, поставили вопрос о создании такого по возможности полного описания и словаря отдельного карпатского говора. В качестве объекта для такого описания был выбран говор с. Синевир, известного еще посещением его П. Г. Богатыревым и М. Гавацци в 20-е годы, где экспедиция работала в первый раз в 1993 г. Синевир — большое село в верховьях р. Тербли с населением не менее 5 тыс. жителей, расположенное в восточной части закарпатских боржавских говоров. Синевирский говор отличается устойчивостью и достаточным единством в разных концах большого села. С 1993 по 2002 г. экспедиция работала в Синевире девять раз.

Сначала работа в Синевире строилась по уже выработанной схеме. Были записаны основные программы — фонетическая, морфологическая, акцен-

тологические списки по разным типам основ, краткие лексические списки, а также образцы текстов. Разные программы предполагали опрос как от формы к значению («есть ли такое слово и что оно значит»), так и от значения к форме («как называется то-то»). Этот материал составил основу словаря. Затем были записаны более подробные лексические программы. В частности, был составлен вопросник по словарю Куцалы [Kucala 1957], а также несколько подробных вопросников по отдельным темам (см. [Бушкевич, Николаев, Толстая 1994]). В этот период стала применяться сплошная запись бесед с информантами на магнитофон. Попутно собирались программы по этнологии (по основным темам, относящимся к традиционной духовной культуре, обрядам и верованиям), записывались тексты. Словник пополнялся при обработке этих материалов. Дальнейшая полевая работа состояла, помимо постоянной записи текстов, в уточнении и проверке имевшихся словарных материалов, а именно, в уточнении значений слов, выяснении парадигм и полных грамматических характеристик для лексем, встретившихся в текстах, выяснении вариативности, проверке противоречивых данных и т.д.

Работе в Синевире очень помогло то обстоятельство, что с самого начала удалось найти нескольких замечательных информантов. В основу работы по описанию синевирского диалекта легло многолетнее сотрудничество с Анной Степановной Цимбота, коренной местной жительницей, у которой были собраны все основные грамматические и лексические программы. Несмотря на относительно молодой возраст (Анна Степановна родилась в 1940 г.), она хорошо помнит и знает традиционный жизненный уклад Синевира, речь и рассказы старшего поколения. Очень ценным для нас было ее вдумчивое отношение и интерес к собственной речи и языку, способность уверенно порождать необходимые грамматические формы слов, объяснять различные оттенки значения, моделировать типичные ситуации и контексты употребления слов и фразеологических сочетаний. В полевой работе каждый собиратель встречается с информантами такого типа, «стихийными лингвистами», дающими надежный и ценный материал; в таких случаях всегда возникает стремление использовать этот источник как можно полнее и разностороннее.

При обработке магнитофонных записей и составлении словаря оказалось, что для большей части лексем мы обладаем более или менее подробными диалектными толкованиями и примерами употребления. При этом полевая работа по проверке и уточнению словарных материалов естественно строилась в основном «от слова к значению», т. е. мы получали от информантов ответы на вопросы о конкретных словах. Совокупность ответов на

такие вопросы практически составляет толковый словарь говора, т. е. корпус лексем, значение и употребление которых описано самими носителями. Разумеется, для полного толкового словаря говора необходимо, чтобы таким образом были охарактеризованы все лексемы, составляющие словник, чего в нашем случае еще нет, поэтому можно говорить лишь о материалах к такому толковому словарю.

В словарной статье, помимо диалектного толкования, приводится грамматическая характеристика слова (словоизменительные классы имен и глаголов) и формы словоизменения; перевод; отсылки, показывающие деривационные связи; в отдельных случаях лексические отсылки и указания на разного рода вариативность.

Круг лексем, к которым получены диалектные толкования, достаточно велик. Понятно, что сравнительно просто получить комментарии к существительным с конкретным значением, особенно терминологическим из сферы материальной культуры или обрядовой терминологии. Например, для слова *c'iwka* информанты приводят три основных значения*: 1) 'часть печной трубы': *C'iwka u nás s'a klíče takóje ščò jak róbit s'a špór ta púšcat s'a doóm popyt pč, ta uχódti u s'in'ox, ta totó klíčut, toúú d'irú, klíče s'a c'iwka. 'C'iwka u nás называется такое, что когда делается плита, пускается дым над печью и выходят в снях, и это называется, эта дыра называется c'iwka.'*; 2) 'деталь ткацкого стана': *kolí tkáti to naviváti nitkoó, kladé s'a u čównik, totó c'iwka šo naviváje s'a na n'ú nitkoó 'когда ткут и навивают нитки, они кладутся в челнок, c'iwka — то, на что навиваются нитки'; A ščé c'iwka klíče s'a takóje ščø røbl'at iz bzinó, takóje d'irávoje, to takóje zádowyoje, dvacc'at'.. santimetrü ci dvácc'at' pját'. Ta pr'adé s'a pr'áža domášna, ta naviváti, jé pótak takóej, izroblénoej iz dóškoo, to takóje kóleso, tám.. zroblénoej yvüst, a na totó s'a jáže taká nitka, to nai'iyat s'a c'iwka na tót yvüst, toóm krutíti, toták s'a navivat c'iwka, ta toóm tkáti. 'А еще c'iwka называется такое, что делают из бузины, такое с дыркой, такой длины, сантиметров двадцать-двадцать пять. И прядется домашняя пряжа, навивают, есть такой pótak деревянный, такое колесо, там сделан гвоздь, а на это навязывается такая нитка и натягивается*

* В приводимых ниже примерах используется система транскрипции, принятая в карпатских экспедициях и в Синеви́рском словаре. Таблицу обозначений гласных см. [Николаев 1995: 107] или [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 330]. В частности, для неогубленных гласных верхнего и верхне-среднего подъема используются следующие обозначения: *i* — гласный переднего ряда верхнего подъема; *ɪ* — гласный переднего ряда верхне-среднего подъема; *ɛ* — гласный передне-среднего ряда верхнего подъема; *ø* — гласный заднего ряда верхне-среднего подъема. О закарпатских фонетических системах, близких к синеви́рской, см. [Николаев 1996; Николаев, Толстая 2001].

c'íwka на тот гвоздь, этим крутят, так навивается *c'íwka*, и так ткут.' 3) 'бревно': *derevo odno takóje dōwyoje, jakóje ono úroslo u xášči, takóje oprčemsanoje u xášči, ne pererúbanoje, totó c'íwka*. «Дерево» одно такое длинное, как оно выросло в лесу, такое с обрубленными сучьями, не разрубленное, это *c'íwka*. Такие комментарии являются практически полноценными определениями. В большом числе случаев в таких толкованиях содержатся сведения об устройстве предмета, его использовании и т. п., например: *dekúnok*, gen. z *dekúnku* 'окоп': *Dekúnok totó takóje u zemlí ta zakópujút ta tám móš spr'átati s'a vüt kóyos*. *Dekúnok rōbl'at r oxótníkoo, jak lísč'i vartújut, ta dēs' u bereškú sōbí zrōbit, zakóple s'a, toták opsóple ylnōw, obōo lísč'a ne vítrila, ontám dēs' u nfx mērša, ta vütto takóoj voozōrēc' malóoj sōbí líšit, ta tudó s'a dívít, ta vartúje lísč'u ūbítí. Z dekúnka*. 'Dekunok — это такое в земле выкапывают, и там можно спрятаться от кого-нибудь. Dekunok делают и охотники, когда сторожат лисицу, где-нибудь на склоне себе устроит, закопается, так присыплет землей, чтобы лисица не учуяла, там где-нибудь у них падаль, и оттуда такое окошко маленькое себе оставит и в него смотрит, и сторожит [убить] лисицу. Из *dekunka*.' В некоторых случаях такие толкования представляют собой объемные тексты, касающиеся целого круга лексем, — например, описания технологии лесосплава или порядка проведения традиционной процедуры определения удоиности овец перед отгоном их на летние пастбища, именуемой *mira* (см. Приложение; ср. также [Толстая 2001: 485–486], где приведен обширный текст о порче некрещеного младенца, фактически являющийся развернутой дефиницией глагола *rojániti* и полученный в ответ на вопрос об этом глаголе. Еще одну публикацию синевирских текстов см. [Толстая 1999]). Эти тексты ценны сами по себе и, по-видимому, должны даваться в приложении к словарю с отсылкой к ним.

В толкованиях глаголов прямые определения значения встречаются реже; чаще всего для объяснения глаголов, особенно с достаточно абстрактным значением, приводятся примеры их употребления, например, *naylíti* na + acc. 'торопить': *Nó pak ščōz' bis' xōt'ila.. nó obím ja vat' skóro robíla, vat' skóro íšlá, vat' ščōs' skóro kazála, a já bim kazála — ne naylí na n'á, [da] táy yí tēpér' tí kážu, ščo «ne wkl'učáj rás», já kážu.. ta kazála bim — «ne naylí na n'á». Vat' «ne naylí na n'óyo», vat' ščōs' ták*. 'Ну ты бы хотела что-нибудь от меня, чтобы я или быстро делала, или быстро шла, или быстро отвечала что-нибудь, а я бы ответила — *ne naylí na n'á*, так, как я и теперь тебе говорю, что «не включай пока», и я бы сказала — *ne naylí na n'á*, или «не *naylí na n'óyo*», или как-нибудь так.' Однако имеются и определения: *nadrōynuti*

'продрогнуть': *Pak totó ták, šo z'z'abstí, líš né, né on' do čítavo z'z'apstí, a líš ták prósto nadróyne, ščo wróđ'i r ne z'z'áp, líš [r itf] tepló mu, líš nadróx ták. Ščo ne [z'z'ablá-s' ták on'.. šo ne birúješ ití, a líš ták.* 'Ну это так, что замерзнуть, но не так чтобы сильно замерзнуть, а так просто *nadróyne*, что вроде и не замерз, еще и идти ему тепло, только так *nadróx*. Что не замерзла ты так, что не можешь идти, а только так немножко.' *Muštrovátí* 'мстить': *Toó menè šč'q's' nasérdila, a já tebé za sesé p'qmuštrúju, já tqbì šč'q's' ssé viúddám. P'qmuštrúju já tebé za sesé. Tot'q' «muštrovátí s'a» — ot já tqbì t'q'q' viúddám. Aš toó men'í šč'q's' uredá zroblá, a já tqbì ssé viúddám. Ot t'q'q' u nás sl'q'ovo «muštrovátí».* 'Ты меня чем-нибудь рассердила, а я тебе за это *p'qmuštrúju*, я тебе как-нибудь отомщу. *P'qmuštrúju* я тебе за это. Это *muštrovátí s'a* — вот я тебе за это отомщу. Если ты мне причинила какой-то вред, а я тебе отомщу за это. Вот это у нас слово *muštrovátí*.'

Комментарии получены и для некоторых служебных лексем, например, союзов; они обычно определяются через синонимию: *abo* 'или' (в одном из значений): «*abo*» — *dl'a zvjázkoo slúw, prósto meži slovátí ono s'ák káže. Abo, wát'. Čórnoje wađ' bíloje. Abo tó abo tó.* 'Abo — для связи слов, просто между словами оно так говорится. *Abo, wát'*. Черное *wađ'* белое. *Abo to abo to.*'; *ani* 'ни': *Zayubíli s'a jáyn'ata, ani jedno ne najšli = i jedno ne najšli.* 'Потерялись ягнята, *ani jedno* не нашли = *i jedno* не нашли.'

В комментариях информантов встречаются и указания на стилистические различия слов: *kqstrubátooj* 'лохматый, косматый' (*maj serdító*), = *pelexátooj* (*maj n'éžno*); *péknuti* 'врезать, ударить': *Jak t'a péknu z'aras, ta púkneš! (maj n'éžno — «udar'u»).* Тем же словом *n'éžno* часто характеризуется уменьшительность: *d'idik* dim. к *d'ido*: *Pag «d'ido».* *No napríklat müj n'an'ó — móji d'ítí kazáli šo «d'ido».* *Nò a kol'f ták n'éžno, ta «d'idik».* 'Ну *d'ido*. Например, мой папа — мои дети говорили *d'ido*. Ну а когда так «нежно», то *d'idik*.'; *leýeŋ'kooj* dim. к *léxkooj*: *dúže-dúže léxkoje — leýeŋ'koje; s'íno takóje leýeŋ'koje, fájno ús'xlo (užé n'éžno maj kážu).* 'Очень-очень легкое — *leýeŋ'koje*; сено такое *leýeŋ'koje*, хорошо высохло (уже «более нежно» говорят).'; в том числе и чисто семантическая уменьшительность, ср. о выражении *na mnútku*: «*A nú, [p'ój už id meŋ'í] málo na mnútku*». *Bq toó bis' ne xó'íla nadówo, a s'ág b'm kazála «na mnútku», ta znála bis', šo totó bdé petnóyo. Kol'f s'ak n'éžno, «na mnútku».* 'Зайди-ка ко мне *na mnútku*. Ты бы не хотела надолго, а я бы сказала «*na mnútku*», и ты бы знала, что это будет недолго. Когда так «нежно», «*na mnútku*».'

Ценными являются указания на «историческую употребительность» лексикки — в комментариях выделяются новые для диалекта слова, моло-

дежная лексика, и старые слова, ныне не употребляющиеся или употребляющиеся лишь у старшего поколения, что связано как с изменением реалий, так и с внешним языковым влиянием. Ср.:

Totó *polová kráska*, kážut. *Polová fárba*. Totó wžé.. totó.. sé wrôďi l'iteratúrnoje vat' ják, já ne znáju. Тегер' totó mólôď'ôš káže, pák a dawnó.. dawnó kazáli fárba do mósta. Pag «dawnó kazáli», pak totó užé jak fárba bóola, a dawnó bidá víďila fárbu do mósta, taj mostóo ne mostíli u náz dawnó níгда šúya. Ní môtú dawnó máj ršče ne bóolo, líž ziml'a. 'Это *polová kráska*, говорят. *Polová fárba*. Это уже.. вроде литературное или как, я не знаю. Теперь это молодежь говорит, а раньше говорили *fárba do mósta*. Ну как «давно говорили», это уже когда была краска, а раньше «беда видела половую краску», и полов не настилали у нас раньше никогда. Полов раньше вообще не было, одна земля.'

Dawnó kazáli *koncolárn'a*. Pak totó ták yi тегер' na síl'ráďi. 'Раньше говорили концоларня, это так, как теперь в сельсовете.'

Poliváčka. Já, já takóje тегер'koo, dawnó tóyo ne bóolo, a тегер'koo je takóje ščo yr'atkoo nim polivájuj, vat' kôsjc'i, takóje. *Poliváčka*, totó je. Kážut. [pl.] *Poliváčkoo*, jak níx mпоyo. 'Есть, есть такое теперь, раньше этого не было, а теперь есть такое, что из него поливают огород, или цветы, такое. *Poliváčka*, есть такое. Говорят.'

Тегер' kážut *míter melajú*, a dawnó kazáli *kobél*. *Míter*.. centner pо rús'koo, ájno, centner, a u нас kážut *míter*, a dawnó kazáli *kobél*. 'Теперь говорят *míter* кукурузы, а раньше говорили *kobél*. *Míter*... центнер по-русски, да, центнер, а у нас говорят *míter*, а раньше говорили *kobél*.'

Tò ne kážut ták «*ďiška*», a.. s'ak'ě šče yi já móžut kazáti, a užé moloď'ôš, tak'ě yi тоó, ne káže. 'Так не говорят «*ďiška*», а.. такие еще как я могут сказать, а молодежь уже, как ты, не говорит.'

Могут отмечаться и фонетические различия между поколениями в употреблении отдельных слов: *Starí kážut «magazín», «pо magazínax», a mólôď'i kážut «magazínoo»*.

Отдельно отмечаются слова, известные информанту, но не употребляющиеся в говоре — например, литературные: «*Pr'isnóoj*» *n'ě*, *líš totó yé w škól'i líš čúti líš, šo pr'is'n'i vódoó je, taj solén'i vódoó*. A.. takóje za domášnoje ne kážut níč. 'Pr'isnóoj — нет, это только в школе вон слышно, что бывают пресные воды и соленые воды. А такое в быту ничего не говорят.'; инодиалектные: «*Iskátí*» totó kážut uw ontóox séлах, ú (sic) *Ver'xóvin'i*. To za *Mížy'ír'a tudóo*. A u нас kážut «*yl'ádatí*». '«*Iskátí*» это говорят в тех селах, в Вержовине. Это там, за Межгорьем. А у нас говорят «*yl'ádatí*».' Хотя они не

принадлежат диалекту, по-видимому, стоило бы собрать такие «отрицательные» свидетельства отдельно.

Диалектный словарь такого типа, как создаваемый синеви́рский, толковый словарь говора, разумеется, имеет большое значение для изучения такой малоисследованной материи, как языковая рефлексия носителей диалекта (ср. недавно вышедшую монографию на эту тему: [Ростова 2000]*). Однако такое исследование мы не ставили своей целью, видя главную свою задачу в максимально точном и полном описании отдельного говора с. Синеви́р. С этой точки зрения такое построение словаря с подробными комментариями носителей говора оказалось полезно, во-первых, как форма представления материала, который с трудом поддается системному описанию (сведения об употреблении слов, сочетаемости, типичных контекстах, а также во многом синтаксическая информация); во-вторых, наличие в словарной статье, помимо перевода, аутентичного диалектного объяснения значения слова существенно повышает надежность словарной информации.

Как правило, в диалектных словарях информацию о конкретной лексеме можно извлечь, во-первых, из толкования и комментариев составителей (перевод, грамматические пометы), во-вторых — из приводимых примеров; при этом в первом случае пользователю словаря приходится целиком полагаться на компетенцию составителей, во втором — также отчасти доверяться им, рассчитывая, что пример отражает характерное употребление слова. Между тем известно, что дефиниции, предлагаемые составителями, могут быть ненадежны и иногда даже вступать в противоречие с примерами употребления слова**. В таких «счастливых» слу-

* Я благодарю Е. Л. Березович, познакомившую меня с этой работой.

** Самый частый недостаток в таких случаях — разного рода контекстное толкование. Ср., например, явно сомнительное значение в [СРНГ 35: 349]: «**Рязак**, м. Человек, который крестит детей. *Один рязак у них и в селе всех обслуживает, крестит*» (пример указан А. А. Зализняком). Часто неверно определяется объем значения: ср. в «Словаре пермских говоров» толкования к ГНИЛУШКА: «1. Ветхое, старое строение. *Дети зовут, зовут, а мне неохота ехать из своей гнилушки*. <...> 2. Полусгнившие овощи. *После войны мы гнилушки собирали, есть-то было нечего*. <...> 3. Дерево с подгнившей древесиной. *На болоте не берем лес, одни гнилушки стоят там*» [СПГ I: 166] — единому значению 'нечто гнилое' приписываются разные контекстные компоненты; противоположный случай — слишком общее толкование: «**НЕВЫДЕЛАННЫЙ**. Недоделанный. *Дом-от у их ишо невыделанный стоит*. <...> *Напротив стоял невыделанный, нежилой дом, дак в ём и гадали*» [СПГ I: 584] — здесь, наоборот, «дом» скорее всего является существенным компонентом значения (ср. синеви́рск. *kíta-ll hoõžu* 'делать внутреннюю отделку в новом доме').

чаяя ярче всего проявляется «верифицирующая» роль приводимых диалектных контекстов. Очевидно, что чем полнее контекстный материал в словарной статье, тем бóльшую возможность имеют читатели контролировать адекватность дефиниции, данной составителями, и точнее представление о семантике и сочетаемости толкуемого слова.

Ср. характерный пример: в «Словаре говоров центральных районов Белоруссии» к слову *мятлік* дается толкование 'подарунок' и приводится контекст: *Цалавала, цалавала мяне ўнучка, дужа ш упанаравіла іна мятлік, што прынісла на хрэсьбіны. А я ш за мятлік гэты зашмат грошы адала* [СГЦРБ 1: 235]. Это толкование сразу вызывает подозрение (даже если не принимать во внимание известное др.-рус. *матьль* 'плащ', 'верхняя одежда', старое заимствование из латыни через германское посредство [Срезн. II: 259–260; Янин, Зализняк 1994]); и действительно, в Туровском словаре находим: «М'ЯТЛІК м. Сарочка, якую аздывалі дзіцяці першы раз пасля хрышчэння. *Першого наздевалі м'ятліка. Это кумін м'ятлік, тры метры этого м'ятліка, шоб тольکو на дзіця пошылі рубаішэчку*» [ТС 3: 105]. Толкование Туровского словаря, как можно видеть, в свою очередь дефектно: из контекста очевидно, что *мятлік* — это по крайней мере не только 'крестильная сорочка', но и 'род ткани' (по устному сообщению С. Л. Николаева, это последнее значение известно ему и из западных среднерусских говоров).

С прискорбием отметим, что поиск таких примеров не составляет никакого труда.

В этом смысле толкования и комментарии к употреблению слов, данные самими носителями, как нам кажется, могут служить третьим существенным компонентом словарного представления лексемы. Давая толкование, носитель исходит из своей языковой компетенции, уровень которой не может быть достигнут никаким самым внимательным и подробным внешним изучением диалекта*; примеры, приводимые информантом, представляют действительно наиболее типичные и характерные ситуации употребления слова. Разумеется, полнота характеристики слова информантом зависит как от его вдумчивости и способности к языковой рефлексии, так и от добросовестности и квалификации собирате-

* Ср.: «Сколь бы хорошо ни понимал свой предмет исследователь народных традиций — этнограф, фольклорист или диалектолог, он практически всегда является посторонним по отношению к изучаемой культуре. Нас не должны вводить в заблуждение различные приемы “погружения” в нее и методы “включенного наблюдения” — глубина такого “погружения” имеет свои пределы, а ресурсы “наблюдения” ограничены. Субъект наблюдения не может полностью отождествиться с объектом — ни психологически, ни операционалистически; исследователь останется городским человеком, представителем своей социальной среды, со своими целями и знаниями, от которых он не в состоянии отказаться» [ЖС 2002/3: 30].

ля, который должен максимально подробно и четко выяснить всю «словарную» информацию, не оставив сомнений и неясностей; но в любом случае эта информация остается адекватной, застрахованной от ложных толкований и искусственных примеров.

Весьма ценной представляется обширная этнографическая и «этносоциальная» информация, сопутствующая диалектному толкованию лексики (описание предметов материальной культуры, их устройства и применения, традиционных промыслов и занятий, быта и отношений и т. д.). В этом смысле создаваемый Синеви́рский словарь может быть сопоставлен с такими (к сожалению, редкими) материалами, как опыты «самоописания» народной культуры и составления диалектных словарей самими носителями (ср. недавнюю подборку материалов на эту тему в журнале «Живая старина» [ЖС 2002/3]; там же [Минаева 2002] о «народном этнодиалектном словаре» архангельских поморов В. М. Родионова*).

Как показывает опыт, обращение к метаязыковому сознанию носителей существенно помогает верифицировать наблюдения и выводы не только на лексическом и семантическом уровне. Работая со вдумчивым и чутким информантом, каким является А. С. Цимбота, мы многое прояснили для себя в системном плане и в области фонологии и фонетики (отождествление/различение звуков в разных фонетических позициях, особенно в позициях «просодической аккомодации») и даже некоторых элементов синтаксиса (ср. слитное/раздельное написание информантом энклитик и служебных слов). Однако эти стороны диалектного описания не входят в предмет настоящей статьи и могут быть темой отдельной работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ**

О лесосплаве

U náz dawnó daráboo vozíli, bə j múj n'án'o vozíw. N'án'o vozíw daráboo ta ɔtʂ'ák ják.. Ta totó na ózɪr'i yatíli vódu, ta puščájut vódu, ta u flúder daráboo ídút, a dēs' na r'ic'í tráfit s'a šə šós' daráp püjšəw nedóbre šós', [ɪzvɪ'álo], cɪ vodá malá bóla, cɪ velíka, cɪ šós' ne.. ne próbɪrovalɪ ɪúde, to zróbít s'a

* Ср. редакционный комментарий к публикации о словаре В. М. Родионова: «Любитель-диалектолог исправляет неточности и упущения лингвистов, неадекватно, по его мнению, описавших язык архангельских поморов, и в результате создает грандиозный по своему воплощению лексикографический труд» [ЖС 2002/3: 30].

** В приводимых ниже текстах две точки (..) означают «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи; в квадратные скобки заключены пояснения к тексту.

peréyoroda. A tám přijde daráb drúyooj, bo ščé ne dáli znáti na ózero, oboo ne pustíli drúyooj, bo ne ustíyli. Ta totó stoját na várt'i ontám ta ontám na krivúl'ax, ta déržit táblu. Odén vartáz, drúyooj vartáš, toták stoját, šo tót toyó vídit. Toták stoját, taj čím šós' na r'ic'í víd'at ne totó, táblu bálat doľ'ú. Čím tót uvíd'iw drúyooj, šo tábla doľ'ú, tót svóju bálat, ta tak doxódit do ózera oboo búl's ne puščáli. A ščé ne ustíyli dáti znáti, šo peréyoroda, — to tipér' telefon, a maj dawnó telefonü ne boólo ták. Taj prijšów drúyooj daráp, ta u týojo udáritw, tót s'a užé pořupáw, ta wže w seľ'i náras víd'at žónoo, šo jój, kážut, Bóže, Bóže, peréyoroda, bo c'iwkoo plonút, pø voď'í.

Перевод: У нас раньше плоты гоняли, и мой папа гонял. Папа гонял плоты, и так когда.. Это на озере делали плотину, и пускали воду, и через шлюз плоты идут, а где-нибудь на реке случится, что плот пошел как-то не так, вильнул, или была мель, или сильное течение, или как-то не.. не справились люди, и делается затор. А там придет следующий плот, потому что еще не дали знать на озеро, чтобы не пускали следующий, потому что не успели. И для этого стоят на дежурстве там и там на поворотах, и держат «таблу». Один дежурный, другой дежурный, так стоят, что один другого видит. Так стоят, и как только что-то на реке видят не то, «таблу» опускают вниз. Как только тот увидит другой, что «табла» вниз, тот свою опускает, и так доходит до озера, чтобы больше не пускали. А еще не успели дать знать, что затор, – это теперь телефон, а раньше телефонов так не было. И пришел другой плот, и в тот ударил, тот уже порушился, и уже в селе сразу видят бабы, что «ой, говорят, Боже, Боже, затор», потому что бревна плывут по воде.

Отгон овец

Wsé tág boólo [что овец собирали на летние пастбища], lřž dawnó boólo.. tēpér'koo kážut “míra”, abo totó lřž s'ák formál'no, míra lřž káže s'a “míra”, a něji nějé. A dawnó vü“c'i na vēs'n'i zberájut, kážut, budé.. závtra bude míra, napríklat. Nó ta zberájut vüč'i, ta.. závtra bude míra, noón'i idút l'úde u kóyo vüč'i sút, ta rǒbl'at košáru. Izrǒbl'at košáru, z.. tám ženút vüč'i, tám vüč'i splát us'í, tám vüč'i splát, tkó xóče u polonínú ynáti. Ráno ustánut, vüčar'í užé, tkó idé vüčáriti, ženút vüč'i pásti, do dēs'at' čas'ü ci dǒ kúľ'ko vüč'i pasút, u dēs'at' prıyan'ájut, dók s'a naporıjút dojřti, tó wže odennáčcet' časü. Toydoó jé u něji.. dví vüč'í, ci trf.. u vás, u něji, káždaja svóji vüč'i dojrt, [vün..] xoz'árnoo totóo xǒď'at poprí.. strungoo totóo ta díwł'at, oboo ne.. sǒbí ne usópalı vodoó, to mír'alı. Mír'alı na míru, mír'alı. Tvója vüč'á dála móže lřž dví gelétoó, tobí bude lřž dví gelétoó, mója dála pját', men'í bude pját'; váša dála móže ı vüš'üm, budé vam vüš'üm za ođnú. Mír'alı. Nó, pak ta.. Nó, a dále užé jak pómír'alı vüč'í, pø.. popojřli, parováli ščós' jısti, pag dawnó ščó

parováti. To tepér' ščós' máj.. i naučlils'a maj módnó, i ščós' máj jé, pag dawnó i na obojs'c'u i bán'koo skl'an'anóji ne boólo, nič ne boólo ščós' takóje naporováti. Ta naporújut i jajéšnic'u, ta děz' ýolupc'i jak'iji zvar'át, ta r'ípoo, ta šós' takóje, ta nesút, totám.. Já z vámi dóbra, ta šče tkós', ta moó [s'c'íloo?] u ýorodók, u ták.. nó.. u vorošók kazáli dawnó, ontotám drúy'i sobí, ontám drúy'i, toták mooglnámi pòs'idájut ta jid'át, u kóyo ščo jé ta jis'c'.. jid'át sobí, móže tkós' sobí xóče i.. áš u n'óyo boólo děs'.. děc'a dawnó kazáli, málo vótkoo [děs' l'ynúti], bo dawnó pustlri na jazcók ta i dósta boólo. Nó ta tkós' móže i úp'rw, nó ta jak užé ws'i s'a najlri, wže totó ws'ó fájno, toydó idút vüc'i puščáti. Jak úpus'c'at vüc'i s košároo na míru, to zakrút'ut ními ták kolo košároo, ták.. püdüti ýr.. ýr u kruyowú, to toydó tám odén pripravóvanooj, boóla púška i dawnó, ta kolf vüc'i tág ýr.. oní xót'at dómü t'ikáti, d jáyn'atüem us'i sobí xót'at t'ikáti. Ta kolf ták vüc'i újduť is košároo, toták ními ýr.. ýr u krúx málo püdüti iz vüc'ámi, stánut l'úde dówkola ta ýr u krúx, ta toydó str'ílri odén. Ta jak str'ílri, ta totó s'a ws'ó ponapúžat, vüc'i, ta ws'l s'a pømišájut, ta jakós' oní zabudúť i za jáyn'ata i oní wže jedná.. Užé u méne móže boóli dví, oní užé děs' skóčtla jedná tudó, drúya tudó, oní s'a užé ne poznajút. U tébe boólo trí, u n'óyo boólo pját', oní s'a užé pømišáti, wže oní búl's dómü ne prixód'at. I tág berút jix dále drúy'j děn' idút iz ními na poloninu.

Nó a na poloninu jak újduť, tám užé kolíba zrobléna, uküil zarúbanooj, bo na pøløn'n'i košároo u nás níjé, lrš uküil zarúbanooj, dě s'a dójat. Péršooj vátax idé — kážut odujnik. Kazáli odujnik. A odujnik totó boow tót u kóyo boólo máj mnóyo gelét. Kótrooj boow máj boyátooj.. užé né za vüc'ámi, áj za gelétami, bo ovc' mýlo boóti mnóyo, a daváli málo moloká, a u kóyos' mýlo boóti maj málo, a dób'r'i vüc'i, [do]zírán'i, daváli maj mnóyo moloká. Nò totót idé pérš'j vatážiti. A dále tag dále, tag dále. A tkós' idé i málo, děs' uprósiť s'a, šo men'i tepér' štoomúje, dále ne búde m' štoomováti, naj idú tepér'.

Перевод: Всегда так было [что овец собирали на летние пастбища], только раньше было.. теперь говорят "míra", но это только так формально, míra только говорится "míra", а ее нет. А раньше овец весной собирают, говорят, будет.. завтра будет míra, например. Ну, и собирают овец, и.. завтра будет míra, сегодня идут люди, у кого есть овцы, и делают košáru [открытый загон]. Сделают кошару, туда гонят овец, там овцы ночуют все, там овцы ночуют, кто хочет гнать в полонину. Утром встают, vüčar'i [чабаны] уже, кто идет vüčáriti [пасты овец на горных пастбищах], гонят овец на пастбище, до десяти часов или до сколько пасут, в десять пригоняют, пока приготовятся к дойке, это уже одиннадцать часов. Тогда есть у нее.. две овцы, или три.. у вас, у нее, каждая своих овец доит, хозяйева те ходят около.. struŋgó [проход в кошару] и смотрят, чтобы не.. влили себе воды, и меряли. Меряли na míru, меряли. Твоя овца дала, может, только

две *geléto* [подойника], тебе будет только две *geléto*, моя дала пять, мне будет пять; ваша дала может и восемь, будет вам восемь за одну. Меряли. Ну а дальше.. Ну а дальше уже как померяли овец, поели, приготовили что-нибудь есть — ну давно что готовили. Это теперь что-то больше.. научились помоднее, и кое-что есть, а давно в хозяйстве и банки стеклянной не было, ничего не было чего-нибудь такое приготовить. И приготовят и яичницу, и там голубцы такие сварят, и картошки, и чего-нибудь такого, и несут, там.. Я с вами дружу, и еще кто-нибудь, и мы сели в кружок, так.. и *voróšok* говорили раньше, там другие себе [сидят], а там другие, так кучками рассядутся и едят, у кого что есть и едят себе, может, кто-нибудь себе хочет и.. если у него было там *děč'a* [четвертинка] раньше говорили, немного водки так лизнуть, потому что давно [так —] капнули на язык и было достаточно. Ну и кто-то может и выпил, ну и когда уже все наелись, всё уже хорошо, тогда идут пускать овец. Как выпустят овец из кошары на *miru*, то так их [кругом поведут] вокруг кошары, так пойдут как.. как по кругу, и тогда там один наготове, было ружье и раньше, и когда овцы так.. они хотят бежать домой, к ягням [своим] все хотят бежать. И когда так овцы выйдут из кошары, так их.. как по кругу немножко поведут овец, встанут люди вокруг как бы в круг, и тогда один стреляет. И когда выстрелит, они все перепугаются, овцы, и все смешаются, и как-то они забудут про ягнят, и они уже одна.. Уже у меня может были две, они уже куда-то отскочила одна туда, другая туда, они уже себя не помнят. У тебя было три, у него было пять, они уже перемешались, уже они больше домой не идут. И так берут их дальше на другой день идут с ними на полонину.

Ну а на полонину как выйдут, там уже сделана *kolliba* [пастушеский шалаш], срублен *ukúl* [временная загородка], потому что на полонине кошары у нас нет, только *ukúl* срублен, где доят. Первый *vátax* [пастушеский чин] идет — называют *qđújník*. Называли *qđújník*. А *qđújník* это был тот, у кого было больше всего «гелет». Который был самый богатый.. уже не овцами, а на «гелетами», потому что овец могло быть много, а давали мало молока, а у кого-то могло быть меньше, а хорошие овцы, ухоженные, давали больше молока. Ну и тот идет первый *vatážití* [делает сыр]. И так далее, и так далее. А кто-то идет и [не в очередь], как-нибудь попросится, что “мне теперь удобно, а потом мне будет неудобно, пусть я пойду сейчас”.

Записано автором от А. С. Цимбота в 1996–2001 г.

Литература

- Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 — С. П. Бушкевич, С. Л. Николаев, С. М. Толстая. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // Славяноведение. 1994, № 3.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1993 — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993.
- Николаев 1994 — С. Л. Николаев. Новые данные о вокализме украинских говоров // Проблеми сучасної ареалогії. Тезиси конференції. Київ, 1994.

- Николаев 1995 — *С.Л. Николаев*. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буквинско-гуцульский ареал // *Славяноведение*, 1995, № 3.
- Николаев 1995а — *С.Л. Николаев*. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буквинско-гуцульский ареал (продолжение) // *Славяноведение*, 1995, № 5.
- Николаев 1996 — *С.Л. Николаев*. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // *Славяноведение*, 1996, № 1.
- Николаев, Толстая 2001 — *С. Л. Николаев, М. Н. Толстая*. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- Ростова 2000 — *А. Н. Ростова*. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
- СГЦРБ 1 — Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. Т. 1. Мінск, 1990.
- СПГ I — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000.
- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.–Л., 1965–.
- Супрун 1984 — *А. Е. Супрун*. О лексической компетенции грамматического правила // *Слово в грамматике и словаре*. М., 1984. С. 38–41.
- Толстая 1999 — *М. Н. Толстая*. Несколько текстов из села Синеvir // *Славянские этюды*. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 477–490.
- Толстая 2001 — *М. Н. Толстая*. Из материалов карпатских экспедиций // *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. М., 2001. С. 477–495.
- ТС 3 — Тураўскі слоўнік. Т. 3. Мінск, 1984.
- Янин, Зализняк 1994 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // *Вопросы языкознания*, 1994, № 3. С. 3–22.
- Kucała 1957 — *M. Kucała*. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Summary

An attempt to create a dialect defining dictionary

The article concerns the work on a dictionary of a Carpathian Ukrainian dialect of the village Sinevir based on materials gathered in a series of expeditions of the Group of Slavic glottogenesis of the Institute of Slavic Studies, headed by S. L. Nikolaev. The main feature of our dictionary project is an intensive attraction of dialect definitions of word semantics given by the informants themselves. Such a defining dictionary has a great value for studying the metalingual conscience. But the main scope of the dictionary is as much as possible exact and complete description of the dialect. The attraction of detailed dialect comments permits to reveal data hardly yielded to be systematically described (words usage and combinations, their typical contexts, often syntax information). Furthermore, the presence in the dictionary units of authentic dialect word meaning definitions (besides the standard Russian translations) raises essentially the verification of the dictionary content.

Список научных трудов Г.П. Клепиковой за 1957-2002 гг.

Монографии

1. Славянская пастушеская терминология. М., 1974 (18 л.).

Коллективные труды

2. Български диалектен атлас. I. Югоизточна България. София, 1964 (23 карты и комм.) (10 п.л.)
3. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (77 карт и комм.) (20 п.л.)
4. Вопросник "Общекарпатского диалектологического атласа". М., 1981 (9 п.л.)
5. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.1. Кишинев, 1989 (5 карт и комм., 6 НМ) (4+2 п.л.)
6. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.2. М., 1994 (4 карты и комм., 7 НМ) (3,2+2 п.л.)
7. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.3. Warszawa, 1991 (3 карты и комм., 7НМ) (2,4+2 п.л.)
8. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.4. Львів, 1993 (4 карты и комм., 5 НМ) (3,2+1,5 п.л.)
9. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.5. Bratislava, 1997 (4 карты и комм., 7 НМ) (3,2+2 п.л.)
10. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.6 Budapest, 2001 (3 карты и комм., 1 НМ) (1,6 + 0,5 а.л.)
11. Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным ОКЦА). Доклад к XI Межд. съезду славистов (Братислава, 1993). М. 1993 (1,2 п.л.) (перепечатан в : *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000).
12. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.7 (2 карты и комм., 4 НМ) (1,6 + 1,2 а.л.) (в печати).
13. Общеславянский лингвистический атлас. Вып.2. Warszawa, 2000 (2 карты и комм.) (2 п.л.)
14. Общеславянский лингвистический атлас. Вып.3. Минск, 2000 (2 карты и комм.) (2 п.л.)
15. Общеславянский лингвистический атлас. Вып.4 (1 карта и комм.) (1 а.л.) (в печати).
16. Общеславянский лингвистический атлас. Вып.5 (1 карта и комм.) (1 а.л.) (в печати).
17. Общеславянский лингвистический атлас. Вып.8 (1 карта и комм.) (1 а.л.) (в печати).
18. Словарь книжноболгарского языка на народной основе (статьи - буквы **Ж**, **З**, **С**) (Ин-г за български език БАН, София) (9 а.л.) (в соавторстве) (в печати).

Статьи

19. Функции славянских приставок в исторорумынском диалекте румынского языка// ВСЯ, вып.4, 1958 (4 п.л.)
20. К вопросу о происхождении Casus generalis имен существительных ж.р. в болгарском языке// СМБД, вып.9, 1958 (2 п.л.)
21. Studii limbilor slave meridionale și apusene din ultimi cinci ani în URSS// RS.III. 1958 (1 п.л.)
22. Isoglosses of the Slavic Names of the Bird 'Cuculus canorus'// Cercetări de lingvistică.III. București, 1958 (0,5 п.л.)
23. Funcțiile prefixelor verbale de origine slavă în dialectul istororomân// FD.II, 1960 (2,5 п.л.)
24. Славянские названия птиц (аист, ворон, ласточка)// ВСЯ, вып.5, 1961 (3 п.л.)

25. Функции приставок славянского происхождения в истрорумынском диалекте румынского языка (АКД). М., 1961 (1 п.л.).
26. К истории некоторых именных и глагольных форм в болгарском языке// КСИС, вып.38, 1963 (0,75 п.л.).
27. Приставки славянского происхождения *rās=, nā=, zā=* в истрорумынском диалекте// УЗИС, т. XXVII, 1963 (1,5 п.л.).
28. Prefixul de origine slava *po=* în dialectul istroromân// FD.V, 1963 (1 п.л.).
29. Значение славянских орнитологических названий, восходящих к *žьna// Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964 (0,8 п.л.).
30. К характеристике системы ударения одного гуцульско-покутского говора// КСИС, вып.43, 1965 (1 п.л.) (совм. с Т. Половой).
31. Лингвогеографические аспекты семантики слова * *žito* в славянских языках // ОЛА. (МИ). М., 1965 (1,2 п.л.) (совм. с В. Усачевой).
32. Материалы для словаря юговосточных болгарских говоров// Славянская лексикография и лексикология. М., 1966 (4 п.л.).
33. О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка// ВЯ, № 6, 1968 (1 п.л.) (совм. с Т. Поповой).
34. Группировка юго-западных украинских говоров (на материале КДА)// ОЛА. МИ. 1968 (2 п.л.) (совм. с Т. Поповой, В. Усачевой).
35. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. *Iurda* // Этимология. 1966. М., 1968 (1 п.л.).
36. Из опытов картографирования славянской лексики// Мат-лы и иссл. по ОЛА. М., 1968 (1,3 п.л.).
37. О некоторых южнославянско-севернославянских лексических параллелях// СС, № 3, 1970 (1 п.л.).
38. Про вівчення скотарської термінології в підкарпатських говорах// Праці XII Респ. діал. наради. Київ, 1971 (0,5 п.л.).
39. О карпато-балканской терминологии горного ландшафта (I)// Вопросы географии, № 81. М., 1971 (0,5 п.л.).
40. Об одной карпатоукраинско-южнославянской параллели //Сб. "Исследования по славянскому языкознанию". М., 1971 (0,5 п.л.).
41. О карпато-балканской терминологии горного ландшафта. II// Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972 (2 п.л.).
42. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. II. *vatra*// Балканское языкознание. М., 1973 (1 п.л.).
43. Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах // СС, № 6, 1973 (0,5 п.л.).
44. К вопросу об изучении балкано-карпатской терминологии горного пастушества (*strunga* и родств.) // ОЛА. МИ., 1974 (1 п.л.).
45. Балканские элементы в карпатской терминологии горного пастушества (препринт; издан Ин-том истории АН СССР). М., 1974 (0,6 п.л.).
46. Болг. *бара, баруга* и родственные географические термины в других славянских языках// Сб. "В памет на проф. Ст. Стойков". София, 1974 (0,5 п.л.).
47. Функционирование и генезис терминологии пастушества в славянских диалектах карпатского ареала// СБЯ. М., 1975 (2 п.л.).
48. Процессы языковой интерференции на Карпатах и ОКДА// СС, № 1, 1976 (0,5 п.л.) (совм. с С. Бернштейном).
49. Балканские элементы в карпатской терминологии горного пастушества// Балканские исследования. М., 1976 (0,6 п.л.).
50. Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах Карпат (на украинском материале)// Карпатский сборник. М., 1976 (0,5 п.л.).

51. Некоторые аспекты изучения семантики и их отражение в программе-вопроснике ОКДА// Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев, 1976 (0,5 п.л.).
52. О программе-вопроснике ОКДА// Zb.FFUK.R.XXVI. 1977 (0,7 п.л.).
53. Сема-ономазиологический подход при исследовании некоторых лексико-семантических групп// ОЛА.МИ. 1977 (1,5 п.л.).
54. Отражение *къвьль в болгарском и других славянских языках// Zeitschrift für Slawistik. № 1, Berlin, 1977 (0,5 п.л.).
55. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. I.ma(n)a// СБЯ. 1977 (2 п.л.).
56. Однокоренные производные и семантическая дифференциация (к вопросу об их отражении в программе ОКДА)// ОЛА.МИ.М., 1978(1 п.л.).
57. О картографировании в ОКДА// СИМ 1. 1978 (0,5 п.л.).
58. ОКДА. Принципы. Предварительные итоги// Славянское языкознание. VIII Межд. съезд славистов. М., 1978 (1 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
59. О проекте транскрипции ОКДА// СИМ 2. 1979 (0,5 п.л.).
60. Соотношение словообразовательных и семантических структур в ОКДА и их возможное отражение в вопроснике ОКДА// Zeszyty naukowe UJ. DIV. Prace językoznawcze. Zesz.61. Kraków, 1979 (0,5 п.л.).
61. К проблеме изучения лексики и семантики в единичной диалектной системе и в континууме диалектов// СС. № 2, 1980 (0,8 п.л.).
62. Общекарпатский диалектологический атлас// "Общественные науки", № 3, 1980 (0,5 п.л.).
63. ОКДА и сотрудничество лингвистов и этнографов// Carpatobalcanica, X/1. Bratislava, 1980 (0,6 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
64. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 2-4.// ОЛА.МИ. 1980 (2 п.л.).
65. Лексико-семантические параллели в македонских и карпатоукраинских диалектах// МЛ. 1981 (0,5 п.л.).
66. Проблемы рекартографирования и ОКДА// ОЛА. МИ. 1981 (1 п.л.).
67. Составление многотемных карт в ОЛА и их интерпретативные возможности// Там же (0,5) (совм. с В.Пыховым, Т.Морозовой).
68. К проблеме стратификации романских заимствований в лексике языков балканской (resp. балкано-карпатской) зоны// ОЛА.МИ. 1982 (1,2 п.л.).
69. К македонско-севернославянским семантическим параллелям// МЛ.Т. XXXII-XXXIII. Скопје, 1982 (0,5 п.л.).
70. Словацко-украинские параллели на фоне общекарпатских языковых отношений// Zb.FFUK. R. XXX. Bratislava, 1982 (0,5 п.л.).
71. Данные болгарского языка и лексико-семантические исследования советских славистов// Советская болгаристика. М., 1983 (0,25 п.л.).
72. ОКДА и проблемы славянского этногенеза// Славянское языкознание. IX Межд. съезд славистов. М., 1983 (совм. с С.Бернштейном, Л.Гиндиным) (1 п.л.).
73. Некоторые вопросы использования болгарского диалектного материала в лексико-семантических исследованиях советских славистов// СБЯ. 1983 (1 п.л.).
74. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 5. 'gVIVta// СБЯ ("Проблемы языковых контактов"). 1983 (1 п.л.).
75. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 6. 's(e)lem(b)// ОЛА.МИ. 1984 (0,7 п.л.).
76. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 7// Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984 (0,5 п.л.).
77. Историко-культурные аспекты лингвогеографического изучения карпато-балканской зоны// СБЯ. 1984 (1 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).

78. К проблеме взаимоотношений языков центральной и периферийной зон Балкано-Карпатского ареала // ОЛА.МИ. 1985 (2 п.л.).
79. К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях// Этимология 1984. М., 1986 (0,5 п.л.).
80. К проблеме изучения лексико-семантической вариативности в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме (карпато-балканский ареал)//СБЯ. 1986 (1 п.л.).
81. Лингвистическое пространство и организация семантических структур (на материале карпато-балканской зоны)// БСИ. 1985.М., 1987 (1 п.л.).
82. К проблеме изучения дериватов в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме// Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987 (0,5 п.л.).
83. Проблема “карпатской миграции славян” в свете новых данных лингвистической географии(1)// ОЛА.МИ (1983). М., 1988 (0,7 п.л.).
84. Проблема “карпатской миграции славян” в свете новых данных лингвистической географии (2) // ОЛА.МИ. 1989 (0,5 п.л.).
85. Восточнороманское влияние в лексико-семантической сфере внутри и вне Балканского языкового союза// Мат-лы к VI Межд. конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. Лингвистика. М., 1989 (1,3 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
86. Карпатская лексика в ее отношении к лексике района Украинских Карпат: 8.'ž)leč// Лексика в ОКДА.1. М., 1989 (0,5 п.л.).
87. Лексика в ОКДА.Словарь-индекс// Там же (4 п.л.).
88. Указатель этимологических версий// Там же (1,5 п.л.).
89. Лингвогеографическое изучение карпатской (карпато-балканской) зоны и проблема диахронической интерпретации “карпатизмов”// ОЛА.МИ. 1989 (1,6 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
90. Южные славяне в балканской перспективе// СС, № 4, 1989 (0,2 п.л.).
91. О значении многоязыковых атласов для славянской диалектологии// ВЯ, № 3, 1989 (1 п.л.) (совм. с Л.Калнынь).
92. Южнославянский компонент в ОКДА// Studia slavica. М., 1991 (0,5 п.л.).
93. Балкано-карпатская специфика в сфере «внутренней формы» слова: возможности интерпретации// Балканские чтения-1 (“Образ мира в слове и ритуале”) М., 1992 (0,5 п.л.).
94. К проблеме дифференциации славянского диалектного ландшафта// Славистические исследования (=Доклады к XI Межд съезду славистов). М., 1992 (совм. с С.Бернштейном).
95. Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования.1. Дериваты с суфф.=ic(a)// ИСД 1. 1992 (3 п.л.).
96. Словарь-индекс к первому выпуску ОКДА// Лексика в ОКДА. II.М., 1992 (3 п.л.).
97. Карпатское языкознание и ОКДА. I-II// Там же (0,8 п.л.).
98. Украинские говоры Восточной Словакии и ОКДА// Там же (0,5 п.л.) (совм. с З. Ганудель).
99. Лингвогеография и славяно-неславянские контакты//Polono-Slavica Varsoviensia // Warszawa, 1992 (0,5 п.л.).
100. Лексика родопских говоров и проблема типологии южнославянского-севернославянских параллелей// ИСД 2. 1993 (0,8 п.л.).
101. Роль ОКДА в изучении лексики и семантики карпатоукраинских говоров// Наукові записки. Союз русинів-українців Словацької Республіки. Вип.18. Пряшів, 1993 (0,5 п.л.).
102. О некоторых результатах картографирования в ОЛА и ОКДА лексики из раздела “Животный мир”// ОЛА.МИ. 1993 (0,8 п.л.).
103. Карпатоукраинские диалекты и история украинского языка// Другий Міжн. конгрес українців. Львів, 1993 (0,3 п.л.).
104. Наблюдения над лексикой новоболгарских дамаскинои// “Славяноведение”, № 2, 1993, (0,5 п.л.).
105. Лингвистические макроатласы и украинская диалектология// Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994 (0,5 п.л.).

106. Славяно-венгерско-румынские языковые отношения в зоне Карпат// Acta Hungarica. III. Ужгород. 1994 (0,3 п.л.).
107. К стратификации лексических заимствований в памятниках новоболгарской письменности (XVII-XVIII вв.) // Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994 (1,4 п.л.).
108. Наречия со значением 'очень' // ВСИ. 1995 (1,2 п.л.).
109. Румынизмы славянского происхождения в карпатославянских диалектах// ИСД 4. 1995 (0,7 п.л.).
110. Ингерпретация карт ОЛА из раздела "Растительный мир" и данные ЛАЕ//ОЛА.МИ.1996 (1 п.л.).
111. О некоторых итогах работы над ОКДА(1973-1993 г.)// Там же (совм. с С.Б.Бернштейном) (1,3 п.л.).
112. Н.С.Державин и болгарская диалектология// Зб. Матице Српске за филологију и лингвистику. Нови Сад. XXXIX, № 2, 1996 (1 п.л.).
113. La stratification des emprunts grecs dans les manuscrits néo-bulgares des XVIIe-XVIIIe siècles// Revue des Études Sud-Est européennes.Bucureşti.XXXIV, № 2, 1996 (0,4 п.л.).
114. Семантика карпато-балканского 'Strig=' в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент 'движение'») // Концепт движения в языке и культуре. М. 1996 (0,7 п.л.).
115. К "образу" лягушки. Румынские названия 'головастика' в <<зеркале>> славянских соответствий // "Славяноведение", 1997. № 1 (0,8 п.л.).
116. Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных лингвистической географии // Славянское языкознание. XII Межд. съезд славистов. М.1998 (совм. с С.Б.Бернштейном) (1,2 п.л.).
117. Названия 'кукушки' // ВСИ. Вып.2. 1998 (1 п.л.).
118. Названия 'пестуха' // Там же (1 п.л.).
119. Названия 'белки' // Там же (0,5 п.л.).
120. Названия 'валька для выколачивания белья' и названия '(озимых) всходов зерновых культур' // Там же (2 п.л.).
121. Из опыта работы над многоязыковыми лингвистическими атласами// МДАБЯ. Мат-лы 2-го Рабочего совещания.СПб.1998 (0,5 п.л.).
122. Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала - типологический аспект// ИСД 5, 1998 (4 п.л.)
123. К проблеме изучения греческих заимствований в языке новоболгарских дамаскинов XVII-XVIII вв.// СБЯ. 1999 (1 п.л.)
124. Изучение славянской лексики в составе семантического микрополя// ВЯ, 1999, № 5 (0,5 п.л.).
125. Славяно-румынские параллели в сфере энтомологической лексики // ПОЛУТРОПОН. М., 1999 (0,5 п.л.).
126. Об изучении македонских диалектов как компонента славянского диалектного континуума // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999 (совм. с Л.Э.Калнынь) (1,2 п.л.).
127. Лексика македонских диалектов в контексте Южной Славии// Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М. 1999 (0,7 п.л.).
128. Проблемы истории болгарского языка и "Болгарский диалектологический атлас" // Диалектология и лингвистична география.София, 1999 (0,8 п.л.).
129. Многоязыковые атласы как инструмент изучения лексических заимствований в славянской диалектной зоне Карпат // Närečia a národný jazyk. Bratislava, 1999 (0,5 п.л.).
130. Из наблюдений над динамикой лексической нормы в текстах новоболгарских дамаскинов XVII-XVIII вв. // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. М., 1999 (3 п.л.).
131. Семантические вопросы МДАБЯ в свете литературы по южнославянской диалектной лексикографии// МДАБЯ. Мат-лы 3-го Рабочего совещания. СПб., 1999 (0,4 п.л.).
132. Македонские диалекты и ОКДА// XXVI научна дискусија на XXXII Семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје.2000 (0,8 п.л.).
133. Изучение славянских заимствований в румынском и новые данные славянской лингвогеографии// ОЛА.МИ. 2000 (1,2 п.л.).

134. Наблюдения над лексикой румынских переводов славяно-румынских текстов // *Folia Slavistica*. М., 2000 (0,4 п.л.)
135. 134."Реальное", мифопоэтическое, лингвистическое пространства. Текст пастушества // *Пространство. Память. Мысль*. М., 2000 (0,7 п.л.)
136. Материалы семантической части МДАБЯ и возможности их картографической интерпретации// МДАБЯ.4-е Рабочее совещание. СПб., 2000 (1 п.л.)
137. Опыт ареалогической интерпретации материалов МДАБЯ// ИСД 7. М. 2001 (1,5 п.л.)
138. Из карпатоукраинской диалектной лексики. I. *zapad(a)* // Там же (0,5 п.л.)
139. On the Problem of Convergence in the South-East European Languages: The lexical level // Там же (1 п.л.)
140. Восточно- и южносербские говоры в ОКДА// *ЖФ, LVI/1-2*. Београд, 2000 (0,5 п.л.)
141. К славяно-румынским параллелям в сфере семантической мотивации (по материалам ОКДА) // *36. Матице срpske за филологију и лингвистику*. XLIII. Нови Сад, 2000 (0, 5 п.л.)
142. Названия частей плуга. I. 'лемех'; 2. 'отвал' // *ВСИ. Вып.3*. М., 2002 (2 п.л.)
143. Названия 'муравьев' // Там же (1 п.л.)
144. Материалы к "Карпатскому диалектологическому атласу". Рельеф // ИСД 6. 2002 (3 п.л.)
145. К проблеме дифференциации славянского диалектного континуума: противопоставление Север - Юг (по материалам ОЛА) // Там же (1,5 п.л.)
146. К ареальной характеристике лексико-словообразовательных вариантов на картах ОЛА// ОЛА.МИ. 2002 (1,5 п.л.)
147. Пастушеская терминология в МДАБЯ и ее соотношение с типами пастушества - македонский ареал // Актуальные вопросы балканского языкознания. СПб., 2002 (0,4 п.л.)
148. Многоязыковые атласы как источник изучения сепаратных межславянских лексико-словообразовательных параллелей// *Аванесовский сборник*. М., 2002 (0,5 п.л.)
149. «Реальное», мифопоэтическое, лингвистическое пространства: Текст пастушества// *Антропология культуры*. М., 2002 (0,7 п.л.)
150. Из карпатоукраинской диалектной лексики. II. *pustara* // ОЛА.МИ. (0,5 а.л.) (в печати)
151. Полилингвальные атласы и изучение славяно-неславянских языковых контактов // *Rozprawy slawistyczne UMSK. Lublin* (1 а.л.) (в печати)
152. «Авторство» "Поучений Нягос Басараба сыну своему Феодосию" как реализация концепта *homo balcanicus* (Балканы и Время)// СБЯ (1,5 а.л.) (в печати)
153. Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования (0, 5 а.л.) (в печати)

Рецензии и обзоры

154. [Рец.:] *Rozenkranz B. Historische Laut- u. Formenlehre des Altbulgarischen*. Heidelberg, 1955; *Lunt H. Old Church Slavonic Grammar*. s'Gravenhagen, 1955// ВЯ, № 3, 1957 (0,1 п.л.)
155. [Рец.:] *Coteanu I. Elemente de dialectologie a limbii române*. București, 1961// ВЯ, № 3, 1963 (0,5 п.л.)
156. Вопросы языкознания в *Romanoslavica* // *СС* № 4, 1965 (0,5 п.л.)
157. 155.[Рец.:] Атласул лингвистик молдовенеск. Кишинэу, 1968 // ВЯ, № 5, 1969 (0,8 п.л.) (совм. с С.Бернштейном)
158. [Рец.:] *Стойков Ст.* Лексиката на банатския говор. София, 1968 // *СС*, № 1, 1970 (0,7 п.л.)
159. Сотрудничество Института славяноведения и балканистики АН СССР с научными учреждениями социалистических стран // *СС*, № 4, 1974 (1 п.л.) (совм. с С.Васильевым, Б.Стахеевым)
160. [Реф.:] *Mihăilă Gh. Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești*. București, 1973// РЖ, № 3, 1974 (0,15 п.л.)
161. [Реф.:] Славистичен сборник. София, 1973// Там же (0,3 п.л.)
162. [Реф.:] Славистични изследвания. София, 1973// Там же (0,4 п.л.)
163. [Реф.:] Славянска филология. 12. Езикознание. София, 1973// Там же (0,3 п.л.)
164. [Реф.:] *Бояджиев Т.* Говорът на с. Съчанли. София, 1973// Там же (0,2 п.л.)

165. [Реф.:] Известия на Ин-та за български език Т.21.София, 1972// Там же (0,3 п.л.).
166. [Реф.:] Известия на Ин-та за български език Т.22. София,1973// Там же (0,3 п.л.).
167. [Рец.:] Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974// ВЯ, № 2, 1975 (0,7 п.л.) (совм. с Г.Благовой).
168. [Реф.:] *Русинов Р.* Из историята на българския описателен синтаксис.София, 1973// РЖ, №1, 1975 (0,2 п.л.).
169. [Реф.:] *Зашмов Й.*Български географски имена с =ъ. София.1973// Там же (0,2 п.л.).
170. [Реф.:] *Linja E.*Wyrazy polskiego pochodzenia w języku rumuńskim. Wrocław,1974 //РЖ, № 2,1975 (0,15 п.л.).
171. [Реф.:] *Trandafir Gh.*Categoriile gramaticale ale verbului în româna contemporană. Dolj,1973 // Там же (0,2 п.л.).
172. [Реф.:] Studii de limbă literară și filologie, № 3.București,1974 // Там же (0,15 п.л.).
173. [Реф.:] *Gămulescu D.*Elemente de origine sîrbocroată ale vocabularului dacoromân. București,1974 // Там же (0,3 п.л.).
174. [Реф.:] В памет на проф.Ст.Стойков. София, 1974// РЖ, № 4, 1975 (0,25 п.л.).
175. [Реф.:] *Gheție I.,Mareș F.* Graiurile dacoromâne în sec.XVI-lea. București,1974 // Там же (0,2 п.л.).
176. [Реф.:] *Gheție I.,Mareș F.* Introducere în filologie românească. București, 1974// РЖ, № 1,1976 (0,15 п.л.).
177. [Реф.:] Studia nad filologią polską i ukraińską. Kraków,1975// Там же (0,1 п.л.).
178. Българска диалектология. Вып.7.София, 1976// РЖ, № 2,1976 (0,15 п.л.).
179. [Реф.:] *Kochman S.*Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII w. Warszawa,1975// РЖ, № 3, 1976 (0,15 п.л.).
180. [Реф.:] *Gregor A.* Der slowakische Dialekt von Pilisszántó. Budapest,1975// Там же (0,15 п.л.).
181. [Реф.:] *Kowalska A.* Zróźnicowanie słowotwórcze gwar Mazowsza i Podlasia. Wrocław,1975// Там же (0,1 п.л.).
182. [Реф.:] *Perczyńska N.*Wybrane cechy składniowo-stylistyczne polszczyzny mównej// Wrocław, 1975// Там же (0,15 п.л.).
183. Вопросы морфологии, словообразования и синтаксиса в болгарской лингвистической литературе (обзор за 1965-1974 гг.)// Сб. ИНИОН АН СССР "Проблемы русистики в зарубежных славянских изданиях". М., 1976 (1 п.л.).
184. Проблемы грамматики русского языка в лингвистической литературе Болгарии// "Русский язык в школе", № 3, 1976 (0,5 п.л.).
185. [Реф.:] *Ripka I.*Dolnotrenčianské nárečia. Bratislava,1975//РЖ, № 3,1977 (0,2 п.л.).
186. [Рец.:] *Herniczek-Morozowa W.* Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. Cz.I. Kraków,1975// СС, № 3,1977 (0,3 п.л.).
187. [Рец.:] *Захревська Я.В.* Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті.Київ,1976// СС, № 3,1978 (0,3 п.л.).
188. [Реф.:] *Leeming H.* Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do r.1669. Wrocław,1976 // РЖ, № 3,1978 (0,1 п.л.).
189. [Реф.:] *Tomiczek E.*Spoleczne procesy integracyjne i dezintegracyjne jako motor przeobrażeń językowych. Warszawa,1976 // РЖ, № 3,1978 (0,1 п.л.).
190. Вопросы диалектологии на VIII съезде славистов// ОЛЯ.МИ.М., 1979 (1,2 п.л.) (совм. с Л.Калнынь, Т.Поповой).
191. [Реф.:] *Павлова Р.* Пространственные конструкции в древнерусском языке.София, 1977 // РЖ, № 1,1979 (0,3 п.л.).
192. [Реф.:] *Rieger J.*Imnienictwo ludności wiejskiej w ziemi Sanockiej i Przemyskiej w XV w. Warszawa,1977 //Там же (0,2 п.л.).
193. [Реф.:] *Левков И.*Моделът на обществена и вътрешносистемната обусловеност в развоая на славянската езикова група.София, 1977// РЖ, № 2,1979 (0,2 п.л.).
194. [Реф.:] *Sędzik W.*Prasłowiańska terminologia rolnicza.Wrocław, 1977 //Там же (0,2 п.л.).

195. Вопросы изучения морфологии и синтаксиса славянских языков в сб. "Славянска филология", т.15,София,1978//Там же (0,3 п.л.).
196. Доклады македонских славистов к VIII съезду славистов// РЖ, № 3,1979 (0,2 п.л.).
197. [Реф.]: Исследования по славистике. Славистични изследвания. София, 1978 // Там же (0,3 п.л.).
198. [Реф.]: *Виденов М.И.* Годечкият говор.София, 1978// Там же (0,2 п.л.).
199. Некоторые проблемы изучения современного болгарского литературного языка (в кн.: Славистичен сборник. София, 1978// РЖ, № 4, 1979 (0,3 п.л.).
200. [Реф.]: Бюллетень сопоставительных исследований болгарского языка с другими языками// РЖ, № 6, 1979 (0,4 п.л.).
201. Проблемы изучения диалектов карпатского ареала в кн.: Zb. FFUK. Philologica. R.XXVI. Bratislava, 1977// Там же (0,2 п.л.).
202. Вопросы изучения контактирования языков в кн.: Zeszyty naukowe UJ. DIV. Prace jezykoznawcze.61. Kraków, 1979 // РЖ, № 1, 1980 (0,3 п.л.).
203. [Реф.]: Вопросы болгарской диалектологии// РЖ, № 4, 1981 (0,25 п.л.).
204. [Реф.]: *Кочев И.* (Диалектологический очерк в кн.: Пирински край, София, 1980)// Там же (0,1 п.л.).
205. [Реф.]: Проблемы изучения народной (диалектной) терминологии// Там же 0,2 п.л.).
206. [Реф.]: *Рипка И.* Тематический словарь нижнетренчанских говоров// РЖ, №2, 1982 (0,2 п.л.).
207. [Реф.]: *Гандуль З.* Лингвистический атлас украинских говоров Восточной Словакии// Там же (0,2 п.л.).
208. [Рец.]: *Ресо А.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd,1980 / / СС, №3, 1983 (0,5 п.л.), (совм. с Л.Калнынь).
209. [Реф.]: *Иванова О.* Местные названия области р.Брегалица// РЖ, № 6, 1983 (0,2 п.л.).
210. [Реф.]: *Штибер З.* Диалект лемков: фонетика и фонология// РЖ, №1, 1984 (0,1 п.л.).
211. [Реф.]: *Будзишевска В.* Словарь балканизмов в диалектах Эгейской Македонии// РЖ, № 2, 1984 (0,1 п.л.).
212. [Реф.]: Атлас бойковских говоров.Т.III//РЖ, № 4, 1984 (0,1 п.л.).
213. [Реф.]: *Нибаум Г.* Диалектология// Там же (0,2 п.л.).
214. [Реф.]: Статьи по диалектологии и ономастике// РЖ, № 5, 1985 (0,1 п.л.).
215. Карпатское языкознание: состояние и перспективы// Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1986 (1 п.л.).
216. [Рец.]: *Бояджиев Т.* Български говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия.София, 1991// ИСД.2. 1993 (0,6 п.л.).
217. О некоторых итогах и перспективах исследований по славянской диалектологии// Славяноведение, № 6, 1995 (1 п.л.)(совм. с Л.Калнынь).
218. [Рец.]: *Дзенделивский Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області України// ОЛА МИ. 1996 (0,3 п.л.).
219. [Рец.]: *Усикова Р.П.* и др.Македонско-русский словарь. I-III. Скопје.1997. // "Славяноведение", 1998, № 5 (0,5 п.л.).
220. Вопросы диалектологии на XII Международном съезде славистов //ВЯ, 1999,№ 3 (совм. с Л.Э.Калнынь)(1,3 п.л.).
221. [Рец.]: A Lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language. Warszawa, 1996// ОЛА.МИ. 2000 (0, 3 п.л.).
222. О проекте создания Малого диалектологического атласа балканских языков// Там же (0,3 п.л.).
223. [Рец.]: Гуцульські говірки.Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження. Львів. 2000 // ОЛА МИ. 2002 (0,4 п.л.).
224. [Рец.]: *Герман К.Ф.* Атлас українських говірок Північної Буковини. Т.2. Чернівці, 1998// ИСД 6. 2002 (0,2 п.л.).
225. [Рец.]: *Радева В.* Увод в ареалната лингвистика. София, 2001// ОЛА.МИ. М., 2002 (0,2 п.л.).
226. [Рец.]: Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження проф.П.Лизанця. Ужгород. 2001// Там же (0,2 п.л.).

Тезисы

227. Скотоводческая терминология в украинских говорах Прикарпаття // XII Респ. Діал. нарада. Тези доповідей. Київ, 1965 (0,1 п.л.).
228. Проблемы карпатского языкознания и ОЛА// Тезисы докладов и сообщений совещания по вопросам диалектологии и истории. М., 1971 (0,1 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
229. Функціонування і генезис пастівницької термінології в слов'янських говорах карпатського арсалу // Культура та побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1972 (0,1 п.л.).
230. Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах // Проблемы карпатского языкознания (Тезисы). М., 1973 (0,1 п.л.).
231. Пастушеская терминология в ОЛА// Совещание по ОЛА(Ужгород). М., 1973 (0,1 п.л.).
232. Пучки изоглосс как один из критериев диалектного членения// Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1973 (совм. с Т.Поповой).
233. Лексема *pojata* в языках карпато-балканской зоны// Античная балканистика.3 (Тезисы). М., 1978 (0,1 п.л.).
234. ОКДА и его значение для исследований диахронического характера// Совещание по проблемам истории и диалектологии (Душанбе). М., 1979 (0,1 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
235. К стратификации романских элементов в языках балканской зоны// Античная балканистика.4 (Тезисы). М., 1980,(0,1 п.л.).
236. К проблеме интерференции карпато-украинских говоров и диалектов восточнороманских языков // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими та неслов'янськими мовами (Тези). Ужгород, 1982 (0,2 п.л.).
237. Историко-культурные аспекты ареальной диалектологии // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1982 (0,2 п.л.) (совм. с С.Бернштейном).
238. К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях // Проблемы этимологии, исторической лексикологии и ономастики. Тезисы. М., 1984 (0,1 п.л.).
239. Некоторые результаты применения методов рскартографирования в ОКДА // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Тезисы). М., 1984 (0,1 п.л.).
240. Проблема "карпатской миграции славян" в свете новых данных лингвистической географии // Античная балканистика.5. М., 1984 (0,1 п.л.).
241. К проблеме изучения дериватов в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме//Тезисы Межд. симпозиума "Сопоставительное изучение славянских языков". М., 1984 (0,1 п.л.).
242. Роль венгерского языка в процессах этнолингвистических взаимодействий в зоне Карпат (ареальный аспект) // *Uralo-Indogermanica*.I. М., 1990 (0,1 п.л.).
243. Болгарские диалекты и карпатское языкознание//II Конференция по болгаристике. Тезисы. Харьков, 1991 (0,1 п.л.).
244. Наблюдения над лексикой новоболгарских дамаскинов// Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. Тезисы. М., 1992 (0,2 п.л.).
245. Сравнительно-типологическое изучение лексико-семантических явлений в диалектах карпатского арсала// Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы. М., 1992 (0,1 п.л.).
246. Понятие 'зла' в памятниках новоболгарской письменности XVII в. // Балканские чтения-2. Тезисы и мат.-лы. М., 1992 (0,15 п.л.).
247. Значение методов лингвистической географии в системном изучении славянских языков// Актуальные проблемы славянской филологии (мат.-лы научной конференции). М., 1993 (0,1 п.л.).

248. О народном влиянии на язык новоболгарской письменности XVIII в. // Историко-культурные аспекты изучения славянских литературных языков эпохи Национального Возрождения. Тезисы. М., 1993 (0,1 п.л.).
249. Ареальная характеристика славянских заимствований в румынском языке как основа их хронологической стратификации // Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Тэзісы. Мінск, 1993 (0,1 п.л.).
250. Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского *striga* (*štriga*) // Балканские чтения-3. Тезисы и мат-лы. М., 1994 (0,2 п.л.).
251. К вопросу о динамике "лексической нормы" в текстах новоболгарских дамаскинов XVII - XVIII вв. // Традиции и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. М., 1994 (0,1 п.л.).
252. Из истории болгарской диалектологии 50-х гг. С.Б.Бернштейн и изучение болгарских говоров в СССР // III-е Дриновские чтения. Харків, 1994 (0,1 п.л.).
253. Роль арсальных данных в топо-хронологической стратификации венгерских заимствований в языках карпатского региона // III Міжн. Сімпозиум унгарологів. Ужгород, 1995 (0,1 п.л.).
254. Особенности отражения «диалога культур» в специальном полидиалектном словаре карпатской зоны // Словарь и культура. Мат-лы межд. научн. конф. М., 1995 (0,15 п.л.).
255. Славяно-восточнороманские языковые контакты и дифференциация дакорумынских диалектов // Славянские языки в зеркале неславянских языков. Тезисы. М., 1996 (0,1 п.л.).
256. Греческие заимствования в славяно-румынских текстах XV-XVI в. // Балканские чтения. 4. ЕЛЛАС. Тезисы. М. 1997 (0,2 п.л.).
257. К проблеме критерия "балканского" в сфере лексики // Балканские чтения. 5. В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы. М. 1999 (0,1 п.л.).
258. Славяно-румынские тексты конфессионального характера и их переводы на румынский язык (XVI-XVII вв.) // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. Тезисы. М., 1999 (0,1 п.л.).
259. Полилингвальные атласы и изучение славяно-неславянских языковых контактов // Abstract Book. Lublin. 2000 (0,1 п.л.).
260. "Автор" «Поучений Нягюе Басараба своему сыну Феодосию» как реализация homo *balcanicus* // Балканские чтения 6. Homo *Balcanicus*. М., 2001 (0,3 п.л.).
261. Пастушеская терминология в МДАБЯ и ее соотношение с типами пастушества - македонский ареал // Актуальные вопросы балканского языкознания. Тезисы. СПб., 2001 (0,1 п.л.).
262. Многоязыковые атласы как источник изучения отдельных межславянских лексико-словообразовательных параллелей // Аванесовские чтения. Межд. научн. конф. Тезисы. М., 2002 (0,1 п.л.).
263. К изучению славяно-румынских взаимодействий в лексико-семантической сфере (обозначение 'времени' и некоторых временных отрезков в румынских диалектах). 1. Рум. *vreme* // Мат-лы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А.В. Десницкой. СПб., 2002 (0,3 п.л.).
264. К изучению славяно-румынских взаимодействий в лексико-семантической сфере (обозначение 'времени' и некоторых временных отрезков в румынских диалектах). 2. *ceas* // Конференция по палеославистике, лексикологии и лексикографии памяти г-на Р.М. Цейтлина. Тезисы. М., 2002 (0,1 п.л.).
265. С.Б.Бернштейн и карпатское языкознание // Филологический сборник памяти проф. С.Б.Бернштейна. М., 2002 (0,2 п.л.).

Редактирование

266. Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972 (30 п.л.).
 267. Балканское языкознание. М., 1973 (17 п.л.).
 268. СБЯ. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975 (20 п.л.).
 269. СБЯ. М., 1977 (20 а.л.).
 270. СБЯ. Проблемы языковых контактов. М., 1983 20 п.л. (совм. с Л.Гиндиным, Л.Невской).
 271. ОЛА.МИ. 1976. М., 1978 (чл.редкол.) (17 п.л.).
 272. ОЛА.МИ. 1977. М., 1979 (чл.редкол.) (17 п.л.).
 273. ОЛА.МИ. 1978. М., 1980 (чл.редкол.) (17 п.л.).
 274. ОЛА.МИ. 1979. М., 1981 (чл.редкол.) (20 п.л.).
 275. ОЛА.МИ. 1980. М., 1982 (чл.редкол.) (17 п.л.).
 276. ОЛА.МИ. 1981. М., 1984 (чл.редкол.) (20 п.л.).
 277. ОЛА.МИ. 1982. М., 1985 (чл.редкол.) (20 п.л.).
 278. ОЛА.МИ. 1983. М., 1988 (чл.редкол.) (17 п.л.).
 279. ОЛА.МИ. 1984. М., 1988 (чл.редкол.) (18 п.л.).
 280. ОЛА.МИ. 1988-1990. М., 1993 (чл.редкол.) (18 п.л.).
 281. ОЛА.МИ. 1991-1993. М., 1996 (чл.редкол.) (20 п.л.).
 282. ОЛА.МИ. 1994-1995. М., 2000 (чл.редкол.) (22 п.л.).
 283. ОЛА.МИ. 1997-1999. М., 2002 (чл.редкол.) (20 п.л.).
 284. С.Б. Бернштейн. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000 (совм. А.Ф. Журавлевым) (20 п.л.).
 285. ИСД.1. Карпатоукраинские диалекты. М., 1992 (совм. с Л.Калыны) (10 п.л.).
 286. ИСД.2. Южнославянские диалекты. М., 1993 (15 п.л.).
 287. ИСД.4. Dialectologia slavica. М., 1995 (24 п.л.).
 288. ИСД.5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998 (23 п.л.).
 289. ИСД.7. М., 2001 (совм. с А.А. Плотниковой) (20 а.л.).
 290. ИСД.6. М., 2002 (17 п.л.).
 291. ОЛА.Мат-лы и иссл. 2000-2001. М. (чл. редкол.) (22 а.л.) (в печати).

Сокращения

- БСИ - Балто-славянские исследования. М.
 ВСИ - Восточнославянские изоглоссы. М.
 ВСЯ - Вопросы славянского языкознания. М.
 ВЯ - Вопросы языкознания. М.
 ИСД - Исследования по славянской диалектологии. М.
 ЈФ - Јужнословенски филолог. Београд.
 КСИС - Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. М.
 МЈ - Македонски јазик. Скопје.
 ОЛА.МИ - Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и иссл. М.
 РЖ - Реферативный журнал. ИНИОН АН СССР (Сер. 2.6. Языкознание за рубежом). М.
 СБЯ - Славянское и балканское языкознание. М.
 СИМ - Справочно-информационные материалы по ОКЈА. М.
 СМБД - Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М.
 СС - Советское славяноведение. М.
 УЗИС - Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. М.
 FD - Fonetică și dialectologie. București.
 RS - Romanoslavica. București.
 Zb.FFUK - Zbornik Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Philologica. Bratislava.

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст

Отв.редактор Л.Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
С.А. Карасев, М.Н. Толстая

Обложка: С.А. Карасев, М.И. Леньшина

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 14.11.2002 г.
Тираж 300 экз. Заказ № 138

Объем 4,5 печ.л.
Цена договорная

ООО «Ловатера» г. Москва

